

История России в рассказах для детей. Том I

автор Александра Осиповна

Ишимова

Экспортировано из Викитеки 31 марта 2023 г.

А. О. Ишимова

История России в рассказах

для детей

Том I

Содержание:

Славяне до 862 года христианского летосчисления

Начало Русского государства и первые государи
русские. 802—944 годы

Святая Ольга. 945—955 годы

Великий князь Святослав I. 955—972 годы

Сыновья Святослава. 972—980 годы

Крещение русского народа. 980—988 годы

Смерть Владимира Святого. 988—1014 годы

Неблагодарность. 1015—1019 годы
Великий князь Ярослав I Владимирович. 1019—
1054 годы
Кудесники. 1054—1077 годы
Ссоры князей. 1077—1097 годы
Съезды князей. 1097—1113 годы
Владимир Мономах. 1113—1125 годы
Олеговичи и Мономаховичи. 1125—1147 годы
Начало Москвы. 1146—1155 годы
Своеволие новгородцев. 1155—1167 годы
Суздальское, или Владимирское. 1167—1173 годы
Убиение Андрея Боголюбского. 1174 год
Великий князь Михаил Георгиевич. 1174—1176 годы
Вступление на престол великого князя Всеволода III.
1176—1178 годы
Первое стихотворение русское. 1178—1185 годы
Литовцы и рыцари немецкие. 1185—1200 годы
Роман Волынский и княжество Галицкое. 1200—
1212 годы
Мстислав Мстиславич Храбрый, князь новгородский.
1212—1219 годы
Нашествие татар. 1219—1238 годы
Россия покоренная. 1238—1243 годы
Святой Александр Невский. 1243—1263 годы

Великий князь Ярослав III и князья литовские. 1263—1272 годы

Дети Александра Невского. 1272—1304 годы

Кончина Святого Мученика и великого князя Михаила I. 1304—1319 годы

Мщение. 1319—1328 годы

Иоанн Калита и Москва, столица России. 1328—1340 годы

Святой митрополит Алексей. 1340—1359 годы

Русские дети. 1359—1362 годы

Донское сражение, или Куликовская битва. 1362—1380 годы

Новое несчастье Москвы и разбой новгородцев. 1380—1388 годы

Великодушие князя Владимира Храброго. 1389 год

Вера и набожность русских. 1389—1395 годы

Два хитрых врага. 1395—1425 годы

Ссора на свадьбе великого князя Василия III. 1425—1433 годы

Димитрий Шемяка. 1433—1446 годы

Последние годы княжения Василия Темного. 1446—1462 годы

Великий князь Иоанн III и греческая царевна София. 1462—1472 годы

Окончательное покорение Новгорода. 1472—1478 годы

Россия освобожденная. 1478—1480 годы
Новое состояние России. 1480—1498 годы
Два наследника престола. 1498—1505 годы
Покорение Пскова и окончательное уничтожение
уделов. 1505—1523 годы
Нравы и обычаи русских при Василии IV. 1523—
1533 годы
Правительница Елена и князь Телепнев. 1533—
1538 годы
Детство и первая молодость Иоанна IV. 1538—
1546 годы
Чудесная перемена. 1547 год
Кзаки. 1547—1552 годы
Покорение царства Казанского. 1552 год
Слава Иоанна IV и кончина Анастасии. 1552—
1560 годы
Опричники и слобода Александровская. 1560—
1569 годы
Слабость России. 1569—1582 годы
Ермак, покоритель Сибири. 1582—1584 годы
Кончина Иоанна Грозного. 1584 год
Новый царь и любимец его. 1584—1591 годы
Углич и последний потомок Рюрика. 1591—
1597 годы
Борис Годунов, царь России. 1597—1600 годы

Мучительная жизнь убийцы. 1600—1603 годы
Самозванец. 1603—1605 годы
Поляки в Москве. 1605—1606 годы
Смерть Самозванца. 1606 год
Несчастное царствование Шуйского. 1606—
1610 годы
Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. 1609—
1610 годы
Междоусобица. 1610—1613 годы
Иван Сусанин и его потомство. 1613 год
Скромность Романовых. 1613—1619 годы
Царица Евдокия. 1619—1626 годы
Продолжение царствования Михаила Феодоровича
и кончина его. 1626—1645 годы
Боярин Морозов и мятежи народные. 1645—
1649 годы
Патриарх Никон. 1649—1654 годы
Малороссия и Богдан Хмельницкий. 1654—
1667 годы
Величие души Алексея. 1667—1670 годы
Рождение Петра I. 1670—1676 годы
Царь Федор Алексеевич. 1676—1682 годы
Петр, десятилетний царь России. 1682 год
Царевна София Алексеевна и стрельцы. 1682—
1688 годы

Петр, единодержавный обладатель России. 1689 год
Начало русского флота и первая победа Петра. 1689—
1697 годы

Путешествие Петра в чужие края и последний бунт
стрельцов. 1697—1700 годы

Новые обычаи и война со Швецией. 1698—1703 годы

Новая столица, новые крепости и гавани. 1703—
1708 годы

Изменник Мазепа и битва Полтавская. 1708—
1710 годы

Царица Екатерина. 1710—1712 годы

Праздники и увеселения петербургские . 1712—
1717 годы

Новое путешествие Петра в чужие края и царевич
Алексей. 1717—1719 годы

Мир со Швецией и Петр-император. 1719—1722 годы

Последние походы и дела Петра I. 1722—1725 годы

Кончина Петра Великого. 1725 год

Славяне до 862 года

христианского

летосчисления

Милые дети! Вы любите слушать чудесные рассказы о храбрых героях и прекрасных царевнах, вас веселят сказки о добрых и злых волшебницах. Но, верно, для вас еще приятнее будет слышать не сказку, а быль, т.е. сущую правду? Послушайте же, я расскажу вам о делах ваших предков. В старину в отечестве нашем, России, не было таких прекрасных городов, как Петербург и Москва. На тех местах, где вы любуетесь теперь красивыми строениями, где вы так весело бегаете в тени прохладных садов, некогда были непроходимые леса, топкие болота и дымные избушки; местами были и города, но вовсе не такие обширные, как в наше время. В них жили люди, красивые лицом и станом, гордые славными делами предков, честные, добрые и ласковые дома, но страшные и непримиримые

на войне. Их называли славянами. Верно, и самые маленькие из вас понимают, что значит *слава*? Славяне старались доказать, что недаром их называли так, и отличались всеми хорошими качествами, которыми можно заслужить славу.

Они были так честны, что в обещаниях своих вместо клятв говорили только: «Если я не сдержу моего слова, *да будет мне стыдно!*» — и всегда исполняли обещанное, так храбры, что и отдаленные народы боялись их, так ласковы и гостеприимны, что наказывали того хозяина, у которого гость был чем-нибудь оскорблен. Жаль только, что они не знали истинного Бога и молились не ему, а разным идолам. Идол — значит статуя, сделанная из дерева или какого-нибудь металла и представляющая человека или зверя.

Славяне разделялись на разные племена. У северных, или новгородских, славян не было и государя, что бывает у многих необразованных народов: они почитали начальником своим того, кто более всех отличался на войне. По этому вы видите, как они любили войну и все соединенное с ней. На поле, где сражались они и потом торжествовали победу или славную смерть погибших товарищей, можно было всего лучше видеть истинный характер славян. Жаль, что до нас не дошли песни, которые обыкновенно пелись в это время певцами. Мы хорошо узнали бы тогда их самих, потому что в песнях народных выражается народ. Но я могу предложить вам здесь несколько строк, из которых вы все-таки получите

понятие о славянах. Это отрывок из «Песни барда над гробом славян-победителей» Жуковского:

«Ударь во звонкий щит! стекитесь, ополчении!
Умолкла брань — враги утихли расточенны!
Лишь пар над пеплом сел густой;
Лишь волк, сокрытый нощи мглой,
Очами блещущий, бежит на лов обильный;
Зажжем костер дубов; изройте ров могильный;
Сложите на щиты поверженных во прах.
Да холм вещает здесь векам о бранных днях,
Да камень здесь хранит могущих след священной!»
Гремит... раздался гул в дубраве пробужденной!
Стеклись вождей и ратных сонм;
Глухой полнощи тьма кругом;
Пред ними вещей бард, венчаный сединою,
И падших страшный ряд, простертых на щитах.
Объяты думою, с поникнутой главою;
На грозных лицах кровь и прах;
Оперлись на мечи; среди них костер пылает,
И с свистом горный ветер их кудри воздымает
И се! воздвигся холм, и камень водружен;
И дуб, краса полей, воспитанный веками.
Склонил главу на дерн, потоком орошен;
И се! могущими перстами

Певец ударил по струнам —
Одушевленны забряцали!
Воспел — дубравы застенали,
И гул помчался по горам

эта картина из жизни древних славян представлена прекрасно и верно.

Но эта самая воинственность, охраняя землю их, была причиной и большого зла для нее. Вы слышали уже, что, не имея государей, они почитали начальником своим того, кто более других отличался на войне, а так как они все были храбры, то иногда случалось, что таких начальников было много. Каждый из них хотел приказывать по-своему; народ не знал, кого слушать, и оттого были у них беспрестанные споры и несогласия. А ведь вы знаете, как несносны ссоры! И вам в ваших маленьких делах, верно, случалось уже испытать, какие неприятные последствия имеют они.

Славяне также видели, что во время несогласий их все дела шли у них дурно, и они даже переставали побеждать своих неприятелей. Долго не знали они, что делать, наконец придумали средство привести все в порядок.

На берегах Балтийского моря, не очень далеко от отечества нашего, жил народ по имени варяги-русь, происходивший от великих завоевателей в Европе — норманнов. Эти варяги-русь считались народом умным: у них давно уже были добрые государи, которые заботились о них так, как заботится добрый отец

о детях, были и законы, по которым эти государи управляли, и оттого варяги жили счастливо и им удавалось даже иногда побеждать славян.

Вот старики славянские, видя счастье варягов и желая такого же своей родине, уговорили всех славян отправить послов к этому храброму и предприимчивому народу—просить у него князей управлять ими. Послы сказали варяжским князьям: «Земля наша велика и богата, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами».

Начало Русского государства

и первые государи русские

802—944 годы

Варяги-русь были рады такой чести, и три брата из князей их—Рюрик, Синеус и Трувор—тотчас поехали к славянам. Рюрик сделался государем в Нове-

городе*, самом старинном из городов славянских, Трувор — в Изборске, Синеус — в земле, лежащей около Белого озера. От этих-то варяго-русских князей славяне начали называться *русскими*, а земля их *Русью* или *Россией*. Синеус и Трувор скоро умерли, и Рюрик сделался один великим князем русским и основателем Русского государства. Он княжил счастливо два года с братьями и пятнадцать лет один.

Есть стихи, написанные одним из лучших поэтов наших, Державиным, на победы, одержанные русскими в Италии, во времена позднейшие, и в этих стихах есть изображение Рюрика. Так как всякое поэтическое описание гораздо живее действует на ум и долго остается в нем, нежели сделанное прозой, то я уверена, что вы навсегда оставите в памяти черты, в которых великий поэт представил первого государя России:

Но кто там белых волн туманом
Покрыт по персям, по плечам,
В стальном доспехе светит рдяном
Подобно синя моря льдам?
Кто, на копье склонясь главою,
Событье слушает времен? —
Не тот ли, древле что войною
Потряс парижских* твердость стен?
Так, он пленяется певцами,
Поющими его дела,
Смотря, как блещет битв лучами

Сквозь тьму времен его хвала.
Так, он! — Се Рюрик торжествует
В Валкале** звук своих побед
И перстом долу показывает
На росса*** что по нем идет

- Здесь говорится о завоеваниях норманнов, которыми они приводили в ужас Западную Европу.
 - ◦ Так назывался рай у языческих норманнов.
 - ◦ ■ Это относится к Суворову.
-

После Рюрика остался маленький сын его Игорь, который еще не мог быть государем, и для того Рюрик просил своего родственника и товарища — Олега управлять государством, пока не вырастет Игорь. Олег был храбр и умен, победил много соседних народов и так увеличил Россию, что при нем она простиралась почти до гор Карпатских, которые лежат в Венгрии. Но Олег не совсем заслуживал похвалы. Вы увидите это сами.

Вместе с Рюриком приехали к славянам многие варяги, которые еще на родине служили ему и, любя доброго начальника, не хотели расстаться с ним. Рюрик за это усердие дарил некоторым из них деревни и селения славянские: от этого появились у нас

помещики, т.е. такие бояре, которые владели людьми и землями. Но не все помещики были довольны своими поместьями: иным казалось веселее искать счастья на войне, нежели сидеть дома. Надобно сказать, что тогда люди очень любили войну. Это потому, что, будучи язычниками, они почитали непременно долгом мстить за обиды, а обижали они друг друга очень часто. К тому же они мало учились и не понимали приятностей мира, который доставляет нам возможность предаться занятиям тихим, сладостным для сердца и полезным для ума. Они думали только о том, чтобы сражаться и побеждать своих врагов.

Двое из таких смелых воинов, Аскольд и Дир, отправились с товарищами к югу от Новгорода и на прекрасных берегах реки Днепр увидели маленький городок, который им очень понравился. Этот городок был Киев. Они, не долго думая, завладели им и сделались государями киевскими. Это государство можно назвать Южным, потому что оно лежало к югу от Новгородского.

Олег, управляя Новгородом после смерти Рюрика, слышал, что все приезжавшие из Киева хвалили новое княжество, и вздумал завоевать его. Но он знал, что князья киевские и народ их храбры, что они будут сражаться с такою же смелостью, как и его воины, и потому решил употребить хитрость. Подойдя к Киеву, он оставил войско сзади, приплыл к киевскому берегу в небольшой лодке только с Игорем и несколькими воинами и послал сказать государям киевским, что с

ними желают видеться купцы варяжские из Новгорода, их друзья и земляки. Аскольд и Дир были очень рады таким гостям и тотчас отправились на лодку. Но только они вошли туда, воины Олега окружили их, а сам Олег, подняв на руках маленького Игоря, сказал: «Вы не князья, но я князь, и вот сын Рюрика!» В эту самую минуту воины бросились на обоих князей киевских и убили их. Вот одно дурное дело Олега, а впрочем, он был хорошим опекуном маленького воспитанника своего, старался о пользе народа русского, соединил оба новых государства варягов в одно, сделал столицей Киев и так прославился своей храбростью, что даже греки в Константинополе боялись его и имени русского. Олег вел с ними войну, подходил к самым стенам славной столицы их, в знак победы повесил свой щит на воротах ее, собрал дань с греков, и, когда он возвратился в Киев, народ назвал его *вещим* — это значит почти то же, что *всеведущим*.

Славные дела его кратко и прекрасно описал Языков в стихотворении «Олег». Он представил, как наследовавший ему государь, молодой Игорь, вместе с народом справлял торжественную тризну, или поминки по нем, и на этой тризне был, по обыкновению славян, певец, долженствовавший воспеть дела умершего. Но прочтите стихи Языкова с того самого места, как певец, или, как звали его славяне, *баян*, приходит в середину народа, торжествовавшего память знаменитого князя своего:

Вдруг, — словно мятеж умиряется шумный

И чинно дорогу дает,
Когда поседелый в добре и разумный
Боярин на вече идет, —
Толпы расступились — и стал среди схода
С гуслиями в руках славянин
Кто он? Он не князь и не княжеский сын,
Не старец, советник народа,
Не славный дружин воевода,
Не славный соратник дружин;
Но все его знают, он людям знаком
Красой вдохновенного гласа...
Он стал среди схода — молчанье кругом,
И звучная песнь раздалась!
Он пел, как премудр и как мужествен был
Правитель полночной державы;
Как первый он громом войны огласил
Древлян вековые дубравы;
Как дружно сбирались в далекий поход
Народы по слову Олега;
Как шли чрез пороги под грохотом вод
По высям днепровского берега;
Как по морю бурному ветер носил
Проворные русские челны;
Летела, шумела станица ветрил,

И прыгали челны чрез волны!
Как после, водима любимым вождем,
Сражалась, гуляла дружина
По градам и селам с мечом и огнем
До града царя Константина;
Как там победитель к воротам прибил
Свой щит, знаменитый во брани,
И как он дружину свою оделил
Богатствами греческой дани!
Умолк он — и радостным криком похвал
Народ отозвался несметный,
И братски баяна сам князь обнимал;
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный
И с ласковым словом ему подавал.
И, вновь наполняемый медом.
Из рук молодого владыки славян
С конца до конца меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Олег управлял государством 33 года: добрый Игорь не хотел напомнить ему, что сам уже может княжить, и сделался государем русским только тогда, как умер Олег.

Игорь, как и все русские князья, был храбр, но не так счастлив, как Олег: при нем явились в первый раз

в Россию печенеги — народ, который потом всегда был страшным врагом наших предков.

Печенеги поселились между реками Дон и Днепр, на лугах, где паслись стада их. Они не строили домов, но делали подвижные шатры или шалаши. Когда стада не находили более корма на лугах, они переносили шалаши на другое место и оставались там, пока была трава. Они сами и лошади их бегали очень скоро, по рекам же умели плавать почти как рыбы. Это помогало им нападать на соседей своих, уводить в плен бедных жителей и избавляться от наказания. Злые печенеги даже нанимались на службу к таким народам, которые вели с кем-нибудь войну, и тогда-то злодействовали сколько им хотелось. Игорь, хотя и наложил на них дань, т. е. заставил каждого платить в казну свою, не мог прогнать их подалее от границ своего государства.

Еще несчастнее был поход его к древлянскому народу, который жил там, где теперь Волынская губерния. Древляне также были славянского племени, их покорил Олег. Игорь ездил к ним для того, чтобы взять более дани, нежели сколько они всегда платили. Древлянам показалось это так обидно, что они забыли все почтение, какое должно иметь к государю своему, и совершили ужасный грех: убили Игоря.

Так погиб этот несчастный государь. Он княжил 32 года, но не отличался никакими особенно примечательными делами.

РОДОСЛОВНЫЕ ТАБЛИЦЫ ГОСУДАРЕЙ РУССКИХ

Таблица I

Семейство великого князя Рюрика I

Супруга: Эфанда, княжна урманская

Сын: Игорь

Таблица II

Семейство великого князя Игоря I Рюриковича

Супруга: Ольга, поселянка Псковской области

Сын: Святослав

Святая Ольга 945—955 годы

Гораздо более Игоря прославилась прекрасная супруга его Ольга. Святослав, сын ее, был еще очень мал, когда умер отец его, и потому Ольга правила государством вместе с двумя знаменитыми воеводами— боярином Асмудом, дядькой маленького Святослава, и Свенельдом, начальником войска. История этой княгини очень любопытна. Каждый русский мальчик и русская девочка должны знать ее. Послушайте же. Ольга родилась в деревне около Пскова. Молодой князь Игорь приехал туда на охоту и случайно увидел эту деревенскую красавицу, которая так понравилась ему своей скромностью и умом, что он не хотел слышать о других невестах и женился на милой Ольге. В высоком дворце государя она была так же умна и любезна, как прежде в маленьком домике своих родителей, так же добра и ласкова с окружающими ее знатными боярынями, как прежде со своими сельскими подружками.

Услышав о смерти Игоря, Ольга обещала отомстить злым древлянам и тотчас послала войско свое в землю их. Древляне отправили послов с оправданиями, но Ольга приказала казнить их, не желая слушать этих оправданий, и, когда войско ее покорило их, она

наложила большую дань на этот ненавистный ей народ и присоединила землю его к своему государству.

Ольга вместе с маленьким Святославом объезжала свои области и везде приводила в порядок то, что было расстроено. Вы помните, любезные читатели, что, с тех пор как государи наши начали жить в Киеве, Новгород уже перестал быть столицей Русского государства. Князья киевские, воюя с Грецией и с соседними народами, не имели времени заботиться об отдаленных подданных своих — новгородцах — и позволили им самим выбирать своих судей и начальников, которые бы решали дела их, награждали добрых, наказывали злых и собирали с народа дань для князя киевского. Главного из таких начальников новгородцы называли *посадником*. Зная, что князь киевский далеко от них, они начали меньше уважать его и думали, что могут обойтись и без государя, имея своего посадника.

Ольга поехала гуда и умными распоряжениями заставила новгородцев вспомнить, что они должны быть покорны государю своему, хотя бы он жил еще гораздо далее от них. Так хорошо умела княгиня Ольга управлять государством! Народ любил и благословлял добрую мать государя своего. Но из всех прекрасных дел Ольги самое лучшее и самое великое было то, что она приняла веру христианскую. Она первая из русских поняла, как глупо молиться идолам, которые столько же могли слышать молитвы бедных людей, сколько слышат вас ваши куклы, когда вы говорите

с ними. Умная княгиня чувствовала в сердце своем, что есть Бог, без которого не мог быть мир и все, что мы видим в этом мире. К тому же она много слышала о вере христианской с тех пор, как жила в Киеве: воины князя Олега и супруга ее Игоря, бывшие вместе с ними в Греческой империи, рассказывали дома о счастье и добродетелях истинных христиан, о святости веры их, о терпении, с которым они переносили несчастья здешней жизни, надеясь на награду в будущей.

Надобно сказать, что в это время греки давно уже перестали быть идолопоклонниками и знали истинного Бога. В столице их Константинополе жил *патриарх*, т. е. начальник духовенства христиан греческих. У него-то княгиня Ольга хотела учиться закону Божию и для того поехала в Константинополь в 955 году, когда сын ее уже вырос и она перестала управлять государством.

Патриарх и император греческий Константин Багрянородный дивились уму и кротости знаменитой государыни русской. Патриарх рассказал ей о жизни, страданиях, смерти и воскресении Иисуса Христа, научил ее всему, что должны знать все любящие Господа и верующие в него, и потом окрестил ее. Император был крестным отцом Ольги; в крещении назвали ее Еленой. С восторгом возвратилась она в Киев, радуясь тому, что может просветить душу сына своего и сделать его также христианином. Но молодой гордый Святослав не хотел слышать о новом законе*. Княгиня печалилась, что не может разделить с сыном счастье знать истинного Бога, и умерла с этой печалью

через 14 лет после крещения. Церковь наша признала ее Святой, а история — Мудрой.

Великий князь Святослав I.

955—972 годы

Неудивительно, что Святослав не слушал добрых советов матери, когда она говорила ему о Боге: он думал только о сражениях, желал только того, чтобы все говорили о его храбрости и чтобы все боялись его. Конечно, нельзя было не говорить о нем: мало было людей таких смелых и таких терпеливых, как он. Он всегда первым бросался в опасность и никогда не нападал на врагов нечаянно, а посылал наперед сказать им: «Иду на вас!»

Как храбр был дух его, как крепко тело! Он не боялся никакой погоды — ни слишком жаркой, ни слишком холодной, спал на земле, даже без палатки, войлок был его постелью, седло — подушкой, грубое мясо диких зверей — его пищей, простая вода — питьем. Таков был Святослав, таковы почти и теперь все наши солдаты.

Вы, верно, слышали, как терпеливы они во время войны, как охотно едят они тогда один черный хлеб, пьют одну воду и спят часто на мокрой земле. Они рады переносить все это, лишь бы не уступить победы неприятелю, и это делают не они одни, но также офицеры и генералы их, если того потребуют обстоятельства.

Молодой Святослав начал побеждать, как только принял начальство над войсками. Первые народы, покоренные им, были вятичи, хозары, ясы и касоги (касогами называли тогда нынешних черкесов). Когда уже все соседние народы были покорены, он пошел в Болгарию, завоевал и эту страну, которая так понравилась ему, что он хотел было остаться навсегда жить в тамошнем городе Переяславце, но вдруг получил известие, что к Киеву пришли страшные печенег. Вы помните этот злой народ, который еще при Игоре поселился со своими шатрами вблизи России? Они боялись храброго Святослава, но, когда узнали, что он ушел далеко от своей земли, напали на Киев, а воевода русский Претич и с ним немного войска стояли на другой стороне Днепра, так что бедные киевские жители не могли даже сказать своим защитникам, что они в опасности. Русская столица и все семейство Святослава, верно, погибли бы, если бы не нашелся один смелый пятнадцатилетний мальчик, который спас их.

Он надел такое же платье, какое носили печенег, взял в руку уздечку и вышел из города в поле,

будто бы искать свою лошадь. Печенеги не заметили, что это русский, и пропустили его через свое войско. Когда же он дошел до берега, то сбросил с себя платье и поплыл. Тут опомнились неприятели и пустили в него, множество стрел, но он был уже далеко, в кругу своих, которые встретили его в лодке. Претич, узнав, что Киев в опасности, тотчас велел воинам своим приготовиться к сражению и на рассвете поехал на лодках к городу с громкой военной музыкой. Печенеги, которые боялись одного имени Святослава, испугались, думая, что сам Святослав возвратился из Болгарии. Тут уж им было не до того, чтобы идти к Киеву: они думали, как бы спасти самих себя, и тотчас же удалились от города, а жители киевские с радостью вышли встречать своих избавителей. Тогда было очень весело в Киеве. И вы, верно, догадаетесь, кому было всех веселее? Точно, доброму молодому киевлянину было всех веселее! Он сделал более, нежели Претич и все его воины. Он мог сказать: «Я хотел умереть за мое отечество и за детей моего государя! Я спас всех!» Вы можете представить себе, как щедро наградил его Святослав, который вскоре приехал в Киев. Печенеги же были наказаны за свою дерзость: Святослав прогнал их далеко от границ своего государства.

Но скоро наскучила ему тихая жизнь в Киеве: ему хотелось возвратиться опять в любимую им Болгарию, где было много золота, серебра, вина, меда и всяких плодов. Чтобы скорее исполнить свое желание, он поручил государство трем сыновьям своим и,

приказав им жить дружно между собою, отправился в Болгарию. Но болгарские жители встретили его совсем не с такой любовью, с какой проводили киевляне: он не был природным государем их, и потому неудивительно, что они не очень любили его. К тому же сосед их, греческий император Иоанн Цимисхий, совсем не желал видеть храброго Святослава так близко от Греции и старался всеми силами вытеснить его из Болгарии. Он собрал войско и выступил против Святослава, который, потеряв болгарскую столицу свою Переяславец, должен был затвориться в городе Доростоле. Иоанн окружил этот город. Греков было так много, что Святославу и воинам его нельзя было думать о спасении. Но здесь-то и доказал князь русский, что он был точно герой. Когда воины его, терпя более двух месяцев голод и страдая от ран, советовали ему просить мира у неприятеля или убежать ночью в отечество, Святослав сказал: «Нет, друзья мои! Могут ли жить весело те, которые спасутся бегством? Победим или умрем! *Мертвым срама нет!* Я пойду вперед, и, когда положу свою голову, тогда делайте что хотите!»

«Мертвым срама нет!» Это замечательное восклицание Святослава повторено у Жуковского в его «Певце во стане русских воинов», когда он, сообразно понятиям скандинавцев, воображает, что тени древних героев наших носятся над полем битвы:

Смотрите, в грозной красоте,

Воздушными полками,

Их тени мчатся в высоте

Над нашими шатрами...

О Святослав, бич древних лет,

Се твой полет орлиной.

«Погибнем! Мертвым срама нет!» -

Гремит перед дружиной.

Такие слова храброго князя ободрили воинов до того, что они громко вскричали: «Где ляжет голова твоя, государь, там лягут и наши!» На другой же день они вышли из города навстречу неприятелям. Несмотря на то что греков было гораздо более, долго нельзя было узнать, кто победит: так храбро сражались русские. Но вдруг подул страшный ветер прямо в лица их. Войско Святослава не могло продолжать сражения из-за густой пыли, и греки остались победителями.

Раненый Святослав, чувствуя, что несколько храбрых воинов его не могут победить сильного войска греков, согласился наконец просить мира. Иоанн Цимисхий обрадовался этому — и два знаменитых врага помирились. Они оба желали видеть друг друга. Это свидание произошло на берегу Дуная. Император Иоанн приехал верхом, платье его сияло золотом и дорогими камнями, со всех сторон окружали его воины в блестящих латах. Святослав приплыл в лодке, гребя сам веслами. Простая белая одежда его не имела никаких украшений, в одном ухе только светилась золотая серьга с двумя жемчужинами и рубином, но вид его был так важен, в голубых глазах его приметно было так много величия и благородства, что Иоанн

почувствовал невольное почтение к герою русскому и сошел с лошади. Святослав пристально посмотрел на него, поговорил с ним немного и отъехал от берега.

Весело отправился в Грецию Иоанн; грустно было плыть к Киеву Святославу, в первый раз побежденному! Злые печенеги, зная, что русских осталось в живых немного, ждали их на берегах Днепра. Старый Свенельд, который был воеводой еще при Игоре, советовал государю своему проехать опасное место посуху, но храбрый Князь был часто безрассудно смел и, несмотря на то, что войско его было очень мало, пустился в опасный путь. Печенеги, которых было множество на берегу, бросились на русских, как только увидели их, и гордый, бесстрашный Святослав был убит в этом сражении. Один Свенельд и несколько воинов спаслись и рассказали киевлянам о смерти их государя.

Куря, князь печенегов, отрубил голову Святославу и из черепа сделал чашу, в которой подавали вино на его праздниках.

Таблица III

Семейство великого князя Святослава I Игоревича

Супруги:

1. Гречанка, пленная монахиня
2. Малуша, ключница великой княгини Ольги

Сыновья:

1. Ярополк

2. Олег

3. Владимир

СЫНОВЬЯ Святослава. 972—

980 годы

Святослав, уезжая в последний раз в Болгарию, разделил все государство свое на три части: старшему сыну — Ярополку — отдал он Киев; второму — Олегу — землю Древланскую, младшему — Владимиру — Новгород. От этого разделения предки наши сделались очень несчастливы : вместо одного государя были у них три в одно время. Там, где распоряжается не один, а несколько начальников, дела идут всегда дурно. Я объясню вам, отчего это бывает. Несколько начальников не могут иметь одинаковый нрав, и часто что нравится одному, то сердит другого, а где ссорятся старшие, там и младшие не могут жить в дружбе. Хотя Святослав и приказал двум меньшим сыновьям уважать и слушаться старшего брата — Ярополка и оттого назвал его *великим князем киевским*,

а тех — *удельными князьями*, но они худо исполняли приказание отца.

Прежде всего поссорились Ярополк и Олег. В этом виноват был старый воевода Свенельд, который ненавидел Олега за то, что он однажды на охоте убил — может быть, и ненарочно — сына его Люта. С тех пор он беспрестанно наговаривал Ярополку на Олега и наконец убедил его пойти войной в землю Древлянскую.

Олег, услышав, что брат идет на него, собрал своих воинов, но Ярополк победил их и заставил бежать. В этой суматохе они так тесно столпились на мосту у города Овруча, где жил Олег, что столкнули нечаянно князя своего в глубокий ров. За ним упало туда множество людей и лошадей. Несчастного раздавили насмерть. Ярополк, который хотя был легковерен и ветрен, но Совсем не имел злого сердца, хотел непременно видеть брата, и ему показали тело его, покрытое ранами и кровью. Тогда бедный князь забыл, что он победитель: не слышал радостных кликов своих воинов, не чувствовал ничего, кроме ужасных мучений совести, плакал и рвал на себе волосы, но всей своей горестью и слезами не мог воскресить брата.

Владимир, князь новгородский, узнав, что Ярополк завоевал Древлянскую область, испугался и убежал из своей столицы к варягам, в ту землю, откуда приехал прадед его Рюрик. Ярополк скоро забыл убежавшего брата, а в Новгород послал *посадников*, или

наместников своих, — таких людей, которые вместо него управляли этой областью.

Но Владимир, недаром жил у варягов. Через два года он собрал там сильное войско и пришел в свой Новгород, выгнал оттуда посадников Ярополковых и послал их сказать брату, что он идет наказать его за смерть Олега. Между тем он знал, что у Ярополка была невеста, дочь князя полоцкого Рогнеда. Она была так хороша, мила и умна, что Владимир никак не хотел уступить ее брату и стал свататься за нее. Но Рогнеда уже обещала выйти за Ярополка. Как же ей можно было сделаться невестой Владимира? Она отказала. Владимир так недоволен был этим отказом, что пришел с войском в Полоцк, лишил жизни отца ее, двух братьев и женился на бедной Рогнеде. Каково же было ей выйти за такого человека, который был причиной смерти ее отца и братьев? Несчастливая столько плакала и была всегда так печальна, что ее прозвали Гориславою.

Вскоре после свадьбы Владимир пошел к Киеву. Ярополк не посмел выйти, с войском своим навстречу брату и затворился в городе. Здесь Ярополк опять потерпел от того, что слушался чужих советов и, не рассуждая, верил своим любимцам. Так, один из них, прельщенный дарами Владимира, посоветовал Ярополку уйти из Киева в маленький город Родню, лежавший близ Киева. Только он сделал это, Владимир вошел в Киев и окружил войском Родню. Тот же изменник начал уговаривать тогда Ярополка помириться с братом и отправиться к нему в киевский

дворец. Ярополк послушался и в этом: поехал вместе с ним в Киев и потом во дворец брата. Только они вошли в сени, как два варяга бросились на Ярополка и умертвили его. Ужасно слышать, что брат погиб в доме брата своего! Но так часто случалось у народов, еще не знавших Бога истинного, у жалких идолопоклонников. Они считали долгом мстить за обиды,— и Владимир, наказывая одного брата за смерть другого, верно, думал, что исполняет дело, приятное его деревянным богам!

Таблица IV

Семейство великого князя Ярополка I Святославича

Супруга: гречанка, ставшая потом супругой брата его Владимира

Крещение русского народа.

980—988 годы

Можно ли было ожидать, чтобы этот князь Владимир, причинивший столько зла брату своему и бедной красавице Рогнеде, стал потом добрейшим государем

и первым благодетелем своего народа? Вот какие чудеса может Бог делать с теми людьми, которые искренно раскаиваются и сожалеют о худых делах своих! С самого начала своего княжения Владимир старался победами и славою заставить народ свой забыть его прежнюю жизнь. Он завоевал у польского короля Галицию*, или города Червенские; победил болгар— народ, живший на берегах Волги; к северу увеличил Россию до самого Балтийского моря. Кроме этих завоеваний он старался прославиться и хорошими качествами: сердце его сделалось добрее, нрав спокойнее. Он очень любил народ свой, заботился о его счастье, мог уже не наказывать того, кто обижал его, мог даже прощать самых жестоких врагов своих, в числе которых была супруга его Рогнеда-Горислава. Эта несчастная государыня так много печалилась, что сделалась почти безумною от слез. Однажды она вздумала отомстить Владимиру за все горести, какие терпела от него, и уже вошла с ножом в руке в ту комнату, где спал он крепким сном. К счастью, Владимир вдруг проснулся и в первую минуту гнева хотел наказать смертью такое злодейство, но, увидев слезы маленького сына своего Изяслава и услышав трогательные слова**, которыми малютка просил помиловать мать, простил ее и по совету бояр построил на родине ее, в нынешней Минской губернии, новый город, назвал его по имени сына Изяславлем и отправил туда их обоих.

** Поляки так же как и русские происходят от народа славянского. Племя их поселилось около реки Вислы и основало Польское королевство. Галиция была прежде польской областью.*

*** Вот подлинные слова Изяслава, переданные нам летописцами: «Отче! Егда един жити хочещи, прими меч сей, вонзи прежде в утробу мою, да не вижу аз смерти матери моя».*

Чтобы успокоить совесть свою, которая все еще напоминала ему об убитом брате, Владимир приносил часто жертвы своим богам и даже сделал нового идола с серебряной головой. Но могли ли утешить его боги бесчувственные, как бы усердно он ни молился им? Нет, он начинал понимать, как и бабушка его Ольга, что такие боги не могут быть богами истинными, но не знал, какая вера лучше всех: в Киеве были и магометане, и иудеи, и римские католики, и греки. Каждый из них хвалил свою веру. Владимир, не зная, кого слушать, решил отправить десять человек в разные земли, чтобы узнать, какой народ лучше всех других понимает Бога истинного. Послы его объездили почти все государства европейские, и более всего понравилось им благочестие греков и святое служение в церквах их. С восхищением рассказывали они великому князю о вере греческой. Владимир радовался, что наконец может молиться Богу истинному, и предпочел принять христианскую веру от греков.

Но гордому князю русскому, привыкшему всегда повелевать, казалось унижительно просить крещения у греков, прежних врагов его отечества, и для того, отправляя послов в Константинополь к императорам Василию и Константину" он просил у них не одной веры христианской, но вместе с нею и руки сестры их, царевны Анны. Умный Владимир знал, что, сделавшись братом императоров, он мог уже не стыдясь называть их своими просветителями в вере истинной.

Греки еще со времен Олега начали бояться храбрых князей русских; Владимир же завоевал уже богатый город их Херсон и угрожал идти с войском к Константинополю, если ему откажут в руке царевны. Итак, императоры должны были умолять сестру свою выйти за государя русского. Царевна горько плакала, желая лучше умереть, нежели расстаться с родными и отечеством, но Бог призывал ее просветить идолопоклонников, — могла ли она не повиноваться ему? Добрая царевна со слезами простилась с братьями и отправилась на корабле в Херсон, где ждал ее жених. Кроме придворных особ с нею поехало много священников для крещения Владимира.

Народ в Херсоне с радостью спешил на берег встретить прекрасную невесту, называл ее своею спасительницей, дивился ее красоте и приветливости. Но великий князь, с нетерпением ожидавший ее, не был так счастлив, как народ его: в то время у него болели глаза и он ничего не видел. Он мог только плакать

о своем несчастье и благодарить царевну за жертву, которую она принесла.

Анна, как ангел-хранитель, посланный Богом Владимиру, просила его тотчас креститься. Великий князь послушал совета благочестивой невесты своей и за то щедро награжден был Богом. Как только епископ херсонский и священники константинопольские приступили к совершению обряда крещения Владимира и епископ возложил руку на новокрещаемого, больные глаза его открылись и он увидел храм Божий, где раздавалось святое пение, увидел прелестную невесту свою и вместе с нею упал на колени, благодаря Бога милосердного и всемогущего.

Бояре и дружина* его, удивляясь такому чуду, также крестились в веру христианскую и потом весело праздновали свадьбу государя с царевной. Преврасная Анна уже не плакала, как в то время, когда уезжала из Константинополя: она как усердная христианка радовалась, что избавила знаменитого супруга своего и народ его от ужасного несчастья быть идолопоклонниками, потому что с тех пор все русские начали креститься в веру христианскую.

-
- *Так называли предки наши воинов и телохранителей князя.*
-

Вот было чего посмотреть, когда великий князь возвратился с молодой супругой и со всем двором своим в Киев! Прежде всего он велел рубить и жечь всех идолов, а главного из них — Перуна с серебряной головой — бросить в реку. Потом приказал всем киевлянам явиться на другой день на берег Днепра. Священники освятили Днепр и начали крещение народа. Взрослые люди вошли в воду, маленькие дети были на руках отцов и матерей, между тем как на берегу стояли великий князь, супруга его, бояре и воины, окрещенные еще в Херсоне. Они стояли в тихом благоговении и усердно молились за новых христиан. В эту торжественную минуту Владимир поднял руки к небу и сказал: «Творец неба и земли, благослови сих новых детей твоих, дай им познать тебя, Бога истинного, и утверди веру их!»

Так крестились предки наши, и такое усердие к Богу видно было не в одном Киеве, но и во всем государстве Русском. Везде народ оставлял идолов и с радостью принимал веру христианскую.

Смерть Владимира Святого.

988—1014 годы

Владимир после крещения еще более прославился добрыми делами. Он уже не думал о завоевании чужих государств, но всего более старался о просвещении своих подданных, заводил для них училища, строил церкви, заботился как отец обо всех бедных: на княжеском дворе его они могли во всякое время получать пищу и деньги; больным же, которые не могли выходить из домов своих, великий князь приказывал развозить съестные припасы— хлеб, рыбу, мед и даже квас в бочках. Он сделался наконец так милостив, что самых ужасных злодеев боялся наказывать смертью и позволял им откупаться от наказания деньгами. Такое денежное наказание называлось вира* и было тяжело для преступников, потому что деньги в то время были очень редки. Одним словом, все добродетели, которыми великий князь старался загладить прежние дурные поступки свои, были так велики и угодны Богу, что церковь наша назвала его Святым и Равноапостольным. Он заслужил это название, потому

что с таким же усердием, как и Святые Апостолы, старался просвещать верою в Иисуса Христа своих подданных-идолопоклонников.

- *Однако Владимир скоро отменил эту виру, потому что священники объяснили ему, что Бог не только позволяет, но даже велит наказывать дурных людей, чтобы они не обижали добрых.*
-

В старости добрый Владимир имел большое огорчение. Но прежде, нежели вы узнаете, какое было это огорчение, надо рассказать вам о семействе великого князя. Оно было очень велико, потому что до греческой царевны Анны, последней супруги его были у него еще жены. Вы помните, что одной была прекрасная и несчастная Рогнеда. От нее имел он четырех сыновей— Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода. От трех других— Вышеслава, Святослава, Мстислава, Бориса и Глеба. Кроме того, он еще усыновил Святополка, сына убитого брата своего Ярополка. Владимир называл этого племянника старшим сыном своим, потому что все родные дети его были моложе Святополка.

Все эти князья были еще маленькие, когда Владимир сделал их наместниками своими в разных областях государства и послал их туда с умными воспитателями, которых называли тогда *пестунами*. Им приказал

Владимир управлять областями, пока вырастут сыновья его. Прошло много лет, все юные дети Владимира сделались храбрыми князьями. Один из них, Ярослав, управлял Новгородом. Новгородцы еще во время малолетства Святослава почитались народом беспокойным, и только умная княгиня Ольга могла усмирять их гордость. При Владимире они забыли опять долг свой к государю и захотели быть вольными. Ярослав, вместо того чтобы удержать непослушных подданных своего отца и государя от такого дурного поступка, взял их сторону и послал сказать Владимиру, что Новгород не намерен более платить ему обычную дань и не хочет быть под его властью. Вы можете представить себе, каково было Владимиру услышать Известие, что один из старших сыновей его осмелился не повиноваться ему! Тогда-то он понял, что не нужно было разделять Россию на многие уделы, тогда-то он почувствовал, какие ссоры и несогласия начнутся после смерти его. Эти размышления о несчастье отечества, без сомнения, были очень горестны для Владимира: он занемог и вскоре скончался в загородном дворце своем Берестове. Народ неутешно плакал о добром государе, бедные — о благодетеле. Долго рассказывали и в России, и в чужих землях о славном княжении Владимира I, много говорили о богатых пирах его и славных богатырях, которые отличились под его начальством. О приключениях их сочиняли много сказок, и теперь еще добрые крестьяне наши с удовольствием читают эти сказки и дивятся силе Ильи Муромца, Добрыни Новгородского, Рогдая и других

богатырей Владимира. Сказки, при всех несообразностях своих, помогают истории, потому что в них виден нрав и обычаи того времени. В одном из «Посланий» (К Воейкову) Жуковского есть описание, прекрасно изображающее время Владимира со всеми особенностями, отличавшими это славное княжение. Здесь вы услышите, милые читатели мои, и о богатырях его, и о многих чудачествах, которым верили наши добродушные предки, услышите и песню, которую пела одна из княгинь русских, проводившая супруга своего на войну и горько плакавшая о нем. Поэт видит перед собою давно минувшие времена:

...Я вижу древни чудеса:

Вот наше солнышко-краса

Владимир-князь с богатырями;

Вот Днепр кипит между скалами;

Вот златоверхий Киев-град;

И бусурманов тьмы, как пруги,

Вокруг зубчатых стен кипят;

Сверкают шлемы и кольчуги;

От кликов, топота коней,

От стука палиц, свиста пращей

Далёко слышен гул дрожащий;

Вот, дивной облечен броней,

Добрыня, богатырь могучий,

И конь его Златокопыт;

Чрез степи и леса дремучи
Не скачет витязь, а летит,
Громя Зилантов и Полканов,
И ведъм, и чуд, и великанов;
И втайне девица-краса
За дальни степи и леса
Вослед ему летит душою;
Склоняся на руку главою.
На путь из терема глядит
И так в раздумье говорит:
«О ветер, ветер! что ты вьешься?
Ты не от милого несешься,
Ты не принес веселья мне;
Играй с касаткой в вышине.
По поднебесью с облаками,
По синю морю с кораблями—
Стрелу пернатую отвей
От друга— радости моей»*.
Краса-девица ноет, плачет;
А друг по долам, холмам скачет.
Летя за тридевять земель;
Ему сыра земля постель;
Возглавье щит; ночлег дубрава;
Там бьется с бабою-ягой;

Там из ручья с живой водой,
Под стражей змея шестиглава.
Кувшином черпает златым;
Там машет дубом перед ним
Косматый людоед Дубыня;
Там заслоняет путь Горыня;
И вот внезапно занесен
В жилище чародеев он;
Пред ним чернеет лес ужасный;
Сияет блеск вдали прекрасный;
Чем ближе он — тем дале свет;
То тяжкий филина полет.
То вранов раздается рокот;
То слышится русалки хохот;
То вдруг из-за седого пня
Выходит леший козлоногий;
И вдруг стоят пред ним чертоги,
Как будто слиты из огня, —
Дворец волшебный царь-девицы...

- *Плач Ярославны — из древнейшего стихотворения русского «Слово о полку Игореве».*
-

Не правда ли, много чудес было в княжение Красного Солнышка (так народ называл Владимира)? Эти чудеса, увеличиваясь в рассказах, переходивших от одного поколения к другому, проливают какой-то поэтический свет на все приключения того отдаленного времени. Не только важнейшие из них, которыми было так богато княжение Владимира I, но даже и обыкновенные, как, например, пиры и праздники при дворе его, имели в себе что-то особенное. На этих праздниках великий князь и семейство его угощали от души гостей своих и не сердились, даже если гости от больших кружек вина и меда делались очень веселы и говорили смело все, что думали. Так, однажды они сказали, что стыдно славному государю русскому подавать за столом деревянные ложки. Владимир, услышав это, приказал сделать для них серебряные и сказал при этом: «Серебром и золотом не достанешь верной дружины, а с нею я достану много серебра и золота».

Таблица V

Семейство великого князя Владимира I Святославича

Супруги:

1. Чехиня
2. Рогнеда, княжна полоцкая

3. Гречанка, вдова Ярополка
4. Чехиня вторая
5. Болгарка
6. Анна, греческая царица

Сыновья:

1. Святополк
2. Вышеслав
3. Изяслав
4. Ярослав
5. Всеволод
6. Святослав
7. Станислав
8. Позвизд
9. Борис
10. Глеб
11. Мстислав
12. Судислав

Неблагодарность. 1015—

1019 годы

То, что предчувствовал Владимир перед смертью, исполнилось: несчастья детей его и России начались прежде, нежели его похоронили. Племянник его Святополк, которого он называл старшим сыном своим, был во время кончины его в Киеве. Этот гордый, злой и хитрый князь не мог простить Владимиру убийства отца своего Ярополка, и, несмотря на все благодеяния, которыми великий князь осыпал его и которыми старался заглавить преступление своей молодости, Святополк оставался непримиримым врагом дяди. Как только он узнал о смерти его, тотчас объявил народу, что он государь киевский, и отправил четырех злодеев убить Бориса—любимого сына Владимира, которого отец незадолго перед кончиной послал с войском усмирять печенегов.

Борис был молодой человек, прекрасный душой и телом, кроткий, благочестивый, умный и храбрый. Он уже усмирил печенегов и стоял с войском в лагере при реке Альте, когда получено было известие о смерти

Владимира и о новом государе киевском — Святополке. Огорченный Борис плакал о нежно любимом отце, молился о душе его и не думал обижаться, что двоюродный брат его завладел престолом; напротив, он даже молился за него в ту самую минуту, когда убийцы были уже в лагере и подошли к его палатке. Они услышали нежный голос Бориса, читавшего молитвы, и задрожали так, что должны были остановиться. Но голос вскоре замолк: Борис кончил молитву и лег в постель. Тогда злодеи осмелели, вбежали в палатку и убили доброго князя и верного отрока* его Георгия. Святополк наградил четырех убийц, которые так удачно исполнили его поручение, и, может быть, их же отправил к другому сыну Владимира, князю муромскому Глебу. И этот князь, во всем похожий на брата своего Бориса и искреннейший друг его, был так же убит подкупленным злодеем, который назывался Торчин. Тело его положено было вместе с телом Бориса, и оба брата признаны церковью нашей Святыми. Но для жестокого Святополка казалось мало погубить двух братьев: он приказал убить и третьего — Святослава, князя древлянского.

-
- *Отроками назывались телохранители князей.*

Такие злодейства не могли оставаться долго без наказания. Ярослав, князь новгородский, отомстил

убийце трех братьев своих. Он нанял варягов, вместе с ними и новгородцами пришел к Киеву и на полях Альты, на том самом месте, где погиб Святой Борис, победил неблагодарного брата своего.

Святополк убежал далеко от отечества, в густые леса Богемии, но и там совершенные им преступления беспрестанно представлялись ему. Мысль о них так мучила совесть его, что наконец он лишился рассудка и умер на чужой стороне, без родных и друзей. Никто не плакал и даже не сожалел об этом несчастном князе, и все называли его Окаянным.

Таблица VI

Семейство великого князя Святополка I
Владимировича Окаянного

Супруга: дочь короля польского Болеслава I

Великий князь Ярослав I

Владимирович. 1019—

1054 годы

Ярослав Новгородский, победив Святополка, вошел в Киев и сделался один великим князем почти всей России. Только два княжества не принадлежали ему — Тмутараканское, лежавшее на берегу Азовского моря, и Полоцкое. В Тмутараканском княжил последний оставшийся в живых брат его Мстислав, прозванный Удалым, а Полоцкою областью владели дети старшего брата — Изяслава, того самого, который, будучи еще ребенком, спас мать свою Рогнеду от гнева государева и смерти.

Мстислава недаром называли Удалым: он был очень храбр, силен и любил войну. Народы, жившие около владений его, скоро испытали это: он победил хозаров и касогов и прослыл таким знаменитым победителем, что ему казалось уже стыдно быть государем одной только Тмутараканской области. Он пошел с покоренными народами к Киеву. Ярослав прибегнул опять к помощи варягов и вместе с ними и со своей собственной дружиной встретил брата у города Листвена, в Черниговской губернии. Началось сражение. Оба войска были храбры, ни одно не хотело уступить другому победы; наконец счастливый Мстислав, никогда не знавший неудач, и в этот раз остался победителем. Но он не поступил так,

как поступали в то время все люди храбрые и сильные: он не воспользовался своим счастьем, не присвоил себе всех владений брата, а предложил ему помириться и разделить Россию на две части: Ярославу, как старшему, он отдал Киев, себе взял Чернигов. Днепр был границей между владениями их: все земли, лежавшие по левую сторону этой реки, принадлежали Мстиславу, все на правой стороне — Ярославу.

Настало спокойное время для России: примирившиеся братья уже никогда более не ссорились, но оба заботились о счастье своих подданных. Через десять лет после их мира Мстислав заболел и вскоре скончался. После него не осталось наследников, и Ярослав, получив в свое владение часть брата, сделался один государем России.

В его княжение отечество наше очень прославилось. Это был князь умный, храбрый, богобоязненный, справедливый, который думал не столько о завоеваниях и победах, сколько о счастье своего народа. И так как он знал, что нельзя быть счастливым без веры в Иисуса и просвещения, то старался, чтобы подданные его были истинными христианами: велел переводить священные книги с греческого на славянский язык, даже списывал сам многие из них для народного употребления; заводил училища в городах; уговаривал подданных отдавать туда детей; вызывал из иностранных государств художников для украшения церквей и дворцов киевских; собрал все законы, по которым предки его управляли землей Русской, и приказал

написать их — это была первая книга законов, она есть и теперь и называется «Русской Правдой». Одним словом, слава его имени была так велика, что и отдаленные государи уважали знаменитого князя русского и считали за честь быть его союзниками и родственниками: король французский Генрих I женился на одной из дочерей его — княжне Анне, другая была за королем венгерским, а третья — за Гаральдом Смелым, принцем норвежским, ставшим впоследствии королем.

Замужество этой последней княжны особенно любопытно в отношении историческом и доказывает, какое почетное место занимал Ярослав между государями тогдашней Европы. Гаральд в молодости оставил отечество и приехал служить ко двору Ярослава. В это время у великого князя русского расцветали три прелестные дочери — Елизавета, Анна и Анастасия. Молодой принц восхищен был первою, но, едва начав службу свою и не успев еще отличиться подвигами, он не смел думать о руке ее: государь столь могущественный, как Ярослав, мог обещать дочь свою только такому принцу, который был бы известен своею славой. И вот Гаральд решил заслужить эту славу, и для того он прежде всего отправился в Константинополь и там поступил на службу к императору восточному; потом в Африке и Сицилии воевал с неверными; был в Иерусалиме для поклонения Святым местам и через несколько лет, покрытый славой, возвратился в Россию и получил награду, из-за которой подвергался всем опасностям, — руку великой княжны. Гаральд не только

был герой, что доказывает прозвание Смелый, но и поэт: во время походов своих он сочинил несколько песен, в которых трогательно выражается печаль его о разлуке с прекрасной русской княжной. Одну из этих песен Батюшков перевел с норвежского на русский язык. Здесь Гаральд, еще не уверенный в благосклонности к нему Елизаветы, тоскует, думая, что она презирает его, и в то же время описывает свои смелые подвиги.

Песнь Гаральда Смелого

Мы, други, летали по бурным морям,

От родины милой летали далёко!

На суше, на море мы бились жестоко;

И море и суша покорствуют нам!

О други! как сердце у смелых кипело.

Когда мы содвинув стеной корабли,

Как птицы неслися станицей веселой

Вкруг пажитей тучных Сиканской земли!..

А дева русская Гаральда презирает.

О други! я младость не праздно провел!

С сынами Дронштейма вы помните сечу?

Как вихорь пред вами я мчался навстречу

Под камни и тучи свистящие стрел.

Напрасно сдвигались народы; мечами

Напрасно о наши стучали щиты:

Как бледные класы под ливнем, упали
И всадник, и пеший... владыка, и ты!
А дева русская Гаральда презирает.
Нас было лишь трое на легком челне,
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная в полдень нависла с громами,
И Гела зияла в соленой волне.
Но волны напрасно, яряся, хлестали,
Я черпал их шлемом, работал веслом:
С Гаральдом, о други, вы страха не знали
И в мирную пристань влетели с челном!
А дева русская Гаральда презирает.
Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окрыляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я, хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный по морю иду..
А дева русская Гаральда презирает.
Я в мирных родился полночи снегах;
Но рано отбросил доспехи ловитвы —
Лук грозный и лыжи — и в шумные битвы

Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой летали далёко
От милой отчизны по диким морям;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуют нам!
А дева русская Гаральда презирает.

Казалось, что Ярослав, видевший собственными глазами, что Россия только тогда может быть сильна и счастлива, когда управляется одним государем, никогда уже не разделит ее на несколько частей, но случилось иначе, и Ярослав, удивлявший всех своим благоразумием, отдал государство пятерым сыновьям своим! Он думал, что родительские наставления удержат их от ссор, даже когда его не будет на свете, и потому перед смертью долго говорил с ними: напомнил им, сколько несчастий терпели предки их от несогласий, просил не забывать, что они все, как дети одного отца и матери, должны искренно любить друг друга, приказал им слушаться во всем Старшего брата, как отца и государя, и умер спокойно, думая, что они никогда не забудут заветы родительского.

Ему было более семидесяти лет'. Народ искренно плакал о славном государе, который так много заботился о его пользе и счастье, но всех более плакали новгородцы: Ярослав особенно любил их за верную службу и привязанность к нему. Он дал им многие преимущества, каких не имели другие подданные его,

и даже позволил им самим выбирать князей своих. Прошло много веков — и новгородцы все еще помнили и любили незабвенного князя своего, все еще пользовались теми выгодами, какие он доставил им, все еще называли *Двором Ярослава* то место, где собирались для совета о делах своих.

Таблица VII

Семейство великого князя Ярослава I Владимировича

Супруга: Ингегерда, королева шведская, в крещении Ирина

Сыновья:

1. Владимир
2. Изяслав
3. Святослав
4. Всеволод
5. Вячеслав
6. Игорь

Кудесники. 1054—1077 годы

Верно, никто из вас, милые дети, не поверит теперь глупым сказкам о колдунах и волшебниках, если бы и вздумалось кому-нибудь попугать вас ими? Но не так

рассудительны были в этом случае предки наши! Всякий хитрый человек, который знал более и умел пользоваться незнанием других, мог обмануть и напугать их. Однако мы не должны порицать их за это. Тогда не прошло и ста лет, как предки наши начали креститься из прежней, языческой, веры в христианскую, а прежняя вера была наполнена такими вздорными сказками, что, привыкнув с малолетства верить им, они верили и колдунам. Дурные люди пользовались этим легковерием и, называя себя кудесниками или колдунами, бессовестно обманывали бедный народ, который, чтобы избавиться от колдовства, отдавал им с радостью все, что имел лучшего.

Но самыми злыми из таких обманщиков были два злодея, называвшие себя кудесниками и появившиеся около 1070 года в городе Ростове во время случившегося там голода. Они уверяли, будто бы голод происходит оттого, что женщины скрывают в телах своих хлеб, рыбу и мед. Нашлось множество людей, которые поверили таким глупостям и, почитая многих несчастных женщин колдуньями, мучили и убивали их.

К счастью, в то самое время приехал туда храбрый и умный воевода Ян, сын славного Вышаты, полководца Ярославова. Он услышал о злых кудесниках и велел привести их к себе, но они испугались и убежали в Белозерск. Он поехал за ними. Белозерские жители, видно, были умнее ростовских: они не побоялись схватить колдунов и доставили их к Яну.

Ян долго разговаривал с ними, старался объяснить, какой страшный грех они делали, губя беззащитных женщин, но, видя упрямство, с которым они спорили с ним, и злость, с которой они защищали прежних богов своих, Ян для общего спокойствия приказал их повесить. На другой день медведь влез на дерево, где они были повешены, и съел тела их.

Еще один кудесник появился в Новгороде в то время, когда там был князем молодой благочестивый Глеб, сын Святослава Ярославича. Этот новый кудесник отговаривал людей креститься в веру христианскую и успел так прельстить чудесами своими новгородцев, что они собрались на главной городской площади и хотели убить епископа — начальника всего духовенства в Новгороде. Епископ не испугался, он взял в руки крест и вышел к народу, спрашивая: «Кто за него, и кто со мною?» Князь Глеб, видя, что никто из народа не идет прикладываться к кресту, подошел очень близко к колдуну и спросил у него: «Знаешь ли ты, что будет завтра?» — «Все знаю», — отвечал кудесник. «Стало быть, ты знаешь и то, что случится с тобою сегодня?» — спросил опять князь. «Я сделаю много чудес!» — вскричал мнимый волшебник. В эту самую минуту Глеб рассек ему голову топором. Решительность смелого князя спасла от многих несчастий народ, который, увидев собственными глазами бессилие мнимого колдуна и славу князя, верившего истинному Богу, понял обманщика и спокойно разошелся по домам. Этот примечательный случай рассказан Языковым:

На месте священном, где с дедовских дней,
Счастливый дарами природы,
Народ Ярославов, на воле своей.
Себе избирает и ставит князей,
Полкам назначает походы
И жалует миром соседей-врагов,
Толпятся: кудесник явился из Чуди...
К нему-то с далеких и ближних концов
Стеклись любопытные люди.
И старец кудесник, с соблазном в устах
В толпу из толпы переходит;
Народу о черных крылатых духах,
О многих и страшных своих чудесах
Твердит и руками разводит;
Святителей, церковь и святость мощей,
Христа и Пречистую Деву поносит;
Он сделает чудо — и добрых людей
На чудо пожаловать просит.
Он сладко, хитро празднословит и лжет.
Смущает умы и морочит;
Уж он-то потешит великий народ,
Уж он-то, кудесник, чрез Волхов пойдет
Водой — и ноги не замочит.
Вот вышел епископ Феодор с крестом

К народу — народ от него отступился;
Лишь князь со своим правоверным полком
К святому кресту приложился.
И вдруг к соблазнителю твердой стопой
Подходит он, грозен и пылок:
«Кудесник! скажи мне, что будет с тобой?»
Замялся кудесник, и — сам он не свой,
И жметяся, и чешет затылок.
«Я сделаю чудо». — «Безумный старик,
Солгал ты!» — и княжеской дланью своею
Он поднял топор свой тяжелый — и вмиг
Чело раздвоил чародею.

Были и такие дурные люди, которые пугали народ разными глупыми предсказаниями. Например, говорили, будто бы земля перевернется, реки начнут течь назад и все земли перейдут из одного места в другое: где была Россия — там будет Греция, а где была Греция — там будет Россия. Иные люди смеялись над такими предсказаниями, другие верили им и тревожились: в те времена думали, что всякое необыкновенное происшествие предвещает что-нибудь дурное. Эта несправедливая мысль утвердилась в народе еще более, когда после смерти Ярослава отечество наше опять разделилось и страдало от беспрестанных ссор князей своих. То в одной области люди гибли от войны за какую-нибудь небольшую обиду, сделанную государю их братом его;

то в другой— от набега соседних народов, которые умели пользоваться слабостью несогласных жителей; то в третьей— от голода, а этот голод очень часто случался оттого, что все взрослые люди уходили на войну и некому было обрабатывать поля.

Такие несчастья могли быть предсказаны предкам нашим не одними хитрыми обманщиками, а каждым человеком, видевшим, что государством их правили пять государей. Из этих пяти сыновей Ярослава, которых звали Изяслав, Святослав, Всеволод, Игорь и Вячеслав, старший, Изяслав, был великим князем, другие же четверо— удельными князьями. Кроме того— вы помните?— было еще особенное княжество Полоцкое, принадлежавшее потомкам Рогнеды, или Гориславы. В это время был там государем молодой и храбрый князь Всеслав.

Все эти шесть государей русских жили очень несогласно друг с другом. Всеслав ненавидел родственников своих и называл себя законным наследником великого княжества, потому что дедушка его был старший сын Святого Владимира. Ярославичи также ссорились друг с другом за наследственные области: каждому хотелось иметь более других. Великий князь Изяслав принужден был даже два раза бежать из России и просить помощи у чужих государей. Он возвратился в отечество только когда из четырех братьев его остался в живых один Всеволод. Этот добрый брат, узнав о возвращении Изяслава, встретил его с войском, как государя, далеко от столицы, привез

с торжеством в Киев, уступил ему великое княжение и сам доволен был только Черниговской областью.

Но несчастный Изяслав ненадолго успокоился: через год после возвращения своего в отечество он был убит в сражении с племянниками Олегом Святославичем и Борисом Вячеславичем.

Таблица VIII

Семейство великого князя Изяслава Ярославича

Супруга: Мечислава, королева польская

Сыновья:

1. Мстислав
2. Михаил
3. Ярополк
4. Юрий

Ссоры князей. 1077—

1097 годы

Вы, конечно, удивляетесь, что великий князь Изяслав Ярославич погиб в сражении с племянниками? Но, к несчастью, это была правда: примеру отцов следовали и дети, и как несогласно жили между собою сыновья Ярослава, так точно и внуки его. Самые примечательные из них были Святополк — сын Изяслава, Олег и Давид — сыновья Святослава, Владимир — сын Всеволода, Давид — сын Игоря, Борис — сын Вячеслава и еще внуки шестого сына Ярослава, умершего в молодых летах, — Володарь и Василько Ростиславичи.

Знаменитейшими из этих князей были Олег и Владимир. Они были умны, храбры, великодушны. Владимир за военные заслуги был назван Мономахом. По-гречески это значит *Единоборец*. Но все достоинства его и Олега много теряли от того, что они не любили друг друга и жили совсем не так, как должны бы жить двоюродные братья. Если бы не это несогласие, мы восхищались бы теперь прекрасными делами двух знаменитых героев своего времени. Мы гордились бы ими, потому что они были, так же как и мы, русские! Но не все дела их можно назвать прекрасными: стараясь из ненависти вредить друг другу, они часто употребляли средства несправедливые. Сказать правду — нельзя слишком обвинять их, потому что нередко отцы и дяди их поступали несправедливо. Так, Изяслав и Всеволод лишили некоторых из молодых племянников наследственных владений. Обиженные князья удалились в отдаленную область

Тмутараканскую и думали, как бы отомстить дядям за обиду. Скоро они нашли к тому средство.

Вы помните страшных печенегов, которые делали столько зла нашим предкам при Игоре и Святославе? Со времен Святого Владимира, прогнавшего их далеко от своего государства, не слышно было об этих непримиримых врагах России; но при Изяславе I Ярославиче появился на тех местах, где они жили, другой народ одного с ними племени и одинаковых свойств. Этот народ были половцы. Они были так же злы, так же дики и необразованны, как печенеги. Всякий, кому нужны были безжалостные воины, мог нанимать их, и за деньги они готовы были драться даже с родными братьями.

Вот с ними-то молодые обиженные князья надеялись отомстить дядям, и двое из них, Олег Святославич и Борис Вячеславич, вступили в Черниговское княжество, где был тогда князем Всеволод.

Защитниками его стали сын Владимир Мономах и брат великий князь Изяслав. Здесь-то и произошла первая ссора Олега и Владимира, здесь-то, как вы уже знаете, был убит Изяслав.

В старину после смерти государя русского наследовал не сын его, а брат. И хотя Изяслав имел сыновей, великим князем киевским сделался брат его Всеволод I Ярославич.- Княжение этого государя было очень несчастливо. Он был уже так стар и так слаб, что не мог усмирять беспокойных племянников, которые продолжали ссориться, несмотря на то

что Всеволод дал многим из них уделы. Опорой и помощником его был сын Мономах, которого он сделал князем черниговским. Это несчастное время России с удивительной верностью описано Жуковским в стихотворении «Русская слава»:

Была пора: губительный раздор
Везде летал с хоругвию кровавой;
За ним вослед бежали глад и мор;
Разбой, грабеж и мщенье были славой;
От русских русских кровь текла,
Губил половчанин без страха,
Лежали грады кучей праха,
И Русь бедою поросла...
Но Русь в беде крепка была
Душой великой Мономаха.

Это было совершенно справедливо: Мономах служил отцу и храбростью, и умом своим. Беспрестанно он должен был то наказывать непослушание одних двоюродных братьев, то мирить других, то бояться третьих.

Может быть, ему не удалось бы так удачно управлять ими, если бы самый опасный и самый умный из них — Олег — вмешивался в эти ссоры, но он жил все это время очень уединенно в области Тмутараканской, которая, находясь на берегах Азовского моря, далеко от всех других княжеств русских, считалась как будто бы местом ссылки. Мы увидим потом,

что Олег недаром жил там — он приготавливался к войне за свое наследство.

Между тем престарелый Всеволод, замечательный своим справедливым и кротким нравом, умер после пятнадцати лет княжения. Это был последний из детей Ярослава I. Наследником его, по тогдашнему обыкновению, был Святополк, сын старшего брата их. Бедное отечество наше ни при одном из прежних государей своих не было так несчастливо, как при этом князе, не имевшем никаких достоинств. При нем половцы беспрестанно нападали на города и деревни русские и безо всякой жалости грабили и жгли их. При нем Олег, собрав в шестнадцать лет силы свои и наняв войско половцев, ворвался во владения Мономаха и принудил этого храброго князя отдать ему Черниговскую область. При нем, и даже с согласия его, один из русских князей сделал такое злодейство, что вы ужаснетесь, милые дети, и у многих из вас навернутся на глазах слезы жалости. Послушайте и подивитесь, до чего может дойти злой человек!

Таблица IX

Семейство великого князя Всеволода I Ярославича

Супруга: Анна, греческая царевна, дочь императора Константина Мономаха

Сыновья: 1. Владимир 2. Ростислав

Съезды князей. 1097—

1113 годы

Князья, сожалея о несчастьях отечества и видя беспрестанные ссоры свои за владения, решили помириться и в первый раз съехались на совет в город Любеч, лежавший на берегах Днепра. Кроме великого князя киевского Святополка II Изславича приехали туда Мономах, Олег, Володарь и Василько Ростиславичи и Давид Игоревич. Они с общего согласия снова разделили русские земли. Мономаху достались Переяславль, Смоленск, Ростов, Суздаль и Белоозеро, сыну его Мстиславу — Новгород, Олегу — Чернигов, двум братьям Олега — Рязань и Муром, Давиду Игоревичу — Владимир-Волынский, Володарю и Васильку Ростиславичам — города Перемышль и Теробовль, отделенные от Волынской области и отданные сыновьям Ростислава оттого, что прадед их Ярослав не назначил им никакого удела.

Это отделение двух городов от Волыни, принадлежавшей отцу Давида Игоревича, было первой причиной ненависти Давида к молодым племянникам

его, и особенно к младшему — Васильку, которого все прославляли за ум, храбрость и доброе сердце. Видя на съезде уважение всех родственников своих к Васильку, прекрасному и видом и душой, слушая рассказы о его неустрашимости, о его намерении победить без помощи других князей всех неприятелей отечества — и болгар, и поляков, и половцев, завистливый Давид решил погубить его, чтобы избавиться от этих неприятных рассказов и в то же время возвратить отданный Васильку Теревовль.

Вот князья, окончив все дела свои на съезде и дав клятву жить дружно и быть довольными своими уделами, поехали в свои области. Один Давид Игоревич отправился не домой, а в Киев и там напугал великого князя, что Василько хочет погубить их обоих. «Не думай, — говорил этот злой князь Святополку, — что Василько собирает войско для войны с поляками, как он объявил это нарочно на съезде, — нет, он хочет напасть на тебя и на меня! Не будет нам обоим покою, пока он свободен. Схвати его, когда он поедет мимо Киева, и отдай мне. Я уж справлюсь с ним!» Этого довольно было, чтобы встревожить слабого, трусливого Святополка; он поверил всему и условился с Давидом, как заманить во дворец бедного Василька. Они послали звать его к себе в гости в то время, когда он заехал в киевский монастырь Святого Михаила помолиться Богу.

Не подозревая обмана и полагаясь на клятву, так недавно еще данную в Любече, молодой князь спокойно

поехал во дворец дяди. Святополк с притворной лаской встретил его, привел в комнату, где сидел Давид, и вышел будто бы за тем, чтобы велеть подать завтрак. Василько остался один со злодеем, он начал дружески говорить с ним, но совесть так мучила Давида, что он ничего не слышал и ничего не отвечал, а только беспрестанно краснел и бледнел и наконец вышел из комнаты, чтобы послать убийц. Они тотчас вошли, сковали удивленного Василька и отвели в темницу.

На другой день духовенство, бояре и народ просили Святополка не судить слишком скоро Василька и прежде узнать, справедливо ли обвиняет его Давид, но великий князь, опять напуганный обманщиком, отдал ему в руки несчастного племянника. Давид поручил двум конюхам — своему и Святополка — везти Василька в Белгород. Злодеи приехали ночью в этот город, ввели бедного князя в темную комнату, начали при нем острить нож и разостлали на полу ковер. Василько догадался, что хотят делать с ним убийцы, и начал сопротивляться. Тогда они позвали еще двух помощников, связали князя, положили его на пол, бросили доску на грудь его и сели по концам доски, так что кости несчастного затрещали. Этого еще мало! Пастух Святополка выколол ему глаза. В это время бедный князь уже ничего не помнил. Бесчувственного бросили в телегу и повезли во Владимир.

Ужасно было положение страдальца, когда дорогой он пришел в себя и не мог видеть ни светлого солнца, ни голубых небес, ни ярких звезд небесных;

ни прекрасных цветов в полях. Но он не проклинал врагов своих, даже не роптал на жестокую судьбу свою, а терпеливо переносил свое несчастье и думал, что Богу угодно было таким образом наказать гордое намерение его победить всех врагов России без помощи братьев.

Такие смиренные мысли имел кроткий несчастливец и во время своего печального путешествия, и при въезде во Владимир, где жил жестокий враг его, и в самой темнице владимирской, куда заперли его тотчас по приезде.

Между тем слух об ужасном злодеянии разнесся по всем русским княжествам. Особенно огорчены были Мономах и Олег. Они условились наказать злодеев и пошли с войском к Киеву требовать ответа от Святополка. Этот недостойный и малодушный князь по обыкновению испугался, возложил всю вину на Давида и раскаивался только в том, что поверил ему. Сжалься над его слезами и страхом и еще более — над несчастьями отечества, митрополит и старая княгиня, вдова Всеволода, поехали в стан князей просить о том, чтобы они не раздирали земли русской междоусобием и помиловали Святополка. Добрый Мономах, привыкший уважать и служителей Божиих, и почтенную мачеху свою, согласился простить великого князя, который обещал наказать Давида.

Но долго бы бедному Васильку еще томиться в заключении, если бы храбрый брат его Володарь не пошел тотчас во Владимирское княжество и силою не заставил Давида освободить его. Обнимая друг

друга, эти благородные, великодушные братья-христиане простили врагов своих и возвратились в свои области. Князья же назначили новый съезд и наказали Давида тем, что Владимирскую область его прибавили к владениям Святополка, а ему дали другую.

Владимир Мономах. 1113—

1125 годы

Владимир Мономах во всяком возрасте заслуживал любовь окружающих. В детстве он был самый послушный сын; в молодости—самый смелый из князей на поле битвы, самый приветливый дома, самый почтительный к родителям, которые в знак особенной любви к нему и за храбрость назвали его Мономахом*; в зрелых летах—самый добрый государь в наследственном владении своем; самый умный советник великого князя; самый сострадательный благодетель бедных; самый знаменитый победитель врагов отечества.

- *Греческий император Константин, дед Владимира по матери, назывался Мономахом, и, может быть, в честь его дано было прозвание самому достойному из его внуков.*

Слава его еще более увеличилась в последние годы княжения Святополка: он уговорил в это время всех князей идти на жестоких половцев, разорывших Русскую землю. Владимир так говорил о счастье избавить от опасности жизнь и имение своих соотечественников, о славе умереть за родину, что все князья забыли на время ссоры свои и собрали воинов во всех княжествах. Согласие подавало им надежду победить, и эта надежда исполнилась: они победили половцев и заключили с ними самый выгодный мир. Всею славой этой победы, всеми выгодами этого мира Россия была обязана Мономаху. Народ знал это и при всяком случае старался показать благодарность и особенную любовь свою к Владимиру. Эта любовь была так велика, что, когда великий князь Святополк умер, жители киевские объявили, что не хотят слышать ни о каком другом государе, кроме общего любимца всех русских — знаменитого Мономаха! Сначала он отказывался, потому что были другие наследники престола ближе его: Олег Черниговский и братья его, дети старшего дяди Владимира — Святослава, но потом, видя, что в Киеве происходят ужасные беспорядки от безначалия, согласился на желание киевлян, тем более что и сам Олег, старинный неприятель его

и главный наследник великого княжения, не спорил с народом и молчанием своим подтверждал его выбор. Такой поступок Олега показывает, как велики были и его достоинства: надо иметь очень доброе сердце, чтобы не спорить, когда нашу собственность отдают другому, тем более врагу нашему! Может быть, причиной этого были слабые силы и старость его, но, как бы то ни было, мы обязаны ему за то, что он не начал новой войны за свое наследство и согласился видеть на престоле великокняжеском Владимира.

Мономах во все время двенадцатилетнего княжения своего продолжал отличаться храбростью. Несмотря на старость свою, он усмирил еще раз печенегов и появившихся на Руси торков и берендеев. С того времени эти грубые народы уже не были так страшны для русских. Многие из них покорились Владимиру и поселились на берегах Днепра. Предки наши называли их каракалпаками, или *черными клобуками*. Это название произошло от того, что они носили черные шапки.

Кроме побед над чужими народами и над своими непокорными князьями Мономах славился и другими делами. Он старался улучшать законы, строил церкви и общественные дома, обводил каменными стенами старые города, закладывал новые. В числе последних был Владимир, основанный в Суздальской области и названный Залесским для отличия его от другого Владимира, бывшего на Волыни.

Но чтобы вы поняли совершенно, каков был Владимир Мономах, прочитайте духовное завещание его детям своим:

«Приближаясь ко гробу, благодарю Бога за долгие дни мои: рука его довела меня до глубокой старости. А вы, дети любезные, и всякий, кто будет читать это писание, исполняйте правила, в нем написанные.

Страх к Богу и любовь к людям есть начало добродетели. Велик Господь, чудесны дела его!

О дети мои, хвалите Бога! Любите также людей. Не пост, не монашество спасет вас, но благодеяния. Не забывайте бедных, кормите их и помните, что все, что вы имеете, принадлежит Богу и поручено вам только на время. Будьте отцами сирот, судите вдовиц сами, не давайте сильным обижать слабых. Не убивайте ни правого, ни виноватого: жизнь и душа христианина священны. Не призывайте напрасно имени Бога; дав же клятву, не преступайте ее. Не оставляйте больных, не страшитесь видеть мертвых: все умрем. Принимайте с любовью благословение священников и не удаляйтесь от них, делайте им добро, чтоб они молились за вас Богу. Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце и думайте: мы не вечны, сегодня живы, а завтра в гроб! Бойтесь всякой лжи. Почитайте старых людей как отцов, любите младших как братьев. В хозяйстве сами за всем смотрите, чтобы гости не осудили ни дома, ни обеда вашего. На войне будьте деятельны. Тогда не время думать о праздниках. Путешествуя в своих областях, не давайте жителей в обиду княжеским

отрокам. Всего же более почитайте гостя и знаменитого, и простого, и купца, и посла: гости распускают в чужих землях и добрую, и худую о нас славу. Кланяйтесь каждому человеку, когда идете мимо. Все хорошее узнав, вы должны помнить; чего не узнаете, тому учитесь. Лениность — мать пороков, берегитесь ее. Старайтесь, чтобы солнце никогда не застало вас в постели. Идите рано в церковь принести Богу молитву утреннюю: так делал отец мой, так делали все добрые люди. Когда озаряло их солнце, они хвалили Бога с радостью. Потом садились думать с дружиною, или судить народ, или ездили на охоту. Так жил и ваш отец. Я сам делал все, что мог бы велеть отроку: на охоте и на войне, днем и ночью, в жар летний и в холод зимний не знал покоя, не надеялся на посадников, не давал бедных и вдов в обиду сильным, сам смотрел за церковью и за божественным служением, за домашним порядком, конюшнею, охотою, ястребами и соколами. Всех походов моих было восемьдесят три, а других, маловажных, не упомяну. Я заключил с половцами девятнадцать мирных договоров, взял в плен и выпустил из неволи более ста лучших князей их, а более двухсот казнил и топил в реках. Кто ездил скорее меня? Выехав рано из Чернигова, я бывал в Киеве, у родителя, прежде вечерен. Любя охоту, мы часто ловили зверей с вашим дедом. Своими руками в густых лесах вязал я диких коней по нескольку. Два раза буйвол бросал меня на рогах, олень бодал, лань топтала ногами, медведь прокусил седло, лютей зверь однажды бросился и уронил коня подо мною. Сколько

раз падал я с лошади! Дважды разбил себе голову, повреждал руки и ноги, не берег жизни в юности и не щадил головы своей. Но Господь хранил меня. И вы, дети мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни зверей свирепых, но будьте мужественны во всяком случае, посланном от Бога. Если Господь определит, кому умереть, то не спасут его ни отец, ни мать, ни братья. Бог лучше сохранит, нежели люди».

Из этой духовной вы можете увидеть и душу Владимира Мономаха, и образ жизни того времени. Вы, верно, заметили, что государи наши были очень усердны к Богу, что они любили более всего славиться храбростью, а жили очень просто и часто сами смотрели за порядком в церкви, во дворце и даже в конюшнях своих.

Таблица X

Семейство великого князя Владимира II
Всеволодовича

Супруги:

1. Христина, дочь шведского короля Ингоря
2. Евфимия

Сыновья:

1. Мстислав
2. Изяслав
3. Ростислав
4. Ярополк
5. Вячеслав

6. Роман
7. Юрий
8. Андрей
9. Глеб
10. Святослав

Олеговичи и Мономаховичи.

1125—1147 годы

Олеговичами называют в истории нашей потомков Олега, Мономаховичами— потомков Мономаха, двух знаменитых князей, ссоры которых причиняли столько несчастий земле Русской. Несчастья еще более увеличились, когда начались ссоры между этими Олеговичами и Мономаховичами. Вы, конечно, не забыли, что Владимир Мономах сделался великим князем не потому, что был наследником отца своего, а потому, что народ любил его и желал иметь своим государем; настоящим же наследником Всеволода I был Олег, происходивший из старшего рода: Любовь и уважение к Мономаху были так велики, что и после

смерти его никто не думал спорить, когда великими князьями стали его дети, а не Олега. Однако эта тишина была ненадолго — только на время княжения первого сына его Мстислава, при втором же, Ярополке Владимировиче, дети Олега заговорили о том, что они законные наследники киевского престола, и с этого времени начались беспрестанные ссоры и несогласия их с Мономаховичами. Эти ссоры раздирали бедное отечество наше более ста лет.

Сначала намерение Олеговичей возвратить наследственный престол исполнилось довольно удачно, потому что Ярополк Владимирович был князь слабый и в его княжение было много беспорядков. Новгородцы беспрестанно бунтовали, сменяли сами своих посадников, изгоняли князей и уже считали себя не подданными государей киевских, а людьми вольными. Сыновья Мономаха, которых, кроме великого князя, было еще трое — Вячеслав, Георгий и Андрей, — часто ссорились с племянниками своими, детьми умершего Мстислава Владимировича: эти молодые князья по примеру дедушки своего почитали себя, а не дядей своих, законными наследниками.

Великий князь должен был беспрестанно усмирять то новгородцев, то братьев, то племянников своих. Это уменьшало силы его и было так выгодно для главных врагов — Олеговичей, что после смерти великого князя Ярополка Владимировича Всеволод Олегович безо всякого труда отнял у Мономаховичей киевский престол. Семь лет он владел им, старался быть в мире

со всеми князьями, и особенно с молодыми Мстиславичами. Сильнейшими врагами его были беспокойные новгородцы, Георгий Владимирович — князь суздальский, или владимирский, желавший непременно быть великим князем, и князь галицкий.

До сих пор вы еще не слышали о княжестве Галицком. Это потому, что оно было новое и основано около этого времени Владимирком, сыном Володаря, князя перемышльского, племянником бедного слепца Василька. Владимирко был смелый, храбрый, но и жадный князь: он несправедливо завладел уделом племянника своего Иоанна Берладника, перенес столицу свою в Галич, лежавший на берегах Днестра, и это новое княжество стало потом очень знаменито. Берладник вынужден был бежать от дяди в Киев и просить защиты у великого князя, который принял его ласково. Владимирко так рассердился за это, что объявил войну великому князю, и во время этой войны Всеволод II скончался. Перед смертью он объявил наследником родного брата своего Игоря Олеговича и заставил многих князей присягнуть ему еще при жизни своей.

Несчастный Игорь, несмотря на присягу, был государем только шесть недель. Никто не любил его, и почти все князья, давшие клятву быть ему верными, изменили. Жители киевские также: они тайно звали к себе Изяслава Мстиславича, который тотчас собрал войско и подошел к Киеву. У Игоря был один только защитник — брат его Святослав Олегович, но и тот

принужден был бежать, когда показалось войско Изяслава, встреченное с радостью киевским народом. Игоря нашли завязшим в болоте с несколькими воинами и отправили в Переяславский монастырь. С тех пор потомки Олеговы уже не были более великими князьями и Мономаховичи остались победителями, но ссоры их еще не скоро кончатся.

Таблица XI

Семейство Мстислава I Владимировича

Супруги: 1. Христина

2. Дочь новгородского посадника Сыновья:

1. Всеволод

2. Изяслав

3. Ростислав

4. Святополк

5. Владимир

6. Роман

Таблица XII

Семейство великого князя Яро полка II Владимировича

Супруга: Елена, княжна ясская

Сын: Василько

Таблица XIII

Семейство великого князя Всеволода II Олеговича

Сыновья: 1. Святослав 2. Михаил

Начало Москвы. 1146—

1155 годы

В то время когда народ киевский с радостью встречал нового великого князя своего Изяслава 11 Мстиславича, в отдаленной Суздальской области собирались враги рассуждать о том, как бы скорее выгнать его из Киева. Главный из этих врагов, кроме дяди его, суздальского князя Георгия, или Юрия, Владимировича Долгорукого, считавшего себя законным наследником киевского престола, был Святослав Олегович, брат несчастного Игоря, заключенного в Переяславский монастырь. Он готов был пожертвовать всем счастьем своим и даже жизнью, чтобы только освободить бедного Игоря из рук Изяслава. Думая, что Георгий— отец семи храбрых князей, ненавидевший великого князя,— скорее всех может помочь ему в войне с Киевом, он приехал к нему вместе с сыном своим Олегом.

Георгий ласково принял и угощал их в новом городе своем Москве. Но эта маленькая, бедная Москва вовсе не походила тогда на нашу нынешнюю белокаменную, гордую Москву,— не прошло и года от ее построения.

Многие еще называли ее не Москвою, а Кучковом. Это название произошло от того, что прежде на месте, где она построена, было несколько сел и деревень богатого боярина Степана Ивановича Кучки. Георгий был недоволен каким-то дерзким поступком этого боярина и приказал убить его, а села взять в казну.

Через некоторое время он приехал вместе с любимым сыном своим, прекрасным и храбрым Андреем, посмотреть имение убитого боярина. В одной из деревень жили сироты Кучки — два сына и дочь. Необыкновенная красота этой молодой девушки удивила обоих князей. Отец упрекал себя, что причинил несчастье такому милому и нежному созданию, сын говорил с восхищением, что во всем свете нет девушки добрее прелестной сироты Кучковой, и умолял отца позволить ему жениться на ней. «Родитель, — говорил добрый Андрей, — ты облегчишь этим горестную судьбу бедных детей, у которых отнял отца». Георгий, нежно любивший сына, не мог отказать неотступным просьбам его; он велел приготовляться к свадьбе и позволил сыну взять к себе на службу братьев невесты. Между тем красивые места по берегам реки Москвы так понравились ему, что он вздумал основать тут городок и назвал его по имени реки — Москвою. Андрей был очень доволен этим: ему казалось, что не было места лучше того, где узнал он милую невесту свою. Здесь праздновали свадьбу, и здесь-то через некоторое время Георгий Владимирович угощал Святослава Олеговича и бояр его, собираясь вместе с ними идти к Киеву.

Но прежде чем успели собраться защитники Игоря, этот несчастный князь был взят силою из монастыря и убит народом. Такое злодейство еще более ожесточило Святослава Олеговича: он мог подозревать, что великий князь сам позволил народу это убийство, и еще более начал просить Георгия поспешить с походом. Но Георгий, соглашаясь помогать ему, думал более о собственных выгодах, нежели о нем; он хотел мстить Изяславу 11 не за Игоря, а за киевский престол, и потому не удивительно, что он обращал мало внимания на просьбы его и, верно, еще долго бы медлил, если бы великий князь не сделал ему новой жестокой обиды: он напал с новгородцами на суздальские города его, жег и разорял их и наконец выгнал из Киева сына Георгия Ростислава, прежнего друга своего. Все это заставило Георгия решиться. Он выступил со Святославом и наемными половцами.

Пять лет продолжалась эта война почти беспрестанно. В небольшие промежутки мира киевляне имели государями своими то Георгия Владимировича, то Изяслава Мстиславича, то еще третьего князя — Вячеслава, старшего сына Владимира Мономаха. Этот последний князь более всех имел право быть государем киевским, но он был тихого, нечестолюбивого нрава, никогда не искал сам престола, но принимал его всякий раз, когда Изяслав II предлагал ему. Изяслав же делал это для того, чтобы от его имени управлять государством. Вячеслав был уже так стар, что не мог заниматься делами, и отдавал все во власть Изяслава Мстиславича, которому обязан был именем великого

князя. Однако, несмотря на старость свою, Вячеслав пережил своего племянника. Война с Георгием еще не была окончена, как умер Изяслав II. Вскоре после него скончался и старый Вячеслав Владимирович, и тогда-то честолюбивый князь суздальский достиг своего желанья. Никто уже не спорил с ним: как старший из всех князей, он был законный наследник Великого княжества, и киевляне должны были покориться, хотя и не любили его.

Таблица XIV

Семейство Изяслава II Мстиславича

Супруга: обезская княжна

Сыновья:

1. Мстислав
2. Ярослав
3. Ярополк
4. Владимир

Своеволие новгородцев. 1155

—1167 годы

Прежде чем говорить о том, что были новгородцы при великом князе Георгии Владимировиче Долгоруком, надобно рассказать читателям историю их гораздо ранее того времени.

Вы помните, что новгородцы почти в самом начале Русского государства были непослушны князьям своим, жившим в Киеве. В то время мудрая княгиня Ольга усмирила их. Они боялись потом храбрых князей Святослава I, Ярослава I, их благодетеля, и Владимира Мономаха, но несогласные дети Ярослава и Мономаха, беспрестанно ссорясь между собой и стараясь вредить друг другу всеми возможными средствами, часто были так слабы, что и смиренные подданные могли не слушаться их. А о новгородцах и говорить нечего! Они выгоднее всех других русских торговали не только с соседними народами, но даже с Данией и с немецкими городами. Торговля доставляла им богатство, а богатство делало их гордыми. Они сочинили себе пословицу: «Кто против Бога и Великого Новгорода?» — и делали в этом Великом Новгороде все, что хотели. Чтобы поднять тревогу в городе и собрать граждан новгородских на совет, стоило только кому-нибудь ударить в большой колокол, висевший на Дворе Ярослава, — все граждане тотчас сходились и рассуждали о делах своих. Такое собрание новгородцев называлось *вече*, а большой колокол — *вечевым колоколом*.

После смерти Мономаха этот колокол звонил часто, потому что новгородцы начали очень своевольничать.

Так, при великом князе Ярополке Владимировиче они, досадуя на князя своего Всеволода Мстиславича, внука Мономаха, несколько раз сменяли посадников; бросили с моста и утопили в реке одного из главных чиновников, наконец посадили под стражу самого князя своего со всем его семейством и только тогда выпустили, когда приехал в Новгород новый князь, выбранный народом. Этот князь был Святослав Олегович. С того времени новгородцы уже не считали себя подвластными киевскому государю, а назывались *вольными людьми*.

Через два года они изгнали и Святослава и призвали к себе княжить Ростислава Георгиевича, сына князя суздальского. И он пробыл не более двух лет.

При великом князе Изяславе 11 новгородцы выпросили себе князем сына его Ярослава Изяславича. Этот князь был долее других государем их, потому что они любили отца его, который приезжал к ним из Киева. Народ, давно не выдавший у себя великих князей, был в восхищении от приезда Изяслава, особенно когда он на другой день дал пир всем гражданам и сам обедал вместе с ними. *Городище*— то место, где был этот праздник,— и теперь еще известно в Новгороде.

Не прошло пяти лет— и ветреные новгородцы уже забыли и Изяслава Мстиславича, и сына его. Третий внук Мономаха, Ростислав Мстиславич, приехал по желанию их княжить в Новгороде. Но этот князь после смерти Изяслава II призван был киевлянами

заступить место его при старом Вячеславе. Радуюсь великому княжеству, Ростислав поспешил в Киев и оставил князем новгородским сына своего Давида. Гордые новгородцы не любили князей, которые оставляли их, хотя бы для престола великокняжеского: они тотчас же изгнали Давида и выбрали князем Мстислава — другого сына Георгия.

В это время исполнилось самое горячее желание Георгия Владимировича, он вступил с победой в Киев после смерти Вячеслава. Ростислав же Мстиславич, едва успев приехать в Киев, должен был выехать, уступить силе Георгия. С досадой поехал он назад, в Новгород, но там стоило ему больших трудов примириться с народом, который разделился на две стороны: одна — Торговая — защищала нового своего князя, Мстислава Георгиевича, другая — Софийская — хотела прежнего, Ростислава. Добрый Мстислав Георгиевич, не желая, чтобы за него проливалась кровь невинных, уступил престол свой Ростиславу и уехал ночью из Новгорода. Вот какие беспорядки происходили у новгородцев, а они были так безрассудны, что не винили в том себя, но еще величались своим губительным своеволием.

Ростислав Мстиславич был князем новгородским до тех пор, пока киевляне после смерти Георгия Владимировича в другой раз не призвали его на престол. Уезжая, он оставил у них сына Святослава. Беспокойные новгородцы изгнали было и этого

молодого князя, но через некоторое время помирились с ним.

Ростислав Мстиславич, беспокоясь об участи сына, поехал незадолго до кончины своей в Новгород и взял клятву с подданных в том, что они никогда не будут искать другого князя и разлучатся со Святославом только смертью. После этой клятвы новгородцы, казалось, успокоились. Надолго ли?

Таблица XV

Семейство великого князя Георгия I Владимировича Долгорукого

Супруги:

1. Дочь князя половецкого
2. Ольга, в монахинях Евфросиния

Сыновья:

1. Ростислав
2. Андрей
3. Иоанн
4. Борис
5. Глеб
6. Святослав
7. Ярослав
8. Мстислав
9. Василий
10. Михаил

11. Димитрий

Таблица XVI

Дети великого князя Ростислава I Мстиславича

1. Роман 2. Рюрик 3. Святослав

Новое великое княжество

Суздальское,

или Владимирское. 1167—

1173 годы

Когда почти все князья в южной России ссорились из-за киевского престола, в северо-восточной части ее жил князь, еще в молодых годах удивлявший всех своей храбростью и умом. Это был прекрасный и мужественный Андрей, сын Георгия Владимировича Долгорукого. Вы уже слышали о нем—вспомните рассказ о начале Москвы.

Андрей Георгиевич, родившийся и выросший в Суздальской области, не любил Киева, как причину вечных споров княжеских, и редко ездил туда даже и тогда, когда великим князем киевским был отец его Георгий. Он отказался и от новых уделов, какие отец давал ему на юге, и, уезжая в последний раз из Киева, взял с собой только образ Божией Матери, привезенный из Греции одним купцом по имени Пирогощи*. Андрей Георгиевич ехал из Киева на родину свою, в город Владимир-Залесский, основанный знаменитым дедом его Мономахом. Огорчаясь ссорами князей и видя, что все несчастья земли Русской происходят от разделения ее на многие уделы, умный Андрей ехал во Владимир с намерением поселиться там и всеми силами стараться переменить обыкновение князей делить свои владения между братьями и сыновьями и, по крайней мере, детям своим оставить княжество сильное и счастливое под властью одного государя.

-
- *Говорят, что этот образ Богоматери Пирогощей писан евангелистом Лукой. Он находится теперь в московском Успенском соборе и называется Владимирским.*

С такими благодетельными для отечества мыслями Андрей Георгиевич подъезжал ко Владимиру с драгоценным образом Божией Матери. За одиннадцать верст от этого города лошадь, на которой везли образ,

вдруг остановилась и никак не хотела идти дальше. Князь, который, как и все предки наши, был набожным и богобоязненным, посчитал это происшествие не простым случаем, а определением Божиим, он велел построить на том месте, где остановилась лошадь, церковь во имя Рождества Богоматери и поставил в ней ее образ. Потом построил тут дворец для себя и монастырь для монахов. Бояре и жители владимирские также строили дома в любимом месте государевом, так что скоро появился около церкви целый город. Андрей Георгиевич назвал его Боголюбовым. Он очень любил этот город и от него получил название Боголюбского.

Андрей, желая видеть всю Россию под властью одного государя и, может быть, желая сам быть этим самовластным государем, не давал уделов ни сыновьям, ни меньшим братьям своим Михаилу и Всеволоду Георгиевичам. Оттого Владимирское княжество его не ослабевало, а, напротив того, укреплялось более и более и было уже очень сильно, когда умер наследник Георгия Долгорукого на киевском престоле — Ростислав Мстиславич.

Он назначил великим князем племянника своего Мстислава II Изяславича — князя, уже славного военными делами.

Новгородцы, узнав о смерти Ростислава, забыли клятву, которую дали ему, изгнали сына его Святослава и попросили великого князя прислать к ним государем сына его Романа.

Мстислав II знал, что несправедливо было бы исполнять требование своевольного народа, знал, что Андрей Георгиевич, сильный, всеми уважаемый князь суздальский, принял под покровительство изгнанного князя новгородского, и потому сначала не хотел отпустить Романа в Новгород, чтобы тем не рассердить Андрея, но потом решился сделать это. Еще хуже отца поступил молодой Роман. Как только он приехал в Новгород, тотчас объявил новым подданным своим, что будет мстить за них всем князьям, защищавшим прежнего государя их, и пошел разорять города полоцкие, смоленские и суздальские.

Андрей Георгиевич вступился за обиженных и хотел наказать не молодого, безрассудного Романа, а того, кто несправедливо послал его к новгородцам, — великого князя Мстислава. Многие из князей были уже недовольны им.

Андрей видел, что ему представлялся случай унижить навсегда важность великого князя киевского и сделаться старшим над всеми русскими князьями. Он спешил воспользоваться этим случаем и уговорил недовольных князей идти на Киев. Их было одиннадцать. Каждый привел с собой свое войско; главным начальником всех был Андрей Георгиевич. Они окружили Киев.

Мстислав защищался храбро два дня, на третий древняя столица Олега — мать городов русских — взята была приступом. Воины союзных князей силою ворвались в Золотые ворота и, к стыду своему, забыли,

что побежденные жители Киева были так же, как и они, русские. Великий князь Мстислав ушел с братом своим в Волынь.

С тех пор великим князем стал Андрей Георгиевич Боголюбский. Столицей его был уже не Киев, сделавшийся простым удельным городом, а Владимир-Залесский, город новый, бедный, но счастливый, потому что государь любил его.

Таблица XVII

Семейство великого князя Мстислава II Изяславича

Супруга: дочь Якуна Новгородского

Сыновья: 1. Роман 2. Святослав 3. Ярополк

Убиение Андрея

Боголюбского. 1174 год

Понимая, что все несчастья России происходили от ее разделения на многие удельные княжества, желая видеть ее под властью одного государя, Андрей Боголюбский доказал нам, что он был князь умный.

Храбрость его была также известна с молодых лет, когда происходили частые войны за киевский престол у отца его Георгия с Изяславом II.

Но эти способности Андрея Георгиевича очень ослабли в старости. Совесть упрекала его за разграбление Киева: всякое несчастье, случившееся в государстве его, он почитал наказанием Божиим за грехи свои и потому проводил большую часть времени в молитве, а государственные дела поручал боярам, которые грабили и притесняли народ. Андрей Георгиевич не думал, что таким поведением он еще более увеличивает вину свою перед Богом, теряет любовь народа и доставляет дурным людям случай не бояться справедливости законов. Дерзость таких людей дошла наконец до того, что они сговорились убить его!

Такие злодеяния случаются в истории народов и всегда доказывают грубые и жестокие нравы их, необразованность и призывают гнев Божий на ту несчастную страну, где они происходят. Так было и с новым Великим княжеством.

Вы знаете, что Андрей Боголюбский женат был на дочери боярина Кучки. Нежно любя прекрасную супругу свою, великий князь любил всю душой и братьев ее. Оба они занимали важные места при дворе и жили очень счастливо. Вдруг один из них совершил преступление, за которое по законам следовало наказать его смертью. Он думал, что брат великой княгини избавлен будет от этого наказания, или, лучше сказать,

он надеялся на слабость великого князя, но на этот раз Андрей Георгиевич поступил иначе, и через несколько дней голова Кучковича была отрублена. Брат его Яким возненавидел за это Андрея и подговорил двадцать своих друзей и товарищей отомстить великому князю. Злодеи, в числе которых были Петр, зять Якима, и Анбал Ясин, казначей князя, решили собраться в Боголюбове 29 июня, в день Петра и Павла.

Когда князь уже помолился Богу и лег в постель в своей ложнице*, заговорщики тихонько вошли во дворец, и прежде всего в княжеский погреб, к Анбалу, который напоил их допьяна.

-
- *Так называли в то время спальню.*

В таком положении злодеи потеряли последний остававшийся у них страх, с неслыханной дерзостью и злобой перерезали всю стражу и подошли к дверям ложницы. Князь проснулся от шума и спросил: «Кто там?» — «Прокопий! — отвечал один из злодеев, называя имя княжеского любимца. — Отвори, государь!» Но Андрей узнал, что это голос не Прокопия, и не велел отроку, бывшему при нем, отворять дверей. Тогда убийцы одним ударом вышибли их и ворвались в ложницу. Несчастный князь вскочил с постели и долго защищался. Но он был безо всякого оружия, один с молодым отроком, злодеи же имели все, что только

можно было иметь в то время, — сабли, мечи и копья, и их было двадцать человек! Они рубили и кололи его до тех пор, пока он, сказав: «Господи! В руце твои предаю дух мой!» — не скончался. Убийцы вышли из ложницы и отправились окончить грабежом свое ужасное преступление.

Бог, приняв на небо душу князя, так прогневался на землю Русскую за это злодеяние, что казалось, совсем оставил ее. Это говорили все добрые люди того времени. Они видели гнев Божий в тех ужасах, какие происходили после кончины государя. Убийцы его разграбили погреб и казну княжескую, разбежались по городку Боголюбову, сзывали к себе всех жителей, чтобы вместе идти грабить дворец и дома боярские. Не нужно сказывать вам, что все дурные люди тотчас послушались их. Ворвавшись во дворец, они вытащили тело князя и бросили его в огороде безо всякой одежды. Верный слуга его Козьма Киевлянин едва мог выпросить у злого Анбала ковер, чтобы покрыть его и отнести в церковь. И туда даже безумный народ не пустил своего князя. Все причетники были пьяны, и сторож велел положить тело на паперть. Жалко было смотреть и слушать, как добрый Козьма, горько рыдая над телом и целуя покрытые кровью руки государя, говорил: «О добрый князь мой! Никто из слуг твоих не узнает тебя, который так ласково принимал и угощал во дворце своем всякого — и грека, и латина, и болгара, и еврея! А тебя и в храм Божий не пускают!» Никто не пришел утешать его, он плакал один. Да и некому было разделять его горесть: весь народ был в ужасе

и смятении. Одни убивали и грабили, другие прятались от убийц и грабителей, третьи плакали об убитых. Одним словом, нельзя пересказать вам всего, что происходило в это время в Великом княжестве Владимирском и особенно в Боголюбове! Наконец священники решили молить Бога о прощении великого злодеяния, сделанного в земле Русской. Помолясь усердно в церквах, они пошли в ризах, с образами, молитвами и пением по улицам. Бунтовщики испугались, вспомнили о Боге, которого они так прогневали, и усмирились. Тогда граждане и священники владимирские пришли за телом несчастного государя и повезли его во Владимир. Толпы владимирцев вышли из города, и, как только увидели вдаль княжеские знамена и услышали печальное пение, все заплакали и упали на колени. Грустно было им видеть во гробе того, кого они встречали прежде с радостью в Золотых воротах своих: Андрей Георгиевич почти всегда возвращался из походов с победою. Он построил у въезда такие же Золотые ворота, какие были в Киеве. Сюда въезжал он живой с весельем и славою, — сюда ввезли его и мертвого и похоронили в прекрасной Златоверхой церкви Святой Богоматери, им же построенной.

Таблица XVIII

Семейство великого князя Андрея I Георгиевича Боголюбского

Супруга: Улита, дочь боярина Кучки

Сыновья:

1. Юрий
2. Изяслав
3. Владимир
4. Мстислав

Великий князь Михаил

Георгиевич. 1174—1176 годы

После смерти Андрея Георгиевича все подданные его — ростовцы, суздальцы и переяславцы — съехались в город Владимир на вече, т. е. на совет, кого выбрать государем. Четыре князя имели право быть наследниками Андрея: два брата его — Михаил и Всеволод Георгиевичи и два сына старшего брата — Ярополк и Мстислав Ростиславичи.

Вече было шумное, съехавшиеся бояре и военные люди много спорили: одни хотели иметь государями Михаила и Всеволода, другие — Ярополка и Мстислава. Глеб Святославич, князь рязанский, один из Олеговичей, женатый на сестре Ярополка и Мстислава, старался всеми силами, чтобы выбраны

были молодые князья, братья жены его: они всегда жили в его доме, и потому он надеялся, что по молодости их будет иметь много власти в Великом княжестве.

Старания его, хотя и ненадолго, имели успех: Ярополк и Мстислав были выбраны, но съехавшиеся на вече из разных городов бояре-избиратели перессорились и Великое княжество разделилось на два — Владимирское и Ростовское. В первом стал государем Ярополк, во втором — Мстислав.

Княжение их было непродолжительно. Владимирцы скоро увидели, что не новый государь, а Глеб Рязанский управляет ими, что не природные бояре их, а только приезжие из Рязани и Киева живут счастливо и весело при дворе княжеском, что великий князь позволяет богатым обижать бедных, брать деньги не только из казны государственной, но даже из церковной; наконец, что он отдал Глебу Святославичу Рязанскому даже драгоценный образ Богоматери Пирогощей. Все это, и особенно последнее, вывело из терпения владимирцев: они увидели, что нечего ожидать им от государя, так мало любившего народ свой, и по согласию с ростовцами отправили послов к Михаилу Георгиевичу, жившему тогда в Чернигове, и велели послам сказать ему так: «Ты внук Мономаха и старший из князей его рода. Иди на престол Боголюбского».

Михаил был в это время болен, однако согласился на просьбы бояр владимирских и велел нести себя

на Носилках во Владимир. Вместе с ним был и меньшей брат его Всеволод Георгиевич.

Ярополк, услышав о такой неожиданной новости, пошел навстречу врагам своим, но ни он, ни пришедший на помощь ему брат его Мстислав Суздальский не могли остановить Михаила. Хотя он и был болен, но зато брат его Всеволод Георгиевич храбро сражался и прогнал обоих племянников.

Михаила внесли в город как победителя, народ встретил его с радостью и веселился несколько дней с новым великим князем, который старался исправить, все ошибки Ярополка: отдал назад все деньги, взятые из церквей, и выгнал из Владимира чужих бояр, обижавших бедных жителей.

Ростовцы и суздальцы просили его также быть и их государем. Михаил ездил к ним, принял присягу и приказал войску приготовиться к войне, чтобы наказать Глеба Рязанского. Но Глеб прислал просить у него прощения и отдал назад все, что вывез из Владимира. В числе прочих вещей был и образ Богоматери.

Михаил, видя радость, с какой народ встречал Святую заступницу свою, согласился простить рязанского князя.

Кончив дело с этим хитрым врагом, Михаил посчитал первым долгом своим наказать убийц брата, Андрея Георгиевича: он приказал всех их утопить в озере, которое с тех пор называлось *Поганым*.

Великий князь Михаил, верно, отличил бы себя многими славными делами, но, к несчастью, болезнь его продолжалась, и через год народ русский лишился доброго государя.

Таблица XIX

Семейство великого князя Михаила I Георгиевича

Супруга: неизвестна

Сын: Глеб

Вступление на престол

великого князя Всеволода

III. 1176—1178 годы

Владимирцы тотчас после смерти Михаила Георгиевича собрались перед Золотыми воротами и выбрали князем брата Михаила—Всеволода III Георгиевича. Но не то было в Ростове. Там рязанский

князь Глеб Святославич принялся опять за прежнее любимое ремесло свое — ссорить князей и народ, чтобы пользоваться их ссорами; и ростовцы, по совету его, объявили, что желают иметь государем не Всеволода, а прежнего князя своего — Мстислава Ростиславича. Опять началась война, опять полилась кровь русских! Глеб, защитник Мстислава, доказал во время этой войны, что не имел никакой привязанности к отечеству, никакой жалости к народу: он нанял половцев и первый ввел их в северные области наши, где они до тех пор никогда не были. Под начальством этого жестокого князя они ворвались туда, как голодные волки в овчарню, взяли Боголюбов, грабили церкви, жгли деревни боярские, уводили жен и детей в плен. Но Бог наказал за это Глеба Святославича: он, сын его Роман и Мстислав Ростиславич были побеждены великим князем и посажены в темницу.

В этой темнице объявили беспокойному Глебу, что он будет освобожден только тогда, когда откажется навсегда от своего княжества и уедет жить в южную Россию. Он отвечал, что лучше умрет в неволе, нежели согласится на такое условие, и в самом деле вскоре скончался.

Рязанцы, услышав о несчастье своего князя, испугались сильного Всеволода и сами привезли к нему брата Мстислава — Ярополка Ростиславича. Народ владимирский, увидев опять этого князя, причинившего вместе с братом своим столько бед в Великом княжестве, пришел в ярость, ворвался в темницу

и ослепил обоих братьев. Неизвестно, не хотел или не мог великий князь удержать дерзость народа, совершившего это преступление, мы знаем только то, что он не наказал злодеев, и оттого нельзя считать его совершенно невинным в этом деле. Но Ярополк и Мстислав были всех менее виноваты в тех беспорядках, за которые думали наказывать их: они были молоды, никогда сами не начинали ссор, а только исполняли приказания Глеба, которого привыкли слушаться, потому что выросли в его доме. Богу угодно было доказать невинность их, и вы очень удивитесь, услышав, что случилось с ними.

Когда выпустили их — уже слепых — из темницы, они отправились в южную Россию и, проезжая мимо Смоленска, зашли помолиться в смядынскую церковь Святых Бориса и Глеба. Оба князя были всегда набожны, но в этот раз они с особенным усердием молились и, помня слова Иисуса Христа, не только не проклинали врагов своих, но даже простили их. Бог не оставляет никогда без награды такие добрые сердца, и вообразите же радость и счастье обоих князей, когда вдруг в то время, когда они оканчивали молитву свою, темнота, покрывавшая глаза их, начала исчезать и вместо нее показывалось что-то похожее на прежний прекрасный свет дня. Бедные князья думали сначала, что они видят это во сне! Но вот уже они различают образа, горящие перед ними свечи, видят всю церковь, наконец узнают друг друга! Со слезами восхищения и благодарности, громко прославляя имя Господа,

они упали на колени и обещали всегда быть добрыми и не слушать советов злых людей.

Это чудо разнеслось по всей Руси: все полюбили князей, любимых Богом, и новгородцы призвали их быть государями в областях их. Мстислав начал княжить в самом Новгороде, Ярополк — в Торжке.

Таким образом, все успокоились, и Всеволод III Георгиевич уже безо всякого спора, как старший из Мономаховичей, сделался великим князем владимирским. Старший же из Олеговичей — Святослав Всеволодович, сын Всеволода II, был в это время князем черниговским и киевским.

Первое стихотворение

русское. 1178—1185 годы

Верно, многие из вас с восхищением слушают, когда старшие братья или сестры читают прелестные сказки Жуковского и Пушкина? Может быть, вы даже знаете наизусть некоторые из них? Припомнив несколько приятных строчек, прочитайте потом следующие:

«Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ* на забралѣ, аркучи: „О вѣтре, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеше? Чему мычеши хыновьскыя стрѣлки на своєю нетрудною крыльцо на моя лады вои? Мало ли ти бяшетъ горь подѣ облакы вѣяти лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковыляю развѣя?.. О Днепре Словутицю! Ты пробиль еси каменныя горы сквозь землю Половецкую. Ты лелѣяль еси на себѣ Святослави носады до плѣку Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано“».

-
- Знаком «Ѣ» в данном случае обозначается буква «Ять» (Прим. администратора библиотеки).

Это также стихи, сочиненные при великом князе Всеволоде Георгиевиче, в XII веке. Они те самые, несколько строк из которых вы уже читали в стихах Жуковского о княжении Владимира I, или Святого; они взяты из первой русской поэмы, которая называется «Слово о полку Игореве». Мы называем ее первую, потому что она была первая, до нас дошедшая, но надобно думать, что и до того времени были поэты русские: сочинитель «Слова о полку Игореве» говорит о соловье старого времени — стихотворце Бояне, который сладко пел о славе князей наших. Сочинения их, вероятно, затерялись во время беспрестанных войн,

пожаров и грабежей, разорявших в старину наше отечество.

«Слово о полку Игореве» — это повесть или рассказ о походе Игоря. Игорь был внуком знаменитого Олега Черниговского и князем Новгорода-Северского. Этот город находился на земле Северской, там, где теперь две губернии наши — Черниговская и Полтавская. Игорь с самых молодых лет был чрезвычайно храбр, любил войну и для славы готов был с радостью умереть.

В 1184 году князя южной России, из которых главным был Святослав Всеволодович Киевский, не сказав ни слова Игорю Северскому, пошли против злых врагов отечества — половцев и 30 июля одержали над ними славную победу, взяли в плен 7 тысяч человек, 417 князьков, в том числе знаменитого Кобыка, множество прекрасных лошадей азиатских и разного оружия. Даже самый храбрый из ханов их, Кончак, был разбит ими, несмотря на то что у него было огнестрельное оружие, которое предки наши называли *живым огнем*.

Слава о такой победе разнеслась по всей земле Русской. И большие и маленькие говорили о храбрых князьях, певцы пели о делах их в песнях, сказочники рассказывали в сказках. Многие завидовали такой славе, и всех более — князь Игорь Северский. Он совершенно потерял прежнее спокойствие и веселость свою, сердился на князей за то, что они не пригласили его идти вместе с ними; думал только о том, чтобы прославиться еще более их, и для того

начал вместе с меньшим братом своим Всеволодом Курским тайно приготавливаться к походу. Не прошло года, как уже оба князя со своими боярами, дружиною и нанятыми черными клобуками пошли к Дону. Около этой реки раскинута были шатры половецкие. Кончак, недавно разбитый русскими, и пять других ханов удивились, увидев их опять перед собою. С ужасной злобой, с сильным желанием отомстить бросились они на них, однако храбрые князья победили и принудили половцев бежать и оставить им в добычу весь стан и даже семейства свои.

Весело пировали князья русские на завоеванной земле и в шатрах неприятельских, гордо говорили: «Что скажут теперь князья и братья наши? Они победили половцев у себя дома и не смели идти в их землю, а мы уже в ней, скоро будем и за Доном, где никогда не были отцы наши, истребим всех поганых* и достанем себе славу вечную!»

-
- *Так всегда русские называли своих неприятелей, особенно нехристиан.*
-

Такая гордость, такое ненасытное желание прославиться истреблением невинных людей никогда не остаются без наказания. Это случилось и с Игорем. Он хотел истребить всех половцев, а между тем они собрали силы свои и на берегах реки Каялы*

истребили почти все войско русское. Некому было даже принести в отечество известие о несчастье их: все оставшиеся в живых были уведены в плен, в том числе князь Игорь и брат его Всеволод.

** Каяла называется ныне Кагальником.*

К счастью, случилось в это время проезжать по Каяле каким-то купцам, им поручили половцы сказать в Киеве, что теперь они могут обменяться со Святославом пленниками.

Получив это известие, все князья опечалились, Святослав Киевский даже плакал, но никто не пошел выручать князей из плена, боясь такой же участи. Однако Игорь вскоре возвратился сам. Один крещеный половчанин помог ему убежать от хана Кончака, который, несмотря на жестокое сердце свое, уважал храброго Игоря и не обижал его во время плена, а позволил ему жить как князю, иметь у себя слуг, священника и забавляться ястребиною охотою. Зато и Игорь не скоро согласился бежать от благородного неприятеля своего: только сильное желание увидеть печальную супругу, детей и народ свой заставило его решиться на такой поступок, который он всегда называл постыдным.

Кончак не рассердился за это на Игоря; но, *упустив сокола, хотел опутать соколенка*, — сказано в «Слове о полку Игореве»: у Игоря был молоденький сын

Владимир, такой же храбрый, как и отец. Он был с ним в этом походе и не отставал от отца ни в каких опасностях. Вместе с ним попал и он в плен. Это был тот соколенок, которого хотел опутать хан Кончак. Такими словами, сочинитель первой поэмы нашей хотел сказать, что благородный Кончак желал привязать к себе молодого Владимира любовью и благодарностью и сделал это, выдав за него прекрасную дочь свою. Два года прожил молодой князь в новом семействе своем, на третьем начал просить тестя отпустить его на родину, и добрый Кончак согласился: Владимир уехал из земли Половецкой вместе с женой.

Вот этот несчастный поход и плен Игоря описаны в первом стихотворении русском. Чтобы оценить все достоинства его, надобно хорошо понимать старинный язык наших предков, а вы видели из нескольких строк в начале этой главы, что это невозможно для вас, милые читатели. Подождите, пока вы будете постарше, тогда вы, верно, скажете, что и самый старинный поэт наш ненамного уступал нынешним. А до тех пор будьте довольны теми немногими строками, которые прочли здесь. Я постараюсь сделать их более понятными для вас. В них описывается горесть супруги Игоря, когда она узнала, что он в плену у половцев.

«Ярославна плачет рано поутру, смотря с городской стены Путивля в чистое поле: „О ветер сильный! Для чего легкими крыльями своими наносишь ты стрелы ханские на воинов моего друга? Разве мало для тебя веять на горах подоблачных и лелеять корабли

на синем море? Для чего, о сильный, развеял ты веселие мое?.. О Днепр славный! Ты пробил каменные горы, стремясь В землю Половецкую. Ты лелеял на себе ладьи Свято-славовы до стана Кобякова. Принеси же и ко мне друга милого, чтобы не посылала я к нему рано утром слез моих в синее море!“».

Литовцы и рыцари

немецкие. 1185—1200 годы

На берегах Балтийского моря, стало быть, на западе России, в нынешних губерниях Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, жили в XII веке литовцы и народы чудские, или просто чудь. Потомков последних мы видим теперь в наших финнах, или чухнах, которые так часто привозят на рынки петербургские масло, молоко, уголь, дрова и разные другие вещи. Хотите ли вы знать, как попали к нам немцы? Послушайте. В то время все народы европейские, принявшие веру христианскую, очень заботились о том, чтобы не было нигде идолопоклонников. Почти в каждом государстве были

люди, которые, чувствуя истину христианской веры, так усердно желали сделать всех христианами, что собирались по несколько сот человек и клялись стараться всеми силами крестить всех неверных, где бы они ни жили, и защищать церковь от всех врагов ее. Такие люди назывались *рыцарями*, а общество их — *Орденом*. Эти рыцари разъезжали по всем странам, где думали найти идолопоклонников, и часто даже силою заставляли их быть христианами.

Чудские народы и литовцы не имели еще никакого понятия о Боге истинном, и вот христиане разных государств пошли просвещать их. Чаще всего приходили к ним шведы, датчане и немцы, но учили их не с той кротостью, в которой показал нам пример Спаситель наш, а с жестокостью, можно сказать даже — со злодейством: они убивали тех, кто не слушал их, и, завладев землями убитых, поселялись сами в их жилищах. В 1186 году один из просветителей, по имени Мейнгард, построил первую латинскую церковь в городе Икскуле, на реке Двине. Папа* был так доволен усердием Мейнгарда, что сделал его епископом ливонским, и с тех пор немцы получили большую власть в литовской земле. Эта власть еще более увеличилась в 1197 году, когда после смерти Мейнгарда приехал из Германии и стал епископом ливонским Альберт фон Бугсгевден. Он привез с собой множество родственников своих, немецких купцов и воинов, чтобы поселить их в своем епископстве, и для того заложил в 1200 году город Ригу. Альберт был очень умен и хитер: чтобы еще более утвердиться в Ливонии, он выпросил

у Папы позволение учредить военный и духовный Орден рыцарей, которые бы защищали церковь ливонскую, покоряли земли неверных и крестили их. Вот это и были *меченосцы*, или *рыцари Святой Марии*. Последнее название получили они потому, что церковь, которую им должно было защищать, была во имя Пресвятой Богородицы. Они так усердно помогали своему епископу, что бедные литовцы и чудь боялись их как огня. Из страха перед проповедниками они тотчас соглашались креститься и быть подданными епископа. Чтобы заставить литовца отдать все, что было у него самого лучшего, стоило только надеть белый плащ с красным крестом рыцаря: завидев издали эту страшную одежду, идолопоклонники прятались, куда только могли, многие убегали в дремучие леса и оставались там жить. Если кто-нибудь из них умирал, они плакали над ним, клали в гроб его пищу, питье, топор, немного денег и говорили: «Ступай, бедняк, в лучший мир, где не тебе немцы, а ты немцам будешь приказывать!» По этому можно судить, как во зло употребляли имя Божие эти жестокие рыцари и даже сам епископ!

-
- *Папа, или первосвященник,— начальник всего духовенства римско-католического; живет в Риме.*

При такой силе и при таких злодеяниях не удивительно, что владения епископа рижского

беспреданно увеличивались, и скоро нападения рыцарей с литовцами на соседние земли—полоцкие, псковские и новгородские—сделались страшны для бедного отечества нашего, и без того разоряемого ссорами собственных удельных князей и нерешительностью—можно сказать, даже слабостью—великого князя Всеволода Георгиевича, который, продолжая спокойно княжить в северных областях русских, казалось, мало заботился о южных и совсем не думал, что Россия счастлива только тогда, когда зависит от одного государя. Вместо того чтобы держать в страхе южных удельных князей, он позволял им своевольничать до того, что наконец они совершенно по своей воле распоряжались своими владениями и беспреданно отнимали их друг у друга. Самым смелым, сильным, хитрым и жестоким из них был Роман Мстиславич Волынский, правнук Мстислава Великого. История о делах его так велика, что надобно рассказать ее в особой главе.

Роман Волынский

и княжество Галицкое. 1200

—1212 годы

Ярослав Владимирович, сын первого князя галицкого Владимирка Володаревича, был достоин знаменитого отца своего, которого читатели, конечно, помнят, потому что он был племянником ослепленного Василька и основателем Галича в княжение Всеволода II. Ярослав Владимирович увеличил еще более это новое княжество и сделал его страшным для соседей своих — венгров и поляков. Но зато единственный сын его Владимир вовсе не походил ни на отца своего, ни на деда. Причиной этого было баловство матери, которая сначала позволяла ему делать всевозможные шалости, а потом не могла уже и унять избалованного сына.

Нельзя описать всех беспорядков, какие были при Владимире, когда после смерти отца он сделался государем галицким. Вместо того чтобы заниматься делами, он предавался невоздержанию, веселился как безумный. Вы можете представить себе, что при таком государе бояре могли делать все, что хотели. Бедный народ терпел ужасные притеснения, начал роптать и наконец взбунтовался. Но надобно сказать, к чести простого народа нашего, что никогда сам он не забудет почтения к государю своему, а всегда какие-нибудь дурные люди научат его этому. Так случилось и в Галиче. Самым близким соседом галичан был Роман

Мстиславич Волынский, князь хитрый и властолюбивый. Беспреданно слыша о беспорядках Владимира, он знал, что нетрудно будет взбунтовать недовольный народ и заставить его изгнать слабого государя. Он надеялся также, что галичане, сделав это, изберут непременно его князем своим. Надежда эта исполнилась. Владимир принужден был бежать в Венгрию, а Роман Мстиславич тотчас призван был галичанами на престол. Но это было ненадолго. Венгерский король Бела так же, как и Роман, хотел завладеть Галичем и послал туда с войском сына своего Андрея, который, выгнав князя Волынского, сделался сам королем галицким. Владимир же был посажен в темницу в Венгрии.

Но и царствование Андрея было непродолжительно. Все князья южной России с досадой смотрели, что прекраснейшая область отечества их была в руках чужеземцев; все они с жадностью бросились отнимать ее у венгров, но никто не успел в этом, потому что все они, по обыкновению своему, перессорились. Андрей радовался этим ссорам и уже думал спокойно владеть чужой областью, как вдруг неожиданно лишился ее.

Владимир Ярославич Галицкий был посажен по приказанию венгерского короля в высокую башню. Ему удалось, однако, уйти оттуда через окно, по веревкам, свитым из простынь и занавесок кровати. Немецкий император Фридерик Барберусса и польский король Казимир Справедливый были его покровителями. Последний даже дал ему войско, чтобы

выгнать венгров из Галича. Галичане радовались этому, потому что новый государь их Андрей делал им еще более зла, нежели Владимир. Он и приехавшие с ним венгры так презирали русских, что даже в церквах наших делали лошадиные стойла. После этого подумайте, могли ли они не радоваться возвращению Владимира? По крайней мере, он был одной с ними веры.

Владимир, выгнав венгров, боялся других искателей Галича и для того просил покровительства великого князя Всеволода Георгиевича. Он писал ему так: «Будь моим отцом и государем, я Божий и твой со всем Галичем, но только твой; тебе одному хочу повиноваться». Такие слова государя княжества знаменитого были лестны для гордого Всеволода, и он объявил себя защитником его.

Через несколько лет Владимир умер, не оставив детей. Роман Волынский тотчас явился туда с поляками, которых выпросил в помощь себе у короля польского. Галичане, зная жестокий нрав этого князя, умоляли сына Казимира, чтобы он сам управлял ими или прислал наместника. Однако он не согласился и силою сделал Романа государем их.

Если бы бедные галичане знали это, то, верно, не показали бы Роману, что так сильно ненавидели его: дорого заплатили они за эту ненависть. С самого начала его княжения не проходило дня, чтобы кто-нибудь из бояр ре был наказан. Лучших из них он умерщвлял, зарывал живыми в землю, расстреливал и потом

присваивал имена их. Любимая пословица его была: «Если хочешь есть мед, то надобно задавить пчел...»

Страшный князь был жесток не только к одним подданным своим. Узнав, что тесть его и наследник умершего Святослава Киевского, князь Рюрик Ростиславич, замышляет с Олеговичами отнять у него Галич, Роман собрал войско свое скорее их, явился в Киев, покорил всех, и тесть его с женою и дочерью их, супругою Романа, очень нелюбимою им, были насильно пострижены и заключены в один из киевских монастырей.

Роман Мстиславич, поступив так жестоко с бедною супругой своей, женился на другой. Воюя беспрестанно с соседними народами и беспрестанно побеждая их, он так прославился своими завоеваниями, что волынские историки называют его Великим и даже самодержцем всей Руси. Может быть, стараясь загладить преступления своей молодости раскаянием и добрыми делами, он, так же как и Святой Владимир, заслужил бы название Великого, но жизнь и счастье его не были так продолжительны, и в 1203 году он был убит в сражении с поляками. Молодая супруга его, оставшись вдовой с двумя маленькими сыновьями, терпела много горя. Старшему из них, Даниилу, наследнику Романа, было только четыре, меньшому, Васильку, — два года. Что могла сделать слабая женщина с двумя малютками против всех неприятелей князя галицкого, которые с нетерпением ожидали случая отомстить ему?

Князя южной России, и особенно постриженный князь киевский Рюрик, поспешили воспользоваться смертью Романа Мстиславича и явились в Галич. С другой стороны шли туда поляки. Испуганная княгиня с обоими сыновьями бежала в наследственную область супруга своего — Владимир-Волынский, но и там пробыла недолго.

Князя северские, сыновья Игоря, известного несчастным походом на половцев, сделавшись с общего согласия Олеговичей государями галицкими, требовали от владимирцев, чтобы они выдали им маленьких сыновей Романа или столица их будет разрушена. Народ хотел умертвить посла, привезшего это известие, и просил княгиню надеяться на его защиту, но нежная мать, страшась одной мысли потерять милых детей своих, не решалась остаться вблизи врагов и ночью бежала из дворца. Проливая слезы, вела она за руку наследника прекрасного княжества Галицкого — бедного мальчика Даниила, который в эту минуту, верно, не столько жалел о престоле, сколько о теплой постельке своей. С другой стороны вел Даниила дядька его Мирослав, верный слуга семейства своего государя. За ними шел священник Юрий и кормилица с малюткой Васильком. Подойдя к городским воротам, несчастные беглецы нашли их уже запертыми и вынуждены были пролезть сквозь небольшое отверстие развалившейся стены. Долго шли они пешком до границ Польши. Там король Лешко Белый ласково и дружески принял княгиню. Судьба несчастного семейства так тронула его, что он обещал ему всю возможную помощь

и послал маленького Даниила с письмом к королю венгерскому Андрею. В этом письме он напомнил Андрею дружбу к нему Романа, отца Даниила, и призывал его вступить за изгнанников и возвратить им наследственные владения. Андрей также очень ласково принял маленького князя, но ни тот ни другой ничего не сделали в пользу его, потому что богатые подарки князей северских, завладевших Галичем, вскоре переменили расположение Венгрии и Польши к семейству Романа Мстиславича. Однако вдова и сироты его жили при этих двух дворах, где мы ненадолго оставим их, чтобы взглянуть на то, что делается на севере России.

Мстислав Мстиславич

Храбрый, князь

новгородский. 1212—

1219 годы

Великий князь Всеволод III имел много детей, и по этой причине предки наши называли его Великим Гнездом. У него было шесть сыновей—Константин, Георгий, Ярослав, Владимир, Святослав и Иоанн. Всех их он любил с одинаковой нежностью. Весело и богато праздновал он рождение каждого из них, но еще веселее и торжественнее *постриги* их.

Вы удивляетесь этому слову, милые читатели, и, верно, не понимаете его?

Слово «постриги» значило в старину праздник первого обрезания волос у мальчика, когда ему исполнялось четыре года. Предки наши почитали обрезание важным обрядом: оно означало, что мальчик, которому при епископе, боярах и гражданах стригли волосы и которого потом сажали на лошадь, вступал в звание гражданина и воина. Чем знатнее были родители, чем нежнее они любили сына, тем богаче были постриги малютки. Но никто не давал таких пышных пиров при этом, как Всеволод III. Он угощал

всех князей союзных, одаривал их золотом, прекрасными лошадьми, дорогими одеждами, одаривал и бояр своих мехами, позволял и народу пировать и веселиться на дворе княжеском.

Когда же все сыновья великого князя выросли, стала приметна особенная любовь его ко второму сыну — Георгию. Он даже назначил наследником своим его, а не старшего сына — Константина. Это послужило причиной ссоры между братьями, которая началась тотчас после смерти отца. Примирителем их был Мстислав Мстиславич Храбрый, князь знаменитый, добрый, великодушный. Дела его заслуживают особенного внимания, и потому надобно рассказать историю его до того времени, как он помирил двух братьев.

Вы видели, сколько беспорядков происходило в продолжение 37-летнего княжения Всеволода III, вы видели, что слабая нерешительность его не могла удержать в повиновении князей южной России, которые вовсе не считали его государем своим. В северных областях власть его была гораздо действеннее, так что он мог держать в страхе беспокойных новгородцев и по воле своей сменять князей их. Гордые новгородцы славились богатой торговлей. Всеволод Георгиевич знал, что, препятствуя этой торговле, скорее всего можно покорить сильный Новгород, и не ошибся. Когда он начал мешать новгородским купцам торговать в России заморскими товарами, а чиновникам разъезжать по двинской земле за податями, *вольные*

люди, чтобы умиловить хитрого князя, принуждены были выбрать государем своим одного из сыновей его — Святослава. Всеволод только того и ждал, и с тех пор начались несчастья Новгорода. Вместе с четырехлетним Святославом Всеволодовичем приехали в Новгород опытные владимирские бояре, управлявшие новгородцами от имени маленького князя. Много терпели несправедливостей и обид граждане новгородские от этих приезжих бояр, но не смели жаловаться, потому что боялись терпеть еще более. Надеясь на Бога, они ожидали помощи от одного его.

Эта надежда не обманула их: к ним явился защитник — сын прежнего, любимого князя их, знаменитого Мстислава Храброго, также Мстислав и также названный потом Храбрым и Счастливым. Этот молодой князь, горячо любивший свое отечество, с печалью смотрел на беспорядки, происходившие во всех областях его, и решился употребить все силы, чтобы поправить расстройство и примирить сколько можно князей. Дела было довольно для великодушного Мстислава Мстиславича: беспорядки были и в Киеве, и в Галиче, и в Новгороде. Прежде всего он отправился в этот город и объявил себя защитником новгородцев, которые, с восторгом принимая нового государя, называли его своим спасителем, отцом, своим воскресшим Ярославом. Он усмирил бояр владимирских и отправил их вместе с маленьким Святославом к великому князю. Потом защитил земли новгородские от нападения немецких рыцарей и литовцев, принудил чужд заплатить обычную дань ее

Новгороду и, наконец, приведя все в порядок, объявил на вече, что он должен идти в южную Россию, где венгры, поляки и Олеговичи безжалостно мучили бедных жителей.

Новгородцы со слезами расстались с князем, благодетелем отечества их, и призвали на престол свой зятя его Ярослава Всеволодовича. Но как он был не похож на доброго и благородного тестя своего! Ярослав думал, что одна строгость может удержать в повиновении беспокойных новгородцев, и довел эту строгость до такой жестокости, что во время случившегося там голода выехал со всем семейством своим в Торжок и не послал в столицу новгородскую ни одного воза с хлебом. Добрый Мстислав Мстиславич, услышав о делах зятя, приехал утешить новгородцев. Он надеялся, что успеет помирить их с Ярославом, но этот строгий князь не хотел и слышать о мире. В то время отца его великого князя Всеволода III уже не было на свете, а у двух старших братьев — Константина и Георгия началась та ссора за великокняжеский престол, о которой вы читали в начале этого рассказа. Войско Георгия было многочисленнее, и всем казалось, что победа будет на его стороне. Он обещал помогать и меньшему брату своему Ярославу в войне с Мстиславом и новгородцами; но в то же время и Мстислав обещал возвести Константина на престол великокняжеский, если он поможет ему усмирить зятя. Константин Всеволодович явился с полками своими.

Сначала благоразумный Мстислав старался всеми силами уговорить князей не начинать междоусобной войны, которая бывает всегда величайшим злом для государства, ласково просил их признать великим князем старшего брата и возвратить новгородцам взятые у них Ярославом города. Но гордые князья с насмешкой отвечали, что они со своими храбрыми суздальцами могут противиться всем русским вместе, а *Новгород закидают и одними седлами*. После такого дерзкого ответа они созвали к себе в шатры воевод своих, приказали им не щадить в битве никого, а убивать всех без разбора и, думая непременно завоевать всю Россию, уже делили ее между собой. Георгий письменным договором определил, какие области достанутся братьям его, какие останутся за ним, и, окончив эти распоряжения, послал сказать Мстиславу и Константину, что он и брат его Ярослав хотят сражаться с ними на Липецком поле.

Заметьте, милые читатели, как Бог всегда наказывает людей гордых и слишком надеющихся на себя! Георгий и Ярослав пришли на Липецкое поле, думая непременно победить неприятелей своих, и вместо этого были побеждены сами. Новгородцы и полки Константиновы под начальством Мстислава показали редкую храбрость. Неприятели вскоре побежали от них и на каждом шагу оставляли мертвых, победители гнались за ними, не щадя никого. Ярослав ушел в свой Переяславский удел и в гневе умертвил там многих купцов новгородских, а Георгий прискакал во Владимир. Напрасно умолял он владимирцев

защитить его. Спустя два дня пришел к ним Мстислав, и все покорилося ему и Константину. Георгий, выезжая из столицы, с горестью жаловался на Ярослава и винил его в несчастье своем.

Но доброму Константину горестно было видеть брата в изгнании: через несколько месяцев он призвал его к себе и, чувствуя свое слабое здоровье, объявил его своим наследником.

Между тем храбрый Мстислав во второй раз простился с новгородцами. Хотите ли послушать, милые читатели мои, как говорили тогда князя новгородские со своими подданными на вече их? Вот немногие слова Мстислава: «Кланяюсь Святой Софии*, гробу отца моего и вам, добрые новгородцы! Чужие народы владеют знаменитым княжеством Галицким, я хочу изгнать их. Но вас не забуду и желаю, чтобы кости мои лежали у Святой Софии, там, где покоится родитель мой!»

-
- *В Новгороде была главная церковь во имя Святой Софии покровительницы этого княжества.*

Он точно исполнил свое намерение и вскоре по приезде в Галич развеял как пыль многочисленных врагов этой несчастной земли. Главными из них были венгры и поляки, которые, убив самым жестоким образом Игоревичей, посадили на престол их двух

соединенных браком детей— Коломана, сына короля венгерского, и Саломею, дочь короля польского.

Таким образом венгры и поляки уже совсем завладели наследством детей Романа Мстиславича, короновали Коломана и Саломею как короля и королеву галицких, и между тем как их величества занимались своими игрушками, бояре их управляли как хотели делами государственными. Своевольство их дошло наконец до того, что они хотели переменить и греческую веру галичан на латинскую, и уже выгнали наших священников, и принуждали всех русских сделаться католиками. Вот это притеснение православной веры нашей заставило Мстислава Храброго поспешить как можно скорее на помощь к бедному народу галицкому.

Для героя, прославившегося делами необыкновенными, нетрудно было победить расстроенное войско венгров, не имевших опытного начальника, унять своевольных бояр и взять в плен маленьких государей их. Галичане, благословляя своего избавителя, называли его своим Красным Солнышком, а епископы русские, возвращенные им на родину, возвели его на престол галицкий.

Но вы, верно, ожидали, что добрый и справедливый Мстислав отдаст это княжество Даниилу, законному наследнику Романа, и это желательно было бы потому, что Даниил, еще будучи ребенком, подавал отличными качествами своими прекрасную надежду быть со временем князем знаменитым. Но Мстислав Храбрый

имел тот недостаток, который имеют почти все добрые и откровенные люди: он был легковверен и, не умея лгать, думал, что и все люди говорят правду. Хитрые бояре галицкие, подкупленные венграми, старались воспользоваться этой слабостью и уверили его, что народ не любит Даниила и что мир с королем венгерским гораздо выгоднее для Галича, нежели война с ним. Мстислав сожалел об этом, потому что любил Даниила и даже отдал за него дочь свою, но, чтобы не ссориться с венграми, не только отпустил в Венгрию Коломана и Саломею, но и стговорил другую дочь за меньшого сына короля венгерского и обещал дать за нею в приданое Галич. Это была важная ошибка Мстислава, ошибка, которая причинила вскоре новые беды галичанам.

Даниил Романович, уважая тестя, не роптал на него и остался князем только в Вольни.

Таблица XX

Семейство великого князя Всеволода III Георгиевича

Супруга: неизвестна

Сыновья:

1. Константин
2. Георгий
3. Ярослав
4. Владимир
5. Святослав
6. Иоанн

Нашествие татар. 1219—

1238 годы

Если, читая эту историю, вы часто жалели о несчастьях бедного отечества нашего, если вас огорчало то, что должны были терпеть добрые предки наши, то приготовьтесь плакать: ни злые кудесники, ни дикие печенеги и половцы, ни появившиеся вновь литовцы и немецкие рыцари, ни ссоры князей и ненависть их друг к другу не причинили столько бед земле Русской, сколько ужасное, неслыханное несчастье, которое в истории нашей называется *нашествием татар*.

В то время татары вовсе не походили на смиренных и честных потомков их, спокойно живущих теперь в некоторых из наших губерний, например Тобольской, Казанской, Таврической. Нет, это были грубые, полудикие, бесчеловечные воины, жившие в Азии, к югу от Иркутска, в нынешней Татарии Китайской, промышлявшие ловлей зверей, скотоводством и грабежом. О природной жестокости их вы можете

судить по рассказу о детстве самого знаменитого хана, или царя их, Темучина.

Он остался тринадцати лет после смерти отца своего Езукая Багадура. Подданные его вдруг взбунтовались против хана-ребенка. Что же сделал этот ребенок, этот тринадцатилетний Темучин? Он собрал войско, усмирил бунтовщиков и приказал их сварить живыми в семидесяти котлах кипящей воды. Один такой поступок показывает вам все ужасные свойства народа, у которого даже дети были так злы и безжалостны.

Этот молодой Темучин более всех других ханов прославился завоеваниями и победами: он покорил не только многие соседние орды* — татарские, монгольские и киргизские, но даже был в Китае и сжег главный город китайцев — Пекин. Подданные Темучина почитали его человеком необыкновенным, посланным к ним от Бога для прославления их царства. Эта мысль еще более утвердилась в них с тех пор, как явился к ним какой-то мнимый пророк или колдун, вероятно подкупленный ханом, и объявил всему народу и войску татарскому, что Бог отдает Темучину всю землю и повелевает ему называться впредь Чингисханом, или Великим ханом. После такого объявления Темучин, или Чингисхан, уже не встречал более неприятелей между татарскими народами: все они почитали за грех противиться повелению Божию.

-
- *Орда — значит толпа кочующих народов*

Не находя уже противников в Азии и все еще стремясь увеличивать свою славу, Чингисхан пошел в 1223 году к странам западным и тем решил судьбу России.

Недалеко от берегов Каспийского моря полководцы Чингисхана встретили половцев, разбили их и гнались за ними до самых границ наших. Побежденные половцы убежали в Киевскую область, и в их числе был хан Котян, тесть Мстислава Храброго*. Этот хан встревожил всю Россию своими рассказами о страшных татарах и умолял князей идти против них, уверяя, что если они не сделают этого, то татары придут и в Русскую землю, так же как пришли в Половецкую.

-
- *Не один Владимир, сын Игоря Северского, но и многие другие князья наши были женаты на княжнах половецких.*

Князья наши, всегда любившие войну и славу; не со страхом, а с жадностью слушали рассказы старого Котяна: им хотелось лететь навстречу новым, еще не виданным врагам, и вот самые храбрые из них — Мстислав Галицкий, Мстислав Черниговский и Мстислав Киевский со многими молодыми князьями, не согласившись со старшими, безрассудно пошли искать татар. В то время великого князя Константина

Всеволодовича уже не было на свете и престол владимирский принадлежал брату его Георгию II. Георгий, воюя с камскими болгарами, побеждая их и основывая новые города* в местах завоеванных, не мог участвовать в походе южных князей.

- *В это время Георгий II Всеволодович основал там, где сливаются реки Волга и Ока, Нижний Новгород, знаменитый до сих пор славной ярмаркой, которая бывает там каждый год в августе.*
-

На Днепре смельчаки встретили послов татарских. Они еще не начинали ссоры и, напротив того, приглашали князей наших бить вместе с ними половцев, которых татары называли своими рабами и конюхами. Но князья как будто сами желали своей гибели: они думали, что мирные предложения татар происходят от трусости, и с гордостью отвергли их. Молодой князь волынский Даниил вместе с тестем своим Мстиславом Храбрым первыми бросились на показавшийся вдали отряд неприятельский и совершенно разбили его. Эта первая удача заманила далее минутных победителей: они переправились со всем войском за Днепр и девять дней шли до реки Калки*. Здесь-то, на берегах этой несчастной для русских реки, начались бедствия отечества нашего; здесь-то 31 мая 1224 года предки наши потерпели

ужасное поражение, от которого не спасли их ни храбрость всего войска, ни отчаянное мужество неустрашимого Даниила Волынского. Этот герой в жару сражения не чувствовал раны, полученной в грудь, и продолжал бить татар. Все прекрасное войско наше исчезло: шесть князей и семьдесят славных богатырей были убиты. Едва десятая часть спаслась бегством вместе с Мстиславом Галицким и Даниилом Волынским.

- *Эта река называется теперь Кальчик и течет по Екатеринославской губернии, близ Мариуполя.*
-

Победители преследовали побежденных до самого Днепра. Жители городов и селений, чтобы смягчить врагов своих покорностью, выходили к ним навстречу с образами и крестами, но у татар было правилом, что *побежденные не могут быть друзьями победителей*. Следуя этому правилу, жестокие татары убивали всех, кого встречали, не щадя ни стариков, ни женщин, ни даже детей. Народ во всей южной России был в ужасе: ожидая неминуемой смерти, все молились Богу в церквах и дома—и он сжалился над слезами христиан и еще на несколько лет отсрочил погибель их: полководцы татарские вдруг получили повеление от Чингисхана возвратиться к нему в Азию.

Нельзя описать той радости, какую почувствовали русские, услышав, что страшные враги удалились от отечества их! Не зная, откуда они приходили и куда ушли, все почитали их наказанием небесным, и ветреный народ, к несчастью, скоро забыл это наказание. Двенадцать лет не было слуха о татарах, и князья русские, вместо того чтобы воспользоваться этим временем и соединенными силами укрепить расстроенное государство, продолжали свое несогласие. Двое из них—Михаил Черниговский и Ярослав Всеволодович, уже известный читателям нашим брат великого князя, — ссорились за Новгород: непостоянные новгородцы избирали то одного из них, то другого. Наконец утвердился там Ярослав, имевший гораздо более прав на эту беспокойную область и по той храбрости, с какой он защищал ее от нападений литовцев и немецких рыцарей, и по тому усердию, с которым старался загладить прежнюю жестокость свою к новгородцам. Однако княжение его было непродолжительным: в 1236 году он призван был на престол киевский. Князем же новгородским остался сын его, молодой Александр Ярославич, который прославится потом знаменитыми делами, заслужит имя Невского, и еще более—заслужит небесный венец Святого.

Великий князь Георгий II, усмирив болгар, жил спокойно во Владимире и, следуя примеру отца своего, не вмешивался в ссоры князей, не старался ни усмирять непокорных, ни мирить несогласных. Время от времени

ходил он воевать с мордвою. Это был народ, живший недалеко от камских болгар, по берегам Волги.

Мстислав Галицкий после несчастного сражения при Калке уже не мог называться Счастливым: уныние совершенно переменяло нрав его, он сделался слабым, недоверчивым, позволил вельможам галицким управлять собою, позволил им даже оклеветать доброго, благородного зятя своего Даниила Волынского и, поверив клевете, поссорился с ним. Во время этой ссоры он исполнил обещание, давно данное королю венгерскому, — отдать дочь свою и престол галицкий сыну его, а себе оставил только небольшую Подольскую область. Великодушный, верный слову своему Мстислав скоро раскаялся в этом поступке: венгерский королевич отплатил ему неблагодарностью, а добрый Даниил оставался верным сыном его и во время ссоры их, и когда открылась клевета бояр. Обманутый, унылый Мстислав не мог долго переносить жизнь бесславную и скончался в 1228 году.

Смерть его подала новую причину к ссорам. Даниил Михаил Черниговский спорили с венгерским королевичем за Галич, который наконец после смерти королевича достался Михаилу. Даниил просил великого князя и брата его Ярослава Всеволодовича Киевского помочь ему возвратить наследственную область и, получив ласковое обещание их, надеялся быть счастливым государем в милой родине своей, как вдруг все княжества снова встревожились, все люди снова с ужасом услышали страшную весть о врагах, которых

почти забыли: наступил 1237 год и с ним бедствие нашего отечества.

Чингисхан умер в 1227 году. Он завещал сыну и наследнику своему Октаю окончить после него завоевание всего света и мириться только с побежденными народами. Октай, такой же злой, как и отец его, спешил исполнить это приказание: он покорил сам все страны, лежавшие вблизи его государства, а племянника своего Батыея и с ним 300 тысяч воинов послал завоевать северные берега Каспийского моря и другие, соседние с ними земли. Эти *другие земли* были русские.

Батый в 1237 году уже был в Камской Болгарии и разорил столицу болгар Великий Город. Едва эта весть успела дойти до русских, как уже татары были в Рязанской области и послали к нашим князьям двух послов и какую-то колдунью, которые объявили, что если русские хотят остаться живыми, то чтобы стали данниками и рабами татар и тотчас же прислали к ним десятую часть всего имения их. Князья удивились такой дерзости и гордо отвечали: «Пока мы живы, ничего не дадим; если же не будет нас, тогда все возьмите».

После такого благородного ответа князьям следовало бы забыть несогласия свои, думать об одном спасении отечества и всеми соединенными силами ударить по врагу, но они не сделали этого, они бесчеловечно отказывали друг другу в помощи и за это пострадали ужасно.

Рязань, напрасно ожидавшая защиты от великого князя Георгия, погибла первая. Несчастливые жители защищались пять дней, не сходя с городской стены, на шестой татары ворвались в город, убивая безо всякого милосердия всех встречавшихся им людей: они не пощадили ни князя, ни супруги, ни матери его. Варвары распинали пленников, связывали им руки, стреляли в них, как в цель, для забавы, жгли священников, обращали в пепел все дома и монастыри. Невозможно описать всех ужасов, тогда происходивших! Небольшое повествование о них есть в стихотворениях Языкова: это рассказ о славной смерти одного из бояр рязанских — Евпатия Коловрата. Во время бедствия Рязани он был с одним из князей рязанских в Чернигове. Там услышал он весть о нашествии татар и о гибели Рязани. Исполненный пламенного желания отомстить бесчеловечным неприятелям, Евпатий с дружиной бросился вслед за татарами, догнал и разбил задние полки их, так что испуганные татары думали, не ожили ли мертвецы рязанские и не они ли гнались за ними. Но эта отчаянная храбрость не принесла никакой пользы русским: Евпатий и горсть его неустрашимых товарищей пали под ударами бесчисленного множества татар. Вот стихи Языкова, вы увидите в них подробный рассказ о знаменитом подвиге Евпатия: «Ты знаешь ли, витязь, ужасную весть? — В рязанские стены вломились татары! Там сильные долго сшибались удары, Там долго сражалась с насилием честь Но все победили Батыевы рати: Наш град — пепелище, и князь наш убит!» —

Евпатию бледный гонец говорит, И, страшно бледнея, внимает Евпатий. «О витязь! я видел сей день роковой: Багровое пламя весь град обхватило. Как башня спрямилось, как буря завывло; На стогнах смертельный свирепствовал бой И крики последних молитв и проклятий В дыму заглушали звенящий булат— Все пало... и небо стерпело сей ад!» Ужасно бледнея, внимает Евпатий. Где-где по широкой долине огонь Сверкает во мраке ночного тумана: То грозная рать победителя-хана Покоится; тихи воитель и конь; Лишь изредка, черной тревожимый грезой, Татарин впросонках с собой говорит, Иль, вздрогнув, безмолвный, поднимет свой щит. Иль схватит свое боевое железо. Вдруг... что там за топот в ночной тишине? «На битву, на битву!»—взывают татары. Откуда ж свершитель отчаянной кары? Не все ли погубло в крови И в огне? Отчизна, отчизна! Под латами чести Есть сильное чувство, живое, одно... Полмертвого руку подымлет оно С последним ударом решительной мести. Не синее море кипит и шумит, Почуя внезапный набег урагана: Шумят и волнуются ратники хана; Оружие блещет, труба дребезжит, Толпы за толпами, как тучи густые. Дружину отважных стесняют кругом; Сто копий сражаются с русским копьем... И пало геройство под силой Батыея. Редает ночного тумана покров, Утихла долина убийства и славы. Кто сей на долине убийства и славы Лежит, окруженный телами врагов? Уста уж не кличут бестрепетных братии, Уж кровь запеклася в отверстиях

лат, А длань еще держит кровавый булат: Сей падший
воитель свободы — Евпатий!

Татары, разорив Рязань, шли далее, к Владимиру. Дорогой Батый сжег Москву, взял в плен сына великого князя Владимира, умертвил воеводу московского и почти всех жителей. Тогда-то гордый великий князь, слишком много полагавшийся на свои силы, ужаснулся и, поручив столицу двум сыновьям своим Всеволоду и Мстиславу, удалился в Ярославскую область, на берега реки Сити, собирать ополчение на врагов.

2 февраля 1238 года татары пришли к Владимиру и быстро приготовили все нужные для приступа орудия и лестницы. Князя и бояре увидели гибель свою, но не хотели просить постыдного мира у варваров: они решились умереть со славою. Супруги их были достойны таких героев и думали точно так же. В то время как князя отдавали последние приказания свои на городской стене и ободряли бедных жителей, княгини с детьми своими и всем двором собрались в церкви Богоматери и просили епископа посхимить их. Посхимление есть такой обряд, который делается над принявшими монашество тогда, когда они хотят совсем отказаться от света и даже не говорить ни с кем из людей: это все равно что заживо умереть. Семейство великого князя и знаменитые вельможи его желали такой смерти: они простились с жизнью, со всеми друзьями, отказались даже от утешения видеть друг друга, потому что лица схимников бывают завешены

покрывалами, и молили Бога только о прощении грехов своих и о спасении отечества.

7 февраля, после заутрени, татары начали приступ и быстро ворвались в город. Все падало перед ними, и бедные затворившиеся в церкви схимники не могли умереть спокойно: злые татары вломились и к ним, ограбили все драгоценности с образов, все богатые одежды княжеские, которые сберегались в ризнице; из людей они обыкновенно большую часть убивали, немногих брали в плен, и эти немногие, не покрытые одеждой, умирали на дороге от жестокого мороза. Князя же Всеволод и Мстислав найдены были мертвыми посреди множества врагов, за городской стеной.

Георгий, услышав о гибели столицы и всего семейства своего, горько заплакал и молил Бога послать ему твердость перенести такое несчастье. В то же время он слышал, что татары продолжали ужасный поход свой и уже разорили костромской Галич, Ростов, Ярославль, Переяславль, Юрьев и Дмитров. В марте они дошли до Сити, где стоял с войском великий князь. Он пал в первой битве, и татары взяли в плен племянника его Василька Константиновича. Бог знает отчего, только этот молодой князь понравился бесчеловечным татарам. Они не только не хотели убить его, но даже предлагали ему быть другом их и воевать под начальством Батыя. Вы, верно, догадаетесь, друзья мои, что Василько не согласился на это предложение? «Нет! — отвечал этот бесстрашный князь. — Враги

моего отечества и Христа не могут быть мне друзьями! Злодеи! Есть Бог, и когда-нибудь вы погибнете!» Эти смелые слова привели в такую ярость татар, что они тотчас же закололи Василька и бросили в лес. Тело несчастного князя было найдено потом русскими и положено в одной могиле с Георгием.

Между тем Батый все шел далее по России, к Новгороду, покоряя все города, лежавшие по дороге. Новгородцы уже ожидали гибели своей, потому что не могли надеяться ни на чью помощь: в то несчастное время какая-то особенная жестокость сковала все сердца; всякий думал только о себе и не хотел помогать другим. Но судьба спасла новгородцев: за 100 верст до столицы их, окруженной болотами и лесами, Батый вдруг повернул назад, к Калуге. Тут подошел он к небольшому городку Козельску, в котором был тогда государем малолетний князь Василий. Казалось, что татарам не много будет дела у такого ничтожного городка, но вот что значит верность и мужество подданных, послушайте и подивитесь жителям Козельска! Они посоветовались между собой и решились, как настоящие русские, все умереть за своего князя, хотя этот князь был еще младенец! «Мы оставим по себе добрую славу,— говорили эти достойные люди,— и за гробом будем бессмертны!» Так они и сделали. Целых семь недель татары осаждали крепость их и взошли на вал, только разбив стены особенными орудиями. Но и на валу жители дрались с ними до последней крайности, положили на месте 4 тысячи татар и легли на убитых врагов. Татары

удивились такой храбрости и с досады на нее назвали Козельск злым городом, а из жителей его не оставили в живых ни одного человека. Но они живы в истории, живы в сердцах всех русских и, безо всякого сомнения, живы на небесах, в лучах того бессмертия, которого желали!

После злодейств в Козельске Батый оставил наконец Россию и пошел в землю Половецкую.

Таблица XXI

Семейство великого князя Георгия II Владимировича

Супруга: дочь великого князя Всеволода II

Сыновья:

1. Владимир
2. Всеволод
3. Мстислав

Россия покоренная. 1238—

1243 годы

Уныло стояли развалины городов и селений, через которые прошел ужасный Батый. Печально дымились обгорелые стены их; страшно лежали по пустым улицам непогребенные мертвецы; боязливо прятались, где только могли, живые, лишенные всего, что было дорого для сердец их. Таково было состояние отечества и предков наших, когда брат последнего великого князя Георгия—Ярослав Всеволодович как законный наследник его приехал в прежде счастливый, но теперь уже не походивший на столицу Владимир. Больно было смотреть новому государю на несчастье народа, но он знал, что не слезы освобождают нас от бед; всего нужнее тогда мужество и терпение, и Ярослав спешил показать пример своим подданным. Он приказал поскорее похоронить мертвые тела, чтобы не сделалось от гниения их заразы, вызывал людей, убежавших в леса и места отдаленные, занимался делами государственными—одним словом, старался всеми средствами ободрить народ и показать ему, что он не потерял еще надежды на славу и счастье.

Но эта надежда великого князя и бедных подданных его скоро исчезла. Батый ненадолго оставил Россию: он хотел только завладеть землей половцев. Через год он уже навсегда прогнал оттуда в Венгрию знаменитого хана их Котяна с 40 тысячами воинов и пришел в южные области наши с тою же злобой, с тем же зверством, с какими был он за год до того в северных. Города Муром, Гороховец, Чернигов погибли точно так же, как Суздаль, Владимир, Рязань, Ростов, Ярославль.

Драгоценный, святой для сердца русского Киев — эта старинная столица и мать городов наших еще оставалась целой, но слух о сокровищах церкви и дворцов ее, о богатстве жителей и многочисленности их уже давно дошел до Батыея, и в 1240 году он окружил его со всех сторон своим войском. Варвары издали любовались прекрасным городом на крутом берегу гордого Днепра, зелеными садами его, белою стеной с высокими башнями и воротами, но они не только любовались, вместе с тем они радовались богатой добыче.

Во время этой радости татар какой страх, какой ужас был в Киеве! Князь его Михаил бежал вместе с сыном в Венгрию, как только услышал о приближении Батыея. Даниил Галицкий, заступивший место его, зная, что с небольшим войском нельзя одолеть великую силу татар, решил также уехать к королю венгерскому и просить у него помощи. Защиту Киева поручил он искусному и храброму боярину Димитрию.

Но ни искусство и храбрость его, ни отчаянное мужество жителей, решивших умереть за веру и отечество, не спасли Киев, и 9 мая он был взят после двухдневной осады. Киевляне не сдавались до последней крайности: даже внутри города сделали наскоро забор около Десятинной церкви, бились еще там и почти все легли на месте. Я не буду рассказывать вам все, что делали татары после победы своей. Вы уже имеете понятие о жестокости их в северной России. Эта жестокость была всегда одинакова, и зверские сердца их

не могли ни устать от вечного кровопролития, ни наскучиться ими. Скажу вам только, что красота и великолепие старинного Киева с тех пор исчезли навеки. Печерский монастырь, или Лавра, собор, знаменитая Десятинная церковь были совсем разрушены, и хотя через двести лет они опять были возобновлены, но уже совсем не в том величии, как прежде. Татары похитили все сокровища, искали драгоценности не только во дворцах, но даже в могилах княжеских. Посреди этого всеобщего разрушения сохранилась только православная вера наша, и замечательно, что дикие татары и впоследствии показывали уважение к русскому духовенству.

Боярин Димитрий, начальник неустрашимых киевлян, попал в плен. Батый, несмотря на жестокость свою, уважал истинное мужество и потому полюбил Димитрия, брал его с собою во все новые походы и даже иногда охотно принимал его советы. Бедный Димитрий был при жестоком победителе своем и тогда, когда он из Киева отправился разорять княжество Галицкое. Здесь-то добрый и храбрый воевода русский, с ужасом глядя на погибель своего отечества, успел оказать ему последнюю услугу: он посоветовал Батыю идти скорее в богатую Венгрию, чтобы король ее не успел собрать сильное войско и напасть на самих татар. Батый послушался его, и несчастная Россия отдохнула. Бедствия ее вместе с татарами перешли в Венгрию, Хорватию, Сербию, Дунайскую Болгарию, Молдавию, Валахию. Вся Европа затрепетала, но судьба спасла ее: Батый получил известие, что великий хан

Октай умер. Наследником престола был сын его Гаюк, живший всегда несогласно с Батыем. Это заставило страшного завоевателя подумать о собственных владениях своих. Привыкнув видеть, что все покоряется ему, он не хотел зависеть от великого хана и потому решил основать свое собственное твердое владение, которое бы признавало над собою одно имя, не власть Гаюка. Для этого он выбрал место около нынешней Астрахани и на берегу реки Ахтубы, в 60 верстах от устья Волги, велел строить город Сарай. Близ Селитряного городка и ныне видны еще остатки этого Сарая. Все владение Батыея называлось Великой, Золотой или Капчакской Ордой. Орда же младших братьев его, поселившаяся около Аральского моря, называлась Малой. Бродя по астраханским и донским степям, наблюдая за постройкой новой столицы своей Сарая, имея под началом полмиллиона воинов, Батый не заботился о новом великом хане и объявил себя повелителем всех областей русских, земли Половецкой, Тавриды, стран кавказских и всех земель от устья Дона до реки Дунай. Никто не смел с ним спорить, все государи согласились, все покорились его ужасной силе.

Батый, величаясь своею славой, гордо звал к себе как своих подданных всех князей, им побежденных, и в том числе великого князя суздальского.

Ярослав II посчитал неблагоприятным не повиноваться ужасному врагу и для спокойствия своего народа, для избавления его от новых бед поехал со многими боярами в Золотую Орду. С той минуты,

в которую государь русский решился признать над собой власть Батыея, кончилась независимость отечества нашего и земля Русская сделалась землей покоренной, сделалась данницею татар. Это было в 1243 году.

Жестокое унижение ожидало бедного Ярослава в шатре Батыея, который хотя был ласков к своим подвластным, но принимал их с обрядами, несносными для человека с душой высокой и благородной. Грубый, полудикий хан татарский сидел на возвышенном месте с одною из жен, которых было у него очень много. На скамейках, ниже Батыея, сидели его другие жены, дети, родня и знатные особы. На столе посреди шатра стоял любимый напиток татар — кумыс* в золотых и серебряных чашах, очень нечистых: у татар почиталось за грех мыть посуду и платья, и они обыкновенно были чрезвычайно неопрятны. Подходя к шатру, надобно было пройти мимо двух костров: татары думали, что огонь очищает злые намерения и даже лишает силы яд, если кто несет его к хану. Прежде нежели войти, надобно было поклониться на юг тени Чингисхана, потом, войдя в шатер, стать на колени и кланяться в землю. Это должны были делать без различия все цари, князья, вельможи, покоренные Батыеем и приходившие к нему. После этого унижительного обряда они делались совершенными рабами его. Князь не мог владеть своими землями без грамоты Батыея, должен был платить ему большую дань, исполнять все его приказания, являться по первому слову его в Орду.

-
- *Он делался из кобыльего молока.*
-

Ярослав Всеволодович, думая только о спасении жизни немногих оставшихся подданных своих, решился перенести такое унижение, и мы должны помнить эту решимость его как величайшую жертву, какую государь может принести своему народу. Такое унижение выше отчаянной храбрости: умереть можно в одну минуту, но государю знаменитому отказаться от славы и свободы, жить в рабстве у дикого варвара— это гораздо хуже одной смерти: это беспрестанная смерть. Если бы великий князь и почти все князья удельные, последовавшие примеру его, не решились тогда на эту великую жертву, злые татары, верно, dokonчили бы истребление всех предков наших, и нас не было бы на свете, и мы не наслаждались бы нынешним счастьем своим, и милая родина наша сделалась бы жилищем диких орд татарских, и громкое, славное, драгоценное для нас имя русское уже давно было бы забыто на земле. Сохраним же в душе нашей уважение к памяти тех князей, которые для спасения жизни своих подданных и для будущего счастья потомков их принуждены были покориться Батыю! Добрые князья страдали для нас! Чувствуя это, мы должны доказать благодарность свою к ним пламенной любовью к тому отечеству, которое для них было дороже всего на свете. Они увидят наше

усердие к нему и благословят нас на небе так, как мы благословляем драгоценную память их на земле.

Таблица XXII

Семейство великого князя Ярослава II

Супруга: Феодосия Мстиславна

1. Феодор
2. Александр
3. Константин

Сыновья:

4. Андрей
5. Афанасий
6. Даниил
7. Ярослав
8. Михаил
9. Василий

Святой Александр Невский.

1243—1263 годы

Когда княжества русские почти исчезали под жестокими ударами татар, когда все князья их, не исключая и неустрашимого Даниила Галицкого — зятя Мстислава Храброго, клялись перед троном Батыею быть его верными подданными, когда счастье, слава и радость, казалось, совсем оставили города и селения предков наших, была еще область, где раздавались песни победы, был еще князь, никогда не преклонявший колен в шатре хана татарского. Эта область была Новгородская, этот князь — Александр Ярославич Невский. Это тот князь, который почитается ангелом-хранителем северной столицы нашей, тот князь, тело которого поживает в прекрасном Александро-Невском монастыре. Маленькие обитатели и обитательницы нашего чудесного Петербурга! Верно, вы не раз были в этом монастыре, перед драгоценной гробницей. Верно, вы удивлялись военным украшениям, так прекрасно расположенным по обеим сторонам ее? И, верно, глядя на эти латы, шлемы, щиты и копья, вам очень хотелось знать историю героя Невского? Если так, то ваше желание может быть легко исполнено. Вот эта история.

Александр был сыном великого князя Ярослава II. Необыкновенно умный, храбрый, прекрасный лицом и душой, Александр еще в молодых годах сделался наследником отца своего в Новгороде, и с того времени беспрестанные победы над чудью, финнами, литовцами и ливонскими рыцарями разносили славу его по всем странам. Ливонские рыцари сделались в это время еще страшнее для русских: орден их присоединился

к другому сильному немецкому ордену рыцарей Святой Марии Иерусалимской, которые завоевали почти всю Пруссию и с такой же жестокостью учили христианской вере тамошних жителей, как ливонские рыцари — чудь и литовцев. Я уже готовила вам, что эти бедные люди убегали в леса от своих учителей, которые в это время вместо прежних красных крестов нашили на белые плащи свои черные, как у немецких рыцарей Святой Марии. Но не так думал молодой князь Александр Ярославич и его храбрые новгородцы! Не одним ливонским рыцарям, чуди и литовцам было худо от него: однажды он победил даже шведов и норвежцев. За эту победу его назвали Невским; и надобно, милые читатели моя, узнать о ней получше. К тому же ведь это случилось на берегах нашей родной прекрасной Невы!

В 1240 году королю шведскому вздумалось завоевать Ладогу и даже Новгород. Для того он отправил на реку Неву множество судов со шведами и норвежцами под начальством зятя своего Биргера. Биргер, привыкший к победам, велел гордо сказать князю новгородскому: «Иди сражаться со мною, если смеешь; я уже в земле твоей!» Александр не утратился, не показал послам шведским досады, а спокойно отвечал им, что готов к сражению. Тотчас велел он небольшому войску своему собраться: сам же пошел в Софийскую церковь и там усердно помолился Богу, прося святой его помощи. Усердная молитва имеет чудесную силу над душой христианина: Александр, который не мог в такое короткое время ожидать помощи от отца своего, не мог даже собрать все войско свое,

вышел с улыбкой на лице к своей верной дружине и весело сказал: «Нас немного, и враг силен, но Бог не в силе, а в правде: идите с вашим князем!» Надежда Александра на небесную помощь перешла и в сердца его воинов. Они приблизились к берегам Невы, где стояли шведы, дружно бросились на многочисленных врагов и одержали полную победу в то время, как один из новгородцев, по имени Миша, утопил все суда шведов, так что у них осталось лишь два судна, на которые они погрузили тела главных начальников, всех же других зарыли в яму и ночью 15 июля отправились, по Неве назад в Швецию. Эта славная победа, одержанная в то время, когда бедные предки наши терпели столько горя и унижения от злых татар, обрадовала унылые сердца их и доставила храброму Александру название Невского.

Но слава не спасла его от несчастья: в 1247 году он лишился отца, который не имел даже радости умереть в милом отечестве. Батый приказал ему ехать в Китайскую Татарию, поклониться великому хану. Ярослав Всеволодович не мог не повиноваться, но был так слаб здоровьем, так печален духом, что не перенес трудного путешествия по степям и пустыням необитаемым, диким, бесплодным и даже безводным до того, что иногда люди умирали в них от жажды. Великий князь кое-как доехал туда и, возвращаясь, скончался по дороге. Бывшие с ним бояре привезли тело его во Владимир. Наследником престола был меньшей брат его Святослав III Всеволодович.

В то время как великий князь русский испытывал всю тоску кончины на голой земле киргизских степей, далеко от милого семейства и родины, другой князь, столько же знаменитый, оканчивал жизнь свою в ужасных мучениях перед шатром Батыя. Это был Михаил, князь черниговский, приехавший в Золотую Орду по приказанию хана и не хотевший поклониться ни тени Чингисхана, ни идолам татарским. «Нет! — говорил он варварам, принуждавшим его сделать это. — Я могу поклониться царю вашему, потому что Бог отдал ему судьбу государств земных, но христианин никогда не служит идолам!» Батый удивился, что еще есть люди, которые противятся ему, и объявил, что Михаил умрет, если не будет повиноваться. Русский князь не боялся смерти. С ангельской кротостью читал он молитвы в то время, когда татары мучили его самым жестоким образом, и тихо скончался, сказав: «Я христианин!» Церковь наша признала его Святым и Мучеником.

После этого рассказа о смерти Ярослава и Михаила вы можете судить, милые читатели, какова была участь бедных предков наших под властью татар. Прибавьте к тому еще все беспорядки, какие происходили в то время, когда надобно было собирать дань, все притеснения, какие делали народу татарские чиновники-сборщики, которые часто платили хану всю сумму сразу и получали за это право взывать ее с русских по мелочам почти вдвое*. Прибавьте к тому ссоры князей, не усмиренные и общим несчастьем всей Руси, жалобы и клеветы их друг на друга в Орде и беды,

от того происходившие в их княжествах. Одним словом, все в древнем отечестве нашем было печально и уныло, только слава князя новгородского Александра Ярославича сияла, как светлая звезда на небе русском, покрытом черными тучами. Эта слава, носясь по всем княжествам, долетела до слуха страшного Батыя, и вот уже посол татарский несет к герою Невскому повеление явиться к царю, чтобы присягнуть ему в верности и узнать славу и величие татар.

- *Таких сборщиков русские называли откупщиками бусурманскими или мытарями.*
-

Александр, любивший свое отечество гораздо более своей славы, не хотел, чтобы за него оно испытало новые бедствия, и потому с покорностью христианина последовал примеру отца и поехал вместе с братом Андреем к Батыю, а от него в Татарию, к великому хану. Грустно было сыновьям Ярослава ехать по той самой пустыне, где скончался отец их! Они думали, что так же, как и он, не увидят уже своего отечества, но Бог подкрепил их, и через два года они возвратились, осыпанные милостями великого хана, который поручил Александру всю южную Россию и Киев, а Андрею — престол владимирский, несмотря на то что дядя их великий князь Святослав был еще жив. Так своевольно распоряжались татары судьбой и князей, и княжеств русских! Святослав Всеволодович напрасно ездил

в Орду жаловаться на несправедливость и через два года скончался. Но и Андрей II недолго был государем владимирским. Он не имел столько христианской терпеливости, столько любви к своим подданным, чтобы для спокойствия и безопасности их покориться неизбежной власти победителей России: пылкому, гордому сердцу его казалось лучше отказаться от престола, нежели быть государем — подданным Батыея. Вы можете представить себе, друзья мои, что с таким нравом он часто показывал свое презрение к татарам, часто не слушал приказаний их. Толпы их уже шли наказать дерзкого данника. Андрей, услышав это, убежал в Швецию со всем семейством своим и оставил Великое княжество в добычу варварам. После нового разорения оно отдано было общему любимцу не только русских, но даже и татар, князю Александру Невскому.

Видя на примере брата, как вредны были для отечества гордые и непокорные намерения его, Александр Ярославич еще более увеличил осторожность и благоразумие в сношениях с татарами, не противился им и тогда, когда они прислали чиновников своих сосчитать всех жителей России и определили над ними десятников, сотников и темников* для сбора податей, уговорил даже гордых, все еще считавших себя независимыми новгородцев заплатить дань, которую требовал от них наследник умершего в 1256 году Батыея — брат его хан Беркий, и тем избавил от разорения первую столицу русскую, богатый и великий Новгород. Так двенадцать лет

продолжалось княжение Александра, так оберегал он бедное отечество свое от новых несчастий, ему грозивших, так примирял оскорбленных соотечественников своих с самовластными ханами. Вы можете представить себе, что нелегко было благородному князю земли Русской ездить кланяться полудиким ханам татарским. Последнее путешествие его в город Сарай было в 1262 году, когда хан Беркий, собираясь идти на новое разорение чужих земель, вздумал требовать у него вспомогательного войска. Александр Ярославич, несмотря на всю кротость свою, не мог перенести мысли, чтобы бедные подданные его, кроме всех несчастий, какие терпели от неверных, еще проливали за них кровь свою. Он поехал умолять Беркия отменить такое жестокое повеление. Хан, чувствуя невольное почтение к великому князю, не мог отказать ему, но с досады продержал его в Орде всю зиму и лето. Тоскуя по родине, насмотрясь во время своего продолжительного пребывания в Сарае на силу и могущество татар и потеряв надежду видеть освобождение отечества от жестокой власти их, Александр приметно ослабевал духом и телом и осенью, возвращаясь на родину, приехал уже больной в Нижний Новгород, а оттуда — в Городец на Клязьме, Здесь он занемог и скончался 14 ноября 1263 года.

-
- *Тьмою называлось у древних русских 10 тысяч. Стало быть, «темник» значило: начальник 10 тысяч человек.*

Невыразима была горестъ всех русских, когда они узнали о кончине своего ангела-хранителя: им казалось что наступила совершенная погибель отечества, что уже некому будет защитить их от нападения немцев и литовцев, умилоствовать жестокость ханов, спасти от притеснений откупщиков татарских. Митрополит, встречая гроб Александра у Боголюбова, воскликнул, проливая горькие слезы: «Закатилось солнце земли Русской!» И все бояре, весь народ голосом отчаяния отвечали ему одни словом: «Погибаем!»

Видя чудеса, бывшие при погребении Александра духовенство и вся Россия причислили его к лику святых и с тех пор мы молимся ему, как нашему заступник перед Богом.

Тело его погребено было в монастыре Рождества Богоматери, во Владимире. Оно находилось там до времен Петра Великого, который перевез его в новую столицу свою, как бы поручая ее особенному покровительству того, кто некогда прославил это место подвигами мужества и храбрости.

Таблица XXIII

Семейство великого князя Александра Ярославича Невского

Супруга: Александра Брячиславна, княжна полоцкая

Сыновья:

1. Василий

2. Димитрий
3. Андрей
4. Даниил

Великий князь Ярослав III

и князя литовские. 1263—

1272 годы

Наследником Александра Невского был меньшей брат его Ярослав Ярославич Тверской; старший же, Андрей, хотя и возвратился из Швеции, но умер через несколько месяцев после Александра. Новгородцы, думая, что Ярослав Ярославич может более защитить их от нападений татар, нежели маленький князь их Димитрий Александрович, изгнали из Новгорода сына прежнего благодетеля своего — Невского и назвали князем новгородским Ярослава III.

Но они жестоко ошиблись. Ярослав не принадлежал к таким государям, которые любят народ свой. С самого начала своего княжения он лишил новгородцев многих прав их, и, когда они по обыкновению взбунтовались, Ярослав уверил хана, будто бы они враги его и не хотят платить ему положенной дани. Хан уже отрядил войско наказать непокорный Новгород, но брат великого князя, молодой Василий Ярославич, спас невинных. Он поехал в Орду и рассказал о несправедливости Ярослава. Хан остановил войско, но Ярослав объявил войну Новгороду и без его помощи. Митрополит Кирилл едва уговорил князя и народ не ссориться. Новгородцы согласились признать Ярослава своим князем, но только когда он поклялся верно соблюдать законы Ярослава Великого и не обижать своих подданных. Княжение и жизнь его были непродолжительны. Вскоре после мира с новгородцами он поехал в Орду и, возвращаясь оттуда, скончался по дороге, как и отец его.

Нельзя ничего сказать в похвалу этого князя: он не отличался даже и храбростью, которая всегда была основным качеством русских. Во время войны новгородцев с датчанами и литовскими рыцарями он не водил сам войско в сражение, а всегда посылал или сыновей своих, или других молодых князей. В его княжение русские в первый раз слышали о князьях литовских: до тех же пор литовцы известны были им как дикие разбойники, набегавшие беспорядочными толпами на области русские и польские, на рыцарей литовских и немецких. Вдруг начал славиться между ними князь Миндовг. Погубив многих других князей

литовских, присвоив себе землю и имение убитых, разбогатеv грабительством, он начал думать о соединении нестройных частей своего государства в одно целое владение, которое с того времени сделалось еще страшнее для соседей. Миндовг не успел, однако, окончить всех своих намерений, потому что вскоре был убит одним из обиженных родственников своих.

За смерть его ужасно мстил всей Литве сын Миндовга Воишелг, который с самых молодых лет славился своим бесстрашием и такой свирепостью, что бывал печален в тот день, когда некого было казнить. Однако еще при жизни Миндовга он вдруг почувствовал раскаяние в своих злодействах, уехал в Галич, к тамошнему князю Даниилу, который был дружен с князьями литовскими, и там постригся в монастырь. Никакие просьбы отца не могли убедить его оставить монашество, но смерть Миндовга возвратила ему всю прежнюю жестокость: он сбросил с себя ризу и поклялся не надевать ее до тех пор, пока не отомстит за отца. С этой минуты Воишелг проливал безо всякой пощады кровь родственников—врагов своих и, победив всех, сделался главным повелителем литовцев. Он исполнил клятву свою и, наказав убийц отца, носил сверх богатого княжеского платья черную мантию монаха, из-за этого его часто называли *волком в овечьей шкуре*.

В это самое время умер Даниил Галицкий. У него остались три сына—Лев, Мстислав и Шварн.

По желанию Воишелга Шварн признан был князем литовским, а сам Воишелг опять ушел в монастырь. Однако недолго он прожил там: Лев из зависти к брату лишил жизни его благодетеля. Но Шварн остался государем Литвы, а злой брат его был у всех в презрении. Итак, Воишелг и Миндовг были первыми известными нам государями Литвы, которая принесла потом столько горя и бед нашему отечеству.

Таблица XXIV

Семейство великого князя Ярослава III

Супруга: Ксения

Сыновья: 1. Михаил 2. Святослав

Дети Александра Невского.

1272—1304 годы

У добрых родителей бывают часто дурные, вовсе не похожие на них дети. Это удивительно, однако, к стыду таких детей, случается довольно часто, и случилось даже в семействе добродетельного Александра Ярославича.

Его сыновья — Димитрий, изгнанный из Новгорода по желанию Ярослава III, Андрей, князь Городца Волжского, и Даниил, князь московский — не имели великих достоинств отца своего: двое, Димитрий и Даниил, остались почти незамеченными в истории, но зато третий, Андрей, своей жестокостью, своим непременным желанием быть великим князем надолго оставил память о себе в сердцах русских. Он достиг своего желания — стал великим князем, но когда читатели мои узнают, каким образом, то, верно, пожалеют о бедных подданных его. После Ярослава III великим князем был четыре года меньшей брат его Василий I Ярославич. В непродолжительное княжение его не случилось ничего примечательного.

После смерти Василия Ярославича законным наследником престола был Димитрий Александрович. Все были согласны на это, даже беспокойные новгородцы. Один брат его Андрей думал иначе и, надеясь на помощь татар, поспешил отправиться в Орду, чтобы там выпросить себе Великое княжество, тем более что ссоры, происходившие между разными ханами татарскими, давали ему надежду очень скоро склонить на свою сторону кого-нибудь из них. Эти ссоры в Волжской, или Капчакской, орде начались еще в княжение Александра Невского. Ногай, один из главных воевод татарских, начальствуя над многими ордами у Черного моря, не захотел быть под властью хана Беркия, наследника Мангу-Тимура, он сделался независимым и даже страшным для прежде сильной и богатой Капчакской орды. Примеру Ногай

последовали и многие другие ханы и воеводы, так что царство Татарское делилось на части, между собой не согласные, ослабевало от этого деления и мало-помалу приготавлилось к тому падению, от которого зависело освобождение нашего отечества. Но это счастливое время еще далеко. Много еще прольется крови русской, прежде чем оно настанет.

Итак, возвратимся к Андрею Александровичу. Он радовался несогласию татар не для будущего счастья своих соотечественников, а потому, что в случае отказа одного хана надеялся выпросить себе помощь у другого. По совету одного из недостойных бояр и друзей своих, какого-то Семена Тониглиевича, он отправился в Золотую Орду, к хану Мангу-Тимуру. Богатыми подарками и лестью хитрый Андрей так расположил к себе этого хана, что он дал ему и грамоту на Великое княжество, и войско для покорения тех областей и городов, которые вздумали бы противиться ему. Вот с этими дикими толпами варваров, злодеяния которых были еще так живы в памяти народа русского, князь — русский же! — возвратился в отечество требовать себе венца великокняжеского. Никто из удельных князей не смел послушаться: все покорилось повелению Мангу-Тимура. Великий князь удалился из столицы в Новгород, а татары, пользуясь случаем, предались своей природной жестокости и разорили Муром, окрестности Владимира, Суздаля, Ростова, Твери и Торжка. Все опять погрузилось в печаль и уныние в бедном отечестве нашем: каждый оплакивал

или отца, или сына, или брата, или друга. Один злой Андрей радовался и пировал с татарами.

Между тем несчастный Димитрий, не принятый новгородцами, для которых выгоднее было перейти на сторону нового великого князя, жил во Пскове, где княжил тогда зять его, славный в истории Довмонт, один из князей литовских, изгнанных из отечества Миндовгом. Довмонт, претерпевший много несправедливостей от литовцев, не любил их и, приняв во Пскове христианскую веру, сделался русским и душой и языком и за отличные достоинства и храбрость избран был псковитянами князем над всей их областью. Доброго Довмонта уважали все князья русские, а Димитрий Александрович даже выдал за него дочь и во время несчастного изгнания своего к нему же пришел искать утешения. Вскоре услышал он, что ханское войско уже ушло в Орду. Это известие дало ему смелость возвратиться в свою разоренную область. Обрадованные жители начали собираться к нему, а испуганный Андрей опять бросился в Орду и привел с собой новых грабителей, которые со всех сторон нападали на области Великого княжества. Димитрий в отчаянии бежал к Ногаю—просить его помощи. Ногай, владевший тогда всеми землями от степей нынешних Харьковской и Екатеринославской губерний до берегов Черного моря и Дуная, принял его очень милостиво и был так силен, что одним повелением своим возвратил ему престол: не только что Андрей, но даже сам новый хан Тудан-Мангу не смели противиться этому повелению, и оба брата

примирились. Однако ненадолго. Андрей пронырствами склонил на свою сторону многих удельных князей и в том числе князя Феодора Ярославского, женатого на дочери Ногая. Через зятя нетрудно было Андрею оклеветать бедного Димитрия и перед самим Ногаем. Несчастный великий князь лишился последнего защитника: Ногай дал Андрею грамоту на престол владимирский и войско для нового разорения России. Начальником этого войска был Дюдень, брат хана Тохты. С обыкновенной свирепостью своей татары устремились опять на области Великого княжества.

Димитрий, может быть предчувствуя близкую кончину свою, не захотел более быть причиной бедствий своего отечества и решил отказаться от великокняжеского престола. За это нужно благодарить, кажется, сына Ярослава II, молодого князя тверского Михаила, у которого жил Димитрий во время последнего изгнания своего и который всеми силами старался помирить братьев. Предчувствие не обмануло Димитрия: он скончался в 1294 году.

Наконец Андрей Александрович мог уже надеяться, что никто не будет оспаривать у него Великого княжества. Не любя нового государя за жестокий, властолюбивый нрав, удельные князья жили очень несогласно между собой, и каждый из них хотел быть независимым. Михаилу Тверскому и Феодору Ярославскому удалось сделать это во время несчастного княжения Димитрия. Даниил Московский и сын

Димитрия Александровича Иоанн Переяславский старались об этом же при Андрее.

Московское княжество вскоре еще увеличилось: Иоанн, умирая бездетным, отдал город свой Переяславль князю московскому. Это случилось в 1295 году, за несколько месяцев до кончины Даниила, первого из князей московских, начавшего думать о том, чтобы со временем сделать Москву столицей России.

Княжение Андрея продолжалось десять лет, и каждый год предки наши записывали в летописи какие-нибудь ужасы и несчастья, тогда случавшиеся. В числе явлений, пугавших необразованный и суеверный народ, была комета, явившаяся в 1301 году. Но были и действительные бедствия — страшные вихри, засухи, голод, мор и сильные пожары. К этому жестокий Андрей Александрович прибавлял все те страдания и горести, какие терпят люди от злобы подобных себе. Единственным хорошим делом Андрея было то, что он в 1301 году победил беспокойных соседей наших — шведов, часто нападавших на новгородские области и наконец построивших в семи верстах от нынешнего Петербурга, на том самом месте, где теперь Охта, город и крепость, откуда им было еще удобнее приходить в наши владения. Этот новый город назывался Ландскрона, т. е. Венец земли. Андрей взял его и срыл все укрепления, так что почти не осталось и следов его. Здесь только, один раз в жизни, Андрей думал о пользе отечества и сражался за него. Впрочем же, никто из потомков Мономаха не сделал

столько зла отечеству, как этот гордый, властолюбивый, жестокий сын кроткого, великодушного, святого отца! Он умер 27 июля 1304 года и погребен в Городце Волжском.

Таблица XXV

Сыновья великого князя Димитрия I Александровича

1. Иоанн 2. Иоанн 3. Александр

Таблица XXVI

Сыновья великого князя Андрея III Александровича

1. Георгий 2. Борис 3. Михаил

Кончина Святого Мученика и великого князя Михаила I.

1304—1319 годы

Со смертью Андрея Александровича не кончились несчастья, какие навлек он на Россию: примеру его последовали другие князья, и с тех пор клевета их друг на друга в Орде причиняла беспрестанно новые беды. Но самым усердным подражателем Андрея был племянник его Георгий Даниилович, князь московский. Как Андрей спорил о престоле великокняжеском со старшим братом своим Димитрием, так и Георгий не хотел уступить этого престола законному наследнику Андрея — дяде своему Михаилу Ярославичу, князю тверскому и сыну Ярослава III. Они должны были для решения спора ехать в Золотую Орду, где уже царствовал хан Тохта, победитель сильного Ногая, найденного убитым на поле сражения. Тохта, к досаде Георгия, приказал быть великим князем Михаилу. Несколько лет княжил он спокойно и жил по большей части в Твери, которая с того времени сделалась одним из главных городов русских.

Между тем Георгий не терял надежды быть со временем великим князем и для того часто ездил в Орду, угождал старым ханам, дружил с молодыми. Привыкнув видеть, с каким удовольствием он всегда приезжал к ним, привыкнув слышать, как он хвалил их нравы, обычаи, даже кушанья и кумыс, татары полюбили Георгия. Молодые татарки сучали на тех пирах, где не было миловидного князя русского, чье приветливое обращение и всегда веселые разговоры так не походили на угрюмые лица и повелительные речи их отцов и братьев. Но более всех любовалась им прекрасная Кончака, дочь хана Тохты и любимая сестра

молодого Узбека — наследника престола татарского. Георгий заметил это и стал стараться заслужить ее благосклонность — не потому, что он любил ее, а потому, что надеялся через нее достичь престола великокняжеского, тем более что в это самое время Тохта умер и ханом Золотой Орды сделался сын его Узбек, брат Кончаки. Счастье милой сестры было для молодого царя татарского дороже всего на свете. Видя, что ей нравится Георгий, и думая, что и он любит ее, Узбек согласился, чтобы сестра его приняла христианскую веру и вышла за князя. Кончаку назвали в крещении Агафией.

Сделавшись зятем хана и получив от него войско под начальством воеводы Кавгадыя, Георгий Даниилович отправился в отечество, прямо в Тверь, чтобы выгнать оттуда великого князя. Михаил, видя страшную силу татар и боясь подвергнуть народ свой новым несчастьям, послал сказать князю московскому, что он" уступает ему великокняжеский престол и просит оставить ему только наследственную Тверскую область. Георгий вместо ответа начал разорять все города и селения этой области. Тогда Михаил принужден был послушаться совета епископа и бояр и идти с полками навстречу Георгию. Бог помог ему победить врагов и тем спасти от совершенного разорения свое Тверское княжество. Молодая супруга Георгия, брат его Борис Даниилович, воевода татарский Кавгадый попали в плен к Михаилу, но он всем им возвратил свободу, и, когда Георгий не тронулся и этим великодушием и приготавлился опять к сражению,

Михаил, желая спасти своих подданных от нового кровопролития, предложил ему ехать с ним в Орду, на суд хана.

К несчастью, прекрасная Кончака-Агафия, не успев возвратиться к супругу, умерла скоропостижно в Твери, и Георгий выдумал, что она была отравлена. Такой выдумки довольно было, чтобы обвинить Михаила в глазах Узбека, нежно любившего сестру свою. Несчастный князь с чистою совестью отправился в Орду вслед за уехавшими туда Георгием и Кавгадыем. Может быть, имея предчувствие о том, что его ожидало там, он написал завещание, назначил сыновьям уделы и с чрезвычайной горестью простился с ними и с супругой.

Узбек, от природы добрый и справедливый, принял Михаила довольно милостиво и, верно, не решился бы казнить его, боясь осудить невинного, если бы не злой Георгий и друг его Кавгадый, которые каждый день так много наговаривали на Михаила, что наконец Узбек приказал вельможам своим судить его с Георгием. Главным судьей был назначен Кавгадый. Разумеется, несчастный Михаил был обвинен. Приставы в ту же минуту наложили ему на шею тяжелую колодку, сняли с него драгоценную одежду и разделили ее между собой.

Нельзя описать, сколько унижений, обид и мучений терпел кроткий Михаил с той минуты, как осудили его, до той, как Узбек решился наконец утвердить этот суд. Это продолжалось более месяца и случилось в то самое

время, когда вся Орда отправлялась на охоту к берегам Терека. Несколько сот тысяч людей собирались тогда для удовольствия хана. Каждый надевал лучший наряд и садился на лучшую лошадь, которыми и теперь еще славятся татары. Купцы везли за продвигавшеюся Ордою множество товаров индийских и греческих — одним словом, месяц или два охоты у татар можно было назвать продолжительным великолепным праздником, где все были веселы и счастливы. И вслед за этими счастливыми, чьи радостные песни разносились по диким степям, вели несчастного князя русского! Не думайте, однако, что он шел с лицом печальным. Нет, гораздо печальнее были добрые бояре, его окружавшие, и не они его, а он их часто утешал такими словами: «Друзья мои, вы долго видели меня в чести и славе. Неужели будем роптать на Бога за непродолжительное унижение? Шея моя скоро освободится от этих оков!»

Ожидание его в самом деле скоро исполнилось: бессовестные судьи, друзья Георгия, упростили молодого Узбека утвердить приговор, и день казни был назначен. Михаил не испугался: уже давно он готов был явиться к Богу. В утро того дня он отслушал заутреню, благословил двенадцатилетнего сына своего Константина, бывшего с ним в Орде, поручил его и бояр своим покровительству доброй супруги Узбека царицы Баяльни, и когда Георгий и Кавгадый подъехали к шатру князя и послали палачей умертвить его, он спокойно вышел к ним навстречу, без малейшего ропота перенес все, что заставили его вытерпеть мучители, и с молитвою в сердце и на языке закрыл

навеки глаза, заслужив по справедливости название Мученика и Святого.

Тело его было отослано в Москву и погребено в Спасском монастыре, в Кремле.

Таблица XXVII

Семейство великого князя Михаила I Ярославича

Супруга: княжна Анна Димитриевна Борисовичева

Сыновья:

1. Димитрий
2. Александр
3. Константин
4. Василий

Мщение. 1319—1328 годы

С неопишуемой горестью узнали в Твери о смерти Михаила супруга его, дети и народ. Не смея требовать отчета в этой смерти у Георгия Данииловича, уже приехавшего во Владимир с грамотой Узбека на великокняжеский престол, печальное семейство думало только о том, как бы выручить из рук убийцы Священный гроб умершего страдальца и освободить маленького Константина Михайловича, которого

он привез с собой из Орды как пленника. Для этого отправлен был к Георгию III второй сын Михаила — Александр.

Георгий, довольный успехом своим, не спорил о том, где будет лежать его жертва, — приказал вынуть из земли гроб Михаила, уже пять месяцев похороненный в Спасском монастыре, и отдать его сыну.

Княгиня Анна, вдова Михаила, и старший сын ее Димитрий плыли в лодках по Волге навстречу останкам супруга и отца и уже вместе с ними подъехали к тверскому берегу, где приняли их духовенство и народ. Все громко рыдали, все стремились целовать гроб доброго государя. Сколь же велика была радость всех, когда, открыв его, увидели, что тело не повреждено ни от продолжительного путешествия с берегов Каспийского моря, ни от пятимесячного лежания в могиле! Семейство Святого Мученика и народ упали на колени, благодаря Бога за это чудо, и с этой минуты перестали плакать о Михаиле: они увидели доказательство счастья, которым он уже наслаждался на небесах! Добрая, благочестивая княгиня Анна с этого дня простилась с миром и постриглась в монахини. Предки наши во все времена отличались своим усердием к вере, и государи их почти всегда оканчивали жизнь в монастырях. Тело Святого Михаила и теперь покоится в тверском Преображенском соборе.

Между тем Константин Михайлович и бояре тверские, приехавшие с ним из Орды, все еще

оставались в плену у Георгия, и он отпустил их только в 1321 году, когда Димитрий Михайлович дал ему 2 тысячи рублей и слово не искать Великого княжества.

Здесь надобно заметить, милые читатели мои, что при этом в истории нашей в первый раз говорится о рублях, которые вовсе не походили на теперешние целковые. Это были простые отрубки серебра безо всякого клейма, весил каждый от 22 до 24 золотников. По сравнению с нынешними монетами деньги наших предков были некрасивы, но все-таки лучше, нежели прежние лоскутки кожи с клеймом, которые назывались кунами, оттого что делались из кожи куниц.

Итак, заплатив 2 тысячи таких рублей, Димитрий выручил из плена брата своего; что же касается обещания не искать Великого княжества, то он дал его неискренно, дал в ту самую минуту, когда в душе клялся отомстить убийце отца своего. Тотчас по приезде брата Константина в Тверь Димитрий отправился в Орду и выпросил себе у Узбека владимирский престол.

Георгий Даниилович ходил в это время с новгородцами к берегам Невы и там, где она вытекает из Ладожского озера, на острове Ореховом построил крепость Ореховскую, или нынешний Шлиссельбург, для того чтобы шведы не могли входить в это озеро. Получив известие, что Димитрий не исполнил своего обещания и уже везде объявлен великим князем, Георгий огорчился. Он боялся выехать из Новгорода, чтобы не потерять и этой области, но через некоторое

время, одержав победы над шведами, литовцами и князьями устюжскими, заслужил благодарность новгородцев, принял клятву их в верности и отправился к Узбеку опять просить у него Великое княжество.

Вслед за ним приехал в Орду и Димитрий. Этот князь, молодой, пылкий, прозванный *Грозные Очи*, был представлен Узбеку в одно время со смертельным врагом своим. Отомстить этому врагу было первым желанием, всегдашней мыслью Димитрия в течение шести лет. Он никогда не знал Георгия лично — и вдруг видит его подле себя. Кровь молодого князя закипела, большие голубые глаза его сделались подлинно грозными очами, ему казалось, что он видит перед собой бледную тень отца, ему казалось, что он слышит жалобные стоны, которые вырывались у него перед смертью, — и горестный, несчастный сын не мог владеть собою, он бросился на Георгия и заколол его в одну минуту. Тело убитого привезли в Москву, где княжил брат его Иоанн Даниилович, и митрополит Петр похоронил его в церкви Архангела Михаила.

Между тем в Твери все со страхом ожидали, чем накажет Узбек Димитрия, осмелившегося на глазах его совершить убийство. Прошло несколько месяцев, а хан все еще молчал. Друзья великого князя уже начали надеяться, что Узбек не будет мстить за Георгия. Но вдруг 15 сентября 1326 года было дано повеление казнить несчастного Димитрия, и в тот же день его убили в Орде. Ему было только 27 лет.

Вместе с известием о казни брата Александр Михайлович получил от хана грамоту на великокняжеский престол. Но недолго он владел им. Не прошло и года, как приехал в Тверь двоюродный брат Узбека Шевкал со множеством татар. В народе разнесся слух, будто бы он приехал для того, чтобы обратить всех русских в магометанскую веру, убить князя Александра и других братьев его и раздать все города татарским вельможам. Вероятно, этот слух был несправедлив, но великий князь, боясь умереть так же, как умер отец его, и не имея великодушия Михаила, жертвовавшего собой для спокойствия подданных, встревожил этими слухами народ, который поверил ему и для спасения веры и государей своих решился на дело, чрезвычайно опасное и вовсе бесполезное в то время, — истребить всех татар, бывших в Твери, и исполнил это под начальством своего князя 15 августа 1327 года, в самый день Успения Богородицы: ни одного татарина не осталось в городе.

Гнев Узбека был ужасен. Он поклялся истребить все Тверское княжество и поручил исполнить это Иоанну Данииловичу, князю московскому, обещая сделать его великим князем и прислать к нему на помощь 50 тысяч воинов. Как сказано, так и сделано. Тверь, Кашин, Торжок были опустошены со всеми селениями, жители истреблены или уведены в неволю, Иоанн Даниилович сделан великим князем, Александр Михайлович убежал во Псков, меньшие братья его — в Ладогу.

Так в течение девяти лет Россия лишилась четырех государей, из которых трое были убиты в Орде, четвертый переходил из одного города в другой, не находя нигде пристанища.

Это ужасное состояние северной части государства нашего было еще счастьем по сравнению с бедствиями южной, которая в это время подпала под власть одного из наследников Миндовга, князя литовского Гедимина. Гедимин был необыкновенно умен и храбр, однако он совершил великое злодейство, умертвив государя своего Буйвида и присвоив престол его. Вскоре немцы, русские и поляки узнали его силу. Он завоевал Брест, Овруч, Житомир, наконец Киев и всю старинную область Кривскую, или нынешнюю Белоруссию. Хитрый Гедимин, понимая трудное искусство удерживать у себя завоевания, не изгонял природных князей покоренных им земель, уважал их обычаи, веру и позволял новым подданным своим зависеть в церковных делах от митрополита московского. Сам же он пользовался верховной властью и звался великим князем литовским и русским. Столицей его была Вильна, им же основанная.

Таблица XXVIII

Семейство великого князя Георгия III

Супруга: Кончака, царица татарская, в крещении Агафия

Таблица XXIX

Семейство великого князя Димитрия Михайловича

Супруга: княжна литовская, дочь Гедимина

Таблица ХХХ

Семейство великого князя Александра Михайловича

Супруга: неизвестна

Сыновья:

1. Феодор
2. Всеволод
3. Лев
4. Михаил

Иоанн Калита и Москва,

столица России. 1328—

1340 годы

Ссоры князей московских, потомков Александра Невского, с князьями тверскими, детьми брата его

Ярослава Ярославича, напоминают нам старинное, более ста лет продолжавшееся несогласие Олеговичей и Мономаховичей. Разница была в том, что прежде князья-враги истребляли друг друга в жестоких сражениях, теперь же они тайно клеветали в Орде и губили друг друга через царей татарских. Так погибли Михаил и Димитрий, то же угрожало и Александру Михайловичу. Ужасна была судьба его, когда после разорения Тверского княжества он должен был бежать с родины и напрасно просить пристанища и помощи у русских князей. Никто не хотел принять его: все боялись гнева Узбека и любимца его великого князя Иоанна Данииловича, которому приказано было ханом доставить беглеца в Орду.

В это время жители Псковской области показали редкий пример неустрашимости и великодушия: они осмелились стать защитниками Александра Михайловича и не только приняли его со всем семейством, но даже выбрали своим князем и отделились от Новгорода. Никакие угрозы Узбека, великого князя и новгородцев не могли заставить их выдать несчастного князя, тем более что ему покровительствовал и сильный князь литовский Гедимин.

Александр прожил во Пскове около десяти лет, между тем как Тверью управлял брат его Константин Михайлович. Но чужая сторона, несмотря на все выгоды, никогда не может быть для нас так же приятна, как родная, где мы в первый раз увидели свет, где

выросли, где все места знакомы нам, где живут люди, которых мы привыкли любить с младенчества. Поэтому вы не удивитесь, милые читатели, когда я скажу вам, что Александр Михайлович все время, пока жил во Пскове, грустил по своей родине Твери и всеми силами старался возвратить себе эту наследственную область. Через десять лет он, надеясь, что гнев Узбека уже утих, решился ехать в Орду, чтобы заслужить его милость. Он не обманулся. Царю понравилась покорность и в то же время смелость, с которой князь сказал ему: «Царь верховный! Я заслужил гнев твой и отдаю тебе судьбу мою. Милуй или казни. Если помилуешь, я прославлю Бога и тебя. Хочешь ли головы моей? Она пред тобою!» Узбек милостиво выслушал его и с улыбкой сказал своим вельможам: «Князь Александр кротостью и умом своим избавляет себя от казни!» И тогда же возвратил ему Тверское княжество.

Но недолго радовался Александр Михайлович. Не прошло и года, как он с семейством своим приехал в Тверь, — Иоанн Даниилович, боясь, чтобы князья тверские опять не усилились и не заспорили с ним о великокняжеском престоле, поехал в Орду клеветать на Александра. Узбека нетрудно было обмануть: он верил всему, что говорили русские князья друг на друга, особенно если они прибавляли к своим словам богатые подарки. Иоанн Даниилович не забыл сделать этого — и судьба тверского князя решилась. Он получил повеление хана приехать в Орду, не посмел ослушаться

и был убит там вместе с сыном своим Феодором 28 октября 1339 года.

Узбек, умерщвляя князей, думал, что этим еще более утвердит власть татар над русскими, но он очень ошибся: жестокость его только помогла им скорее освободиться от этой власти, утвердив на русском престоле Иоанна I. Имя великого князя омрачилось гибелью Александра Михайловича, но, ослепленный честолюбием, он думал, что обстоятельства оправдывают его. Зная, что все несчастья России происходили от несогласия и слабости князей, он старался с самого вступления своего на престол иметь под своей властью все другие княжества. Самым сильным из них было Тверское. Предвидя, сколько новых бед может случиться в России, если тверские князья вздумают отнимать у потомков его престол, Иоанн не счел за грех погубить одного князя для спасения нескольких тысяч людей.

Если бы не это бедственное заблуждение, нам оставалось бы только прославлять память Иоанна Даниловича, потому что он первый положил начало освобождению предков наших от власти татар; он первый воплотил мысль Андрея Георгиевича о том, что для счастья и славы отечества нашего нужно, чтобы все обширные части его повиновались воле одного государя, а не прихотям нескольких ничтожных князей маленьких уделов; он первый после нашествия татар начал соединять эти расстроженные части в одно целое; он первый назвал столицей России Москву — родную,

славную, незабвенную по тем событиям, какие потом произошли в ней.

Казалось, сам Бог назначил ее быть столицей: Москва лежала в середине тогдашней России, все главные области окружали ее почти на равном расстоянии. Следовательно, нельзя было лучше выбрать города для пребывания государя. Кроме того, привязанность к нему благочестивого митрополита Петра, названного потом церковью нашей Святым, как будто бы предвещала новой столице благословение и особенное покровительство Божие. Все митрополиты русские всегда жили прежде в Киеве и потом во Владимире, как в столичных городах государства. Петр, полюбив Москву, переселился в нее, прежде чем ее сделали столицей, и попросил Иоанна построить здесь церковь Богородицы. Иоанн исполнил его желание и в 1326 году, 4 августа, заложил в Москве на площади первую каменную церковь во имя Успения Богородицы. Митрополит собственными руками построил себе каменный гроб в ее стене и вскоре скончался. Церковь была достроена и освящена уже без него новым митрополитом — Феогностом. Княжение Иоанна Даниловича продолжалось двенадцать лет. Несмотря на несчастную смерть родственника его Александра Михайловича, москвитяне очень любили Иоанна за набожность, усердие к возведению церквей и милосердие к нищим. Они называли его *собирателем земли Русской* и государем-отцом. Еще было у него прозвание *Калита*. Оно произошло от того, что он всегда носил с собой мешок, наполненный деньгами

для бедных, а такой мешок называли в старину калитой. Кроме Успенского собора он построил еще каменный Архангельский, где и был погребен и где с того времени погребали всех московских князей. В 1339 году он окружил новую столицу дубовыми стенами и возобновил Кремник, или Кремль, который при нем сгорел. Кремль был тогда внутренней крепостью, по старинному названию — детинцем*.

- *По наименованию стражи, или телохранителей княжеских, называвшихся детскими или отроками, которым поручали защищать внутренние крепости.*
-

Если вы слышали пословицу: «Близ царя — близ смерти», то надобно сказать вам, что она появилась в то время, когда не только народ русский, но даже и князя его так боялись татарских царей, что поехать в Орду было для них то же, что приготовиться к смерти. Они прощались навек с семейством и друзьями своими, писали духовные завещания, назначали даже деньги на поминовение души своей. Вы можете видеть это в завещании великого князя Иоанна Калиты, который написал его, отправляясь еще в начале княжения своего к Узбеку. Оно очень любопытно тем, что дает нам понятие о владениях и состоянии великого князя. Я не буду описывать подробно это завещание,

но выпишу из него только то, что, кажется, будет любопытно для вас.

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Не зная, что Всевышний готовит мне в Орде, куда еду, оставляю эту *душевную грамоту*, написанную мною добровольно в целом уме и совершенном здоровье. Приказываю* в случае смерти сыновьям моим город Москву. Отдаю Симеону Можайск, Коломну с волостями; Ивану — Звенигород и Рузу; Андрею — Лопасну, Серпухов, Перемышль; княгине моей с меньшими детьми — села, бывшие в ее владении. Еще при жизни дал я сыну Симеону четыре цепи, три пояса, две чаши, блюдо с жемчугом и два ковша золотые да три блюда серебряные; Ивану — четыре цепи, два пояса с жемчугом и с камнями, третий — сердоликовый, два ковша, две круглые чаши золотые да три блюда серебряные; Андрею — четыре цепи, пояс жемчужный, другой с крюком, на красном шелке, третий ханский; два ковша, две чарки золотые да три блюда серебряные. Золото княгини отдал я дочери Фетинье: 14 колец, новый складень, ожерелье матери ее, чело** и гривну, а мое собственное золото и коробочку золотую отказываю княгине моей с меньшими детьми. Из платьев моих назначаю: Симеону — шубу красную с жемчугом и шапку золотую; Ивану — желтую обьярииную шубу с жемчугом и мантию с бармами***; Андрею — шубу соболью с наплечниками, низанными жемчугом, а две новые шубы с жемчугом — меньшим детям Марье и Федосье. Серебряные пояса и другие одежды мои раздать священникам, а сто рублей,

оставленных мною у казначея,— по церквам. Тебе, Симеон, как старшему сыну, приказываю меньших братьев и княгиню с дочерьми: будь им по Боге главным защитником».

* *Т. е. поручаю.*

** *Головной убор.*

*** *Род воротника с оплечьями.*

Вы видите, как невелико было богатство прежних государей наших; однако, довольствуясь и малым, они высоко ценили его. Вы можете заметить это по той точности, с которой сказано в духовной даже о кольцах. А мы как часто считаем за ничто не только кольца, но и вещи более драгоценные, которыми одаривают нас наши родители. Как часто мы готовы безрассудно отдать их за какую-нибудь безделицу, более блестящую! Поучимся же у старинных князей наших быть бережливыми и сохраним надолго все, что получили от людей, которых любим и уважаем! Ведь и Иоанн Калита получил от отца и деда почти все те вещи, которые отказывал детям своим.

Таблица XXXI

Семейство великого князя Иоанна I Данииловича
Калиты

Супруга: Елена

Сыновья: 1. Симеон 2. Иоанн 3. Андрей

Дочери: 1. Фетинья 2. Марья 3. Феодосия

Святой митрополит

Алексий. 1340—1359 годы

Бог, посылая несчастья на предков наших, посылал им также и утешителей, которые облегчали страдания их, а иногда даже спасали от новых бедствий. Этими утешителями были по большей части святые служители его — митрополиты, епископы, священники и монахи. Так, первый митрополит всей России Святой Петр старался помирить князей, особенно московского с тверским, и, не имея возможности облегчить всему народу тяготы дани татарской, ездил в Орду, чтобы, по крайней мере, избавить от нее церкви и дома ее служителей.

Так, потом митрополит Святой Алексей во время нового, ужасного бедствия, случившегося в России в 1352 году при великом князе Симеоне, сыне Иоанна Калиты, заботился как отец обо всех страдавших. Этим бедствием была смертельная болезнь, известная

под именем *черной смерти*. Человек умирал от нее в ужасных мучениях, которые продолжались два или три дня. Не одно отечество наше испытало все ужасы этой болезни: черная смерть началась в Китае, где истребила около 13 миллионов человек, потом перешла в Грецию, Сирию, Египет, перевезена была на кораблях в Италию, Францию, Англию, Германию и наконец в наш Псков и Новгород. Все историки говорят, что нельзя вообразить зрелища более страшного: в один день исчезали целые семейства! Сначала люди усердно ходили за своими больными, но потом, когда заметили, что не только они, но даже вещи их передавали заразу, начали оставлять несчастных — сын бежал от отца, дочь от матери, брат от брата. В это время общего уныния митрополит Алексей и многие другие духовные особы были для них настоящими ангелами-хранителями. Они погребали оставленных всеми мертвецов, утешали живых, огорченных потерей родных или друзей, и помогали бедным, осиротевшим, бесприютным малюткам.

В 1353 году ужасная болезнь дошла до Москвы, и там в короткое время скончались от нее великий князь, два его сына и брат Андрей Иоаннович. Симеон во время тридцатилетнего княжения следовал правилам отца своего и так же, как он, заботился о том, чтобы вся Россия повиновалась *одному* государю. Он был не только строг с удельными князьями и важен в обхождении с ними, отчего и назван Гордым, но сумел заслужить почтение сильных в то время князей литовских, сыновей славного Гедимины.

Знаменитейший из них — Ольгерд, сделавшийся потом повелителем и братьев своих, и всей Литвы, был даже в родстве с великим князем Симеоном*, а потом женил и брата своего Любарта на племяннице его, ростовской княжне.

- *Он был женат на свояченице Симеона Гордого княжне Иулиании, дочери князя Александра Михайловича Тверского.*
-

Когда Симеон Гордый скончался, все русские князья поехали в Орду, где уже не было Узбека, умершего еще в 1341 году. Сын и наследник его Чанибек отдал великокняжеский престол брату Симеона — Иоанну Иоанновичу Московскому, князю кроткому, даже слабому.

Правление таких государей редко бывает счастливым: доброе сердце и слабость делают дерзкими и их собственных подданных, и чужеземных врагов. Новгородцы не хотели повиноваться наместникам Иоанна II и делали в своей области все, что хотели. В Москве, которая во все времена славилась покорностью и любовью к государям своим, происходили при Иоанне 11 беспорядки разного рода, и даже один из любимцев Иоанна был найден убитым на площади. Ольгерд, князь литовский, уже не хотел,

как прежде, уважать великого князя, напротив того, он отнимал русские города и едва не завладел Тверью.

В это смутное время митрополит Алексей снова имел случай показать свою заботу об отечестве. Слух о его добродетелях, о его святости, о Божией к ней милости дошел даже до столицы татарской. Супруга хана Чанибека Тайдула вдруг опасно занемогла. Ей казалось, что, кроме молитв русского митрополита Алексея, ничто не спасет ее от смерти. Она умоляла супруга своего послать за ним, и Чанибек исполнил ее желание. Алексей поехал в Орду с надеждой на Бога и молитвой к нему.

Эта молитва была услышана: ханша Тайдула выздоровела и не знала, чем отблагодарить своего избавителя. Скоро ей представился к этому случай. Чанибек, которого наши историки называют добрым, вскоре был убит родным сыном своим Бердибеком. Злодей не пощадил и братьев своих. Вы можете представить себе, какая участь ожидала бедное отечество наше под властью такого чудовища! Все князья русские устрашились, когда услышали о новом хане. Страх их еще более увеличился, когда они увидели перед собой баскака, или посла его, которому приказано было собрать новую дотолу неслыханную дань и жестоко наказывать всякого кто не заплатит ее. Все были в отчаянии, думая, что настала окончательная гибель отечества. Один Алексей не пришел в уныние, а, напротив того, решился на дело чрезвычайно смелое — ехать в Орду умолять злодея

которого в истории называют *Тигром*. Он надеялся на милость доброй Тайдулы, матери Бердибека. Старания и просьбы ее имели полный успех: жестокий хан смилостивился над Россией, отменил новую дань и приказал баскаку своему ехать назад.

Какая была радость, какой праздник в Москве, когда митрополит возвратился из Орды! Все спешили ему навстречу — великий князь, семейство его, бояре и народ. Все называли его своим избавителем, все хотели поцеловать если не руку, то, по крайней мере, одежду его.

В эту минуту все были еще более тронуты, когда вдруг увидели, что восьмилетний сын великого князя Димитрия, о котором вы услышите потом много хорошего, подошел к митрополиту и сказал ему: «О отец наш! Ты избавил нас от войны и смерти! Как нам благодарить тебя?» Сколько любви к народу уже было в детском сердце его! Митрополит обратил взоры свои к небу к престолу Божию: душа его предвидела будущую славу прекрасного младенца и благословляла минуту его рождения.

Говоря о святых утешителях и покровителях России нельзя не сказать и о Святом Сергии, основателе знаменитой Троицкой лавры — монастыря в окрестностях Москвы. Этот благочестивый инок был сыном ростовского боярина Кирилла. С детства он любил молиться Богу, размышлять о нем и избегал общества веселых товарищей своих. Уединение было для него так приятно что он наконец поселился

в дремучих лесах города Радонежа, в 60 верстах от Москвы, и жил пустынником несколько лет, потом построил там деревянную церковь Святой Троицы и подле нее нынешнюю Лавру—монастырь для тех монахов, которые, слыша о добродетелях его, приходили к нему из отдаленных стран, желая остаться с ним навсегда. Слава Сергия, одного из первых чудотворцев наших, была так велика, что все князья, митрополит, бояре и народ оказывали ему особенное уважение, как будто предвидя будущую святость его, и во всех важных делах государственных спрашивали у него совета. Вы увидите потом его усердие и, если будете в Москве, не забудьте съездить в Троице-Сергиеву лавру и поклониться святому гробу его.

Таблица XXXII

Семейство великого князя Симеона I Иоанновича Гордого

Супруги:

1. Августа, княжна литовская, в крещении Анастасия
2. Параскевия, княжна смоленская
3. Мария Александровна, княжна тверская

Сыновья:

1. Василий
2. Константин
3. Даниил
4. Михаил
5. Иоанн

6. Симеон

Таблица XXXIII

Семейство великого князя Иоанна II Иоанновича

Супруги:

1. Феодосия Димитриевна, княжна брянская
2. Александра, в монахинях Мария

Сыновья: 1. Димитрий 2. Иоанн

Русские дети. 1359—

1362 годы

Мне не нужно говорить вам, читатели мои, что храбрость — врожденное качество русского народа. Много раз доказали это воины наши во все века и при всех государях, но, кроме того, бывали примеры в России, когда дети ходили в настоящие сражения и побеждали неприятелей с такою же славою, как и взрослые люди.

В 1359 году скончался великий князь Иоанн II Иоаннович, прозванный Кротким. У него осталось два

сына: старший—Димитрий, о котором вы уже слышали, девяти лет, младший—Иоанн, семи лет, и еще племянник, сын его брата Андрея Иоанновича Владимир, шести лет. Этим трем малюткам Иоанн II отказал в такой же духовной, какую писал и дед их Иоанн Калита, свое наследственное Московское княжество со всеми принадлежавшими ему городами и деревнями, но ни одного из них не назначил великим князем, потому что это назначение зависело от татарского царя.

В это время в Орде происходили беспорядки, ссоры, убийства. Ханы беспрестанно сменялись, истребляя друг друга. Один из них—Темирхожа—был ханом только шесть дней, на седьмой татары взбунтовались; простой темник Мамай возглавил этот бунт, он убил Темирхожу и отдал ханство какому-то Авдулу, который во всем повиновался ему.

Но не все хотели иметь царем своим Авдула. Многие вельможи татарские остались в Сарае с ханом Мурутом, другие овладели болгарской землей, третьи—мордовской. Так Капчакское царство разделялось, ослабевало, готовясь к своему падению. Но это еще не скоро должно было случиться.

Во время таких беспорядков трудно было князьям русским узнать от ханов, кто будет великим князем после Иоанна II. Они почти все поехали в Орду, даже маленький Димитрий. Урус, бывший в то время царем, вздумал безо всякой особенной причины сделать великим князем Димитрия Константиновича

Суздальского, сына ростовского князя, никакими достоинствами и делами не заслужившего столь важного отличия. Все русские удивились этому: все знали, что ни дед, ни отец Дмитрия Константиновича никогда не были великими князьями, что этот титул принадлежал князьям московским.

Маленький Дмитрий Иоаннович тоже удивился, обиделся и уехал из Орды с намереньем непременно отнять у Дмитрия Константиновича не принадлежавшее ему достоинство, заслужив его славными делами и победами.

Эта мысль твердо поселилась в уме смелого мальчика. Мать его великая княгиня Александра, митрополит Алексей и все верные бояре, любившие отечество и предвидевшие славу его от величия князей московских, поддержали маленького героя. Через два года он объявил себя великим князем и позвал Дмитрия Константиновича, жившего во время своего княжения в прежней столице России—Владимире, на суд к хану. Это было, когда в Капчакской орде царствовали несколько ханов, но русские почитали законным того, который жил в Сарае. Итак, бояре московские отправились к Муруту. Напуганный, притесненный мятежником Мамаем, Мурут обрадовался чести, какую оказали ему москвитяне, и согласился признать двенадцатилетнего Дмитрия великим князем русским.

Но слабый хан Мурут не мог помочь войсками новому великому князю, и потому Дмитрий

Константинович не признал его суда и не выехал ни из Владимира, ни из Переяславля-Залесского. Тогда-то дети русские показали храбрость свою! Не только Димитрий, но и младший брат его Иоанн и даже восьмилетний Владимир пошли вместе с полками московскими усмирять непокорного суздальского князя. Конечно, их не только благословил на этот поход, но даже и поехал вместе с ними митрополит Алексей, их окружали умные и храбрые воеводы, их защищали от опасностей все воины грудью своей, но все-таки нельзя не удивляться их смелости, нельзя не восхищаться их неустрашимостью, нельзя не гордиться всем нам, русским, что у наших государей бывают такие дети-герои! Димитрий Константинович, зная, что князь московский почти младенец, никак не ожидал, что москвитяне осмелятся идти против него. Он не приготовился к сражению и вынужден был бежать из Переяславля и уступить великокняжеский престол своему маленькому сопернику. Русские государи короновались тогда не в Москве, а в прежней столице — Владимире. Димитрий Иоаннович поехал туда, прожил там несколько дней после коронования и возвратился в Москву, не желая преследовать неприятеля, который остался княжить в своем наследственном уделе.

Так благодетельная для нас мысль Андрея Боголюбского, Иоанна Калиты и Симеона Гордого — мысль о том, чтобы всех удельных князей привести под власть одного государя, — сделалась и мыслью Димитрия. Мы скоро увидим, что Димитрий имел

и другую славную цель всей своей жизни— он хотел освободить отечество свое от власти татар. Об этом вы прочитаете на следующих страницах.

Донское сражение, или Куликовская битва.

1362—1380 годы

Много забот, трудов, беспокойств и огорчений ожидало Дмитрия Иоанновича на великокняжеском престоле. Сначала ему пришлось несколько раз усмирять Дмитрия Константиновича, который все еще стремился быть великим князем. Наконец, видя, что все старания его напрасны, он не только помирился с Дмитрием Иоанновичем, но даже через пять лет отдал за него дочь свою Евдокию.

После мира с главным врагом Дмитрий должен был утешать московских жителей в несчастьях, у них

случившихся: прежде всего от большого пожара*, истребившего почти всю Москву, потом от возвратившейся в нее черной смерти.

- *Этот пожар называется в истории Всесвятским, потому что начался в церкви Всех Святых.*
-

Но эти несчастья Москвы были не так важны, как те, которые навлек на нее гордый и честолюбивый тверской князь Михаил, сын Александра Михайловича. Он знал о намерении Дмитрия привести удельных князей под свою власть и, думая больше о собственной выгоде, нежели о пользе отечества, решил противиться этому. К несчастью, у Михаила были для этого средства: знаменитый Ольгерд, князь литовский, наводивший в те время с братом своим Кестутием страх на всех соседей, был женат на сестре Михаила — тверской княжне Иулиании Александровне. При всякой своей неудаче в России Михаил уезжал к зятю в Литву и возвращался оттуда с войском литовским, которое не менее татарского разоряло отечество наше. Так, в 1368 году он пришел вместе с самим Ольгердом, который три дня грабил, жег, опустошал Москву. Великий князь, брат его Владимир Андреевич, митрополит Алексей и знатные бояре едва спаслись в Кремле*. Выходя из Москвы, Ольгерд хвастал тем, что русские долго не забудут его.

-
- После Всесвятского пожара Димитрий, видя, что деревянные укрепления ненадежны, построил каменный Кремль и в нем-то спасся от Ольгерда.
-

Впрочем, это нашествие литовцев не принесло никакой пользы Михаилу: Димитрий остался на великокняжеском престоле. Тогда тверской князь решил просить помощи у Мамаю, который в это время был уже так силен, что соединил свою Волжскую орду с Золотой, или Сарайской, и, сделав ханом Мамант-Салтана, повелевал им как хотел. Михаил Александрович умел угодить гордому татарину, и Мамай дал ему грамоту на Великое княжество и посла, чтобы возвести его на престол.

Но прошло то время, когда князья русские, не рассуждая, повиновались татарам: Михаил с ханской грамотой едва мог убежать от полков московских в Вильну (вы помните, что это была столица литовского князя). Старый Ольгерд ласково принял зятя и согласился идти с ним на русских.

Кремль во второй раз спас великого князя и все семейство его. Пока литовцы стояли перед этой крепостью, рассуждая, начинать ли приступ, брат Димитрия Владимир Андреевич и князь Пронский пришли с сильными полками из Перемышля и Рязани. Ольгерд, увидев, что со всех сторон его окружают

русские, испугался и начал просить мира, уверяя, что вечно будет другом русских. Чтобы доказать свою искренность, он предложил выдать дочь свою Елену за умного и храброго князя Владимира Андреевича. Добрые предки наши поверили ему, княжна литовская сделалась русской княгиней, но ссоры с Ольгердом от того не уменьшились, и до самой смерти своей он разорял отечество наше в угоду зятю своему, который только в 1375 году был совершенно усмирен великим князем. В договорной грамоте Михаил поклялся при митрополите Алексии считать московского князя старшим и никогда не искать великокняжеского престола. Молодой Димитрий Иоаннович был так добр, что не только не отнял наследственного княжества у смертельного врага своего (чего он по справедливости заслуживал), но даже позволил ему называться великим князем тверским. Впрочем, одно это название без владимирского престола не было важно: так называли сами себя часто и разные другие князья, например рязанские и смоленские.

Войско русское почти не отдыхало во время княжения Димитрия: едва окончилась продолжительная война с тверским князем, как полки московские пошли в Камскую Болгарию. Великий князь беспрестанно думал о том, чтобы освободить отечество свое от власти татар. Камская Болгария тогда принадлежала им: этого довольно было, чтобы заставить Димитрия овладеть ею.

В то время она называлась уже не Камской, а Казанской Болгарией, потому что в ней был уже славный в истории нашей город Казань. Его основал один из татарских ханов по имени Саин*, который, идучи завоевывать Россию, был встречен тут многими русскими князьями. Боясь татар как огня, они пришли к ним с покорностью и принесли богатые дары. Саин сжалился над ними и не пошел в тот раз далее. Место ему понравилось, и Саин вздумал основать тут городок для того, чтобы татарские баскаки, посылаемые для сбора дани с русских, могли здесь отдыхать. Он населил этот городок болгарами, черемисами, вотяками, мордвою и назвал Казанью. Казань значит по-татарски «котел» или «золотое дно».

- *Саин был или сын Батья Сартак, или сам Батый, которого татарские историки называют Сагином.*
-

При Димитрии Иоанновиче Казань была уже не городком, а богатым городом. Жители его, думая испугать русское войско, посланное Димитрием, выехали навстречу ему на верблюдах. Но чего боятся русские? Они бросились на них так скоро и неустрашимо, что верблюды едва успели повернуться и побежать назад к городу. Два владельца болгарских — Осан и Махмат-Салтан — покорились великому князю и дали ему 2 тысячи рублей, а на воинов его — 3 тысячи

рублей и обязались и впредь быть данниками московского князя.

Димитрий очень досадил татарам покорением области, им принадлежавшей, но в 1378 году — еще более: он победил в Рязанской области, на берегах реки Вожи, сильное войско, посланное Мамаем, чтобы наказать дерзкого русского князя. Эта победа — первая, одержанная над татарами с 1224 года, — показала, что русские уже не те покорные рабы, какими были прежде. Мамай пожелал отомстить храброму Димитрию и, чтобы вернее сделать это, собрал войско из татар, половцев, турок, черкесов, ясов, жидов кавказских и армян. Но это войско показалось Мамаю еще недостаточным для усмирения русских: он пригласил на помощь литовского князя. Ольгерда уже не было на свете. Наследник — любимый сын его Ягайло — начал свое правление с того, что убил дядю Кестутия и принудил его сына, молодого Витовта, убежать в Пруссию. Не забудьте этого Витовта: он очень прославится впоследствии.

Мамай, прослышав о злых делах Ягайлы, подумал: «Это будет славный помощник мне!» И не ошибся. Литовский князь обрадовался его предложению, они условились совершенно разорить землю Русскую, сжечь все города, селения и церкви христианские. К этим двум безбожным врагам нашего отечества присоединился третий. Кажется, он был еще хуже их. Верно, вы согласитесь с этим, милые читатели, когда узнаете, что он был русский. Да, это был князь

рязанский Олег! Жестокий, хитрый, лукавый, он умел скрывать свои пороки и оказывал всегда столько почтения и любви великому князю, что добрый Димитрий считал его истинным другом своим. И после этого Олег не постыдился изменить ему: сам предложил Мамаю и Ягайле свою помощь и согласился ждать на берегах Оки! Мамай обещал за это разделить между обоими союзниками завоеванное Великое княжество. Эта награда была с самого начала причиной измены Олега: он думал, что соединенные войска татарские и литовские совсем разорят русские княжества, и надеялся в это время не только сохранить свое, но даже увеличить его.

Пока бессовестный Олег рассуждал таким образом, пока Мамай и Ягайло мысленно уже считали звонкое золото русское, которым хотели обогатиться, Москва была в тревоге, но не от страха. Напротив того, все — от самых храбрых и неустрашимых воинов до молодых девушек и детей — оживлены были смелостью, все думали, что пришло время освобождения от власти татар, и как будто предчувствовали, что Бог, сжалясь над страданиями русских, наконец поможет им победить своих притеснителей. Пример в этом мужестве, в этой надежде подавал всем жителям московским их государь. Как только Димитрий узнал о намерении Мамаю и Ягайлы, он разослал гонцов во все области Великого княжества с повелением собирать войско и вести его прямо в Москву. Через несколько дней целые города готовы были идти против неприятелей. Каждый день приходили в Москву

новые полки под начальством князей или бояр. Это были князья ростовские, белозерские, ярославские со своими подданными; бояре владимирские, суздальские, переяславские, костромские, муромские, дмитровские, можайские, звенигородские, угличские, серпуховские. Все эти дружины составили многочисленное войско, которое готово было выступить в поход. Но Димитрий прежде хотел вместе с неразлучным другом своим и, после ранней кончины родного брата Иоанна, единственным братом и товарищем — князем Владимиром Андреевичем и со всеми главными воеводами съездить в уединенный Троицкий монастырь и там принять благословение игумена Сергия, о благочестии которого читатели уже слышали. Этот святой старец хотя уже давно отказался от мира, но пламенно любил свое отечество. Он обрадовался, неожиданно увидев храбрых защитников в тихом монастыре своем; обрадовался смирению, с которым они желали получить через него благословение Божие, потому что это предвещало им помощь небесную и победу. Он упросил великого князя отобедать в монастыре, окропил святою водою его и всех бывших с ним военачальников и отпустил с ними разделять опасности войны двух монахов — Александра Пересвета и Ослябю. Выезжая из Троицкого монастыря, Димитрий еще более надеялся на победу.

В церкви Михаила Архангела над гробницами предков своих, государей московских, великий князь еще раз помолился Богу и простился с супругой. Горько плакала она, отпуская друга своего на сражение

с татарами. Невольно приходила ей в голову мысль обо всех князьях, уже убитых ими. Далеко за городские ворота провожали московские жители государя и войско его и только к вечеру возвратились в тихую столицу, где остались одни старики, женщины и дети.

В 94 верстах от Москвы, в городе Коломне соединились с Димитрием два союзника его — сыновья Ольгерда, князья полоцкий и брянский, обиженные братом своим Ягайлом и поклявшиеся отомстить ему.

Здесь великий князь осмотрел все войско свое. Никогда еще не было оно так многочисленно: более 150 тысяч воинов конных и пеших стояло в рядах! Димитрий был спокоен и тверд, его огорчала только измена Олега, и огорчала не потому, что он боялся ее, а потому, что ему горестно было видеть изменника в прежнем друге. Между тем Олег страдал от измены своей гораздо более его: узнав, что великий князь не устрасился войны и уже перешел за Оку, в его собственную рязанскую землю, он не знал, что делать и к кому пристать, — боялся и Мамаю, и Димитрия, раскаивался в измене и дрожал при одной мысли о том, что будет с ним впоследствии.

Мамай со всей Ордой уже стоял за Доном и ждал Ягайлу. Войско наше подошло к этой реке. Князья и бояре долго рассуждали, переходить ее или ожидать татар здесь? Решено было перейти, чтобы не дать Мамаю соединиться с литовским князем, и на другой день поутру все войско русское уже стояло на другой стороне Дона, на берегах реки Непрядвы. Здесь

Димитрий Иоаннович еще раз взглянул с высокого холма на многочисленные полки свои. Мысль, что, может быть, через несколько часов все эти храбрые воины погибнут под ударами жестоких татар, так тронула доброе сердце его, что он упал на колени и, глядя на золотой образ Спасителя, веявший на черном знамени великокняжеском, молился за народ свой. Потом объехал все полки, говорил с каждым из них, называл воинов милыми братьями, обещал им славу в здешнем мире и в будущем.

Это было 8 сентября 1380 года. В шестом часу дня войско наше дошло до поля Куликова, которое простиралось более чем на десять верст. Здесь русские увидели неприятелей. Татар было больше наших. Димитрий, несмотря на просьбы князей и бояр, которые умоляли его не подвергать опасности жизнь свою, сражался в передовом полку. Он первым ударил по врагу; место его было в рядах простых воинов. Три часа продолжалась страшная битва. Кровь лилась на всем обширном поле, но все еще нельзя было решить, кто останется победителем. В одном месте русские теснили татар, в другом — татары русских. Однако уже *большие*, или княжеские, знамена едва спасены были от рук Мамаю; уже некоторые из полков московских хотели было бежать, как вдруг князь Владимир Андреевич, начальник засадного полка, выступил из роци, которая скрывала его от всех, и неустрашимо бросился на татар. Это решило судьбу сражения: неприятели не могли уже противиться свежему войску и побежали. Мамай, увидев это бегство,

вскричал с тоскою отчаяния: «Велик Бог христианский!»— и побежал за своими воинами. Русские гнали их до реки Мечи, убивали и топили без счета и взяли в добычу множество лошадей и верблюдов, навьюченных разными ценностями.

Радость и счастье победителей были неописуемы! Первого героя этого знаменитого в нашей истории дня— великого князя Дмитрия Иоанновича называли Донским, второго, князя Владимира Андреевича,— Храбрым. Они вместе со всеми оставшимися в живых князьями и боярами объезжали поле Куликова: много было убито русских, но вчетверо более татар; всего же, по уверению некоторых историков, было до 200 тысяч тел. Великий князь плакал над всеми ими и в знак благодарности приказал праздновать память их в Дмитриевскую субботу, которая бывает между 18-м и 26-м числами октября.

Ягайло в день Донского сражения был только в 30 верстах от Мамаея и, узнав, чем оно окончилось, устранился и побежал назад в Литву так скоро, что русские не могли догнать его. Так Дмитрию удалось в один день избавить Россию от двух сильных неприятелей.

Известие о победе его восхитило не только жителей Москвы и областей Великого княжества, но и всех других княжеств. Народ везде встречал Донского с неизъяснимым восторгом, как освободителя отечества от жестокой власти варваров: все думали, что это освобождение уже исполнилось, что слава и счастье

нашего отечества уже навсегда возобновились, что татары после Куликовской битвы никогда уже не осмелятся идти на русских.

Новое несчастье Москвы и разбой новгородцев. 1380 —1388 годы

Бедные предки наши обманулись в своих ожиданиях: не прошло и двух лет после славного Донского сражения, как Москва опять оказалась в руках татар и опять терпела все те ужасы, какие происходили в ней во времена Батыея. Новый мучитель ее, т. е. новый царь татарский, был не Мамай, которого уже не было на свете, а смертельный неприятель его — хан Тохтамыш, один из потомков Чингисхана. Во время беспорядков, происходивших в Капчакской орде около 1360 года, Тохтамыш был изгнан оттуда ханом Урусом

и убежал в Бухарию к чагатайским монголам. Там он сумел войти в милость к главному эмиру, или князю, Тамерлану. Тамерлан очень походил на Чингисхана и так же, как он, хотел завоевать весь свет. Читатели мои, верно, хорошо Помнят этого злодея, который бросал людей в котлы. Вот второй Чингисхан — Тамерлан, жалея об участи Тохтамыша, изгнанного из отечества, дал ему войско, чтобы отнять наследственный престол свой у Мамаю, который в это время возвращался с остатками своих полков с поля Куликова. Мамаю разбила совершенно. Тохтамыш сделался царем в Орде и потребовал от великого князя, чтобы все князья наши, как подданные татар, немедленно явились к нему. Русские удивились, но не встревожились; более того — они выказали так много ненависти к татарам, что ханский посол не посмел ехать далее Нижнего Новгорода и возвратился в Сарай. Димитрий, надеясь на слабость Орды, не думал ни о новом хане, ни о том, чтобы приготовиться к защите.

Тохтамыш молчал около года, и вдруг в Москве услышали страшную весть — он идет на Россию, а бесчестный Олег, несмотря на благодеяние великого князя, простившего прежнюю измену его, опять принес отечество в жертву варварам и дружески встретил их на границах своего Рязанского княжества. Эта весть была ужасна для всех русских, совсем не приготовившихся к ней; но, если бы все князья одинаково любили свое отечество и соединили свои войска, можно было бы ручаться, что еще одно сражение, как Донское, — и Россия навсегда

освободится от притеснителей. Но вместо этого спасительного согласия все князья оставили Дмитрия. Даже тесть его, князь нижегородский, не захотел помочь ему, напротив того — он послал к хану двух сыновей своих с дарами. Великий князь потерял твердость духа и, не имея надежды победить Тохтамыша с одним только верным помощником своим, братом Владимиром Андреевичем, решил, что лучше защищаться в крепости, нежели выйти навстречу неприятелю, и удалился в Кострому со всем своим семейством. Тогдашний митрополит Киприан, грек родом, выехал в Тверь, а народ московский, оставленный государем и митрополитом, шумел и спорил с боярами, он то приходил в отчаяние, то храбро защищался и наконец 16 августа 1382 года сдал столицу Тохтамышу. Жестокий хан принудил его к Тому хитростью: он обещал жителям не разорять Москвы и тотчас уйти из нее, если они сдадутся добровольно. Москвитяне поверили и дорого заплатили за легковерие: татары злодействовали в Москве с обычным зверством своим, убивали всех, кого встречали, грабили все, что находили в церквах, дворцах, домах и погребях, и, наконец, уходя, подожгли весь город.

Такая же участь уготовлена была и другим городам Великого княжества — Владимиру, Звенигороду, Юрьеву, Можайску, Дмитрову. Не спаслась и Рязанская область, несмотря на измену князя ее: татары и там поступали, как на земле неприятельской, и доказали Олегу, как ненадежна милость, купленная бесчестьем.

С горестью возвратился в Москву великий князь и увидел все несчастья столицы своей. Только на улицах нашли 24 тысячи мертвых тел, не считая сгоревших и утонувших. Димитрий собрал все силы огорченной души своей и принялся вместе с братом Владимиром Андреевичем возобновлять красоту Москвы, о которой с восхищением говорили историки того времени. На следующий год для спокойствия подданных своих он с честью принял ханского посла, отпустил с ним в Орду старшего сына своего Василия и заплатил большую дань Тохтамышу, который хотя и страшен был во гневе, но миловал показывающих раскаяние и покорность, и потому великий князь не боялся за жизнь сына: хан принял его очень ласково..

Но Димитрию Иоанновичу, видно, не определено было жить спокойно: едва начал он забывать ужасное нашествие Тохтамыша, как уже новые огорчения, новые беспокойства готовились для доброй души его. Эти огорчения, эти беспокойства причиняли ему своевольные подданные его — новгородцы. Они не только отдали без согласия его два города свои — Ладогу и Русу и берег наровский одному из князей литовских, Патрикию Наримантовичу, но в последние годы, когда великий князь был занят подготовкой к Донскому сражению, а потом несчастьями Москвы, новгородцы вздумали заниматься разбоями и называли это ужасное ремесло удалством или молодецеством. Они собирались большими толпами, выбирали себе начальника — атамана и отправлялись грабить деревни и города по рекам

Волге, Каме, Вятке. В 1371 году они завладели таким образом Ярославлем, в 1375-м— Костромой и целую неделю злодействовали в ней: брали в неволю людей, грабили дома, лавки, бросали в реку то, чего не могли взять с собой. Оттуда они отправились вниз по Волге и, не боясь никого, разорили все прибрежные селения до нынешней Астрахани. Правда, эти разбойники были все убиты там татарским князем Сальчеем, но у новгородцев была не одна такая шайка. С каждым годом число их увеличивалось, и наконец дерзость новгородцев дошла до того, что правительство их начало захватывать даже доходы великокняжеские, а духовенство не захотело повиноваться митрополиту московскому.

Великий князь пытался и кротостью, и угрозами напомнить им обязанность их перед государем, но, когда увидел, что все это напрасно и что новгородцы хотят быть независимыми от Великого княжества, решил усмирить их оружием. Он собрал войско с 26 областей своих; кроме того, к нему присоединились даже некоторые из подданных Новгорода— жители Вологды, Бежецка, Торжка, недовольные беспорядками своевольного правительства. С этими силами великий князь расположился лагерем в 30 верстах от Новгорода. Тут встретил его архиепископ новгородский, умоляя простить вину Новгорода, который готов заплатить 8 тысяч рублей за дерзости своих разбойников. Добрый Димитрий, милостивый и для непокорных подданных, согласился на мир с условием, чтобы Новгород всегда повиновался ему как государю своему, платил каждый

год *черный бор*, или дань, собираемую с *черного народа*, и внес бы 8 тысяч рублей за разбойников. Кроме того, они должны были взять у литовского князя Русу и Ладогу.

Так и гордость новгородская смирилась перед героем Донским! Мне остается рассказать вам еще об одном знаменитом деле его, — оно намного облегчило судьбу отечества нашего и потому заслуживает особенного внимания.

Великодушие князя

Владимира Храброго.

1389 год

В то славное государственное дело было новый порядок в наследовании престола. Вы помните, что до того времени наследником государя русского был всегда не сын его, а брат как старший в роде. Вы помните

также, сколько споров и несогласий было из-за этого в семействах княжеских. Как часто сын, воспитанный на глазах отца своего — великого князя, наученный на примере его управлять государством, должен был уступить свои права дяде, может быть никогда не выезжавшему из своего маленького удельного городка и вовсе не знакомому с теми знаниями, как имел его племянник. Как часто народ терял в таком случае свое счастье или проливал кровь в междоусобной войне неуступчивых наследников. Предки наши чувствовали всю несправедливость такого установления первых государей своих, но, уважая память их, не смели противиться ему. Владимир Мономах, Георгий Долгорукий, Андрей Боголюбский были первыми из князей, кто громко заговорил о невыгодах такого порядка, но они не имели еще столько силы и смелости, чтобы отменить древний закон отцов своих и ввести новый. Исполнением этого трудного дела мы обязаны Димитрию Иоанновичу Донскому и доброму, великодушному Владимиру Андреевичу. Будучи старшим в роде и двоюродным братом великого князя, он был законным наследником московского престола после смерти Димитрия. Но, любя отечество свое более всех выгод, какие могло доставить ему Великое княжество, Владимир добровольно отказался от прав своих и согласился на предложение Димитрия ввести новый закон о наследстве. В договорной грамоте, которая была составлена по этому случаю, сказано, что Владимир Андреевич признает Димитрия отцом, сына его

Василия — братом старшим, Георгия — равным, а меньших сыновей великого князя — младшими братьями, всех же вообще — наследниками Великого княжества после смерти Димитрия.

Подписывая эту договорную грамоту, Владимир Андреевич сравнился заслугами с самыми знаменитыми государями: с того времени кончились кровопролитные ссоры дядей и племянников и навсегда утвердился лучший порядок в наследовании престола. 1389 год был несчастным для России: она лишилась любимца своего Димитрия Иоанновича, когда ему исполнилось только сорок лет. Болезнь -его случилась вдруг и продолжалась несколько дней. Перед смертью он представил окружавшим его боярам своего семнадцатилетнего сына Василия как будущего государя их и выбрал ему девять советников из опытных вельмож. С удивительной твердостью говорил он с ними еще за несколько минут до кончины, просил их служить верно семейству его и отечеству, обнял нежную супругу свою, благословил каждого из сыновей. Последние слова его были: «Бог мира да будет с вами!»

Трудно описать горечь, какую чувствовал народ, узнав о кончине Димитрия. Никого из государей своих, исключая Мономаха и Александра Невского, не любил он так, как Донского. Добрый Димитрий в полной мере заслуживал эту любовь. Кроме храбрости, которая доставила ему имя *первого победителя татар*, он имел все достоинства превосходного государя.

В двадцатishестилетнее княжение Димитрия произошло крещение в веру христианскую пермян и литовцев. Пермью называлась обширная страна в Северной России от реки Двины до Уральских гор. Жители ее, пермяне и зыряне, давно уже платили дань русским, которые, получая от них много серебра и мехов, не принуждали их креститься. Вдруг один молодой монах Стефан, сын церковника в городе Устюге, почувствовал сильное желание просветить этих идолопоклонников. Он выучился языку пермскому, выдумал для него особенные буквы, перевел главные церковные книги со славянского языка и отправился к дикарям проповедовать Евангелие. Бог благословил его усердие. Пермяне поняли истину его учения, начали сами истреблять своих идолов* и шли целыми толпами к Стефану, чтобы креститься. Митрополит московский сделал его первым пермским епископом. Во времена Жизни своей Стефан был покровителем народа, им просвещенного. Нетленное тело его погребено в Кремле, в церкви Преображения.

-
- *Главным идолом народа пермского была Золотая баба — каменное изображение старухи с двумя детьми.*

Крещение литовцев происходило совсем иначе. Их не просвещал кроткий слугитель Божий, а крестил волей и неволей князь — сердитый Ягайло. Может быть,

читатели удивятся: как этот Ягайло — сам идолопоклонник — вздумал крестить народ свой? Вот как. В 1382 году умер король польский Людовик. У него не осталось сына, а только пятнадцатилетняя дочь, прекрасная, добрая, благочестивая Гедвига. Польские вельможи, управлявшие государством, искали для молодой королевы своей такого супруга, который бы мог защитить ее владения от нападений врагов. Из всех князей, соседних с Польшей, не было сильнее Ягайлы. Его и избрали супругом прекрасной королевы польской, с тем условием однако, чтобы он принял веру христианскую. Вот для того, чтобы жениться на Гедвиге и сделаться через то польским королем, Ягайло согласился сам креститься и потом крестить весь народ свой. И как же он крестил его? Он не учил так, как Стефан и другие проповедники веры Христовой, а ставил литовцев в ряды целыми полками и заставлял их читать Символ Веры. В это время священники кропили их святой водой и давали им христианские имена, но, чтобы не терять времени, выдумывая разные имена, в одном полку называли всех людей Петрами, в другом — Павлами, в третьем — Иванами, и так далее. Надобно сказать вам, что вера поляков, принятая и Ягайлом, была не наша — греческая, а латинская, или католическая. От этого произошли новые беды для тех русских областей, которые были под властью Литвы и Польши*, теперь соединенных в одно государство. Ягайло, усердный католик, уже не любил греческих христиан и всячески старался притеснять их.

-
- *Литве принадлежали все города, отнятые у нас Гедимином; Польше — княжества Галицкое и Волынское, или все прежнее королевство Романа Галицкого.*
-

В княжение Дмитрия Донского предки наши перестали употреблять куны, или кожаные деньги, и начали делать кроме рублей мелкую серебряную монету по образцу татарской. Татары называли свою серебряную монету *тангою*, а медную — *пулюю*. И русские назвали так же свою. Это название несколько изменилось потом: из танги сделались *деньги*, а из пулы — *полушки*. И теперь еще у любителей древностей можно найти эти самые старинные серебряные монеты наши. Каждая из них весит 1/4 золотника. На них изображена фигура человека, сидящего на лошади.

В последний же год княжения Дмитрия появилось у нас огнестрельное оружие, выписанное предками нашими из немецкой земли. Здесь кстати сказать вам, что порох изобретен около половины XIV столетия францисканским монахом Бертольдом Шварцем.

Таблица XXXIV

Семейство великого князя Дмитрия IV Донского

Супруга:

Евдокия, дочь князя суздальского Дмитрия

Константиновича, в монахинях Евфросиния

Сыновья:

1. Даниил, умер в детстве
2. Василий, наследник престола
3. Юрий
4. Петр
5. Андрей
6. Иоанн
7. Константин

Вера и набожность русских.

1389—1395 годы

Счастлив тот человек, который горячо любит Бога, искренно боится прогневить его и в горести твердо надеется на его помощь! Никакие опасности для него не страшны: он всегда может быть уверен, что, усердно помолясь Богу, он будет услышан им и избавлен от беды. Это испытали предки наши, которые были гораздо усерднее к Богу, нежели мы. Послушайте,

как чудесно он показал им однажды, что молитвы людей имеют доступ к светлому престолу его.

Уже прошло более пяти лет с тех пор, как молодой сын и наследник Донского великий князь Василий II Димитриевич вступил безо всякого спора на великокняжеский престол, уже он успел показать подданным своим, что во многом походит на знаменитого отца своего, твердость духа, ум, намерения, желания—все было у них одинаково. Василий так же, как и Димитрий, понимал, что счастье России требует усиления Великого княжества, и уже в первые годы своего княжения сумел сделать то, о чем не смел и думать отец его: он присоединял к Москве с согласия хана сильные княжества Суздальское и Нижегородское и, кроме того, получил от него города Мещеру, Городец, Тарусу и Муром.

Увеличив таким образом Великое княжество, усмирив новый бунт беспокойных подданных своих, новгородцев, Василий весело праздновал свадьбу свою с Софией, дочерью литовского князя Витовта, как вдруг разнеслась страшная весть, что новый Батый—чагатайский хан Тамерлан идет на Россию. Читатели мои уже слышали об этом бесстрашном государе татарском, хотевшем завоевать целый свет. Вы помните, что он помог" Тохтамышу победить Мамаю и завладеть Золотой Ордой. Но благодарности не знают полудикие народы. Тохтамыш забыл все, чем обязан был Тамерлану, и осмелился пойти войной на этого государя—повелителя двадцати шести царств в трех

частях мира. Тамерлан, узнав о такой дерзости, пошел сам наказывать его, и между реками Терек и Курою, на черкесской земле, встретились жестокие враги. Тохтамыш был совершенно разбит и бежал за Волгу. Тамерлан вслед за бегущим Тохтамышем перешел Волгу, степи саратовские и уже взял один русский город — Елец. Все встревожились и тотчас вообразили, что настало опять то время, какое было 160 лет назад. Только великий князь не пришел в уныние и доказал, что достоин отца своего: не теряя времени, собрал он многочисленное войско, в котором можно было видеть стариков, сражавшихся на поле Куликовом, и, поручив Москву храброму дяде своему Владимиру Андреевичу, выступил с полками на берега Оки.

Отпуская молодого государя своего на опасную войну с татарами, московские жители показали столько уныния, что Василий, желая утешить и ободрить добрый народ свой, написал из Коломны митрополиту московскому, чтобы он послал во Владимир за образом Божией Матери Пирогощей, привезенным Андреем Боголюбским из Киева. Вы помните, конечно, то странное происшествие, которое случилось с Андреем, когда он подъезжал с этим образом ко Владимиру. Многие другие случаи, и особенно победа Андрея над болгарами, приписанная также помощи этого образа, внушила предкам нашим глубокое уважение к нему. Молитва перед Святой Девой, на нем изображенной, успокаивала их надеждой верной помощи в бедствии. Поэтому вы можете судить, как обрадовались москвитяне, когда услышали, что к

ним принесут чудотворный образ! Но зато владимирцы горько плакали о нем! Далеко по дороге провожали они святую заступницу свою. Между тем в Москве все с восхищением приготавлилось к принятию ее. Князь Владимир Андреевич, семейство великого князя, бояре и народ встретили образ за городом, на Кучковом поле, где теперь Сретенский монастырь. Увидев его издали, все упали на колени и со слезами говорили: «Матерь Божия, спаси землю Русскую!»—но, говоря это и проливая слезы, все были спокойны в предчувствии, что Господь не оставит надеющихся на него.

И это предчувствие было справедливо! Тамерлан уже шел по берегам Дона, разоряя все селения и города. По всему видно было, что он хотел идти к Москве, но вдруг остановился, две недели пробыл на одном месте, а потом 26 августа 1359 года— в тот самый день и час, когда жители Москвы с такой истинной верой встретили образ Божией Матери на Кучковом поле,— поворотил к югу и ушел с Русской земли. Великий князь и все войско, радуясь избавлению отечества от самого ужасного завоевателя, спешили возвратиться в Москву и усердными молитвами перед спасительным образом благодарили за чудесную помощь Божию! Великий князь построил каменную церковь Пресвятой Богородицы и монастырь на поле Кучковом и установил с того времени праздновать Сретение Богоматери 26 августа.

Между тем Тамерлан заставил несчастный город Азов, землю черкесскую и яскую, Астрахань и Сарай

вытерпеть все то, что приготавлил Москве: все эти области были разорены и выжжены. Капчакская орда после нашествия его осталась в самом жалком положении: три хана присваивали ее себе — Тохтамыш, Кайричак и Тимур-Кутлук.

Два хитрых врага. 1395—

1425 годы

Бог любит отечество наше, милые дети! Сколько бед и несчастий оно переносило! И страшные завоеватели чужеземные, и собственные князья русские разоряли, жгли, опустошали его. Благородные, великодушные государи должны были преклонять колени перед дикими варварами, должны были более 200 лет беспрестанно дрожать не только за жизнь подданных своих, но и за свою собственную. Кроме татар, этих бесчеловечных мучителей России, сколько еще других врагов желали погубить ее! Сначала печенеги и половцы, потом шведы, датчане, немцы, литовцы, поляки, венгры— все, в свою очередь, нападали на русских и истребляли их. Среди таких опасностей

что другое, кроме любви и помощи Божией, могло спасти их? И как премудро посылалась им эта помощь! Когда в Орде царствовал хан, более других любивший войну и кровопролитие, — тогда России Бог посылал храброго князя, который умел противиться злему татарину; когда царь татарский любил спокойную и веселую жизнь в Сарае и деньги — тогда на русском престоле был щедрый и миролюбивый князь, который радовался, что деньгами, а не кровью мог покупать спокойствие своих подданных.

Когда соседней Литвой управлял злой, жестокий, жадный Ольгерд — тогда у нас был умный неустрашимый Димитрий Донской. Когда литовским князем сделался хитрый Витовт, племянник Ольгерда, — тогда великим князем московским был не менее хитрый сын Донского Василий II. Более двадцати лет продолжались ссоры этих двух князей, несмотря на то что дочь Витовта София была замужем за Василием Димитриевичем. Оба они были примечательными людьми, и потому читатели мои, верно, захотят узнать несколько подробнее их историю.

Витовт был одним из самых жестоких и сильных завоевателей. Король Ягайло, сделавшись супругом прекрасной наследницы польского престола Гедвиги, уже не думал о войне и, не заботясь о Литовском княжестве, не выезжал никуда из польской столицы своей — Кракова. Витовт, воспользовавшись этим, овладел Литвой, а через некоторое время и Волынью.

Но все это казалось мало ненасытному: в 1395 году он завладел Смоленском, так что кроме литовских земель ему уже принадлежала вся старинная земля вятичей, т. е. нынешняя Орловская губерния с частью Калужской и Тульской, множество удельных городов князей черниговских, — одним словом, Витовт был государем всей южной России и замышлял отнять у Василия Димитриевича и последние оставшиеся у него области, где сохранялась жизнь и будущее величие русских. Сколько надобно было Василию иметь мужества, благоразумия, осторожности и даже хитрости, чтобы не допустить исполнения этого намерения! Ему это удалось, и Витовт, видя твердость русского князя, отказался от своих замыслов и в последние годы княжения Василия жил в мире с ним. Гордость его была во многом усмирена татарами. Чрезвычайная страсть повелевать другими и отнимать чужие владения внушила ему однажды мысль победить Тимура-Кутлука, а потом и покровителя его — самого Тамерлана. Чтобы завести ссору с Кутлуком, он призвал к себе изгнанного из Орды хана Тохтамыша и обещал возвратить ему опять татарский престол. Тохтамыш обрадовался такому счастью: литовский князь уже давно славился своей силой и храбростью, и на помощь, его можно было надеяться. Они отправились на татар. Витовт приглашал в этот поход и зятя своего Василия Димитриевича, но умный великий князь, видя на примере южной России, что власть литовская для русских еще хуже татарской, и зная, что после победы над татарами уже все должно будет покориться

Витов-ту, сумел отговориться от приглашения тестя и не дал ему войска.

Витовт надеялся, что и без помощи русских справится с татарами, но ошибся. У Тимура-Кутлука был хотя и старый, но умный и храбрый воевода Эдигей. Ему суждено было наказать дерзкого литовского князя, который в первом же сражении был так разбит татарами, что едва мог спасти третью часть своего войска. Хан Тимур-Кутлук гнал его до самого Днепра, взял с Киева 3 тысячи рублей литовского серебра, оставил в этом городе своих баскаков и разорил области Витовта до самого Луцка.

Эдигей был памятен и для северной России: в 1408 году он приходил разорять ее за позволение, данное великим князем сыновьям Тохтамыша жить в России. Все места от реки Дон до Белого озера и костромского Галича были разорены. Только Москва, благодаря храбрости князя Владимира Андреевича, спаслась. Впрочем, этот поход Эдигея не принес большой пользы татарам: новые беспорядки в Орде заставили его скорее возвратиться туда, а русским дали возможность не слушаться ханов. Вот письмо, которое старый Эдигей послал с дороги великому князю. Оно очень любопытно, потому что покажет вам, как думали и писали тогда наши гордые повелители и как уже мало повиновался им русский великий князь.

«От Эдигея поклон к Василию после думы с царевичами и князьями нашими. Великий хан послал меня на тебя с войском, потому что слышали мы, что у

тебя укрываются дети Тохтамыша. Да еще слышали мы, что у тебя в Московском княжестве неправо делается: вы осмеиваете и всячески притесняете не только купцов наших, но даже и послов царских. Так ли бывало прежде? Спроси у стариков; земля Русская была нашим верным улусом, *держала страх*, платила дань, почитала послов и гостей ордынских. Ты не хочешь знать того и что же делаешь? Когда Тимур сел на царство, ты не видал его в глаза, не присылал к нему ни князя, ни боярина. Прошло царство Тимурово; Шадибек восемь лет был ханом—ты не был у него! Теперь царствует Булат уже третий год: ты, самый старший князь в улусе русском, не являешься в Орде! Все дела твои недобры. Были у вас нравы и дела добрые, когда жил боярин Федор Кошка и напоминал тебе о ханских благодеяниях. Ныне ты думы старцев не слушаешь. Что же вышло? Разорение твоему улусу! Хочешь ли княжить мирно? Призови на совет бояр старейших—Илью Иоанновича, Петра Константиновича и других, согласных с ними в доброй думе; пришли к нам одного из них со старинными оброками, какие вы платили царю Чанибеку, чтоб не погибло совсем твое царство. Все, что ты писал к хану о бедности народа русского, несправедливо: мы теперь сами видели твой улус и узнали, что ты собираешь в нем по рублю с двух сох. Куда же идет серебро? Земля христианская осталась бы цела, когда бы ты исправно платил дань; а теперь бегаешь как раб!.. Размысли и научися!..»

Но Василий Димитриевич не испугался этого грозного письма, не исполнил ни приказаний, ни советов Эдигея и вообще во все время своего тридцатишестилетнего княжения менее всех прежних великих князей платил дань татарам и менее всех признавал власть их над собою. Это заметно и из духовного завещания его, в котором он уже явно, не ожидая согласия Орды, объявляет наследником Великого княжества малолетнего сына своего Василия. Боясь, как бы честолюбивые братья его по прежнему праву дядей не лишили малютку престола, Василий Димитриевич поручил его покровительству тестя своего — прежнего врага, а потом помирившегося с ним государя литовского. И здесь виден хитрый ум Василия: такая лестная доверенность не могла не внушить гордому Витовту желания оправдать ее перед глазами света. Если бы в голове литовского князя еще оставалась какая-нибудь мысль о завладении Московским государством, то и на этот случай Василий Димитриевич сумел распорядиться: он дал совету великокняжескому, который состоял из бояр — пестунов маленького государя, письменные наставления, в какой мере должно принимать покровительство Витовта и до чего не допускать его.

В княжение Василия Димитриевича появились в России разные искусства: Москва славилась хорошими живописцами, которые прекрасно расписывали церкви; были также в ней и литейные мастера, а в 1404 году один монах, Лазарь, родом из Сербии, устроил первые часы с боем, которые

поставлены были на великокняжеском дворе, за церковью Благовещения, и стоили 150 рублей серебром. Народ удивлялся этим часам, как чуду, и при каждом бое толпами сходился смотреть и слушать их. У предков наших при Василии Дмитриевиче были также и рыцарские игры, или карусели и турниры. Они называли это *игрушками*. На этих *игрушках* молодые люди иногда наносили смертельные раны друг другу.

Таблица XXXV

Семейство великого князя Василия II Дмитриевича

Супруга: София Витовтовна, великая княжна литовская

Сыновья:

1. Иоанн, умер в детстве
2. Василий, наследовал престол

Ссора на свадьбе великого

князя Василия III. 1425—

1433 годы

27 февраля 1425 года скончался Василий Димитриевич. Все братья его, бывшие в Москве, обещали ему считать государем своим десятилетнего сына его Василия. Один только Юрий Димитриевич, князь звенигородский, не давал этого обещания и, узнав о смерти брата, отправил посла с угрозами в Москву. Но маленький князь не испугался дяди: у него была умная мать, был сильный опекун, дед его Витовт Литовский, были усердные советники и пестуны, между которыми самым искусным, самым красноречивым и самым хитрым был боярин Иван Димитриевич. Все эти защитники малолетнего государя русского, посоветовавшись между собою, отправили от имени его к Юрию Димитриевичу митрополита Фотия.

Его убеждения подействовали на Юрия: он согласился хотя не совсем отказаться от Великого княжества, но, по крайней мере, до тех пор, пока царь татарский решит, кому оно принадлежит.

Пока шли переговоры об этом с Ордой, новгородские области терпели много горя от Витовта: жадность к завоеваниям не уменьшилась в нем и в глубокой старости. Ему давно хотелось завладеть сильным Новгородом, все области которого были богаты и велики. Первое место между ними занимал Псков,

родина Святой Ольги. Новгородцы были так довольны услугами псковитян, всегда защищавших их от ливонцев и литовцев, что в 1348 году сняли со Пскова верховную власть свою и назвали его *братом* Новгорода. С тех пор псковитяне имели во всем одинаковые права с новгородцами, имели такое же вече, какое было на Дворе Ярослава; но со времен Калиты такое вече уже не много значило и в Новгороде, и во Пскове: великие князья московские не позволяли им иметь особенных князей и посылали к ним только своих наместников. Новгородцы, привыкшие всегда сами выбирать и по своей воле сменять князей, не любили Москву и при каждом случае показывали эту нелюбовь. Витовт умел пользоваться этим и старался еще более разжигать ссоры Новгорода с Москвой, надеясь, что эти ссоры, отнимая мало-помалу силы у обоих врагов, помогут ему овладеть первым. Такие намерения, вредные для отечества нашего, верно, исполнились бы, если бы Витовт был моложе или наследники его имели столько же ума и страсти к завоеваниям, как он. Но, к счастью России, слава народа литовского началась и кончилась с Витовтом. Он умер в 1430 году — и умер от досады. Вы удивляетесь этому, читатели мои? Тогда слушайте.

Витовту очень хотелось назваться королем литовским. Ягайло, король польский и настоящий владетель Литвы, был согласен на это, Папа Римский также. Но пань, или вельможи польские, не желая видеть отделения Польши от Литвы, тайно старались переделать все это, а между тем не мешали Витовту

звать гостей на свое коронование и готовить для них пышные праздники. Гости съехались. Это были князья русские и польские, ханы татарские, господарь Валахии, послы императора греческого, ландмаршал ливонский, король Ягайло, великий князь Василий Васильевич, внук Витовта. Молодого государя русского провожал митрополит Фотий. Историки того времени говорят, что этот торжественный съезд такого множества знаменитых князей представлял необыкновенную, прекрасную картину. Седой восьмидесятилетний хозяин, окруженный первыми вельможами литовскими, угощал посетителей своих так пышно, что во всей Европе с удивлением рассказывали о его праздниках. Вообразите себе, что из погребов княжеских отпускалось каждый день 700 бочек меду, кроме вина и пива, а на кухню привозили 700 быков, 1400 баранов, 100 зубров, столько же лосей и кабанов! Около семи недель продолжались эти пиры. Витовт с каждым днем ожидал, что приедет посол римский короновать его, но вместо короны он привез от Папы отказ. Гордый старик так огорчился, что заболел, распрощался с гостями, которые поспешили разъехаться, и через несколько дней скончался. После смерти его владел Литвой двоюродный брат его Свидригайло, потом родной — Сигизмунд, наконец сын Ягайлы — Казимир. Все эти государи уже совсем не походили на храброго, неустрашимого, хитрого Витовта.

Верно, князь Юрий Димитриевич боялся этого опекуна молодого великого князя: при жизни его он не

напоминал Василию Васильевичу об условии их просить суда ханского, но тотчас после смерти Витовта объявил опять свои притязания на великокняжеский престол. И вот дядя и племянник поехали в Орду, к царю Мах-мету. При отъезде великого князя из Москвы народ в первый раз увидел слабый нрав его: он боялся одной мысли ехать к татарам и плакал не от печали по матери и отечеству, а от страха погибнуть в Орде так же, как погибли там многие русские князья. Его ободрял и утешал во время всей дороги боярин Иван Димитриевич. Редко кто умел так красноречиво говорить, как этот хитрый советник великого князя! К тому же у него была дочь, которую ему очень хотелось видеть великой княгиней. Он уже несколько раз намекал об этом своему воспитаннику, и молодой Василий Васильевич не отговаривался. Гордому Ивану Димитриевичу казалось даже, что великий князь уже согласен назвать прекрасную дочь его своей невестой: мы охотно верим тому, чего желаем.

Иван Димитриевич с новым жаром принимается за дело будущего зятя своего, ласковыми словами и богатыми подарками склоняет всех вельмож ханских в пользу молодого князя и наконец с полной надеждой на успех является с ним в назначенный день суда к хану Махмету. Хан уже знал, что Василий доказывал свое право на престол новым законом государей московских, по которому сын после отца, а не брат после брата был наследником. Дядя же его находил этот закон несправедливым и хотел быть великим князем по прежнему установлению. Когда князь Юрий кончил

жаркую речь свою, боярин Иван Димитриевич, сделав низкий поклон, стал перед Махметом и сказал: «Царь верховный! Позволь мне, смиренному холопу, говорить за моего молодого князя. Юрий ищет Великого княжества по старинным грамотам русским, а государь наш — по твоей милости, зная, что оно в твоей воле: отдашь его кому хочешь. Один требует, другой просит. Что значат все грамоты против воли твоей? Шесть лет уже Василий Васильевич на престоле: ты не свергнул его, стало быть, сам признавал государем законным». Эта льстивая, хитрая речь так понравилась хану, что он тут же обнял молодого Василия, поздравил его и приказал Юрию *вести под ним коня*: это азиатское обыкновение означало власть верховного государя над князем, зависящим от него, но Василий Васильевич не допустил дядю до такого унижения. Возвратясь в отечество, они, казалось, уже забыли свои несогласия и жили спокойно, каждый в своем владении, как вдруг совсем неожиданно вспыхнула между ними новая, кровопролитная ссора, и вот по какой причине.

Боярин Иван Димитриевич, приехав из Орды, с нетерпением ожидал, когда великий князь, так много обязанный ему, назначит день свадьбы с его дочерью. Но, к удивлению его, через несколько месяцев заговорили о свадьбе государя и невестой объявили не дочь Ивана Димитриевича, а княжну Марию Ярославну, внучку знаменитого и так любимого народом князя Владимира Андреевича Храброго. Иван Димитриевич поклялся отомстить за эту обиду великому князю. Не дожидаясь окончания свадьбы,

он уехал в костромской Галич, к дяде его Юрию Дмитриевичу, и предложил ему погубить Василия.

Между тем как эти два жестоких врага князя выдумывали средства отомстить за себя, новая ссора в Москве доставила им еще двух усердных помощников.

Два сына Юрия Дмитриевича, Василий Косой и Димитрии Шемяка, остались в Москве пировать на свадьбе молодого государя— двоюродного брата своего. Косой был в это время сговорен на внучке боярина Ивана Дмитриевича. Дедушка невесты в день сговора подарил жениху золотой пояс с цепями, осыпанный драгоценными камнями. Зная богатство Ивана Дмитриевича, Косой не спрашивал, откуда у него этот прекрасный пояс, а только любовался его чудесной отделкой, блеском изумрудов и рубинов, красотой искусно сделанных цепочек. Он очень хотел обновить дорогой подарок на каком-нибудь празднике, и вскоре случай представился. На 8 февраля 1433 года назначена была свадьба великого князя. Весело отправился во дворец Василий Юрьевич в золотом своем поясе и уже заранее предвкушал, как удивит всех гостей богатым нарядом своим. Он точно удивил, но зато и сам был удивлен. Когда молодые приехали из церкви и гости сели за пышный стол, один из бояр ростовских начал всматриваться в драгоценный пояс Косого, как будто припоминая что-то знакомое. Наконец, оборотясь к матери великого князя княгине Софии, боярин тихо сказал: «Государыня, видишь ты

пояс на князе Василии Юрьевиче? Он из кладовых великокняжеских. Этот пояс подарен князем Димитрием Константиновичем Суздальским зятю его, нашему незабвенному государю Димитрию Донскому. В день свадьбы его он затерялся: говорили, что будто бы один из самых близких к великому князю бояр подменил его, но до сих пор неизвестно было, кто именно. Я удивляюсь, как мог этот драгоценный для всех нас пояс попасть к молодому Василию Юрьевичу!» Пылкая, гордая София, имевшая причину не любить семейство Юрия Димитриевича, обрадовалась и дорогой находке, и случаю сделать неприятность сыну врага своего. Поспешно подошла она к Василию Юрьевичу, надменно спросила, где взял он богатый пояс свой, и, не дожидаясь ответа, собственными руками сорвала его.

Удивление и гнев молодого князя были неопишутемы. Не имея понятия о том, что пояс достался боярину Ивану Димитриевичу потому, что был подменен одним из его предков, Василий Юрьевич видел в нем только подарок деда невесты своей и не хотел лишиться его. Брат его Димитрий Шемяка держал его сторону, но спорить было нельзя: пояс был уже в руках Софии Витовтовны, которая приказывала молчать сыновьям Юрия.

Кровь вскипела в молодых князьях от такой жестокой обиды. В бешенстве выбежали они из дворца и в тот же час отправились в Галич, к отцу. Там давно ожидали их два старика, ненавидевшие великого князя. Рассказ

о новой обиде еще более увеличил их злобу, и вы увидите, сколько новых несчастий вытерпели предки наши за свадьбу государя своего с княжной Марией Ярославной и за пояс Василия Косого.

Димитрий Шемяка. 1433—

1446 годы

Из всех врагов, которых доставил великому князю день его свадьбы, самым жестоким был Димитрий Шемяка. Ни дядя Юрий, ни сын его Василий Косой, ни даже мстительный боярин Иван Димитриевич не причинили столько зла великому князю, как этот двоюродный брат его. Правду сказать, что и он сам не всегда был справедлив и очень часто заслуживал те несчастья, какие терпел. Шемяка был, кажется, назначен Богом на то, чтобы показать великому князю, что и в здешнем мире зло бывает наказано.

Свадебные праздники Василия Васильевича были, кажется, последними приятными днями для этого несчастного государя: не прошло месяца после них,

как уже Юрий Димитриевич с сыновьями своими изгнал его из Москвы и, из милости дав ему в удел город Коломну, объявил себя великим князем. Правда, княжение его продолжалось всего несколько месяцев, и Василий опять возвратился в Москву, но Юрий мог бы сделаться для него опасным, если бы вскоре не умер. Однако с ним не умерли все враги Василия, и сыновья его Косой и Шемяка имели точно такие же честолюбивые намерения, как и отец их. Косой, как старший, объявил свое право на великокняжеский престол и уже пошел к Москве, но великий князь с верными москвитянами, чрезвычайно любившими его, победил гордого брата своего и тогда же обесславил себя ужасным злодейством, напомнившим России XII век и несчастного Василька Ростиславича: он приказал ослепить Василия Косого! Такой жестокий поступок уменьшил любовь русских к великому князю и извинил несколько все зло, каким впоследствии отомстил ему Шемяка за несчастье брата. Сначала этот хитрый князь не показывал Василию своей ненависти и даже вместе с ним называл врагом отечества бедного слепца, но это все было только для того, чтобы получить во владение те богатые уделы, которыми великий князь хотел вознаградить его за несчастье Косого. Когда новые области были ему отданы, он начал думать о мщении и недолго искал к тому случая: в России, окруженной со всех сторон врагами, такие случаи были нередки.

В 1437 году хан татарский Махмет был изгнан из Орды братом своим Кичимом. Сделав в царствование

свое много добра для Василия Васильевича, сн надеялся жить спокойно в отечестве нашем и приехал в один из городов русских. Но Василий не помнил благодеяний и, узнав о приезде Махмета, тотчас приказал ему удалиться из пределов России. Хан, обиженный такой неблагодарностью и привыкший видеть в великом князе своего данника, не хотел послушаться его, имея у себя 3 тысячи воинов. Василий послал на него войско под начальством Шемяки. Заранее радовался Шемяка приятному случаю досадить брату: все селения, мимо которых проходил он, были разграблены, а у стен маленького городка, где жил Махмет, русское войско вместе с начальником своим пришло в такой страх, что, почти не начиная сражения, пустилось бежать. Татары удивились и, поскакав за беглецами, почти всех изрубили.

Злой умысел Шемяки в этом деле был явный, но совесть все еще мучила великого князя за ослепление Косого, и, не смея наказать брата его, он оставил Шемяку спокойно княжить в уделах, ему данных.

Между тем хан Махмет, зная, что ему нельзя долго жить в России и спорить с Василием, пошел через мордовскую землю в Болгарию, к тому месту, где была Казань, разоренная русскими в 1399 году. Это прекрасное, изобильное место, любимое татарами Батгья, понравилось и потомкам их, и изгнанный хан капчакский возобновил знаменитое царство Казанское, которое потом около ста лет было страшно для русских.

Слух о ласковости и добродушии Махмета, о выгодах, какие доставлял он всем желавшим поселиться в Казани, привлекал к нему новых жителей со всех сторон. Кроме болгар, черемисов, татар к нему приезжали целые семейства из Золотой Орды, из Астрахани, Азова, так что Казань через несколько месяцев наполнилась людьми. Спустя год Махмет ходил уже грабить Московское княжество, а в 1445 году историки наши говорили о настоящем нашествии на Россию казанского царя. Он взял Нижний Новгород, а двух сыновей своих послал к Суздалю. Это нападение было так неожиданно, что великий князь не успел собрать всех своих защитников, а Шемяка опять обманул его: не поехал сам к нему на помощь и не прислал обещанного войска.

Этот обман дорого стоил великому князю: имея только 1500 воинов, он не только был разбит татарами при Суздале, но даже взят в плен с простреленной рукой, с тринадцатью ранами на голове и без нескольких отсеченных пальцев.

Как радовался Шемяка несчастью Василия, особенно когда Махмет прислал к нему своего мурзу, или вельможу, с дружескими предложениями! Он уже не сомневался, что добьется себе у Махмета великокняжеского престола, а Василию— вечной неволи, как вдруг все переменялось: в то время как казанский царь праздновал в Нижнем Новгороде свои победы, какой-то татарский князь завладел Казанью. Махмет, желая скорее возвратиться в свою

столицу, не стал дожидаться возвращения мурзы от Шемяки и отпустил великого князя в Москву, взяв с него только выкуп.

Неожиданное возвращение обрадовало печальное семейство Василия Васильевича и весь народ его, но в то же время встревожило новой досадой сердце Димитрия. Он опять поклялся погубить врага своего и решился не ожидать случая, а скорее кончить дело изменой и заговором.

Для этого ему нужны были помощники, а так как дурных людей везде много, то он скоро нашел их. Главным из них кроме многих бояр, купцов, дворян и даже монахов был двоюродный брат Василия и Димитрия Шемяки князь Иоанн Андреевич Можайский. Заговорщики условились внезапно овладеть столицей и схватить великого князя.

Они выбрали время, когда Василий поехал в Троицкий монастырь благодарить Бога и Святого Сергия за избавление свое из плена. Это было в 1446 году. 12 февраля ночью злодеи вошли в Кремль и без труда овладели этой крепостью, где все спали, а потом и всей Москвой. В ту же ночь Шемяка отправил в Троицкий монастырь верного друга своего Иоанна Можайского схватить там великого князя. Несчастный государь, вовсе не ожидая жестокой судьбы своей, усердно молился в церкви в ту самую минуту, как злодеи вошли и взяли его перед гробницей Святого Сергия. Безо всякой жалости они бросили бедного князя в голые сани и привезли в Москву, прямо на двор

к Шемяке. Напрасно умолял он отпустить его, обещая постричься в монахи, напрасно плакал перед врагом своим: Шемяка был неумолим и, чтобы заставить Василия испытать все те страдания, какие терпел от него Василий Косой, приказал ослепить его и потом сослал в Углич.

Тогда же он объявил себя великим князем и во время непродолжительного правления своего показал столько бессмысленности, столько несправедливости, столько неуважения к прежним законам нашим, что с тех пор появилась в народе пословица о *Шемякином суде*. И теперь еще всякое несправедливое и бестолковое разбирательство какой-нибудь ссоры или дела называют Шемякиным судом.

Последние годы княжения

Василия Темного. 1446—

1462 годы

Василия III со времени ослепления называли Темным или Слепым. Это несчастье — одно из самых горестных для человека — было полезно для него. Оно заставило его раскаяться в прежних несправедливых поступках, примирило совесть его с Богом, сделало опять столь же любимым всеми, как до ослепления Василий Косого. Не прошло года — и эта общая любовь народа возвратила ему великокняжеский престол. С христианской кротостью он простил Шемяку, взяв с него торжественную клятву при епископах никогда не думать о Великом княжестве.

Но для злого человека, который не боится Бога, клятва не много значит: в 1450 году Шемяка опять пошел с войском на великого князя, и 27 января было у них жестокое сражение у Галича, особенно примечательное тем, что оно стало последним в междоусобных ссорах: несчастное несогласие удельных князей скоро утихло под хранительным могуществом одного государя. Шемяка был совершенно разбит москвитянами и, потеряв наследственный удел свой — Галич, убежал в Устюг — город и теперь существующий в Вологодской губернии.

Более двух лет Василий Темный не тревожил этого мятежника в Устюге, наконец в 1453 году, собрав войско, пошел наказывать его. Еще раз побежденный Шемяка убежал в Новгород и там умер от яда. Неизвестно, кто отравил его, но эта смерть обрадовала многих, в том числе и великого князя.

Избавясь от врага, жестокость которого двадцать лет тревожила отечество наше, Василий Темный спокойнее принялся за дела государственные. В 1456 году он усмирил новгородцев так, как еще ни один из князей не усмирял их. В 1459 году покорил Вятку, которая хотя и была частью Галицкой области, присоединенной к Московскому княжеству еще при жизни Шемяки, но долго не хотела повиноваться Василию.

В последние годы жизни своей великий князь почти не платил никакой дани татарам и счастливо побеждал их, когда они приходили иногда разорять наши области. При нем сделалась известна новая Орда, составленная старым Эдигеем из черноморских татар. Она называлась Крымской и находилась на том самом полуострове Крым, который, верно, известен всем читателям, имеющим понятие о географии России. Эдигей незадолго до смерти, оставляя эту Орду сыновьям своим, просил их не делиться и жить в дружбе между собой, но они не послушали его, разделились и все погибли. Тогда крымские татары выбрали себе в ханы молодого Ази, потомка Чингисхана, спасенного от смерти и воспитанного каким-то земледельцем Гиреем. Из благодарности к своему благодетелю молодой Ази принял его имя и назвался Ази-Гиреем. С того времени все крымские ханы всегда назывались Гиреями. Эта новая Орда притеснителей нашего отечества долго будет тревожить его!

17 марта 1462 года скончался Василий Темный, несправедливо названный историками первым самодержцем русским со времен Владимира Мономаха. Слабость и малодушие этого князя, приметные во многих случаях, никак не дают ему права на это лестное название, тем более что он не заботился и о том, чтобы соединить все княжества русские под власть одного государя, и, умирая, не оставил всех владений своих старшему сыну и наследнику Иоанну, но дал также уделы и другим сыновьям.

В княжение его приметна была особенная жестокость нравов у предков наших. Два князя были ослеплены, один отравлен ядом; одного боярина вместе с женой сожгли на костре за мнимое волшебство; даже законное наказание преступников было новое, очень жестокое: не только простых, но даже и знаменитых людей, совершивших большие преступления, били на торговой площади кнутом.

В тот год, когда скончался Темный, Греческая империя была завоевана османскими турками. Это несчастье знаменитого государства записано было на память и нашими историками, потому что русские со времени принятия веры христианской привыкли считать Грецию вторым отечеством своим, привыкли любить греков и принимать участие во всем, что их касалось. В то время у нас говорили о Константинополе точно так же, как теперь говорят о Париже или Лондоне. Строение церквей, домов, даже обычаи и нравы— все перенимали мы у греков. Это

пристрастие к ним спасло нас от слишком большого сближения с нашими жестокими врагами — татарами.

Таблица XXXVI

Семейство великого князя Василия III Васильевича Темного

Супруга: Мария Ярославна, внучка князя Владимира Андреевича

Сыновья:

1. Юрий, умер в детстве
2. Иоанн
3. Юрий
4. Андрей-старший
5. Симеон, умер в детстве
6. Андрей-младший
7. Димитрий, умер в детстве
8. Борис

Великий князь Иоанн III

и греческая царевна София.

1462—1472 годы

Наконец мы дошли до самого знаменитого из старинных государей наших—до великого князя Иоанна III. Он освободил нас от власти татар, он возвратил отечеству нашему прежнюю славу его, наконец он воплотил великую мысль об объединении всех удельных областей под властью одного государя. Сделавшись на двадцать втором году великим князем, наследником отца своего Василия Темного, Иоанн при самом вступлении на престол уже показывал необыкновенную твердость, ум, осторожность в делах государственных. В 1464 году было первое знаменитое дело его: он усмирил гордого царя казанского Ибрагима и, окружив войском Казань, принудил его заключить мир.

В 1470 году началась и два года продолжалась война с Новгородом, беспокойные жители которого все еще искали случая освободиться от власти великих князей. Здесь вы, милые читатели, увидите явление, дотоле невиданное на Руси. Женщина вздумала быть защитницей своей родины—Новгорода—и устроить судьбу его! Это была пылкая, гордая, честолюбивая Марфа, жена бывшего посадника Исаака Борецкого и мать двух взрослых сыновей. Дом ее был самый богатый в Новгороде; все уважали ее как вдову

знаменитого посадника; великий князь в знак особой милости пожаловал старшему сыну ее чин боярина московского, — но всего этого было ей мало: она хотела управлять всем Новгородом и, так как это было невозможно под властью государя московского, начала уверять всех новгородцев, что они напрасно считают себя подданными князей московских, что Новгород сам себе господин, что жители его — вольные люди, что им нужен только покровитель и что этим покровителем надобно выбрать не Иоанна, а Казимира, короля польского и князя литовского. Марфа хотела в это время выйти замуж за какого-то литовского вельможу и вместе с ним от имени Казимира управлять своим отечеством. Однако намерения этой честолюбивой женщины не исполнились, и, хотя послы ее уже отправились к Казимиру, великий князь вовремя пришел с войском к Новгороду и усмирил Марфу и всех друзей ее, изменивших России. Главные изменники, в том числе и старший сын Марфы, были казнены. С нею же Иоанн поступил снисходительно: оставил ее, как слабую женщину, без наказания. Прочие новгородцы внесли за вину свою 15 500 рублей, или около 80 пудов серебра, и, благодаря милость Иоанна, остались со своими прежними законами, со своими правами, с некоторою свободой: великий князь, защищая владения свои то от хана Ахмата, то от польского и литовского короля Казимира, еще не мог иметь столько сил и войска, чтобы совершенно уничтожить вольность новгородскую, и благоразумно отложил это трудное дело.

В 1472 году случилось в России происшествие, которое заставило все европейские государства с любопытством посмотреть на неизвестную им отдаленную страну.

Это была свадьба великого князя, и надобно сказать правду — не столько жених, сколько невеста делала эту свадьбу примечательной для Европы. Это и не удивительно. Тогда Россия была не то, что теперь. Тогда царь ее был еще подданным татар. Это отдаляло чужеземных принцев от родства с русскими князьями и вынуждало государей наших жениться на княжнах из удельных княжеств, а потом — на своих подданных: такое обыкновение продолжалось до времен Петра Великого.

Но для Иоанна III, в судьбе которого приметно было с самых молодых лет какое-то необыкновенное величие, назначено было и в этом случае нечто особенное. Вскоре после кончины первой супруги его, тверской княжны Марии Борисовны, Папа Павел II предложил ему через посла своего, какого-то грека, руку греческой царевны Софии, дочери Фомы Палеолога, брата последнего императора, при котором Греция была завоевана турецким султаном Магометом II. После разорения отечества несчастное семейство царей греческих жило в Риме, где пользовалось всеобщим уважением и покровительством Папы.

Папа имел особенную причину благодетельствовать этому знаменитому семейству: боясь, чтобы жестокость и ужасная сила Магомета II не разорили и его владения,

он полагал, что будущий супруг царевны Софии, получив вместе с рукой ее право на константинопольский престол, захочет освободить Грецию от власти турок и тем избавит Италию от страшных соседей.

Эта причина заставляла Папу искать жениха для царевны между знаменитыми государями европейскими, и он выбрал Иоанна, самого близкого к грекам по закону. Вероятно, послы польские и литовские и духовенство греческое, жившее после разорения империи в Риме, рассказывали Папе о той славе, какую обещали России великие достоинства молодого государя ее.

Иоанн обрадовался предложенной ему чести и вместе со своей матерью, духовенством, боярами и всем народом думал, что знаменитая невеста — последняя ветвь императоров греческих, имевших одну веру с русскими, — послана ему от самого Бога. Прекрасный портрет, где изображено было умное и привлекательное лицо молодой царевны, еще более увеличил радость и благодарность Иоанна Папе.

17 января 1472 года отправлены были послы за невестой. С большими почестями приняли их в Риме, и 1 июня царевна в церкви Святого Петра была обручена с государем Белой России*, которого представлял главный посол его. Папа дал за царевной богатое приданое и отправил с ней в Россию легата, т. е. посла, которому поручено было охранять ее во время дороги. 24 июня она выехала со всем двором своим

из Рима, 1 сентября приехала в Любек, а потом на корабле отправилась в Ревель. Здесь богато угощали ее ливонские рыцари, а в Дерпте встретил посол московский с поздравлениями от имени государя и всей России.

- *Иоанн III начал первым называть государство свое Белою Русью. Слово «белая», по смыслу языков восточных, значит «великая».*
-

Первая русская область, в которую надобно было въехать царевне, была Псковская. Если бы вы знали, какая суматоха происходила тогда в этой области! Всякий только и думал, как бы показать свое усердие. Правители городов приготавливали для будущей государыни подарки, столовые запасы, мед и вина. Вы знаете, что предки наши были очень гостеприимны и любили угощать, и потому не удивляйтесь, что они прежде всего позаботились о вкусных кушаньях и напитках для царевны. Потом они украсили разноцветными флагами и лентами все суда и лодки свои: ведь им надобно было встретить Софию и потом везти ее на судах по Чудскому озеру, потому что тут начинались границы русских владений. С восхищением дождались они наконец этой встречи и показали столько усердия и любви, что царевна была тронута до слез. С удовольствием провела она пять дней во Пскове и, уезжая, ласково сказала жителям: «Спешу к моему

и вашему государю, благодарю бояр и весь Великий Псков за угощение и рада при всяком случае просить за вас в Москве». Псковитяне, прощаясь с Софией, поднесли ей в подарок пятьдесят, а послу Иоаннову десять рублей деньгами.

С такою же радостью встречали царевну и во всех других областях. Наконец 12 ноября рано утром она въехала в Москву. Митрополит ожидал ее в церкви. Получив благословение его, она пошла к матери Иоанна и там в первый раз увиделась с женихом. В тот же день отпразднована была и свадьба.

Так совершился во второй раз союз государей наших с греческими императорами*. С того времени Иоанн принял и герб их—двуглавого орла и соединил его на печати своей с гербом московским.

-
- *Верно, читатели мои помнят царевну Анну, супругу Владимира Святого.*
-

Окончательное покорение

Новгорода. 1472—1478 годы

Иоанн, назначенный Богом воскресить отечество наше к славе и счастью, никогда не делал ничего необдуманно и неосторожно. Он прежде долго рассуждал о том, как лучше исполнить свое намерение, приготавливая все нужное к его исполнению, а потом уже приступал к делу.

Так было и с покорением Новгорода. Чтобы собрать все силы для усмирения этой беспокойной области, Иоанну надобно было не бояться нападений окружавших его врагов—поляков, литовцев и татар. Судьба и проницательный ум доставили ему средство если не совсем избавиться от этих врагов, то, по крайней мере, останавливать их дерзость.

Вы помните, читатели мои, что со времен Василия Темного составилась у татар новая Орда—Крымская, или Таврическая. Знаменитый основатель ее Ази-Гирей умер, оставив шестерых сыновей. Братья долго спорили о наследстве, и престол крымский принадлежал то одному из них, то другому. Примечательнейшим

из них и владевшим долее всех других Крымом был Менгли-Гирей. Частые ссоры его с царем Золотой Орды Ахма-том и с польским королем Казимиром внушили проницательному Иоанну мысль подружиться с новым государем, уже страшным для соседей. Он не ошибся. Умный Менгли-Гирей уважал Иоанна и охотно согласился заключить с ним союз против общих врагов.

Это содружество было чрезвычайно полезным для России: оно увеличивало силы ее и удерживало Казимира и Ахмата от нападений на владения наши. Имея такую верную защиту от татар и поляков, осторожный Иоанн увидел наконец возможность навсегда усмирить непокорных новгородцев. Беспрестанными ссорами и беспорядками своими они доказали, как вредна им свобода. Во время этих ссор многие из старейших новгородцев, называвшихся *житыми людьми*, обижали *младших* граждан, которые, не видя справедливости в судьях и в наместнике государя московского, решили наконец просить его самого приехать к ним для разбора дел.

Иоанн поехал, и его беспристрастный суд, его справедливость, его умные решения обратили к нему большую часть жителей Новгорода; недовольными оставались только важные и гордые бояре, которые с совершенным покорением родины своей под власть Москвы должны были лишиться многих выгод.

Новгород поел отъезда великого князя разделился на две стороны: одна хотела видеть Иоанна полным властителем и государем своим, соглашалась не иметь

у себя других судей, кроме княжеских, отдать ему Двор Ярославов и не иметь веча, собрания которого так часто оканчивались кровопролитием; другая же не хотела слышать об этом, даже не называла великого князя государем своим, а, по прежнему обыкновению, только господином и явно возмущала против него всех. Бог знает, чем бы кончился этот спор, если бы новгородцы не узнали, что Иоанн идет к столице их с многочисленным отборным войском. С ним были все храбрые князья и полководцы того времени и все братья его. Устрашенные мятежники испугались и отправили в стан Иоанна своего архиепископа Феофила и самых знаменитейших вельмож для переговоров. Эти переговоры продолжались с 23 ноября 1477 года до 7 января 1478 года и окончились следующим объявлением от имени всех новгородцев: «Соглашаемся не иметь ни веча, ни посадника; молим только, чтобы государь утолил навеки гнев свой и простил нас искренно!» Трудно было довести новгородцев до такого смирения, но благоразумие и твердость Иоанна помогли сделать это.

15 января все знатные граждане, бояре, житые люди, купцы и весь народ присягали великому князю, и бояре московские объявили всем им, что государь забывает навеки вины их с условием, чтобы Новгород не изменял ему ни делом, ни мыслью.

Так новгородцы, 600 лет называвшиеся *людьми вольными*, покорились Иоанну III. При этом не произошло никакого кровопролития, военные

действия даже не начинались, и великий князь приказал взять под стражу только нескольких главных мятежников, в том числе и непокорную Марфу Борецкую.

Отправляясь в Москву, Иоанн ласково простился с новгородцами, несколько раз угощал обедами архиепископа и знатнейших бояр, принимал подарки от всего народа—потому что не было человека, который бы не желал показать государю чем-нибудь своего усердия, одаривал и сам каждого. 5 марта возвратился в Москву, и вслед за ним привезли туда вечевого колокол, на звон которого сходились теперь не гордые граждане новгородские для шумных совещаний своих, а мирные жители Москвы для благочестивой молитвы: он повешен был на колокольне Успенского собора.

Россия освобожденная. 1478

—1480 годы

У великой княгини Софии были уже три дочери. Она и супруг ее желали иметь сына, и Бог исполнил ее желание: в 1478 году у них родился сын Василий, который станет потом наследником престола. Но ни эти семейные радости, ни слава, ни беспрестанные победы русских не могли доставить совершенного счастья ни великому князю, ни супруге его. Обоих занимала одна мысль: видеть Россию освобожденной от власти татар. Умная, гордая София искусно подогрела в сердце супруга ненависть его к ханам. Как часто даже на веселых праздниках княжеских, когда Иоанн восхищался величественным видом великой княгини, богатством ее наряда, красотой детей своих, София спрашивала у него: «Долго ли быть мне и детям моим подданными хана татарского?» Иоанн, который беспрестанно и сам задавал себе этот вопрос, радовался, находя то же самое желание и в сердце супруги, и еще усерднее старался исполнить его. Случай к тому скоро представился.

Князья русские всегда должны были с особенными обрядами встречать послов татарских, которые привозили с собой *басму*, т.е. изображение, или «болван», хана. Князья выходили на эту встречу за город пешком, кланялись послам и для слушания ханских грамот подстилали мех соболий под ноги чтецу и сами становились на колени. На том месте, где бывала эта встреча, построили потом церковь, которая и теперь еще называется Спасом на Болвановке. София, зная достоинство супруга своего, не могла перенести мысль, что он будет преклонять колени перед *болваном* хана,

и уговорила его не ходить на встречу послов. Некоторые историки говорят, что Иоанн не только исполнил желание ее, но даже изломал басму, бросил ее на землю, растоптал ногами и сказал послу: «Объяви это хану. Что сделалось с его басмой, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое». Отпустив с такими словами посла, он не дал ему дани, за которой тот приезжал из Орды. Такая смелость государя русского ужасно рассердила хана Ахмата. Хитрый король польский Казимир, желавший всегда вредить России, постарался воспользоваться этой ссорой и наговорил столько на Иоанна, что царь татарский приказал войску своему готовиться к нападению на русские земли. Казимир обещал быть его союзником.

В это трудное для России время крымский хан Менгли-Гирей доказал свою верность и дружеское отношение к Иоанну: он напал на польские и литовские владения и тем помешал Казимиру исполнить обещание, данное Ахмату. Иоанн отправил других крымских царевичей, братьев Менгли-Гирея, живших в России, к Сараю, чтобы во время отсутствия хана разорить столицу его или, по крайней мере, напугать татар.

Между тем сам великий князь ободрял народ, собирал войско, приготавливался к решительному сражению, однако, по обыкновенной осторожности своей, не спешил. Он даже согласился бы на некоторое время помириться с ханом, боясь для подданных своих неверности счастья. Но весь народ, все войско и даже

все духовенство русское нетерпеливо желали этой войны, как будто предчувствуя, что от нее зависит освобождение России. Итак, она началась. 8 октября 1480 года войска русское и татарское уже стояли одно против другого на берегу Угры*. В числе главных воевод русских был также и сын великого князя от первой супруги—Иоанн. Две недели оба войска смотрели друг на друга, ничего не предпринимая: Ахмат поджидал литовцев, о которых не было и слуху, Иоанн высматривал, где удобнее всего сражаться, наконец выбрал для этого Боровские поля и приказал своему войску отступить туда. Князья, бояре и воины удивились и с досадой подумали, что государь их боится сражения, они не поняли осторожного Иоанна. Татары же поняли его еще менее, вообразив, что русские обманывают их и, нарочно отступая, заманивают в приготовленные засады. Непостижимый ужас овладел Ахматом, и он поспешил уйти. Историки говорят, что странно было смотреть на эту картину: два войска бежали друг от друга, тогда как никто не гнался за ними.

-
- *Река Угра течет в нынешней Калужской губернии.*

Ахмат вышел из России и дорогой разорил двенадцать городов, бывших во владении литовцев, за то, что Казимир не пришел к нему на помощь. Никто не понимал, отчего хан татарский так неожиданно

оставил русские области, но вскоре узнали причину: он получил известие, что в Сарай пришли посланные Иоанном крымские царевичи с войском. Ему надо было оставить отечество наше, чтобы защитить собственную землю, но он не дошел до нее: на берегах Малого Донца князь тюменских татар Иван, услышав о богатой добыче Ахмата, отнятой в городах литовских, напал на него и убил спящего, взял без сражения Орду, все семейство и все богатства его, разорил Сарай, развалины которого еще и теперь видны на берегах Ахтубы, и прислал послов сказать великому князю, что врага его уже нет на свете, а он, как потомок Чингисхана, просит только дружбы государя русского.

Так наконец бедное отечество наше освободилось от жестокой власти завоевателей.

Новое состояние России.

1480—1498 годы

С того времени, как Россия избавилась от власти жестоких татар, как сделалась она опять независимым

государством, все в ней как будто переродилось, все получило другой вид. Имя Иоанна начало греметь еще более, и беспрестанные победы прославили его воинство. Это чувствовали и ливонские рыцари, и литовцы, и казанцы, и те из удельных князей, которые оставались до сих пор независимыми, а теперь должны были покориться самодержавной власти Иоанна.

И чужеземные государи смотрели уже совсем другими глазами на Россию и желали не только дружбы, но даже родства с ее владетелем. Первым выразил это желание господарь молдавский Стефан IV. Он выдал дочь свою Елену в 1488 году за старшего сына государя русского — Иоанна. Этот новый союз был почти столь же полезен для великого князя, как и содружество его с крымским ханом Менгли-Гиреем, всегда верным защитником его от Литвы.

Вскоре после этой свадьбы приехал в Москву в первый раз послом от императора римского Фридерика III знатный рыцарь Николай Поппель. Ему поручено было уверить Иоанна в дружеском расположении императора, просить его помощи, если король польский вздумает завоевать Венгрию, принадлежавшую императору, и обещать помощь Иоанну, если поляки нападут на русские владения. Кроме того, послу велено было предложить великому князю выдать его дочь Елену или Феодосию за маркграфа баденского, племянника императора. Иоанн принял посла со всем достоинством государя, равного императору, и когда Поппель в конце аудиенции

сказал, что Фридерик может пожаловать его в короли, Иоанн с благородной гордостью приказал боярам своим так ответить на это предложение: «Государь наш, великий князь, наследовал державу Русскую от Бога и предков своих и ни от кого другого никогда не захочет быть жалованным». На сватовство Иоанн отвечал, что союз с маркграфом не слишком лестен для государя русского, брата древних греческих царей. Однако этот отказ сделан был очень учтиво, так что Поппель, окончив все поручения свои, выехал из Москвы безо всякого неудовольствия, и вслед за ним Иоанн отправил от себя к императору, послом грека Траханиота, также с изъявлениями дружбы и богатыми подарками.

Так слух о достоинствах и славе Иоанна доставил ему в римском императоре третьего защитника против Польши и Литвы. Но скоро и сама Литва начала искать союза с ним.

В 1492 году умер Казимир. Старший сын его Алберт сделался королем польским, а младший — Александр великим князем литовским.

Литва, отделяясь от Польши, уже не имела столько сил, как прежде, и молодой государь ее, слыша, что со всех сторон собираются на него союзники Иоанна, очень желал помириться с Россией. Ему казалось, что самым лучшим средством к тому было сделаться зятем великого князя. Долго послы его и Иоанновы переезжали из Вильны в Москву и из Москвы в Вильну, прежде чем государь русский решился отдать любимую дочь свою Елену за князя латинской веры. Наконец

после многих переговоров он согласился с условием, чтобы Александр никогда не принуждал супругу свою к перемене греческого закона ее.

6 января 1495 года приехало в Москву великое посольство литовское за невестой. Оно состояло из знатнейших князей и панов Александра. Все они отличались великолепным нарядом, множество слуг, богатыми уборами лошадей. Иоанн еще раз сказал главным послам: напомнить Александру условие о том, чтобы дочь его ни в коем случае не переменяла закона и чтобы у нее была своя придворная греческая церковь. Обнимая в последний раз Елену перед самым отъездом, он вложил ей в руку следующую записку: «Память великой княжне Елене. В церковь латинскую не ходить, а ходить в греческую; из любопытства можешь видеть первую или монастырь латинский, но только один или два раза. Если свекровь твоя будет в Вильне и прикажет тебе идти с собою в церковь, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь в свою церковь». Так набожный Иоанн заботился о том, чтобы милая дочь его не оставила православной, отечественной веры своей.

Литовский народ с неописуемой радостью встречал молодую невесту. Ведь вы помните, милые читатели, что большая часть Литовского государства состояла из русских областей, отнятых у предков наших Гедимином и Витовтом? В них жили русские, терпевшие много притеснений от литовцев. Вот эти-то бедные соотечественники наши всех более

радовались, встречая русскую княжну: теперь они могли надеяться, что будет, кому попросить за них государя, будет кому защитить их от злых литовцев.

Александр встретил Елену со всем двором своим за три версты от Вильны. Невеста и жених вместе въехали в столицу: он верхом, а она в богато украшенных санях. Великая княжна поехала прямо в греческую церковь и отслужила молебен. Здесь московские боярыни, по старинному обычаю, расплели ей косу, надели на голову кичу, или кокошник с покрывалом, осыпали ее хмелем и повели в церковь Святого Станислава, где было венчание. И русские и литовцы долго веселились вместе на богатых пирах этой свадьбы, но не получили от нее тех выгод, каких ожидали. Несогласия между Иоанном и зятем его почти не уменьшились, а через четыре года сделались еще сильнее: Александр вздумал принуждать всех русских подданных своих греческого вероисповедания принимать латинскую веру. Знатнейшие из них князья и вельможи, владевшие большими областями, не желая оставить своей веры, перешли в подданство к Иоанну со всеми принадлежавшими им городами Иоанн считал долгом вступить за своих единоверцев, и посланное им войско без труда овладело всей Литовской Россией от нынешних губерний Калужской и Тульской до Киевской.

Так счастье везде было с Иоанном, так успевал он во всех своих желаниях, из которых главнейшим было — дать новую жизнь России. Вы видите, милые читатели,

как счастливо это удалось ему! Никто не узнал бы в Иоанново время той России, которая так униженно кланялась Батью и Узбеку.

Два наследника престола.

1498—1505 годы

Иоанн, счастливый почти во всем, был несчастлив только в семействе своем. От первой супруги был у него сын Иоанн, которого для отличия от отца называли Иоанном Молодым. Вы помните, что он женился на молдавской княжне Елене. Этот молодой князь, кроткий и ласковый ко всем, через два года после свадьбы скончался. У него остался маленький сын Димитрий. Иоанн сильно огорчен был этой жестокой потерей, и никто не мог утешить его горести, кроме милого внука, малютки Димитрия. Любовь его к этому ребенку сделалась так велика, что великая княгиня София начала досадовать: у нее были свои дети, и нежной, огорченной матери казалось, что супруг ее менее любит их с тех пор, как родился Димитрий. Она имела и другую причину досадовать на этого мальчика:

гордая царица греческая думала, что старший сын ее Василий имеет больше прав быть наследником отцовского престола, нежели внук. Так думала не она одна, но и многие из приверженных ей бояр. Между тем другие находили, что по всей справедливости престол должен принадлежать Димитрию, сыну прежнего наследника. Мать его княгиня Елена, столь же честолюбивая, как и София, старалась всеми силами поддерживать это мнение. Таким образом, двор разделился, и каждый боярин был или друг, или враг той или другой княгини. Маленькие князья, окруженные каждый своими, росли не любя друг друга.

Иоанн, всегда занятый государственными делами, не мог обращать много внимания на это семейное несогласие и никогда не думал, чтобы оно могло сделаться важным до тех пор, как Василию исполнилось двадцать лет. В это время вдруг доносят ему, что несколько молодых людей, друзей Василия, согласились отравить ядом Димитрия, разграбить княжескую казну и объявить государем своим Василия. Гнев Иоанна был ужасен: всех заговорщиков примерно наказали и приставили стражу даже к Василию, который, вероятно, не знал о намерениях безрассудных друзей своих, потому что был всегда почтителен к отцу. Софию же с того времени государь не хотел видеть, подозревая, что она более всех желала отравить Димитрия, и, чтобы наказать ее самым чувствительным образом, объявил наследником престола внука своего, назначив день его коронования.

Это было первое царское венчание, подробно описанное в нашей истории. Оно происходило в Успенском соборе 4 февраля 1498 года, куда государь сам привел молодого Димитрия. Митрополит и пять епископов встретили их со всем духовенством и отслужили молебен. Посреди церкви сделано было возвышение, на котором стояли три кресла. После молебна Иоанн и митрополит сели, а Димитрий стоял на возвышении. Тогда великий князь сказал: «Отец митрополит! Предки наши, государи русские, давали Великое княжество первым сынам своим, я также благословил им моего старшего, Иоанна. Но по воле Божией его не стало; благословляю теперь внука Димитрия — его сына — при себе и после себя Великим княжеством Владимирским, Московским, Новгородским, и ты, отец мой, дай ему благословение!» Митрополит встал, благословил Димитрия крестом, положил руку на его голову и громко молился, чтобы Бог принял под святое покровительство свое нового государя. После этой молитвы два архимандрита подали венец и бармы Мономаха*. Митрополит, читая подобающие этому случаю молитвы, передал царские утвари в руки Иоанна, который надел то и другое на внука. После этого пели многолетие обоим государям, и митрополит с епископами и всем двором поздравили деда и внука. После обедни повели Димитрия в венце и бармах в Архангельский собор. Там, по старинному обычаю, его осыпали в дверях, в знак богатства и изобилия, золотыми и серебряными деньгами. В тот день был великолепный пир у государя.

-
- *Бармы вместе с венцом были присланы Мономаху от царей греческих и с того времени употребляются при короновании наших государей.*
-

Вы, верно, догадаетесь, милые дети, что на этом празднике всех довольнее и всех счастливее была великая княгиня Елена. Она достигла в полной мере своего желания: пятнадцатилетний сын ее — уже государь России, а гордая София вместе с блестящей надеждой своей — прекрасным Василием — окружена стражей и лишена даже радости видеть супруга своего. Но непродолжительным было счастье Елены. Уже в самый день коронования государь был не совсем весел: заметно было, что он грустил о супруге, с которою был двадцать пять лет счастлив, о сыне, рождение которого всегда казалось ему особенной милостью Бога, ниспосланной на молитвы его. Приверженцы Димитрия догадывались о настроении Иоанна и, боясь перемены, не смели слишком радоваться своему счастью. Прошел год — и эта страшная для них перемена совершилась: Иоанн узнал, что доносы на Софию и Василия были несправедливы, и со всею строгостью осудил и казнил за то знатнейших вельмож, друзей великой княгини Елены.

Через шесть недель после этого суда Иоанн объявил Василия великим князем Новгородом и Пскова, а через три года — наследником всероссийского престола.

В тот же день отдано было приказание приставить к Димитрию и матери его стражу. Итак, этот несчастный молодой князь, кроткий и добрый, как отец его, невинный в честолюбивых намерениях матери, для того только с такой пышностью венчался на престол, чтобы еще острее почувствовать свои беды. Елена скончалась от горя и тоски через два года после своего заключения, а сын ее жил еще несколько лет и умер уже в княжение своего соперника Василия.

Эти семейные огорчения повлияли на здоровье Иоанна, особенно когда скончалась супруга его княгиня София. Он заметно ослабевал, но все-таки не переставал неутомимо заниматься своими обязанностями. Напрасно зять его, литовский князь Александр, сделавшийся после смерти брата Алберта и королем польским и все еще не помирившийся с тестем, вздумал воспользоваться его болезнью и прислал в Москву послов требовать возвращения городов, завоеванных Иоанном у Литвы. Иоанн, для которого слава России была дороже даже спокойствия милой дочери, страдавшей от несогласия отца с супругом, не хотел и слышать о требованиях Александра. Он гордо сказал послам его: «Великий князь русский никому не отдает своего. Для истинного, прочного мира Александр должен уступить мне и Смоленск и Киев, также принадлежавшие некогда России». После этого король польский удостоверился в невозможности помириться с Иоанном так, как ему хотелось, а должен был сделать это так, как хотелось великому князю.

Таким образом, Иоанн до конца жизни своей заботился о счастье отечества нашего и даже в день смерти своей отдавал приказания и говорил о делах государственных. Этот горестный для России день был 27 октября 1505 года.

История назвала Иоанна Великим. Обдумав все сделанное этим знаменитым государем, мы должны согласиться, что такое название справедливо. Не одними победами он заслужил его: зная, что счастье народа не заключается в одной славе его, Иоанн более думал о хорошем управлении своими подданными, нежели о распространении своих владений. Он приказал собрать все законы и грамоты прежних князей, рассмотрел, исправил и издал их под названием «Уложения»; лучше устроил войско; завел городскую исправу, или полицию, почту, почтовые дворы, где всем проезжим давали не только лошадей, но даже пищу, если на то был приказ государев; велел исправлять дороги; не терпел нетрезвости. Одним словом, Иоанн заботился обо всех своих подданных как нежный, благоразумный отец, и за то самые отдаленные потомки их должны чувствовать вечную благодарность к этому великому государю, к этому незабвенному освободителю России от власти варваров, 250 лет ее угнетавших.

Таблица XXXVII

Семейство великого князя Иоанна III Васильевича

Супруги:

1. Мария Борисовна, княжна тверская

2. София, царица греческая

Сыновья:

1. Иоанн, умер в молодых годах

2. Василий, наследовал престол после отца

3. Юрий

4. Димитрий

5. Симеон

6. Андрей

7. Борис

Дочери:

1. Елена, была в супружестве за великим князем литовским Александром

2. Феодосия — за князем Василием Даниловичем Холмским

3. Елена, умерла в детстве

Покорение Пскова

и окончательное

уничтожение уделов. 1505—

1523 годы

Василий Иоаннович, сделавшись наследником знаменитого отца своего, старался во всем подражать ему, и хотя он не имел от природы великих способностей его, но усердные старания никогда не остаются напрасными: история называет Василия IV достойным сыном Иоанна III.

Первое важное дело его, о котором надобно рассказать читателям, было покорение Пскова. Вы знаете, что во Пскове было такое же народное правление, как и в Новгороде. Он назывался даже *братом* его, прежде *младшим*, а потом, за оказанные услуги Новгороду, *равным*. Законы, вече, посадники — одним словом, все учреждения псковитян были такие же, как у новгородцев. Псковитяне отличались только тем от братьев своих, что не были так горды, дерзки, своевольны, и за то доле их наслаждались своею свободой. Иоанн III хотя и посылал к ним своих наместников, но приказывал управлять ими не иначе как по их собственным законам. Итак, к досаде

новгородцев, во Пскове все еще раздавался звон вечеревого колокола и жители все еще сходились на шумные собрания свои. Но это было недолго: на одном из таких собраний земледельцы объявили, что не хотят платить дани. Их хотели принудить к тому силою, и при этом все перессорились так, что наместник должен был прибегнуть к великому князю.

Василий, видя явное доказательство того, какие несчастья терпит народ от излишней свободы, которой не умеет пользоваться, решил навсегда уничтожить ее во Пскове, как отец его уничтожил ее в Новгороде.

Это было в январе 1510 года. Молодой государь, недовольный псковитянами, поехал разбирать ссоры их не во Псков, а в Новгород, куда приехало к нему многочисленное посольство псковское, состоявшее из семидесяти знатнейших бояр. Разбирательство кончилось тем, что всех их посадили под стражу и объявили, что великий князь, недовольный дерзостью их против наместника его и несправедливостью против народа, требует, чтобы они уничтожили свое вече и приняли государевых наместников не только во Пскове, но и во все города свои. В таком случае он простит их и приедет к ним помолиться Святой Троице*.

-
- *Во Пскове главною церковью был собор Святой Троицы. Он существует и теперь.*

Псковские бояре, чувствуя вину свою и не надеясь иметь столько сил, чтобы противиться великому князю, с горестью согласились исполнить волю его и писали во Псков, прося весь народ сделать то же.

Такая просьба привела в ужасное уныние Псков: *вольные люди* (как называли себя псковитяне), узнав о согласии первых бояр своих, лишились всякой надежды сохранить свободу и на другой день с неопишуемой печалью, с горькими слезами сошлись в последний раз на звук своего колокола и объявили послу великокняжескому, что покоряются воле государя.

Посол в тот же день отправился к великому князю, который вскоре приехал во Псков, учредил в нем совсем новый порядок, определил новых чиновников, принял присягу в верности всех жителей, заложил новую церковь во имя Святой Ксении*, отправил триста семейств знатных псковитян в Москву и на место их велел перевести туда столько же из других городов и, устроив все, уехал через месяц в столицу. Вскоре после отъезда его повезли туда же и вечевой колокол псковитян, которые, чувствуя пользу нового правления, уже менее жалели о нем, нежели в ту минуту, когда спускали его с колокольни.

-
- *Память Святой Ксении праздновалась в тот день, когда уничтожилась вольность Пскова.*

В то самое время, как Василий занимался делами Пскова, на него собирались враги с двух сторон. Первые были литовцы, эти всегдашние неприятели нашего отечества, вторые — крымцы. Помня доброго Менгли-Гирея, верного союзника Иоанна III, вы, конечно, удивляетесь, милые читатели, что подданные его вдруг вздумали ссориться с русскими. Но в этом виноваты также литовцы. Князя их Александра уже давно не было на свете. Наследником Литвы и Польши был брат его Сигизмунд, который еще более Александра вредил России. Он-то и поссорил нас с Менгли-Гиреем, или, лучше сказать, с молодыми и смелыми сыновьями его Ахматом и бурнашем Гиреями, которые по своей воле управляли старым отцом своим: он был уже так слаб и дряхл, что никто не узнавал в нем прежнего храброго, умного и благородного Менгли-Гирея. Сигизмунд обещал им платить каждый год по 15 тысяч червонцев, если они нападут вместе с ним на наши области. Молодые царевичи согласились на это предложение и исполнили желание Сигизмунда, который имел причину сердиться на великого князя: Василий милостиво принял к себе одного из знаменитейших вельмож литовских, изменившего королю своему, — князя Михаила Глинского с братьями и не только отказался выдать их Сигизмунду, но даже дал им у себя целые города в поместья. Вот эти Глинские — и особенно Михаил — много помогали великому князю в войне с Сигизмундом: кроме того, что с ними выехало в Россию много панов и дворян

литовских, они нанимали искусных воинов для Василия даже в Богемии и Германии, и с этой помощью война шла так счастливо для великого князя, что ему удалось вернуть в свое владение Смоленск, бывший 110 лет под властью Литвы. Вы не можете представить себе, как обрадовались жители Смоленска тому, что присоединились опять к старинному своему отечеству! Хотя в течение 100 лет они поневоле уже переняли многое у своих завоевателей, но все еще твердо помнили, что они русские, и любили Россию, как милую мать, с которой литовцы разлучили их. Эта любовь не менее Михаила Глинского помогла Василию овладеть Смоленском. Михаил же показывал такое усердие не даром: он думал, что великий князь из благодарности к его заслугам сделает его владетельным князем Смоленска, но ошибся. Великий князь не любил Михаила и не согласился отдать ему этот город. Да и как можно было отдать? Если уж он изменил отечеству, то России мог бы изменить еще скорее. Так и сделалось.

Обманувшись в своих ожиданиях, он тотчас перешел опять на сторону Сигизмунда и наделал бы много хлопот, если бы воеводы наши не поймали его. По приказанию Василия его сковали и отвезли в Москву.

Между тем в 1515 году умер Менгли-Гирей. Сын и наследник его Магмет-Гирей, не имевший никаких достоинств отца, попеременно был союзником то русского, то литовского государя, смотря по тому, кто

из них более давал ему денег. Однажды Магмет, получив от Сигизмунда огромную сумму, ворвался со своими крымцами в Россию и едва было не напомнил ей времена Батыя и Тохтамышша.

Наконец вот что несколько уладило крымского хана: услышав, что в Москву приехал посол из Константинополя и привез великому князю ласковое письмо от знаменитого и страшного для всей Европы турецкого султана Солимана, Магмет-Гирей испугался, чтобы он не вступился за русских, и на некоторое время отложил свои нападения на наши области.

Сигизмунд также боялся соседа своего, опасного Солимана, и, уже не споря о Смоленске, заключил с великим князем мир на пять лет. Пользуясь этим спокойствием, Василий Иоаннович спешил исполнить намерение великого отца своего и свое собственное — окончательно уничтожить уделы. Правда, их оставалось уже очень немного: главным было Рязанское княжество, другое — Северское. Молодой рязанский князь Иоанн первый подал повод Василию исполнить это намерение: он так подружился с дерзким ханом Магметом, что хотел жениться на его дочери и объявить себя совсем независимым от великого князя. Государь узнал это и счел долгом своим наказать замыслы, вредные для отечества: Рязань была взята в совершенное владение великого князя, а Иоанн посажен в темницу, откуда убежал в Литву и там скончался.

Окончив безо всякого кровопролития покорение важного Рязанского княжества, более 400 лет бывшего

отдельным и независимым, Василий еще легче присоединил к своей короне Северское. Князем его был Василий Шемякин, внук того Дмитрия Шемяки, которого вы, верно, помните. Будучи смел, горд, непримирим, он напоминал собою деда своего и много беспокоил великого князя; несколько раз Василий подозревал его в дружбе с Литвою и наконец в 1523 году открыл переписку его с Сигизмундом. Князь Шемякин был заключен в темницу, где и умер.

Так навсегда кончились уделы в России, так соединились все разделенные части ее в одно целое; так это прекрасное целое стало зависеть уже не от мелочных требований нескольких владетелей, но от высокой, самодержавной и неизменной воли одного государя.

Нравы и обычаи русских

при Василии IV. 1523—

1533 годы

Приятно знать не только о важных делах тех людей, которых мы любим, например об их походах, победах, завоеваниях, но и о самых обыкновенных — о том, что делали они в домашнем кругу своем, как веселились, как показывали печаль свою, как угощали друзей. Мне бы хотелось знать даже, какое платье они носили, какие кушанья подавали на обедах их, о чем разговаривали они во время этих обедов. О, я вижу, что и маленькие читатели мои точно так же любопытны, как я, и им так же хочется узнать все это. Очень рада, друзья мои, и постараюсь выбрать из истории самые занимательные для вас описания нравов и обычаев наших добрых предков. И как кстати мы остановились теперь на том самом времени, когда Василий IV, уже самодержавный государь России, усмирив внешних и внутренних врагов отечества нашего, праздновал в 1526 году вторую свадьбу свою. Для маленьких охотников до веселостей и всех происшествий, не совсем обыкновенных, верно, всего приятнее будет, если я начну рассказ мой несколькими словами о том великом веселье, какое было тогда на Руси.

Но если вы думаете, милые читатели, что тогдашние свадебные праздники и угощение походили

на нынешние, то очень ошибаетесь. Например, сказать ли вам, что разносили гостям на свадьбе Василия Иоанновича вместо наших нынешних, затейливых, можно сказать даже великолепных, конфет? Калачи, перепечу* и сыры! А вместо шампанского в наших прекрасных бокалах из граненого хрусталя подавали романею**, рейнское, но еще более— мед и пиво в больших золотых и серебряных кубках или ковшах.

* *Перепеча—сдобное пирожное особенной формы с гранью, похожей на ананасную.*

** *Романею называлось бургундское вино.*

Хотите ли знать, как одет был государь-жених? На нем был бархатный золотой кожух, или тулуп, на собольем меху—шуба русская соболья, крытая бархатом золотым. Полы этой шубы закинута были назад, за плечи. Пояс был кованый золотой, шапка— из черных лисиц.

Наряд невесты также вовсе не походил на то платье, какое она надевает у нас теперь. Русские девицы в старину не носили на голове никакого другого убора, кроме широкой повязки. В такой повязке верх головы оставался открытым, а волосы заплетались в косу, которая спускалась по спине. К концу косы старинной княжны, боярышни или простой девушки привязывался косник, или треугольник из картузной бумаги, который

обвивался шелковой материей, а у богатых — украшался жемчугом и дорогими камнями. Косу старались плести так широко, чтобы она закрывала всю шею от самых ушей и постепенно суживалась до косника. У невест косы были распущены, и в церкви, после венчания, им заплетали две косы, надевали кокошник и покрывали фатой. Платье, которое называлось ферязью, или сарафаном, спереди до подола, а также рукава аршина в три и стоячий воротник пальца в три унизывались крупным жемчугом.

Вот как богато одета была невеста Василия IV Елена, молодая княжна Глинская, племянница того Михаила Глинского, который прослыл в истории изменником сперва своему природному государю, потом русскому. Вы помните, милые дети, что за эту последнюю измену он посажен был в темницу и получил окончательное прощение, только когда великий князь сделался супругом его племянницы.

Имея теперь некоторое понятие о праздниках и одежде предков наших, мы поговорим о других обыкновениях их. Все они — и знатные бояре, и бедные дворяне — казалось, были спесивы. К боярам никто не смел въезжать на двор: надобно было оставлять лошадей у ворот. Дворяне стыдились ходить пешком и мало знакомились с мещанами..

Гость, входя в комнату, прежде всего молился образам и потом уже подходил к хозяину, целовался с ним и говорил: «Дай Бог тебе здоровья!» Тут начинались

взаимные поклоны, после которых гость и хозяин садились и разговаривали. Когда гость уходил, хозяин провожал его до крыльца, а иногда и до самых ворот.

Молодые женщины почти всегда сидели дома, даже в церковь редко ходили. Главное рукоделие их было прясть и шить, главная забава — качаться на качелях. С чужеземцами предки наши были гораздо горделивее нас: даже послы их жаловались на ту важность, с которой их принимали в России. Когда иностранный посол объявлял о себе в первом русском городе наместнику государеву, то ему задавали множество вопросов: «Из какой земли? От кого едет? Знатный ли человек? Бывал ли прежде в России? Говорит ли нашим языком?» Заметьте этот последний вопрос, милые дети, он доказывает, что предки наши только по необходимости говорили чужим языком и всегда предпочитали свой собственный всякому другому. Да и как не любить его? Он нам родной! Самые нежные слова делаются еще нежнее на родном языке. Когда русский мальчик или русская девочка, обвив белыми ручками своей шею маменьки, скажет: «Милая маменька!» — мне кажется, что и сердце малютки добрее, и ласки искреннее, и даже самый голос гораздо приятнее, нежели когда он выговаривает: «Chere maman» или «Dear mamma». Прислушайтесь сами к этим трем различным звукам, милые друзья мои, и вы, верно, согласитесь со мною. Любите же родной язык ваш и всегда защищайте его, когда кто-нибудь вздумает осуждать его при вас. Если уже подданные Василия IV, почти не имея никаких писателей, находили

его прекрасным, то как же нам не отдать ему справедливости, нам, уже имеющим возможность восхищаться Державиным, Карамзиным, Дмитриевым, Крыловым, Жуковским, Пушкиным? Может быть, вы мало прочли еще из того, что написали эти прекрасные поэты, но басни Крылова? Кто из маленьких моих читателей не знает их? Кто не удивляется в них умным разговорам Львов, Слонов, Орлов, нежности Голубков, хитростям Лисиц, злым делам Волков, добродушию Барашков и Овец, простоте Медведей и Журавлей? Все эти басни писаны таким чистым, таким легким русским языком, что они одни могут доставить ему название *прекрасного*.

Не подумайте, однако, что предки наши, любя все отечественное, обходились дурно с иностранцами. Нет! Они всегда уважали самых добрых и умных из них, старались перенимать у них все полезные знания, и государи наши даже приглашали многих чужеземных художников и ремесленников переселяться в Москву. Таким образом, у нас были и тогда уже иностранные зодчие, или архитекторы, денежники*, слесари и даже живописцы, которые писали портреты. Все они жили весело и богато в нашей гостеприимной Москве и обучали русских тому, что знали сами. Однако надо признаться, что не все иностранцы приносили пользу отечеству нашему, иные вредили ему и не всегда были благодарны России, в которой почти всегда обогащались.

- *Люди, изготовлявшие деньги.*

Возвращаясь к описанию нравов предков наших, скажем, что главной чертой их характера была набожность, усердие к вере и привязанность к монашеству. Почти все они желали умереть *в ангельском образе*— так называли они пострижение и принятие схимы,—и те, которые не успевали постричься за несколько лет до смерти, старались сделать это, по крайней мере, за несколько часов. Это случилось и при кончине великого князя Василия IV, жизнь которого неожиданно прекратилась на 54-м году. Он почти никогда не чувствовал никаких болезней, любил деятельность и движение, был всегда весел и счастлив, особенно со времени рождения сына своего, будущего грозного государя России Иоанна IV.

В 1533 году, 25 сентября, великий князь праздновал день Святого Сергия в Троицкой лавре вместе с супругой и детьми. В то же время он благодарил Бога за избавление от неприятелей, крымских татар, совершивших опять набег на наши владения. В тот же день великий князь ездил на охоту и занемог такою болезнью, которая сначала совсем не казалась опасной: у него сделался веред на левой ноге, но этот веред так разболелся, что через два месяца окончился смертью. 21 ноября въехал он в Москву в санях, на постели, скрытно, чтобы не встревожить народ, горячо любивший его. Когда внесли его в Кремлевский дворец,

он тотчас созвал бояр и приказал им писать духовную, в которой объявил трехлетнего сына своего Иоанна наследником государства под опекой матери и бояр до пятнадцатилетнего возраста, назначил удел меньшому сыну Юрию, просил братьев своих Юрия и Андрея не забыть обещания их верно служить племяннику, устроил многие дела государственные и церковные, одним словом—не забыл ничего, что касалось спокойствия его подданных и отечества. Исполнив эту обязанность государя, он послал за супругой и детьми. Малютку Иоанна принес на руках брат матери его, князь Иван Глинский. Умиравший отец благословил его крестом Святого Петра митрополита. Дитя не плакало: оно не понимало еще, кого лишалось! Но зато нельзя было видеть без слез отчаяния великую княгиню: ее вынесли на руках из спальни государя.

Расставшись с супругой, Василий Иоаннович уже ни о чем более не думал, как о Боге и душе своей. Он тотчас сказал духовнику своему протоиерею Алексию: «Не похороните меня в белой одежде: я не останусь в миру, если и выздоровлю». Это значило: постригите меня в монахи. Алексей, митрополит Даниил и все бывшее тут духовенство радовались такому желанию государя, но князья, братья Василия, и некоторые из вельмож противились этому: они говорили, что ни Святой Владимир, ни Димитрий Донской не были монахами, но верно заслужили вечное блаженство. Долго они спорили и шумели; между тем взоры великого князя темнели, язык едва произносил

шепотом молитвы, рука не могла сделать креста. Заметив это, огорченные князья забыли спор свой, и митрополит, пользуясь их безмолвною печалью, сам постриг государя, названного в монашестве Варлаамом. Едва успел он кончить этот обряд и положить Евангелие на грудь умирающего—Василий скончался. Все зарыдали, и этот плач семейства и первых вельмож государевых в ту же минуту перешел на дворцовые улицы, где толпился огорченный народ, и тотчас распространился до Красной площади. Василия называли добрым, ласковым государем, и потому неудивительно, что смерть его была так горестна для всех.

Во все двадцатисемилетнее княжение свое он *судил и рядил землю*, т. е. занимался делами государственными всякое утро до самого обеда, любил сельскую жизнь и почти всегда проводил лето не в Москве, а в окрестностях ее, часто ездил на охоту в Можайск и Волоколамск, но и там даже, не любя терять времени напрасно или на одни веселости, занимался делами и иногда принимал чужеземных послов. Он первый начал ездить на охоту с собаками, прежде русские считали этих животных нечистыми и не любили их.

Василий IV прибавил ко двору своему новых чиновников: оружничего, у которого хранилось оружие; ловчих, заведовавших охотой; крайчего, подававшего при столе питье государю, и рынд. Крайчий значил то же, что теперь обер-шенк, а рынды были оруженосцы, или род пажей. На эту должность

отбирали молодых людей, красивых лицом и стройных станом, из знатных фамилий. Они носили белое атласное платье, держали в руках маленькие серебряные топорики и всегда шли впереди великого князя, когда он выходил к народу. Василий любил пышность, когда она была нужна, и особенно показывал ее во время приема чужестранных послов, чтобы они видели богатство и славу государства его. В тот день, когда они представлялись, приказано было запирать все лавки и останавливать все дела и работы. Чиновники выходили навстречу послам; купцы и мещане, ничем не занятые, спешили толпами к Кремлевскому дворцу; войско, которое уже со времен Иоанна III не распускалось по домам, как прежде, стояло в ружье. В приемной комнате все было тихо. Государь сидел на троне; подле него, на стене, висел образ; бояре сидели на скамьях, в платье, вышитом жемчугом, и в высоких шапках из дорогих мехов. Одним словом, все было важно, величественно, пышно, все показывало знаменитость государя, самодержавную власть его над народом, богатство этого народа и беспредельную преданность его своему повелителю. Более всего удивляла послов эта преданность. Пламенное усердие русских к доброму государю, отцу их, казалось так непонятно для хладнокровных сердец чужеземных гостей, что один из посланников, барон Герберштейн, рассказывал об этой преданности как о чуде своим соотечественникам. Послушайте, что он говорил: «Русские уверены, что великий князь есть исполнитель воли небесной. Обыкновенные слова их:

„Так угодно Богу и государю; это знает Бог и государь!“
Усердие этих людей невероятно. Я видел одного из знатных великокняжеских чиновников, бывшего послом в Испании, седого старика, который, встретив нас при въезде в Москву, скакал верхом, суетился, бегал, как молодой человек, пот градом лил с его лица. Когда я изъявил ему свое удивление, он громко сказал: „Ах, господин барон! Мы служим государю не по-вашему!“»

Не правда ли, милые читатели, вам очень понравился этот прекрасный ответ? Не правда ли, что барон Герберштейн, побывай он в нашем Петербурге, мог бы сказать точно то же и о нас, русских XIX столетия, что он сказал о русских XVI века?

Таблица XXXVIII

Семейство великого князя Василия IV Иоанновича

Супруги:

1. Соломония Юрьевна, дочь дворянина Сабурова
2. Княжна Елена Васильевна Глинская

Сыновья:

1. Иоанн, наследовал престол
2. Юрий

Правительница Елена

и князь Телепнев. 1533—

1538 годы

Никогда Россия не была в таком ненадежном состоянии, как после смерти Василия IV: государем ее был трехлетний ребенок; опекуной его и правительницей государства — молодая княгиня из семейства Глинских, памятных изменами и непостоянством. Правда, в духовной покойного великого князя ей приказано было управлять государством не одной, а с Думой боярской, т.е. Государственным советом, состоявшим из братьев Василия Иоанновича и двадцати знаменитых бояр. Но так приказано было, однако так не исполнялось. Главным боярином в Думе, несмотря на многих старых и почтенных князей, был молодой князь Иван Федорович Телепнев-Оболенский, имевший знатный чин конюшего боярина. Его одного слушалась

правительница, ему одному позволяла делать все, что он находил нужным для государства. Такую милость и доверенность Телепнев заслужил не отличными достоинствами, не любовью к отечеству, не преданностью государю, но красивой наружностью, привлекательным обращением и искусными ласкательствами и похвалами красоте, уму и сердцу молодой княгини. Он умел говорить так приятно, так убедительно, что Елена, слушая его, верила всем словам и в самом деле считала себя прекраснее, умнее и добрее всех государынь на свете.

Мы обыкновенно любим тех, кто нас хвалит, и в легкомыслии своем не рассуждаем, что истинные друзья никогда не будут хвалить нас с пристрастием и что это делают только те люди, которые имеют какую-нибудь нужду в нас. Так было и с великой княгиней. Она не думала, что хитрый Телепнев хвалил ее и угождал всем ее желаниям для собственных выгод: ему надобно было нравиться ей, чтобы через нее иметь власть над всеми. Желание его исполнилось, и эта власть была так велика, что даже родной дядя Елены князь Михаил Глинский был посажен в темницу и вскоре умерщвлен в ней за то только, что осмелился сказать племяннице, как она дурно исполняет обязанности правительницы и матери государя.

После такой жестокости Елены с ближайшим родственником своим вы можете судить, что было с другими советниками Думы! Они не смели рассуждать сами ни о чем, но должны были только

исполнять то, чего желала правительница, а она не имела других желаний, кроме тех, какие приходили в голову молодого князя Телепнева. Так, с самого начала их общего правления ему показался опасным старший дядя маленького государя князь Юрий Иоаннович, и по приказанию Елены бедный князь был посажен в темницу и через некоторое время умер в ней от голода. Так, потом избалованный любимец начал бояться замыслов меньшого брата его князя Андрея Иоанновича и успел погубить и последнего дядю государева. К супруге и сыну этого несчастного князя приставили стражу, а бояр и всех верных слуг его мучили и умерщвляли безо всякой пощады, детей же боярских, числом около тридцати, которые вздумали было защищать Андрея, повесили как изменников на дороге новгородской. Бог знает, до чего дошли бы ужасы правления Елены, если бы оно было продолжительнее, но через четыре года она вдруг совсем неожиданно скончалась в совершенном здоровье и еще цветущей молодости. Многие подозревали, что она умерла не своей смертью. Такое подозрение было неудивительно, судя по жестокостям, обыкновенным в то время. Но, не чувствуя никакой любви к Елене, ни бояре, ни народ не отыскивали злодеев, совершивших это преступление, и даже не показали никакой печали при погребении этой слабой и несчастной государыни. Только маленький великий князь и Телепнев неутешно плакали: первый лишался матери, последний предчувствовал, что все счастье его безвозвратно исчезнет с жизнью Елены.

Детство и первая молодость

Иоанна IV. 1538—1546 годы

Из всех людей, которых вы знаете, милые дети, никто не любит вас так нежно, как ваши родители. С какою заботливостью стараются они сделать вас добрыми, умными, любезными! Как веселят их малейшие успехи ваши! Как огорчают недостатки! Ничем нельзя более обрадовать их, как сказав: «Какие добрые дети у вас! Как они хорошо занимаются ученьем своим! Как хорошо ведут себя во всем! Вы очень, очень счастливы!» Слушая это, все родители чувствуют себя точно счастливыми и вознагражденными за все те бесчисленные попечения и заботы, каких стоит для них воспитание детей. Эти попечения и заботы в самом деле бесчисленны. Вспомните все то, что они делают для вас каждый день, — и вы сами поймете, что чужой человек никогда не догадается и даже никогда не захочет сделать так много. Стало быть, потерять родителей есть такое несчастье для ребенка, которое не может сравниться ни с каким другим. Почти никогда или очень, очень редко встретит он людей,

которые бы могли в полной мере заменить его потерю. Иоанн IV даже и на троне не нашел таких. О, как вы пожалеете об этом маленьком государе, когда узнаете, что было с ним после смерти матери!

Правление осталось тогда в руках Думы боярской, или, лучше сказать, в руках тех бояр, которые, будучи смелее других, присвоили себе власть над всеми. Это были князья Шуйские, потомки суздальских князей, всегда ненавидевшие великих князей за уничтожение уделов. Главным из них был князь Василий Васильевич. Склонив на свою сторону разными средствами многих бояр и чиновников, он объявил себя в самый день кончины Елены главным в правлении и через неделю велел схватить князя Телепнева и сестру его боярыню Агриппину, которая была любимой надзирательницей при маленьком Иоанне. Ни просьбы, ни слезы бедного малютки-государя не спасли любимцев его. Первого Шуйский уморил голодом в темнице, вторую сослал в небольшой город Каргополь и велел постричь в монахини. Чтобы еще надежнее утвердить власть свою, он постарался сделаться родственником государя и женился на двоюродной сестре его. Но, несмотря на все это, Бог не допустил его долго управлять Россией: через несколько месяцев он занемог и умер, оставив всю власть в руках родного брата своего князя Ивана Васильевича Шуйского.

Бедное отечество наше терпело еще более при этом новом правителе: он не имел никаких хороших качеств и был зол, горд и дерзок не только с боярами, но даже

с самим государем, который и в детском возрасте должен быть для подданных предметом священного уважения. Обращение Шуйского совсем не показывало того, во всех поступках его приметно было, что он считал себя гораздо важнее маленького Иоанна. Кроме того, он был так жаден, что брал из великокняжеской казны множество золота, приказывал делать из него разную посуду для себя и вырезать на ней имена своих предков. Все важные должности и выгодные места он раздавал родственникам и друзьям своим, которые без милосердия разоряли вверенные им области. При таком нраве и при таких распоряжениях главного вельможи и правителя государства читатели могут представить себе, каково было воспитание Иоанна. Ни он, ни помощники его — три других Шуйских, Иван и Андрей Михайловичи и Федор Иванович Скопин-Шуйский, — совсем не думали, что счастье всего народа зависит от качества сердца и ума его государя. Напротив, они рассуждали, что всего выгоднее для них было бы, если бы Иоанн и в совершенном возрасте не входил ни в какие дела и предоставил им управлять государством, и для того решились воспитать его так, чтобы он не любил никаких занятий и думал об одних забавах и удовольствиях. К тому же, исполняя все детские желания великого князя, они надеялись, что он ни к кому не будет так привязан, как к Шуйским. Итак, эти гордые, самолюбивые, жестокие бояре, думавшие только о себе, а не о своем бедном отечестве, каждый день забавляли маленького государя то новыми играми во дворце, то разного рода охотой в поле.

Охота, во время которой люди с таким весельем убивают невинных, животных, располагает сердце к жестокости, и дети, так легко воспринимающие все впечатления и не имеющие еще рассудка взрослых людей, чтобы предохранить себя от дурных, никогда не должны видеть охоту, а не только сами участвовать в ней. Бедный малютка Иоанн, глядя почти каждый день на травлю диких животных, невольно привык к такой жестокости, что уже для него сделалось удовольствием мучить и домашних. Часто, сидя на высоком крыльце Кремлевского дворца, бросал он оттуда на землю комнатных собачек, кошек, кроликов, белок, и, когда несчастные визжали самым жалобным голосом от ушибов, а другие и совсем умирали, жестокий ребенок весело смеялся и радовался их мучениям, и безрассудные бояре говорили: «Пусть державный веселится!»

С таким воспитанием вовсе неудивительно, что жестокость Иоанна постепенно увеличилась, и через несколько лет ему захотелось уже мучить и людей. Для этой забавы он держал медведей, и часто, когда добрый народ сходил на площадь дворцовую, поглядеть на свое *Красное Солнышко*, *надежугосударя*, — этот государь приказывал выпускать двух или трех медведей, которые бросались на всех, кто не успевал убежать от них. Так царственное дитя, одаренное от природы редким умом и великими способностями, проводило драгоценное время свое во все правление Шуйских, которые старались отдалять от него всех умных, добродетельных и усердных бояр.

Они употребляли к тому всевозможные средства, и многие были сосланы, заключены в темницы, даже лишены жизни. В числе таких жертв властолюбия Шуйских знаменитее, добрее и несчастнее всех был князь Иван Федорович Вельский, родственник государя. По уму и добродетелям он один мог быть достойным воспитателем Иоанна и правителем государства. Шуйские заметили это — и несчастный князь, несмотря на высокое место, занимаемое им в Думе боярской, несмотря на пользу, какую принесли России советы его во время бывшего в 1541 году нашествия на наши области хана крымского и царя казанского, несмотря на близкое родство его с великим князем, был посажен в темницу и вскоре умерщвлен в ней без ведома Иоанна, по одному приказанию Шуйских.

Такое ужасное состояние двора и всего народа продолжалось до тринадцатилетнего возраста государя. В это время два дяди его — князья Глинские, Юрий и Михаил. Васильевичи, ненавидевшие Шуйских, — начали говорить племяннику, что уже пора ему отнять власть у жестоких бояр, что пора ему объявить себя настоящим государем и, избавив народ от неслыханных притеснений, наказать главных тиранов. Иоанн, никогда не любивший Шуйских за их дерзкое обращение с ним и за то, что они всегда нападали на любимцев его, охотно выслушал совет дядей. Ничего никому не сказывая, он вдруг 29 декабря 1543 года созвал к себе бояр и объявил им, что, видя, как бессовестно многие из них, пользуясь его молодостью, грабят и убивают его подданных, он решился наказать виновных, и прежде

всех князей Шуйских. Бояре были чрезвычайно удивлены смелостью маленького князя, до сих пор думавшего об одних забавах, и прежде нежели успели опомниться— главный из Шуйских уже был выведен на улицу и отдан на волю псарей, которые в свою очередь отдали его зверям на растерзание. Все молчали, и никто из родственников и друзей несчастного не смел показать ни малейшего неудовольствия: так грозен был вид тринадцатилетнего государя и так искусно новые правители— князья Глинские устроили план свой.

В тот же день всех Шуйских и приверженцев их заключили в темницы или сослали в отдаленные места. Народ радовался падению притеснителей своих, воображая, что теперь все будут спокойны и счастливы. Но как жестоко обманулся он! Враги его не исчезли, но только переменили имя— вместо Шуйских сделались Глинские, а государь, входя в возраст, не любил ни в чем противоречий и, с малолетства приученный к жестокости, не имел никакого понятия о сострадании и не жалел никого. Беспреданно говорили то о гневе великого князя на одного из бояр, то о новом наказании другого, то о ссылке третьего. Так, одному придворному чиновнику за несколько дерзких слов отрезали язык; так, пятидесяти новгородцам отрубили головы за то только, что они осмелились пожаловаться Иоанну на притеснения, какие делали им бояре— любимцы его. Одним словом, несколько лет первой молодости Иоанна IV предвещали столько жестокостей и столько бедствий для его подданных, что только одна беспредельная

привязанность русских к государю своему помогла им перенести страдания их. Не смея роптать на того, кто назначен был Богом управлять ими, они усердно просили Господа умиловить сердце его и послать ему умных и добрых советников, которые бы говорили ему о нуждах народа, а не о забавах и веселостях. Уже четыре года русские молились о том, и Иоанну исполнилось семнадцать лет.

Чудесная перемена. 1547 год

Было утро 16 января 1547 года. Яркие лучи солнца хотя мало грели, но зато осыпали алмазными искрами белый снег, покрывавший улицы московские. По этим улицам — не широким и великолепным, как те, которые окружают теперь Кремль, а узким, застроенным бревенчатыми домами — толпился народ в праздничном наряде, ехали бояре в разукрашенных санях, шло войско, хотя не похожее видом и одеждой на наше нынешнее — стройное и прекрасное, но столь же храброе, столь же усердное к отечеству, столь же верное государю. Все эти люди были веселы, на всех лицах написано было какое-то приятное ожидание. Как вы думаете, милые читатели, куда все они шли и какой праздник был тогда в Москве? О! Был праздник

большой, торжественный, драгоценный для народа русского во все времена его истории: было коронование, или венчание на царство государя!

Иоанн, вскоре после того как ему исполнилось семнадцать лет, объявил митрополиту и вельможам, что он намерен короноваться. Известие о таком намерении обрадовало весь народ: все надеялись, что священная минута, в которую Иоанн в церкви, перед престолом Божиим, примет на себя вместе с царским венцом святые обязанности государя, будет иметь счастливое воздействие на сердце его, что он почувствует все ужасы дурного правления и сделается другим человеком. Так думали добрые предки наши, и усердные молитвы их, несколько лет возносимые к Богу об исправлении Иоанна, давали им право надеяться на такое чудо.

Вот отчего они так весело спешили в Кремль, к Успенскому собору, где уже все было готово в таком же порядке, как при короновании несчастного Димитрия Иоанновича, которого читатели мои, верно, не забыли. Иоанн так же, как и тот молодой князь, торжественно шел из дворца в собор в сопровождении брата, дядей и всего двора, так же сидел с митрополитом на возвышении, покрытом золотой парчой, так же венчался тою царской короной, присланной из Греции, которую, как говорят нам летописи, Владимир Мономах отдал сыну своему Георгию. Судьба, украсив ею на одну минуту Димитрия, не дала ему счастья носить ее. Итак, первый

государь русский, удостоившийся венчания ею, был Иоанн IV. С той минуты, как этот драгоценный знак достоинства царей возложен был на молодого государя, он уже сделался не только великим князем, как все предки его, но и царем России. Мысль об этом высоком звании, о важности обязанностей его, о присутствии Бога, принимающего обещание царей любить подданных, как детей своих,— все это вместе подействовало так сильно на пылкую душу Иоанна, что, выходя из церкви, он истинно желал сделать счастливыми всех своих подданных. Народ, восхищенный величественным видом первого царя своего, ласковыми взорами его, надеждою на будущее счастье, с восторгом бросился к царскому месту и оборвал с него всю золотую парчу. Каждому хотелось иметь хоть маленький лоскуток в память этого незабвенного дня.

Между тем еще за несколько недель до коронования знатные чиновники придворные посланы были во все области русские с указами государя о том, чтобы бояре и дворяне, имевшие дочерей-девиц, везли ко двору самых прекрасных из них. Вы, верно, удивляетесь, друзья мои, зачем нужно было при дворе такое собрание красавиц? А вот зачем: многие из старинных государей наших не хотели жениться на принцессах иностранных и, надеясь прожить счастливее со своей соотечественницей, выбирали невест из своих подданных. Для этого привозили из всех мест России молодых девиц, прекрасных собою, дочерей бояр и дворян знатных и незнатных, богатых и бедных,

и государь выбирал из них ту, которая более всех ему нравилась.

Но ни при одном из таких случаев не собиралось в Москве столько прекрасных, милых, добрых девушек, как в январе 1547 года, когда Иоанн вскоре после коронования хотел праздновать и свадьбу свою. С каждой из них приезжали родители, а часто и родственники, и поэтому вы, верно, воображаете, что в Москве было в это время очень шумно и весело? О, как же вы ошибаетесь! Все эти девицы, или, как тогда называли их, боярышни, не пользовались почти ни одним из тех невинных удовольствий, какие имеют теперь наши русские барышни. Все они проводили время в теремах* родительских, отделенных от той части дома, где отец или братья принимали гостей своих. Почти никогда не выходили они за порог своих комнат, и к тому же их не учили никаким приятным искусствам, которыми они могли бы развлечь скуку своего уединения. Они не только не умели рисовать или играть на каком-нибудь инструменте, но даже не имели понятия о простом чтении и письме, в которых у нас теперь иные пятилетние девочки бывают искусны.

-
- *Теремом назывались у предков наших отдельные комнаты для девиц, обыкновенно находившиеся в верхней части здания.*
-

Красавицам, привезенным ко двору молодого царя Иоанна Васильевича, и в Москве не было веселее, тем более что слухи о строгом, сердитом и даже жестоком нраве жениха так пугали бедняжек, что и самые честолюбивые не очень желали быть избранными. Другие же, более скромные, даже боялись этого выбора и едва поднимали прекрасные глаза свои, когда молодой государь смотрел на них. Но как обыкновенно скромность нравится более всего в девице, то и Иоанн выбрал из всех красавиц самую скромную и оттого самую прелестную — Анастасию, дочь небогатой вдовы Захарьиной. Покойный отец невесты Роман Юрьевич был окольным, а дедушка — боярином при Иоанне III. Предки их происходили от одного прусского князя, выехавшего в Россию с двумя сыновьями и крестившегося в греческую веру в 1287 году. Не забудьте этого Романа Юрьевича, милые дети: от него произойдет впоследствии поколение Романовых — царствующего дома России.

Итак, Анастасия была дочерью знаменитого родоначальника царей наших. Все историки того времени с восторгом говорят о прекрасных качествах души и сердца этой первой царицы русской. Благочестие, ум, чувствительность, неизъяснимая кротость — все соединялось в прелестной супруге Иоанна Васильевича. Глядя на ее милое, привлекательное лицо, на ее небесные взоры, можно было подумать, что молитвы доброго народа услышаны и прекрасный ангел рая послан на землю превратить грубое, суровое сердце Иоанна в нежное

и сострадательное. Жестокости Иоанна в самом деле уменьшились после женитьбы его, а через несколько месяцев и совсем кончились. Эта счастливая перемена была так удивительна, что читатели мои, верно, будут довольны, если я расскажу им, как она сделалась.

Иоанн и после коронования своего мало думал о царских обязанностях и, не любя заниматься делами, предоставлял все на волю Глинских, родственников и любимцев своих, которые, не заботясь о пользе народа, думали только о своей собственной и бессовестно притесняли всех, кто хотя в безделице противоречил им, так что народ возненавидел не только их, но даже всех их друзей и знакомых.

Случай показать эту ненависть вскоре представился. В Москве, состоявшей почти из одних деревянных домов, выстроенных безо всякого порядка и очень близко один к другому, часто бывали пожары. Они были ужасны в то время, когда еще не знали никаких пожарных снарядов. 1547 год был особенно несчастлив такими случаями. В два месяца произошли три страшных пожара. Все горело — и царские дворцы, и боярские палаты, и монастыри, и церкви! «Люди, теряя не только имение, но даже и родных, или раздавленных или сгоревших, выли, как дикие звери», — сказано в истории. И в этом горестном положении никто не утешал их: Иоанн и все первые вельможи уехали в село Воробьево недалеко от Москвы, и, будучи сами в безопасности, не думали о бедных жителях столицы. Недовольные решили

воспользоваться этим случаем. Главные неприятели были Глинские, и на них-то обратилась вся ненависть народа. Хитрецы, подстрекавшие простоллюдинов, выдумали глупую сказку, будто бы мать Глинских княгиня Анна вынимала сердца у мертвых, клала в воду, кропила ею все улицы, и оттого сделался пожар. Бояре и другие умные люди не верили такому вздору, но нарочно молчали, потому что и сами не любили Глинских и хотели, чтобы легкомысленный народ поверил и избавил всех от общих притеснителей. Так и случилось. Когда сказка разнеслась по городу, все встревожились и с шумом собрались на Кремлевской площади, требуя от бояр, чтобы им выдали всех Глинских. Один из них, князь Юрий, стоя тут же с боярами, услышал этот крик и хотел спрятаться в Успенской церкви, но не успел: народ ворвался в церковь вслед за ним и в безумной ярости своей совершил неслыханное злодеяние—убил в храме Божиим дядю государя! После этого страшный бунт, грабительство и убийство распространились по всему городу.

В эти ужасные минуты, когда и сам грозный, бесстрашный Иоанн встревожился в Воробьевом дворце своем и не знал, что делать, в царскую комнату его вошел какой-то простой священник. Лицо его было сурово, взоры строги. Держа в руках Священное Писание, он подошел безо всякого страха к Иоанну и пророческим голосом сказал, что Бог наказывает Москву за вины государя, не исполняющего своих обязанностей. Святая книга была раскрыта на том

самом месте, где описывались эти обязанности. Он дал прочесть их молодому царю, и все переменялось в Иоанне. В эту священную минуту исправления своего он почувствовал в полной мере все проступки свои, всю несправедливость, всю беспечность свою о народе, счастье которого зависело от него одного. Горькие слезы полились из глаз его, с жаром благодарил он добродетельного священника и не захотел расстаться с ним, чтобы иметь всегда рядом с собою советника и наставника в трудном деле правления государством. С того же дня священник, родина которого была Новгород, а имя Сильвестр, остался во дворце, и все пошло иначе.

У Иоанна был еще один любимец, прекрасный молодой человек Алексей Федорович Адашев, которого современники называли земным ангелом, так он был добр, умен, благороден. Вот эти два человека со дня исправления молодого государя сделались почти единственными советниками его. Прежде всего он усмирил бунтовщиков и помог всем бедным, потерпевшим от пожара; потом, чтобы еще более утвердиться в добрых намерениях своих, он несколько дней постился, каялся в грехах своих и наконец причастился Святых Тайн. Примирясь таким образом с Богом и совестью, этот великий государь хотел показать свое исправление не только перед Москвою, но и перед всей Россией, и для того велел созвать из всех городов избранных людей всех состояний. Они съехались, не зная, за каким делом призывает их государь в столицу, — и вот в одно воскресенье, после

обедни, Иоанн вышел из Кремля со всем духовенством, боярами и войском на большую площадь, где находилось возвышение, называемое Лобным местом. Вся площадь была покрыта народом, но все было тихо. Отслужили молебен. Тогда Иоанн обратился к митрополиту и сказал: «Святой владыко! Знаю твою любовь к отечеству. Помоги мне в моих добрых намерениях! Рано Бог лишил меня отца и матери, а вельможи не старались обо мне—своевольничали, отнимали моим именем у людей чины и богатство, притесняли народ, и никто не останавливал их. В жалком детстве своем я был как будто глух и нем: не слушал бедных и не защищал их. Судьи несправедливые! Вы делали, что хотели. Сколько слез, сколько крови от вас пролилось! Я не виноват в этой крови и слезах!» Здесь молодой царь поклонился на все стороны и продолжал: «Люди Божий и Богом нам данные! Умоляю вашу веру к нему и любовь к нам: будьте великодушны! Нельзя исправить прошедшего зла! Я могу только вперед спасти вас от притеснений. Забудьте, чего уж нет и не будет! Соединимся все любовью христианской. С этого дня я ваш судья и защитник!»

О, как сильно кроткие слова его восхитили всех русских! Они увидели счастливую перемену в сердце царя, увидели исполнение молитв своих и с радостными слезами обнимали и поздравляли друг друга с новым правлением. Оно с этого дня в самом деле сделалось новое: власть бояр кончилась, и государь начал управлять не по их воле, а по своей собственной.

Казачи. 1547—1552 годы

Вместе с нравом Иоанна переменилось и все его окружение. На Кремлевской площади уже не слышны были крики людей, бежавших от злых медведей, в комнатах дворца уже не раздавался хохот шутов, шутих и скоморохов, которых было там множество в то время, когда Иоанн занимался только забавами. Теперь занятия его были совсем другого рода: каждый час употреблял он на что-нибудь полезное, каждую минуту думал о том, чтобы вознаградить недостаток своего воспитания. Во время же отдыха от трудов наслаждением его были не прежние жестокие забавы, а приятное общество добродетельной и прелестной супруги и умного друга его Адашева. Благочестивая, кроткая, прекрасная душа первой утверждала молодого царя во всех добрых намерениях его и молилась о продолжении их, а проницательный, твердый, деятельный ум второго помогал ему открывать несправедливость и защищать слабых от притеснений сильных. Великие способности Иоанна Васильевича с каждым днем более и более удивляли подданных его. Несмотря на множество различных и трудных занятий, несмотря на чрезвычайную молодость свою, он принялся за дело, самое важное для государства, — законодательство. Вместе с умнейшими боярами

он рассмотрел все прежние законы великих князей и последнее «Уложение» Иоанна III и, дополнив его новыми постановлениями, издал в 1550 году книгу законов — «Судебник», или вторую «Русскую Правду».

Для лучшего образования юношества, готовящегося к духовному званию, государь приказал завести училища в Москве и других городах.

Он хотел просветить не только духовенство, но и весь народ свой, и для того поручил одному саксонцу, Шлитту, который жил в Москве, вывезти из немецкой земли разных ремесленников, художников, врачей, аптекарей, типографчиков и других искусных людей. Это намерение молодого государя не исполнилось: хотя Шлитт и отправился в Германию и уже набрал там 120 человек, но ливонские рыцари, боясь, что вместе с просвещением России могущество и сила ее еще более увеличатся, не допустили в Москву умных Немцев, а самого Шлитта посадили в темницу. Однако некоторые из них пробрались потом в Россию и были полезны для предков наших своими знаниями.

Ливонцы тем более боялись России, что в это время рыцари их уже не были теми храбрыми, неустрашимыми воинами, которым не раз удавалось побеждать предков наших. Уже не смея нападать на владения наши, они заключили в 1503 году перемирие с Россией на 50 лет. Во время такого продолжительного спокойствия ливонцы более занимались торговлей, от которой так разбогатели, так привыкли к приятностям жизни, к неге, к роскоши,

что рыцари и дворяне их ничего более не делали, как только строили себе великолепные замки и думали уже не о войне и ее опасностях, а о том, как бы им веселее пожить и попить в своих богатых поместьях. Они охотно откупались от всякой войны деньгами, чтобы только не расставаться со своими приятными забавами, и по этому читатели мои могут судить, что Иоанну IV нечего было опасаться Ливонии. Он досадовал на нее только за то, что она не пропустила к нам людей, для него нужных, и собирался жестоко наказать ее за такую дерзость. Но гораздо более тревожили его ханы крымские. Магмет-Гирей еще при Василии Иоанновиче имел намерение соединить три Батыева царства—Казань, Астрахань и Крым, или Тавриду,—в одно государство, и тогда бедные предки наши, может быть, опять подпали бы под власть татар, но Бог избавил Россию от этого нового несчастья, и хотя Магмет-Гирею удалось сделать" казанским царем брата своего Саип-Гирея, однако он сам вскоре убит был ногайским ханом Мамаем, а наследники его не имели столько ума и твердости, чтобы исполнить его намерение. Они вместе с казанцами только тревожили границы наши частыми набегами и разоряли жителей, но Иоанн Васильевич, имея храбрых воевод, умел усмирять их и даже мог уже думать о совершенном покорении этих беспокойных врагов. Опаснее всех казались ему казанцы, как самые близкие и самые хитрые соседи владений наших. Несколько раз уже молодой царь посылал войско для покорения этой области, но напрасно: крепость казанская, хотя

и деревянная, выдерживала все нападения и не сдавалась. Однако Иоанн Васильевич, как все умные и твердые люди, не боялся неудач: напротив, при каждой из них он увеличивал свои усилия и всегда думал, что рано или поздно они будут успешны. Так, возвращаясь из одного такого похода от стен казанских, он остановился в 30 верстах от них, у высокой горы, называвшейся Круглою. Подле нее текла река Свияга. С вершины этой горы открывался прекрасный вид во все стороны. Иоанн, любуясь красотой места, с восхищением вскричал: «Здесь будет город христианский! Стесним Казань: Бог отдаст ее нам в руки!» Молодой, но великий государь сказал это — и через несколько месяцев город Свияжск уже красовался на Круглей горе и, возвышаясь почти над самую Казанью, как будто гордился своей будущей над ней победой.

Построив эту новую крепость для защиты подданных своих от нападений казанцев, Иоанн IV через год построил еще две другие — от набегов крымских татар: город Михайлов на реке Проне, в Рязанской области, и Шатск на реке Цне, в нынешней Тамбовской губернии. Но главной защитой той части отечества нашего, которая лежала между Азовским и Каспийским морями, сделался в то время новый, храбрый и неустрашимый народ, о котором давно уже пора рассказать моим читателям.

Это были казаки, милые дети, казаки, которые так смелы на войне, так искусны в сражениях, так ловки

и проворны верхом на маленьких быстрых лошадях своих, казаки, которых все вы так любите. Как же, должно быть, приятно узнать о том, где и как они жили в старину, от кого произошли, всегда ли были такими, каковы они теперь. О, история их любопытна! Послушайте, друзья мои.

Каждый народ улучшается со временем, — так и казаки в начале своего существования при царе Иоанне Васильевиче далеки были от славных потомков своих, от того неустрашимого, от того всегда неизменного государю и отечеству Войска Донского, которым мы гордимся теперь перед всею Европой. Поверите ли вы, что первые казаки были беглецы, оставившие свою родину Россию и жившие всякими несправедливостями? Защищая своих любимцев, читатели мои, уже знающие римскую историю, верно, скажут, что и римляне были такого же происхождения и сделались потом первым народом в свете. Точно, вы правы, милые дети, происхождение никогда не может уменьшить цену хороших качеств человека и тем менее может вредить нашим добрым донским соотечественникам, что они не сами начали такой образ жизни, а только подражали тому народу, к которому удалились, оставив отечество.

Этот народ были *черные клобуки*, которых князья русские во время прежних ссор своих часто нанимали, чтобы вести войну друг с другом. Они были славные наездники, охотники драться и грабить и за деньги с радостью решались на всякие опасности. Их называли

также казаками*. Они жили в низовьях Днепра и Днестра. В то время когда татары безо всякой жалости разоряли Россию, многие из предков наших, живших в южных областях, и особенно малороссияне, лишенные жестокими варварами своих родственников, а часто и всего имущества, оставляли бедное отечество и уходили плакать о своих несчастиях к казакам, которые ласково принимали их, давали лошадей, оружие, учили своему удалству и наездничеству, называли своими братьями-казаками. Несчастные, потеряв все, что было для них мило, ненавидя татар, радовались случаю мстить им, охотно исполняли все приказания казаков, гордились этим именем и с того времени не называли себя иначе. Приятный климат, прекрасные места, изобилие и свобода во всем увеличивали с каждым годом число беглецов, так что через 200 лет они совсем смешались с *черными клобуками* и составляли один народ, уже называвшийся только казаками. Владения их дошли до Азовского моря. Казаки, жившие на берегах его, назывались азовскими, а первые, жившие около Днепра и Днестра, — запорожскими, а потом — украинскими. Были также казаки ординские: их называли так потому, что они состояли по большей части из татар или беглецов из Орды. Все эти различные казаки управлялись атаманами, которых сами выбирали. Главные качества их, которыми они любили хвалиться, были удалство и удивительная храбрость. Они так бесстрашно нападали на своих неприятелей, так ловко защищались, так проворно скрывались от них,

что предки наши не могли надивиться их искусству и часто нанимали их на службу, а потом заводили и у себя в пограничных городах такие же полки и называли их казачьими.

- *Имя казаков происходит от касого — народа, жившего около Черного моря. Читатели мои, конечно, помнят, что еще Святослав I победил их. Слово «казак» значит: легковооруженный конный воин.*
-

В 1480 году азовские казаки оказали важную услугу нашему отечеству: 16 тысяч их было с тюменским князем Иваком в то время, когда он победил последнего хана Золотой Орды Ахмата, после которого Россия уже не была более данницею татар. Но азовские и ординские казаки существовали только до 1500 года: состоя более из беглецов татарских, они, вероятно, разошлись по домам или пристали к скитающимся калмыкам. Как бы то ни было, только история с тех пор уже ничего не говорит о них, но зато очень много — о казаках, поселившихся около 1500 года на берегах реки Дон и оттого названных донскими. Эти все уже были русские выходцы и беглецы, исповедовали одну с нами веру, говорили одним с нами языком, имели одни с нами обычаи. Итак, о них как о самых близких к нам по происхождению мы поговорим несколько подробнее.

Они жили по правому берегу Дона, от устья реки Аксай до границ нынешней Воронежской губернии. Маленькие городки их были разбросаны в глуши лесов и между болот и состояли из шалашей и землянок, вовсе некрасивых, потому что казаки не заботились об этой красоте для того, как говорили их прадеды, чтобы глаз неприятельский не любовался ими и чтобы можно было без сожаления оставить их во время сильного нападения врагов.

Главный город их был Раздоры, а потом Черкасск. Сюда собирались они из всех городков своих на совет, который назывался у них не вече, как у новгородцев, а круг. На этом кругу решались все дела общественные, и тут каждый год народ выбирал атаманов и старшин своих. Надобно сказать вам, милые дети, что своевольство казаков было гораздо хуже новгородского; они не признавали над собой никакого государя, и только когда короли польские начали притеснять всех запорожских и литовских казаков, донские назвались подданными Иоанна IV. Но они желали только покровительства его, не думая повиноваться ему в полной мере. Только одно приказание Иоанна Васильевича исполняли они всегда в точности: приказание защищать границы его государства от татар крымских, ногайских и других варваров, еще бродивших около южных областей наших.

Видя, как усердно казаки подстерегали неприятелей, как искусно и храбро били и прогоняли их, Иоанн IV

был доволен ими, ничего более не требовал и даже не наказывал их за беспрестанные своевольства.

Таковы были донские казаки в начале царствования Иоанна Васильевича. Так мы их оставим теперь сторожить границы наши, а сами поспешим в Москву: там молодой государь собирается на какое-то важное дело.

Покорение царства

Казанского. 1552 год

Положась на храбрость казаков, Иоанн не беспокоился о южных областях своих. Швеция и Ливония также не были страшны: они ничего более не желали, как свободной торговли с Россией. Польским королем был уже не беспокойный Сигизмунд, умерший в 1548 году, а сын его Август, который занимался более забавами, нежели государственными делами. Одни казанцы беспрестанно нападали на наши области. Всегдашняя ненависть их к русским сделалась еще сильнее с тех пор, как Казанью владели крымские

ханы. Саип-Гирей после смерти брата своего Магмета уехал управлять Крымом, а в Казани оставил племянника своего Сафа-Гирея; законный же царь казанцев Шиг-Алей, изгнанный народом своим, жил в Москве под покровительством государя русского. Несколько раз Иоанн возвращал ему потерянный престол, но вскоре он опять лишался его. Казанцы не любили Шиг-Алея за то, что он признавал власть России над Казанью и был всегда верен Иоанну.

В 1549 году умер Сафа-Гирей. Наследником остался двухлетний сын его Утемиш-Гирей, правительницей Казани во время его малолетства — мать его, прекрасная царица Сююмбике, или Сумбека. Глядя на эту молодую женщину, совсем не привыкшую к делам государственным, и на маленького Утемиш-Гирея, еще не умевшего говорить, многие из вельмож казанских боялись за отечество свое и послали к крымскому хану просить защиты против царя русского. Другие, приверженные законному государю своему Шиг-Алею, звали его на престол казанский и клялись в вечной верности ему и России. Вы можете представить себе, милые дети, какая суматоха была тогда в Казани! Каждый делал что хотел, и огорченная Сумбека часто плакала, не зная, как справиться со своими непокорными подданными.

Между тем Иоанн Васильевич спешил воспользоваться таким состоянием врагов, более ста лет разорявших подданных его своими набегами, и с лучшим воинством и царем Шиг-Алеем пошел сам

к Казани. Это был тот самый поход, во время которого построен был город Свияжск. Полудикие народы— чуваша, мордва, черемисы, жившие в окрестностях его и бывшие данниками казанцев,— так удивились неожиданному появлению этого прекрасного города на высокой горе своей, так поражены были волшебной— по мнению их— силой того, кто мог сделать вто, что сами послали своих знатных людей к Иоанну и просили его взять их в подданство к себе.

Умный государь предвидел большую пользу от новых подданных: отделяясь от Казани, они уменьшали силы ее и увеличивали его собственные, и потому Иоанн принял их благосклонно, осыпал милостями и подарками и не обманулся в своих ожиданиях. Казанцы, потеряв помощь столь многих данников, сделались гораздо сговорчивее и скоро согласились на все требования государя русского: признали царем своим Шиг-Алея и отправили в Москву прекрасную Сумбеку и сына ее. Хотя потомки ханов крымских беззаконно владели казанским престолом, жалко было смотреть, как эта бедная государыня, еще так недавно гордившаяся своей славой и красотой, а теперь слабая и печальная, отправлялась пленницей в столицу русскую. Тихо ехала она в колеснице до роки Казанки, где стояла богатая лодка. За дою постуны несли на руках маленького Утемиш-Гирея, который, ничего не понимая, радовался новой прогулке и весело улыбался. Бывшая царица, садясь в лодку, печально поклонилась народу, провожавшему ее, и навсегда простилась с ним.

Между тем беспокойные казанцы недолго были довольны новым царем, хотя, правду сказать, и сам Шиг-Алей был виноват: он обходился с ними слишком жестоко и тем заставил всех возненавидеть себя до того, что через несколько месяцев приехали в Москву послы казанские и объявили Иоанну Васильевичу, что Казань умоляет его избавить ее от Шиг-Алея и дать только наместника московского, которому она будет повиноваться охотнее, нежели жестокому царю своему.

Иоанн еще раз милостиво выслушал казанцев, еще раз исполнил просьбу их: убедил Шиг-Алея выехать из Казани и сделать наместником князя Микулинского. Покорение беспокойного царства казалось уже несомненным, но, прежде нежели князь Микулинский успел доехать туда, Казань еще раз изменила. На эту — уже последнюю — измену склонил ее опять крымский хан, но уже не Саип-Гирей, недавно умерший, а племянник его — Девлет-Гирей. Он обещал турецкому султану, начинавшему бояться могущества России, спасти Казань и поддержать прежнюю славу Татарского царства. Сделав казанским царем астраханского царевича Эдигера, Девлет-Гирей отправил его туда, а сам, зная, что Иоанн занят теперь одной только Казанью и что даже большая часть казаков находится там, решил напасть на русские области.

Но благоразумие, храбрость и более всего вера Иоанна спасли Россию! Надеясь на Бога, помогающего справедливости, он принял сам начальство над войском, несмотря на слезы царицы Анастасии и всего народа,

которые умоляли его беречь драгоценную жизнь свою и остаться в Москве. Утешая плачущих и обнимая нежную супругу свою, он показал такую твердость, какой нельзя было ожидать от его молодости. Глядя на его веселое, мужественное лицо, все самые слабые люди ободрились и с какою-то надеждой простились с ним 16 июня 1552 года. Эта надежда была не напрасна: не прошло месяца, и крымский хан бежал из России скорее, нежели пришел туда, а победитель его уже отправился в поход на казанцев. Однако покорение этого мятежного народа дорого стоило русским, несмотря на то что они имели гораздо больше познаний в военном искусстве, нежели казанцы: здесь в истории нашей в первый раз говорится о подкопах, с помощью которых русские взрывали стены и башни казанские и которые помогли им наконец ворваться в город и одержать совершенную победу.

Предки наши очень гордились этой победой и имели на то полное право, потому что казанцы, решившись скорее умереть, нежели покориться, сражались так отчаянно, что осада Казани, несмотря на все убеждения Иоанна Васильевича, на все мирные предложения его, продолжалась с августа до 1 октября. В этот день сделан был решительный приступ, взорвано несколько новых подкопов, и после геройства, почти невероятного с обеих сторон, гордая Казань наконец сдалась русскому войску, начальником которого был знаменитый князь Воротынский, и назвала государем своим Иоанна Васильевича. Но жители ее, прежде нежели решились на это, сделали все, что только подавало им малейшую

надежду к спасению своего царства: они поджигали свои дома, сражались даже посреди города, на улицах, и наконец царь их Эдигер с остальными казанцами еще около часа защищался в укрепленном царском дворце. Но храбрость русских победила все. Не гордясь своею победою, они приписывали ее святой помощи Бога, и благочестивый государь, войдя в пылавший город, прежде всего принес благодарность небесному помощнику своему и отслужил молебен у главных городских ворот, называвшихся царскими, поставил на этом месте крест и назначил быть там первой церкви христианской. Тут же, после молебна, представили ему бывшего царя казанского Эдигера. Иоанн принял его с кротостью и, видя, что он раскаивается в своем упрямстве и даже желает креститься в веру христианскую, не упрекал его ни в чем. Впрочем, молодой государь был так счастлив славной победой своей, так радовался покорению знаменитого царства, так утешался мыслью, что подданные его навсегда избавились от нападений жестоких казанцев, что ему не хотелось ни на кого сердиться: он был ласков ко всем, благодарил за храбрость и знатных воевод, и простых воинов, утешал раненых, плакал об убитых, заботился даже о врагах, хвалил их мужество и так обходился с побежденными, что разбежавшиеся жители Казани на другой же день возвратились в дома свои и сделались верными подданными его. Устроив новый порядок в Казани, сделав наместником князя Александра Горбатого-Шуйского, а товарищем его — князя Серебряного и оставив у них около 5 тысяч

войска, Иоанн Васильевич отправился 11 октября в Москву. Нельзя описать, с какой радостью встречали его по всей дороге! Молодой, двадцатидвухлетний победитель народа жестокого и отчаянно храброго, 115 лет разорявшего Россию, казался всем человеком неземным, казался ангелом, посланным от Бога вознести отечество наше выше всех других государств. Мы, привыкшие видеть русских победителями во всех войнах, какие случались в наше время, мы, уже соединившие с именем русского мысль о военной славе, мы не можем понять всей радости, какую чувствовали предки наши, услышав о победе Иоанна! Это был какой-то неизъяснимый восторг, о котором все историки говорят, как поэты.

В то самое время, как Москва готовилась встретить государя, судьба, казалось, хотела дать ему почувствовать все. счастье, возможное для человека: у него родился первый сын и наследник — царевич Димитрий. Эта новая радость восхитила сердце Иоанна: он не знал, как благодарить Бога за все милости, ему посылаемые. Чувствуя всю великость их, он со слезами на глазах подъезжал к столице и еще за шесть верст от нее встречен был народом, который теснился около его лошади, целовал его ноги, руки и беспрестанно кричал: «Многие лета царю благочестивому, победителю варваров, избавителю христиан!» Ласково кланяясь на все стороны, государь едва мог проехать сквозь тесные ряды народа. Отслушав молебен в Успенском соборе, Иоанн поспешил во дворец. Здесь-то, обнимая супругу и сына, слушая поздравления

окружавших его вельмож, видя искреннюю любовь народа, толпившегося с радостными криками на дворцовой площади, молодой герой почувствовал всю цену счастья, каким Бог наградил твердое намерение его исправиться, и благословил минуту своей чудесной перемены. Ах, если бы он навсегда остался тем, чем был в это незабвенное время! Тогда Россия назвала бы его не Грозным, а Великим Иоанном!

Слава Иоанна IV и кончина

Анастасии. 1552—1560 годы

После казанской победы много было праздников при дворе, но самым лучшим было крещение царевича-наследника и двух бывших царей казанских — Эдигера и маленького Утемиш-Гирея. Первый, названный Симеоном, жил потом в Кремле, имел много бояр, служивших при нем, и женился на дочери одного знатного чиновника — Кутузова. Сохранив до смерти имя царя казанского, он совершенно забыл прежнее свое царство и всю жизнь был верным подданным России. Что же касается маленького Утемиш-Гирея,

которого в крещении назвали Александром, то государь взял его к себе во дворец и заботился о нем, как о сыне.

Еще жители московские не успели наговориться о покорении Казани, еще не успели нарадоваться славе молодого царя своего, как вдруг разнеслась ужасная весть об его опасной болезни: Иоанн занемог сильной горячкой. Все встревожились, все с отчаянием говорили: «Видно, грехи наши страшно велики, если Бог отнимает у нас такого государя!» Это отчаяние было общее, начиная от дворца до самых бедных жилищ: все одинаково любили Иоанна — доброго, великого, обещавшего так много славы народу своему!

Пока это новое несчастье заставляет плакать всю Москву, посмотрим, что делается в Кремлевском дворце, и особенно в опочивальне государя. О, там была еще сильнейшая горесть: там плакала царица о супруге, нежно любимом, там плакали бояре о славе и величии России, которые должны были погаснуть вместе с жизнью Иоанна. Но не все из них были заняты этой мыслью, и, когда умирающий Иоанн объявил наследником сына своего — малютку Димитрия и приказал знатнейшим чиновникам присягнуть ему, не все согласились на это. Многие из бояр начали шуметь, спорить, говорили, что они не намерены опять подвергнуться тем несчастьям, какие уже испытали во время малолетства Иоанна, и хотели по смерти его сделать государем своим не родного брата его Юрия, слабого умом и памятью, а двоюродного — Владимира Андреевича, имевшего много блестящих достоинств.

Вообразите себе, милые читатели, ужасное положение Иоанна Васильевича как царя и отца! Несмотря на всю жестокость болезни, он был в полной памяти и слышал весь этот спор. И без того невыразимо грустно было для него расставаться с жизнью, оставлять столько радостей, столько счастья, столько славы. Оставлять прекрасную, добродетельную супругу, шестимесячного сына, добрый народ, так искренно простивший ему прежние пороки и так нежно любивший его... Все это, живо представляясь Иоанну, мучило его жестокой тоской, и в это самое время он услышал спор бояр, отвергавших сына его. Он был слишком слаб, — чтобы остановить их, а нечувствительные, забыв об умирающем государе, шумели в самой спальне его. В числе их Иоанн с новою горестью увидел и окольного Федора Адашева — отца любимца его Алексея, и духовника своего Сильвестра.

Но Бог, вероятно, хотел только испытать этой болезнью твердость молодого государя: к радости всех, он выздоровел, и хотя в нем осталось неприятное воспоминание о том, что люди, самые приближенные к нему, не хотели назвать царем сына его, но великая от природы душа Иоанна простила вину их. Может быть, и само воспоминание об этом жестоком оскорблении со временем совершенно изгладилось бы из его сердца, если б не следующий случай.

Государь, желая показать пламенную благодарность свою Богу, ездил после выздоровления вместе

с супругой и даже маленьким царевичем в белозерский Кириллов монастырь* и там виделся с бывшим епископом Вассианом, который пользовался некогда большой милостью великого князя Василия IV, но потом, в правление бояр, был сослан за хитрости и жестокость. С того времени он ненавидел бояр и, несмотря на старость свою, искал случая навредить им. Как же он обрадовался, когда государь приехал в тот монастырь, где он жил, а еще более — когда пришел к нему в келью, начал милостиво разговаривать с ним о том времени, когда Вассиан был еще при дворе, и, уважая в нем любимца отца своего, просил у него совета, как лучше управлять государством! Хитрый старик воспользовался этой минутой и этим вопросом и со злой радостью сказал молодому царю: «Если хочешь быть настоящим государем, то не имей советников умнее себя: ты должен учить, а не учиться, повелевать, а не слушаться, тогда будешь тверд на царстве и вельможи будут бояться тебя!»

-
- *Этот монастырь и ныне существует. Он находится в Новгородской губернии, возле озера Одольского, в 36 верстах от Белого озера.*

Такой совет соответствовал тогдашнему расположению духа Иоанна, которому еще живо представлялась дерзость бояр во время его болезни. С чувством благодарности поцеловал он руку бывшего

епископа и вскричал: «Сам отец мой не дал бы мне лучшего совета!»

С этой минуты искра неудовольствия, таившаяся в сердце государя, начала разгораться и произвела впоследствии все пороки его и все несчастья России. Да, милые читатели, много значит одно слово злого человека, часто его бывает довольно, чтобы испортить десять добрых сердец! Берегитесь же злых людей, никогда не слушайте советов их и помните несчастный пример Иоанна!

Возвратясь из путешествия, Иоанн с прежним усердием занялся делами государственными, и, хотя в душе его скрывалось теперь больше неудовольствия на бояр, он ни одним словом, ни одним взглядом не показал его. Впрочем, ему и времени не было думать о них: неугомонные жители царства Казанского, несмотря на то что были уже подданными России, часто затевали новые беспокойства, так что русские еще около пяти лет не могли быть совершенно уверены в их покорности. После этого многие из них начали креститься в веру христианскую, которая смягчала нравы их, другие же усмирены были казаками и стрельцами*, жившими по приказанию Иоанна в крепостях и городах казанских.

-
- *Иоанн IV, улучшая войско наше, завел стрельцов. Это были пехотные полки, которые составлялись из сельских жителей и вооружались пищалями.*

Пицаль — старинное ружье, ставившееся для прицеливания на сошке. Стрельцы составляли бессменное войско, жившее обыкновенно в городах и употреблявшееся чаще всего для осады крепостей.

В 1557 году слава Иоанна увеличилась покорением нового царства — Астрахани. Город Астрахань, построенный в устье Волги и называвшейся прежде Астороканью, существовал еще в начале государства Русского. В нем жили прежде хозары, потом аланы, наконец, после разорения Золотой Орды, Асторокань была столицей татарских ханов — одноплеменников ногайских князей. Эти ханы никогда не были сильными владетелями и, спасаясь от притеснения черкесов и крымцев, часто прибегали к покровительству России, и последний из них, Дербыш, обязанный сохранением престола Иоанну IV, в минуту искренней благодарности своей к благодеяниям его поклялся вместе со всем народом повиноваться русскому царю как своему верховному государю. Но, прежде нежели отборное войско, посланное к нему на помощь от Иоанна, успело удалиться, Дербыш изменил своей клятве и переметнулся к крымскому хану Девлет-Гирею. Подданные его, уже испытавшие разницу между благодетельным покровительством России и дерзкими поступками крымцев, очень недовольны были изменой своего государя и обрадовались, когда храбрые стрельцы и казаки совершенно разбили его и заставили

бежать в Азов. Тогда они все дали новую присягу России и навсегда остались ее верными подданными.

Наша нынешняя Астрахань построена в нескольких верстах от старинной Асторокани. Даже камни на построение некоторых домов нового города брали из развалин старого. Астрахань славится теперь большими плодоносными садами и богатейшими рыбными ловлями. Во время же Иоанна IV приезжали туда торговать купцы из Шамахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы. Жители многих из этих земель хотели так же, как и астраханцы, быть в подданстве России. Иоанн ласково принимал их и своими умными, благодетельными распоряжениями доставлял столько счастья новым подданным своим, что слух о славе его достиг отдаленных стран Сибири.

Сибирь не была еще тогда той обширною землей, пространству и непроходимым лесам которой вы удивляетесь теперь, милые друзья, глядя во время урока географии на карту Азии. Нет, тогда известна была под именем Сибири только средняя часть нынешней Тобольской губернии. Ею управляли князья монгольские, потомки Батыева брата Шибана. Русские ничего более не знали об этой Сибири, но после покорения царств Казанского и Астраханского приехали в Москву к царю два посла от князя сибирского Эдигера с поздравлением по случаю победы и с просьбой защитить его от других князей татарских, разорявших его землю. Эдигер обещал платить за это дань — по соболю и по белке с каждого человека в год. По его

словам, в Сибири было 39700 жителей. Вот как возвысилась Россия в царствование Иоанна IV! Кто бы из предков наших, с таким страхом отправлявшихся на суд в Золотую Орду, поверил, что настанет время, когда потомки жестоких и гордых притеснителей их будут искать чести быть подданными царей русских! Но не думайте, друзья мои, что только одни необразованные татары показывали такое уважение к Иоанну. Нет, слава о нем долетела даже до Англии, не имевшей прежде никакого понятия об отечестве нашем. В августе 1553 года в Двинский залив Белого моря вошел английский корабль и пристал к берегу, где был монастырь Святого Николая и где потом построили город Архангельск. Русские рыбаки, увидевшие в первый раз большой корабль, испугались и хотели уплыть в лодке своей подальше от невиданного чуда, но капитан корабля Ченселер остановил их и сказал, что он приехал из Англии с письмами к государю их от своего короля, который желает завести с русскими торговлю. Начальники Двинской земли тотчас дали знать об этом Иоанну, который, понимая, как выгодна может быть для народа его торговля с англичанами, уже и тогда славившимися своими морскими путешествиями и богатым купечеством, приказал послу английскому приехать в Москву и принял его и всех бывших с ним англичан так милостиво и так ласково, что они не могли без особенного чувства благодарности писать о том в Лондон, и с того времени и торговые сношения русских с англичанами, и дружеские отношения

государей их продолжались во все время царствования Иоанна.

Но, высокоуважаемый и самыми отдаленными владетелями, он не находил такого расположения в близких соседях своих и беспрестанно должен был бояться нападений то шведского короля Густава Вазы, то польского — Августа, то крымского хана Девлет-Гирея. Все они боялись возрастающего могущества России и старались всеми силами вредить ей. Густава Вазу, который был тогда уже очень стар, скоро усмиряли храбрые полки русские; крымского хана прогоняли от границ наших стрельцы и в особенности днепровские, или литовские, казаки, перешедшие тогда в подданство России с атаманом своим князем Вишневецким. Что же касается польского и литовского короля Августа, то главной причиной несогласий его с русским царем была Ливония. Иоанн жестоко мстил ей за то, что она, стараясь помешать просвещению России, не пропускала в нее выписанных им ученых и художников. К тому же он считал Ливонию землей, давно принадлежавшей России, потому что еще великий князь Георгий, или Юрий, Владимирович Долгорукий завоевал ее и в 1030 году основал в ней город, названный по его имени Юрьевом, а потом Дерптом, построил там церкви греческие и наложил дань на всю землю, которая с того времени считалась русской и только в 1210 году отнята была у нас ливонскими рыцарями.

Иоанн IV, помня все это и еще более помня последнюю дерзость ливонцев, непременно решился возвратить России прежние владения ее и уже взял Нарву, Нейшлос, Адеж, Нейгауз, Дерпт и много других городов, а король польский, желая не менее ливонцев вредить русским, уговаривал рыцарей не терять бодрости и с радостью обещал им свою помощь и покровительство, когда магистр Ливонского ордена со всеми рыцарями и дворянством присягнул ему в верности и просил защиты против Иоанна. Ливонцы хотели лучше зависеть от Польши, нежели от России. После этого надобно было ожидать настоящей войны с Литвой и Польшей; Ливонская же продолжалась уже два года, и все это время войско русское не переставало побеждать. Из воевод Иоанновых всех более отличались в этой войне князя Андрей Курбский, Иван Мстиславский, Петр Шуйский, Василий Серебряный и Даниил Адашев, брат Алексея.

Несчастная Ливония почти вся была разорена и выжжена, слабые рыцари, несмотря на всю храбрость магистра своего, молодого Кетлера, везде уступали. Русские уже надеялись скоро поздравить друг друга с совершенным усмирением Ливонии и Польши, как вдруг разнеслась горестная весть о неожиданном несчастье и остановила надежду и победы их, остановила все радости народа, все мечты о счастье самого Иоанна. Эта ужасная весть была кончина Анастасии. В июле 1560 года она занемогла и — больная — испугалась пожара, случившегося в Москве. Испуг усилил болезнь, и, несмотря на все искусство

врачей, Анастасия скончалась 7 августа. Как описать вам, милые читатели, то, что происходило тогда в Москве? Государь был в отчаянии. Бояре и даже сам брат его князь Юрий Васильевич боялись утешать его, один митрополит иногда осмеливался подходить к нему и напоминать о том, что Христиания должен быть покорен Богу. Народ неутешно рыдал, бедные, идучи за гробом доброй благодетельницы своей, называли ее всеми нежнейшими именами и в глубокой, нелицемерной горести даже отказывались принимать милостыню. Одним словом, все как будто предчувствовали, что вместе с прекрасной душой Анастасии отлетят на небо и добродетели царя, и счастье народа его. Они угадали: слава Иоанна добродетельного кончилась с жизнью супруги его, и, оплакав первую, незабвенную царицу свою, предки наши приготовлялись к тем горьким слезам, которые проливали они потом от жестокостей уже не великого, но грозного, но страшного своими пороками Иоанна.

Опричники и слобода

Александровская. 1560—

1569 годы

Мы дошли теперь до ужасного места в истории нашей, милые читатели. До сих пор вы видели, что государи русские всегда любили народ свой, всегда заботились о нем с отеческой нежностью, и если в старину, во времена междоусобий, были в числе их князья жестокие, безжалостно разорявшие свои области, это были князья—враги между собою, которые мстили за сделанные им обиды и, примирясь друг с другом, старались вознаградить народ за несчастья, причиненные их несогласием. Но теперь бедные предки наши видели перед собой государя, который был жесток не к врагам, а к верным подданным своим, который с удовольствием мог смотреть на мучения умирающих, который иногда даже собственными руками отрезал в шутку уши у любимцев своих или убивал их за одно неосторожное слово. Вы пугаетесь, друзья мои, и, конечно, едва верите тому, что я рассказываю. Нам трудно поверить жестокостям прошлого времени, даже и предки наши, видевшие их собственными глазами, едва верили им и говорили, что они происходят не сердца царя, а по воле Божией, наказующей их за грехи. Эта мысль помогала им переносить без малейшего ропота страдания свои, а нам

поможет выслушать рассказ ужасных делах Иоанна IV, еще так недавно доброго и великого.

Вы помните совет, какой дал молодому государю старый епископ Вассиан. Этот совет причинил первое зло: он отдалил от сердца Иоанна тех людей, усердию и добродетелям которых он обязан был своею славой, — священника Сильвестра и Алексея Адашева. Возвратясь из Кириллова монастыря, он уже не любил их, но еще уважал их заслуги и при жизни ангела-хранителя своего — доброй Анастасии — еще мог удерживать дурные склонности и злые помышления свои. Но с тех пор как ее не стало, все переменялось: пылкая душа Иоанна, потеряв милое и единственное существо, имевшее власть над нею, увлекаемая льстецами, раздражаемая людьми злыми, пришла снова в то состояние, в каком была за тринадцать лет перед тем, и еще хуже: ожесточилась так, что Иоанна уже не могли умолить никакие просьбы, не могли смягчить никакие слезы. Как только государыня скончалась, враги Сильвестра и Адашева распустили слух, что она отравлена ими. Иоанн в безотрадной тоске по умершей поверил ложному слуху, не хотел выслушать оправданий обвиняемых и по решению несправедливого суда наказал их: Сильвестра сослал на дикий остров Белого моря, в монастырь Соловецкий, Адашева — в город Дерпт, где через два месяца этот добродетельный друг царя, названный в истории *красою века и человечества*, умер в темнице.

После этих двух первых жертв несправедливости Иоанна начались страдания друзей и приверженцев все они были или сосланы, или казнены Любимцами Иоанна сделались теперь люди, отличающиеся не благородством, не добротой души, а злостью, клеветой, низкими доносами; только они могли жить спокойно, добрые же бояре каждую минуту боялись смерти или опалы, т.е. гнева царского. Многие из них от страха уходили в Литву и Польшу. В числе таких изменников был, к сожалению всех русских, и знаменитый герой, участвовавший в завоеваниях Казани и Ливении, прежний любимец царя князь Андрей Курбский. Хотя он с чрезвычайной горестью решился на эту измену, но тем не менее она покрыла имя его вечным стыдом и заставила совесть его испытывать вечные мучения. С какой невыразимой грустью слушал он рассказы о верности других бояр Иоанна, как завидовал той твердости, с которой они, несмотря на все лестные предложения короля польского, не изменили чести и терпеливо переносили жестокость Иоанна как наказание, посланное им от Бога. Но это терпение и покорность не умилощивили жестокое сердце: довольно было одного подозрения, чтобы рассердить Иоанна, а он подозревал каждого! Все вельможи казались ему тайными злодеями, друзьями Курбского.

Находясь в таком беспокойном состоянии, выдумал он новое средство для своей безопасности. Послушайте, друзья мои, и подивитесь, до чего может дойти

человек — это прекраснее создание Божие, когда даст волю своим порокам.

В конце 1564 года Иоанн вдруг собрался ехать куда-то со всем своим семейством, приближенными, любимцами, со всем богатством и деньгами из дворцов и даже из церквей придворных. Бояре и народ с удивлением смотрели на этот таинственный отъезд и в страхе ожидали чего-нибудь чрезвычайного. Вскоре услышали, что царь со всем двором остановился в слободе Александровской*.

-
- *Теперь город Александров Владимирской губернии, в 156 верстах от Москвы. Слобода Александровская была любимым местом Исаи IV.*

Прошел месяц. Все было в прежней унылой тишине ожидания. Вдруг 3 января 1565 года митрополит получает письмо от государя. Иоанн описывал в нем беззакония бояр, разорявших Россию во время его малолетства, говорил, что дух их до сих пор не переменялся, что они все еще злодействуют, а если государь вздумает наказывать их, то митрополит и все духовенство вступаются за виновных. (Это правда, что служители Божий осмеливались иногда умолять грозного царя за несчастных, осужденных на казнь.) «И потому, — продолжал Иоанн, — не желая терпеть

ваших измен, мы от жалости сердца оставили государство и поехали, куда Бог покажет нам путь!»

Этого было довольно, чтобы встревожить весь народ, которому безначалие казалось страшнее всех жестокостей. «Государь оставляет нас! — кричали с горестью верные москвитяне. — Мы погибаем! Кто будет нашим защитником от чужеземцев? Кто будет начальником царства нашего?» И в эту минуту отчаяния все пороки, все злодейства Иоанна исчезли из глаз доброго народа: он видел в нем только царя своего и умолял митрополита умилоствовать Иоанна. Духовенство, бояре и все чиновники со слезами просили о том же и все в один голос говорили: «Пусть царь казнит своих злодеев, но царство без царя быть не может. Мы все едем за тобою бить челом государю и плакаться!»

Они исполнили это и в тот же день отправились в слободу Александровскую. Иоанн ожидал их: он знал народ свой, знал его пламенную, беспредельную привязанность к царям своим, и мнимое отречение от государства было только хитростью. Как будто против воли и только по просьбе митрополита согласился он опять быть государем России, но с тем условием, чтобы никто из духовенства никогда не вмешивался в дела его и не просил за виновных, которых он найдет достойными казни.

2 февраля царь въехал в Москву и на другой же день созвал к себе духовенство, бояр и знатнейших чиновников. Но как же удивились все, увидев Иоанна!

Наружность его, прежде привлекательная, так переменялась, что верные подданные едва узнавали его. Светлые, пронизательные, полные огня глаза были теперь мрачны и дики, все черты прежнего миловидного лица сделались безобразны, а на голове и в бороде не осталось почти ни одного волоса. И все это произошло оттого, что он беспрестанно предавался сильному гневу и жестокости!

Иоанн объявил собравшимся боярам, что он намерен для своей и государственной безопасности учредить новых телохранителей. Сначала никто не удивился этой новости, потому что все знали боязливость его с тех пор, как он перестал быть добродетельным, но когда выяснилось, какие это будут телохранители, все ужаснулись!

Иоанн объявил своею собственностью девятнадцать городов с разными волостями, выбрал 6 тысяч человек из князей, дворян и детей боярских и дал им поместья в этих городах, а тамошних владельцев перевел в другие места; в самой Москве взял себе также несколько улиц, откуда должны были выехать все не записанные в царские телохранители; назначил себе *особенных* чиновников для услуг: дворецкого, казначеев, ключников, даже поваров, хлебников и других ремесленников — и, не желая жить во дворце своих предков, приказал строить себе новый, за речкой Неглинной. Вот эта часть России и Москвы, эта шеститысячная дружина телохранителей, этот новый двор, не имевший другого начальника, кроме самого

царя, были названы *опричниной*, а все остальное, т.е. все государство, — *земщиной*, которую Иоанн поручил боярам *земским*, велел им решать все дела с прежними чиновниками, а в важных случаях относиться к нему.

Новые ужасы начались вместе с новым порядком в правлении и особенно вместе со страшной *опричниной*. В нее выбраны были молодые люди, отличные не достоинствами, а удалством и дерзкой готовностью на все. Царь взял с них присягу служить ему верой и правдой, доносить на изменников, не дружить с земскими, не водить с ними хлеба-соли, не знать отца и матери, знать одного государя. За такую совершенную преданность Иоанн отдал в жертву своим опричникам всю Россию: они делали все, что хотели, и были всегда правы в судах. Опричник мог безо всякого страха притеснять своего соседа, а если он пожалуется — брать пеню за бесчестье. После этого подумайте, милые читатели, чего не могли делать эти своевольные телохранители немилосердного Иоанна! Доносы их на людей земских, т.е. на всех, не принадлежавших к их ужасной дружине, были бесконечны, злодейства — бесчисленны, ненависть к ним всего народа — неопишима. Но они не огорчались этой ненавистью: чем сильнее ненавидели их, тем более доверия имел к ним Иоанн. Он дал им достойное отличие: опричники ездили всегда с собачьими головами и с метлами, привязанными к седлам в знак того, что они грызут злодеев царских и метут Россию. О, как радовались этому отличию бедные жители московские, проходившие по улицам!

По крайней мере, благодаря ему они с первого взгляда узнавали злодеев и спешили скрыться от них, так что иногда многолюдные прежде улицы столицы были пусты, как в каком-нибудь необитаемом городе. Уныние и пустота Москвы еще приметнее сделались с тех пор, как государь разлюбил ее и, не считая себя в безопасности даже в новом, крепком дворце своем, жил по большей части в слободе Александровской. С того времени она сделалась городом и украсилась каменными церквями, домами и лавками. Царь жил в палатах, обведенных ровом и валом. Здесь Иоанн проводил почти все время. Набожность его была так велика, что дворец походил на монастырь. Любимцев своих он называл монахами, себя — игумном; все они ходили в скуфейках и черных рясах, под которыми носили богатые, золотом шитые кафтаны с собольими опушками. В четыре часа утра Иоанн ходил на колокольню с первым любимцем и другом своим Малютой Скуратовым, благовестил к заутрене, потом сам же пел, читал и молился так усердно, что на лбу всегда оставались у него знаки земных поклонов. В восемь часов опять собирались к обедне, вечером — к вечерне.

В прекрасной трагедии Пушкина «Борис Годунов» есть рассказ одного старца-монаха о тогдашней жизни Иоанна:

Царь Иоанн искал успокоенья

В подобии монашеских трудов.

Его дворец, любимцев гордых полный,

Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумном богомольным.
Я видел здесь — вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил Бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел.
Он говорил игу мну и всей братье:
«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь алкающий спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергей, ты, Кирилл,
Вы все — обет примите мой духовный:
Прииду к вам, преступник окаянный,
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святой отец, припадши».
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася —
И плакал он. А мы в слезах молились,

Да ниспошлет Господь любовь и мир
Его душе, страдающей и бурной.

Но напрасно молились они: характер Иоанна не исправлялся. Может быть, в наше время искусство врачей открыло бы, что причиной необыкновенной жестокости его была какая-нибудь болезнь тела или расстройство души, слишком сильно пораженной невозвратной потерей нежно любимой супруги; но тогда не думали этого, тогда никто не воображал, чтобы сильная горесть могла иметь какое-нибудь чрезвычайное влияние на здоровье человека, и потому, вовсе не подозревая никакой болезни в Иоанне, предки наши присоединяли его к числу тех ужасных правителей, которых иногда Бог посылает для наказания народов и какими у римлян были Калигула и Нерон, у французов — Людовик XI. И римляне и французы ужасались имени этих государей, но не таково было чувство русских к Иоанну: когда победы храбрых войск его раздавались и в Ливонии, и в Литве, и в Крыму, когда умными распоряжениями его торговля русская цвела не только в Москве, Астрахани и Казани, но даже в Германии и Англии, когда он торжественно въезжал в Москву и с обыкновенным своим великолепием принимал знаменитых послов иностранных, когда они со всеми знаками глубочайшего уважения стояли перед ним и слушали остроумные разговоры его о важных делах государственных, — добрый народ забывал свои страдания, забывал слободу Александровскую со всеми

ее ужасами и, гордясь величием России, помнил только, что Иоанн — царь его! Это имя, священное для русских, производило в такие минуты свое чудесное действие над сердцами их: им казалось, что они любили Иоанна.

Слабость России. 1569—

1582 годы

Но величие России не могло быть продолжительно при таком государе и при таких происшествиях в государстве. Иоанн, истребляя иногда целые поколения князей и бояр, не щадил и тех из них, которые отличались великими заслугами своими в делах военных или гражданских: он казнил их наравне с обыкновенными преступниками, и оттого число умных и знаменитых советников царских беспреестанно уменьшалось, так что вскоре Иоанн остался почти один со своими недостойными любимцами, со своей ужасной дружиной опричников и со своими глупыми шутами и забавниками.

Враги, окружавшие Россию и с завистью смотревшие на ее могущество, обрадовались такой перемене и спешили воспользоваться ею. Тогда-то узнал жестокий Иоанн свою ошибку, тогда-то почувствовал он сам отвращение к ненавистным опричникам, лишившим его клеветами своими лучших вельмож и полководцев. Но напрасны были все сожаления его: сделанного переменить было невозможно. В первом пылу досады и гнева он уничтожил опричнину. Это случилось спустя семь лет после ее учреждения. Однако зло не поправилось: убитые князя Горбатый-Шуйский, Серебряный, Одоевский, Куракин не воскресли, а между тем враги нападали со всех сторон на бедное отечество наше.

Первым из них был крымский хан Девлет-Гирей. Набрав более ста тысяч войска, он неожиданно подошел к городу Серпухову, где находился сам Иоанн. Вместо того чтобы оказать решительное сопротивление, царь — уже не прежний мужественный, великий Иоанн, окруженный героями, а слабый, не надеявшийся не только на искусство, но даже и на усердие своих полководцев, — бежал в Коломну, потом в слободу Александровскую, наконец в Ярославль, а хан между тем пробрался ирямо в Москву и разорил и сжег ее так, что из всех зданий остался один Кремль. Девлет-Гирей не хотел осаждать его и на другой день, посмотрев с Воробьевых гор на опустошенную столицу, отправился назад, испугавшись ложного слуха, что многочисленное войско идет на помощь к русским. Так бедная Москва еще раз побывала в руках варваров!

Возвратившийся государь не скоро смог поправить ее разрушенные стены, населить ее опустевшие улицы. Прежде чем он успел заняться этим, новые враги уже спешили в Россию. Это были поляки. Но прежде чем мы будем говорить о них маленьким читателям, надобно узнать о главной причине ссор их с русскими — о земле Ливонской.

Вы, верно, не забыли, в какое жалкое положение привели победы Иоанна эту несчастную страну еще в 1560 году. С того времени русские не переставали разорять ее, и в 1561 году рыцари ливонские уже не существовали более: орден их уничтожился, и ливонцы признали государем своим польского короля Августа, который, получив в свое владение всю южную Ливонию, обещал не изменять ни веры, ни законов ее. Последний магистр — Кетлер, сложив с себя это достоинство, получил от короля звание наследственного герцога Курляндии. Прочие земли орденские разделились еще на три части: Нарва, Дерпт и все места, соседние с Россией, были завоеваны Иоанном; Гаррия, Ревель и половина Вирландии — шведами; Эзель принадлежал датскому принцу Магнусу. Все эти различные владетели беспрестанно ссорились между собой, желая вытеснить один другого.

Пока знаменитые полководцы Иоанна IV еще жили и начальствовали войском его, русские были везде победителями и города Ливонии один за другим покорялись оружию, но когда в 1577 году Иоанн казнил последнего из героев, прославившихся при взятии

Казани, — князя Михаила Воротынского, счастье, как будто желая справедливо наказать Иоанна, совершенно оставило его и войско русское, лучше нежели когда-нибудь устроенное, но под начальством новых, неискусных предводителей, забыло, как надо побеждать, и после каждого сражения должно было стыдиться то шведов, то поляков. Особенно последние славились в это время своими успехами и обязаны были этой славой новому, знаменитому в истории королю своему Стефану Баторию.

Еще в 1573 году умер слабый Сигизмунд-Август, не оставив после себя наследников. Поляки долго не знали, кого выбрать государем своим. Многие из них, чтобы обезопасить отечество свое от врагов, окружавших его, — турок и австрийцев, желали видеть на престоле своем сильного царя русского или одного из сыновей его и даже посылали для того вельмож своих в Москву. Другие, прослышав о жестокостях Иоанна, боялись быть под властью его и спорили со своими соотечественниками, приверженными России. Сам Иоанн, не предвидя больших для себя выгод от соединения России с Польшей, которой надобно было беспрестанно помогать в ее войнах с Турцией, Австрией и Крымом, не слишком желал быть королем поляков или сделать им своего сына и предложил послам такие затруднительные условия, что они безо всякого успеха возвратились в Варшаву. Тогда народ польский в угоду самому опасному из врагов своих — турецкому султану Селиму — избрал королем друга его — князя семиградского* Стефана Батория. Впрочем,

слух о достоинствах Стефана давно уже достиг Польши: все знали, что он получил свое княжество по выбору народа семиградского, который, удивляясь его уму, учености, красноречию, отличной храбрости, надеялся быть счастливым под его правлением— и не обманулся в своей надежде. Видя это, и поляки с радостью назвали его королем своим. Благодарный за такое доверие, Баторий спешил исполнить ожидания новых подданных своих и, зная, что более всего он может угодить им унижением России, обратил на нее свое внимание. Прежде всего он обещал полякам возвратить все области, некогда отнятые Россией у Польши и Литвы.

- *Великое княжество Семиградское называется теперь Трансильванией и составляет часть Венгерского королевства.*
-

Но для войны с Иоанном надобно было запастись союзниками. Баторий скоро нашел их в королях шведском и датском и в хане крымском. Кроме того, к нему пришли из Трансильвании и земли немецкой опытные наемные воины, прежде служившие ему; его уверяли в своем дружестве султан турецкий и сам Папа. Одним словом, все, казалось, соединилось на погибель отечества нашего, все угрожало ему нападением, и некому было думать о защите его, несмотря на то что 80 крепостей наших были наполнены воинами и всеми

нужными снарядами, что один, особенный царский полк насчитывал 40 тысяч дворян, детей боярских, стрельцов и казаков, что кроме русских готовы были сражаться за Россию и князья черкесские, шевкалские, мордовские, ногайские и царевицы и мурзы старинной Золотой Орды, Казанской и Астраханской.

Читая это, вы, верно, с трудом можете поверить, что при таком многочисленном войске некому было думать о защите отечества? Но, к несчастью, это была правда! Что значит самое пламенное усердие народа, если государь не ободряет его примером своим? Что значит самое храброе войско без храбрых и умных начальников? В таком случае и народ, и войско часто совсем погибают. Так едва не случилось и с Россией во время войны с Баторием. При известии о первых победах его Иоанн уже потерял бодрость, предоставил начальство над войском воеводам и сам не участвовал ни в одном сражении. В начале войны жил он некоторое время во Пскове, а потом уехал в слободу Александровскую и оттуда вот как писал главным воеводам: «Промышляйте делом государевым, как Всевышний вразумит вас и как лучше для безопасности России. Всю надежду мою возлагаю на Бога и на ваше усердие». Воеводы, видя несмелость царя, сами делались робкими, и, несмотря на храбрость, всегда неразлучную с русскими, города наши один за другим сдавались Баторию. Прежде всего он взял Полоцк, потом еще девять городов, в числе которых и Старую Руссу. В Ливонии войска Стефана опустошили все города, так недавно еще завоеванные

русскими, и Бог знает, до какого унижения доведено было бы отечество наше этой несчастной войной, если бы наконец гордость Батория не смирилась у стен древнего города Ольги—Пскова. Здесь были еще воеводы надежные, поклявшиеся умереть, но не сдаться неприятелю. Первыми из них были князья Шуйские—Иван Петрович и Василий Федорович Скопин-Шуйский. Они-то вместе с храбрыми псковитянами поддержали честь имени русского и спасли Россию от величайшей опасности: если бы Псков сдался, то Баторий взял бы Смоленск и всю землю Северскую, а может быть, даже и Новгород. Но они своею неустрашимостью остановили его посреди самых блестящих побед и после четырехмесячной осады заставили наконец согласиться на десятилетнее перемирие с Иоанном. Правда, условия этого перемирия были тягостны: русские должны были отказаться от всей Ливонии—и прежней, принадлежавшей еще старинным государям русским, и вновь завоеванной Иоанном—и уступить Польше Полоцк и Велиж, но зато Стефан возвратил нам все взятые им города Псковской области.

Русские успокоились, но еще были унылы: им грустно было видеть необыкновенную слабость своего милого отечества, им грустно было слушать рассказы о той горести, с которой русские отдавали родные города свои литовцам и полякам. Но вдруг новое несчастье превратило тихую печаль их в ужас и горькие слезы.

После смерти царицы Анастасии Иоанн Васильевич был несколько раз женат и имел многих детей, но более всех любил он Иоанна, старшего сына первой супруги своей. Никогда не разлучаясь с отцом, молодой царевич был во всем похож на него. Однако, несмотря на чрезвычайную жестокость своего нрава, он показывал иногда чувствительность к несчастьям отечества и во время последних переговоров о мире с Баторием, досадуя на уступчивость отца, просил, чтобы он послал его с войском изгнать неприятеля и освободить от стыда имя русское. Иоанн ужасно рассердился и закричал: «И ты вместе с боярами хочешь свергнуть меня с престола?» В жестоком гневе своем он даже ударил тростью по голове любимого сына. В ту же минуту несчастный царевич упал, обливаясь кровью, и через четыре дня, 19 ноября 1582 года, скончался.

Ужасно было отчаяние Иоанна! Никто не думал тогда, чтобы печальный государь, в немой горести сидевший над телом милого сына, был тот же грозный Иоанн, перед которым дрожали и подданные, и чужеземцы. Неумолимое сердце его готово было в то ужасное для него время прощать и миловать всех, готово было даже отдать собственную жизнь, чтобы только воскресить драгоценное дитя свое. Но ни раскаянье, ни слезы не помогали: надобно было покориться воле Божией! Иоанн чувствовал, что это ужасное несчастье послано на него с небес как страшное наказание за бесчисленные жестокости его, и был так глубоко поражен им, предавался такому

горестному отчаянию, что не только все добрые подданные, но даже и те, которые еще ненавидели его за вынесенные страдания, не могли без слез смотреть на его горесть. Иногда мучения совести внушали виновному Иоанну обеты покаяния, и тогда любимую мысль его было кончить жизнь в монастыре. Такая мысль казалась новым несчастьем для верного народа, еще так недавно испытавшего слабость своего отечества. Огорченная и встревоженная Россия давно уже не была в таком несчастном положении, но, благодаря Богу, оно было непродолжительно, и вскоре новое завоевание воскресило надежды ее и рассеяло несколько ужасную тоску царя.

Ермак, покоритель Сибири.

1582—1584 годы

Император наш, милые дети, в титуле своем называется также Государем Югорским, Обдорским и Кондийским. Но знаете ли вы, от чего произошли эти названия и где лежат эти Югорские, Обдорские и Кондийские земли? Верно, нет, потому что теперь их

так не зовут. Они лежат в богатой Сибири, которую еще предки наши, не имевшие понятия о ее драгоценных рудниках, называли *золотым дном* и из которой мы получаем теперь самые лучшие металлы, самые прекрасные камни и яшмы, самые дорогие меха — бобровые, собольи, куньи и лисьи.

Смелые новгородцы были первые из предков наших, решившиеся еще в XI веке переехать горы Уральские, отделяющие Сибирь от Европы. Смелость их была вознаграждена: полудикие жители стран зауральских, страшась незнакомых пришельцев, согласились платить им выгодную дань прекрасными мехами. Новгородцы назвали земли новых, данников своих Югорскими. Впоследствии купцы, ездившие торговать в богатую Югорскую землю, называли страны, лежавшие по берегам реки Оби, Обдorieй, по берегам Конды — Кондией. Но эти страны еще не принадлежали русским совершенно, хотя Иоанн IV уже назывался не только Государем Обдорским и Кондийским, но даже и Сибирским, с тех пор как Эдигер, князь сибирский, сам захотел быть его данником. Читатели мои, конечно, не забыли, что Эдигер сделал это не столько из уважения к славе государя русского, сколько из страха перед окружавшими его татарскими князьями, которые часто нападали на его владения. Но Эдигер ошибся в своих расчетах: отдаленность Сибири от Москвы помешала Иоанну вовремя оказать ему помощь, и, прежде нежели царь узнал об опасном положении своего нового данника, Эдигер уже был убит Кучумом, сыном киргизского хана. Счастливый

победитель завладел его столицей Искером* и назвался царем сибирским.

- *Город Искер назывался также и Сибирью и был построен на реке Иртыш, в 16 верстах от нынешнего Тобольска.*
-

Сначала Кучум, боясь гнева Иоанна и еще не уверенный в покорности новых подданных своих, признал над собою, как и Эдигер, верховную власть русского царя, но потом, утвердись в своих владениях, не только не хотел платить назначенной дани, но даже часто делал набеги на границы наши, и особенно на землю Пермскую, лежавшую ближе всех к его владениям. Иоанн, занятый в это время беспрестанными войнами, не мог послать ни одного отряда войск своих для усмирения дерзкого князя татарского. Но в богатой земле Пермской жило много русских семейств, занимавшихся выгодной торговлей с соседними народами. Самыми знаменитыми из них были Яков и Григорий Строгановы. Они отличались умом, богатством, усердием к государю, любовью к отечеству. Зная уважение и привязанность всех жителей страны Пермской к Строгановым, Иоанн избрал их быть защитниками границ наших и для того дал им много земель по рекам Каме, Сылве и Чусовой, позволил строить крепости, иметь свое войско, торговать двадцать лет без пошлин с бухарцами

и киргизами, — одним словом, Иоанн сделал Строгановых почти владетельными князьями, с тем условием только, чтобы они оберегали Россию от нападений сибирских татар на то время, пока войска его имеют дело с другими неприятелями.

Строгановы верно исполняли возложенную на них обязанность, но не могли справиться с Кучумом: полки их, набранные из вольных людей, были немногочисленны, потому что жители земли Пермской более любили заниматься торговлей, нежели войной. Строгановы решили где-нибудь в другом месте искать храбрых, неустрашимых воинов, с которыми можно было бы вернее исполнить желание царя и победить врагов его. Как вы думаете, друзья мои, где надеялись они найти таких воинов? Точно, вы угадали, у казаков! Эти ловкие наездники имели то, чего не было у пермских жителей: если они сами не вели ни с кем войны и никто из соседних государей не нанимал их сражаться за себя, то самые отважные и, можно сказать, самые дурные из них выезжали на большие дороги и там грабили и бились с проезжими. У них было в это время пять атаманов — Ермак Тимофеев, Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещеряк. Они делали так много зла, что уже вызвали гнев государя, а Иван Кольцо был даже осужден им на смерть. Строгановы сумели обратить на пользу отечества их отчаянную храбрость и дерзкое бесстрашие, необходимые для войны с жестокими варварами среди бесчисленных опасностей, какие могли встретиться войску в стране чужой и неизвестной.

Они думали сделать в одно время два добрых дела: доставить царю нужных людей и обратить на путь истинный преступников.

Усердие Строгановых имело полный успех: в ту самую минуту, как атаманы прочитали ласковое письмо их, мысль примириться с совестью и заслужить снова милость государя так тронула еще не совсем ожесточившиеся сердца пяти казаков, что они с радостью согласились на предложение Строгановых защищать христиан пермских от притеснений неверных.

Скоро собрали они дружину из 540 храбрых казаков и под начальством лучшего и смелейшего из них — Ермака весело поплыли по Волге к Строгановым. Как только бесстрашные донцы показали в разных местах границ русских, кончились набеги татар и они так присмирели, что уже через год и Строгановы, и Ермак могли думать о походе в землю Сибирскую, чтобы выгнать из нее хана Кучума. Как задумано, так и сделано. Строгановы кроме казаков набрали еще немецких и литовских пленников, обещая им именем государя свободу за верную службу, поручили все войско, состоявшее из 840 человек, храброму Ермаку и с молитвами проводили его 13 сентября 1581 года до берега реки Чусовой*. Здесь небольшой отборный отряд сел на легкие суда и отправился к горам Уральским искать смерти или славы и с нею — прощенья прежних проступков своих.

- *Река Чусовая протекает в Пермской губернии и впадает в реку Каму.*
-

В полной мере заслужили это прощение храбрые воины, почти все заплатившие жизнью за свою славу! Сколько трудностей они перенесли! До гор Уральских надобно было ехать водою, часто по узкой реке, между нависшими скалами, мотом перевезти сухим путем суда на другую сторону гор, до реки Журавли, протекавшей уже в Сибири. Прибавьте к тому, что, проезжая в местах неизвестных, они каждую минуту могли ожидать неприятелей, скрывавшихся в лесах, опасностей для судов от подводных камней в реках быстрых и незнакомых. Кроме того, не зная, далеко ли простирались земли Сибирского царства, они не могли быть уверены в том, что у них достанет припасов и что они не умрут от голода. Но храбрость и усердие все преодолели! С первыми шагами казаков за горами Уральскими начались победы их, несмотря на многочисленность неприятеля, у которого были и конница, и пехота. Правда, вооружены они были одними стрелами и копьями: татары еще не знали в то время пороха, и оттого Ермак с сотней воинов, стрелявших огнем, разгонял часто целые тысячи. Не прошло и двух месяцев похода их, как храбрый атаман, взяв все городки сибирские, мимо которых проходил, уже стоял 23 октября под стенами Искера, где находился сам Кучум, племянник его Маметкул и все главные силы их. Здесь мужество казаков

могло бы поколебаться, если бы они были не так храбры, потому что небольшое число их уменьшилось во время нескольких жарких сражений, которые они имели с татарами, но, дав слово смирить Кучума или смертью загладить вину свою перед государем, смелые атаманы вскричали: «Мы долго жили с худою славою — умрем же с доброю! Бог дает победу, кому хочет: нередко слабым мимо сильных. Да святится имя его!» Вся дружина, сказав в один голос: «Аминь, с нами Бог!» — пустилась к укреплениям татар. Битва была сильная, неприятели защищали столицу свою так отчаянно, что казаки едва успевали заряжать свои пищали. Но, к несчастью татар, главный начальник их Маметкул получил тяжелую рану и должен был оставить сражение. Войско его смешалось и побежало.

Надобно сказать читателям, что Кучум был слеп и не мог сам начальствовать войском, но во время битвы стоял на горе Чувашьей вместе с муллами* и молился Магомету о спасении своего царства. Услышав о бегстве полков своих и о том, что знамена христианские уже развеваются на стенах Искера, Кучум благодарил судьбу, что не видит этого, и убежал в степи Ишимские, где в разбросанных кочевьях своих соотечественников надеялся найти не только безопасность, но, может быть, и помощь.

* *Муллами называют татары своих священников.*

Сражение при Искере было кровопролитным. В нем погибло 107 храбрых казаков, но зато оно решило покорение почти всей Сибири, хотя после того и были еще неприятельские действия под начальством выздоровевшего Маметкула, но безо всякого успеха для татар, и наконец сам Маметкул попал в плен к Ермаку. Тогда жители Сибири, увидев окончательное падение царства своего, начали добровольно покоряться знаменитому победителю, который, благосклонно принимая присягу на подданство Иоанну IV князей смиренных улусов, был неумолим к непокорным. Таким образом, то ласкою, то грозою утвердил он в несколько месяцев власть государя русского над новым царством.

Чтобы дать вам, милые дети, некоторое понятие о числе мест, завоеванных бессмертным Ермаком, надобно назвать самые главные. Первыми добровольно согласившимися быть подданными Иоанна были два вогульских князя. Владения одного простирались по берегам Конды, другого — в окрестностях Тобола. Потом казаки завоевали несколько селений и юрт остяцких, города их Нарым, Назым и много других крепостей на берегах Оби. Здесь остановился Ермак и не захотел идти далее: природа в этих северных местах была так бедна, так сурова, так уныла, что не могла представить никакой приятности завоевателю. Вы можете судить, милые читатели мои, о суровости климата северной Сибири по тому, что даже березы, эти простые деревья, так хорошо растущие в наших странах, почитаются там редкостью и в 900 верстах от Тобольска есть маленький городок, построенный

спустя десять лет после покорения Сибири и названный Березовом, — на месте его была березовая роща, удивлявшая собою всех тамошних жителей. При всем том Березов — не самый северный город: в Сибири есть еще, 300 верстами далее его, — Обдорск. В этом городе не только берез нет, но даже и трава растет худо. Взгляните же на юг Сибири: там так тепло, что в простых садах жителей городка Семипалатинска растут не только все прекраснейшие цветы оранжерей наших, но даже дыни и арбузы, а трава так нежна и питательна и в таком изобилии покрывает землю, что стада круглый год пасутся на обширных лугах.

Но, оставив богатства природы в южной Сибири, возвратимся в северную, к Ермаку. Боясь потерять от жестоких морозов небольшой остаток своего храброго войска, он поспешил от границ нынешнего Березовского уезда возвратиться в Искер. Здесь первым делом счастливого победителя было отправить посольство в Москву и повергнуть к подножию престола государя всю славу своего завоевания и все раскаяние сердца, некогда виновного. Послом выбран был храбрейший из атаманов после Ермака — Иван Кольцо, а с ним несколько товарищей. Дорогой они заехали к Строгановым и вместе с ними отправились в Москву, где народ все еще пребывал в унынии после унижительного мира с Баторием. Какая же радость, какое веселье оживили сердца, когда все узнали о покорении нового царства, когда увидели послов Ермака, вошедших во дворец с богатыми дарами от своего предводителя: они привезли с собой

и дорогих соболей, и черных лисиц, и бобров! Все были в восхищении — и государь, и народ. Первый не знал, как наградить смелых казаков, осыпал милостями прежнего преступника Ивана Кольцо — одаривал и его, и всех приехавших с ним деньгами, сукнами, золотыми парчами, послал богатые дары и всем оставшимся в Сибири атаманам и рядовым, а начальнику их Ермаку, которого он назвал князем сибирским, — латы, серебряный кубок и шубу с царского плеча.

С восхищением и благодарностью принял Ермак милость государеву, но непродолжительным было счастье этого неустрашимого воина. Еще около двух лет он управлял Сибирью, — Иоанн хотя и прислал с Иваном Кольцо воеводу и 500 стрельцов, но главное управление новою страной поручил умному и храброму Ермаку. Первым несчастьем русских в Сибири были болезни и голод, от которых умерли многие из казаков и стрельцов и даже сам воевода, присланный из Москвы, князь Волховский. Потом доверчивые донцы были обмануты татарским князем Карачею, который, притворись другом русских, просил Ермака прислать к нему для защиты нескольких казаков. Ермак послал 40 человек с Иваном Кольцо, и злой Карача всех их умертвил. Наконец, последнее несчастье было печальнее всего, милые дети! Узнайте, какая горестная участь постигла сибирского героя, и пожалейте о нем!

В Сибирь, которая с появлением в ней казаков начала выходить из прежнего дикого состояния, уже ездили купцы бухарские с разными товарами. Караваны их

привозили множество вещей всякого рода, потому что все жители Сибири — и русские, и татары, и остяки, и вогулы — съезжались покупать их. В это время ярмарки Искер — унылая столица Сибирского царства оживлялась и наполнялась народом. Однажды Ермак, с нетерпением ожидая прихода караванов, вдруг услышал, что изгнанник Кучум, бродя без дела по степи Вагайской, вздумал не пропускать к нам бухарцев. Досада и гнев вспыхнули в сердце горделивого победителя: он удивился дерзости слабого неприятеля, уже давно побежденного, и, презирая ее, тотчас отправился с 50 казаками встретить купцов. Целый день напрасно искал он их и Кучума и поздно вечером, возвращаясь назад, расположился ночевать в шатрах на берегу Иртыша. Это было 5 августа 1584 года. Чувствуя сильную усталость, Ермак и храбрые товарищи его скоро уснули глубоким, сладким сном в то самое время, как ангел смерти уже летал над ними: на другой стороне реки стоял Кучум и тайно замечал все движения врагов своих. О, как обрадовался он, когда все затихло в стане русских! Даже в летописи, в которой описывается это печальное происшествие, сказано: «Заиграло Кучумово сердце!» Он напал на сонных казаков и всех изрубил, кроме Двух: один убежал в Искер, другой — это был наш храбрый и несчастный Ермак — пробудился от звука мечей и стонов умирающих. Ужасно было это пробуждение для того, кто привык к одним победам! В смертельной тоске отчаяния вскочил он со своего места, нанес несколько ударов саблей убийцам и бросился в быстрый

Иртыш, волны которого, высоко вздымаясь от сильной бури, заглушили грозным шумом своим последний вздох героя.

Такая смерть была ужасна: она поразила несчастного в ту минуту, когда он вообразил, что слава его исчезнет и завоеванное с таким трудом царство снова достанется врагам России. Но если блаженные души, оставившие мир наш, еще имеют понятие о земных событиях, то, верно, благородная и великая душа Ермака утешена: он видит, что славнее отечество его навсегда удержало под властью своей обширную страну, им пвкоряную, и что благодарное нотомствв никогда не перестанет прославлять намять воина, сравнившегося смелостью своего предприятия с величайшими завоевателями на свете. Ермак достоин этой славы, достоин нашего глубокого уважения! Сделавшись постарше, вы поймете всю цену его знаменитого дела, вы узнаете все источники богатств, все бесчисленные выгоды, доставленные нам его завоеванием, и тогда полюбите Ермака еще более, еще искреннее.

Кончина Иоанна Грозного.

1584 год

Пасмурным было утро 18 марта 1584 года. Тихо звонили колокола московские, уныло стоял народ в церквах и усердно молился. Все—и старые, и молодые—7 плакали: казалось, все, просили Бега о какой-то милости, о каком-то великом благодеянии. Угадаете ли вы, милые читатели, о чем молились предки наши? Они молились о выздоровлении Иоанна IV! Слух об опасной болезни государя заставил всех позабыть его несправедливость. Все видели в нем только умирающего царя, а этот вид горестен для всякого народа, и тем более для русского!

Но молитвы их были напрасны: Иоанн скончался в тот же день и в то самое время, когда, чувствуя облегчение, он располагался играть с князем Вельским в шашки и уже сам расставил их. Имея не более пятидесяти трех лет от роду, он мог бы еще долго жить, но сильное волнение, которое беспрестанно происходило в нем то от гнева, то от страха, досада на успехи врагов его государства, угрызения совести

о сделанных злодеяниях, наконец страшная мысль об убийстве сына— все это вместе сокрушило силы Иоанна, с каждым днем здоровье его расстраивалось, слабело, и наконец жизнь пресеклась ударом.

Так исчез из мира человек, соединявший в себе разительные противоположности хорошего и худого. Вспомнив обо всех добрых и дурных свойствах его, зная из летописей того времени о его превосходном уме и твердости духа, нельзя понять его настоящего характера и можно думать, что этот необыкновенный государь послан был Богом в отечество наше с какою-нибудь особенной целью, неизвестной нам, точно так же, как неизвестны людям еще многие чудные явления в природе.

Непонятен был Иоанн для народа своего, непонятно было и чувство этого народа к Иоанну! Это было соединение и страха, и ненависти, и любви. Во все время жестокостей Иоанна, продолжавшееся 24 года, подданные его переносили бедствия свои с христианским великодушием. Самые невинные из них умирали спокойно, покорясь судьбе своей как назначению Божией воли.

Такие кроткие, набожные чувства добрых предков наших еще более усилились со времени кончины государя: не боясь более его страшного гнева, они забыли все жестокие и помнили только одни славные дела его. Три покоренных царства татарских— Казанское, Астраханское и Сибирское, новая хнига законов— «Судебник», новые учреждения по делам

церковным и гражданским, новые училища для образования народа, множество новых городов, построенных в это царствование, многочисленное войско, выгодная торговля русских с иностранными государствами, богатство и пышность, от того происходившие при дворе и в народе, — все это напоминало русским не пороки, а великие качества умершего государя, и потому неудивительно, что они называли Иоанна IV не *Мучителем*, как некоторые звали его при жизни, а только *Грозным*. Им казалось, что это имя точно выражало и суровость нрава Иоанна, и ту грозу небес, которая гремела над ними во все времена его правления и, может быть по особенному промыслу творца, была так же полезна для России, как бывают полезны для земли гром и молния, убийственные для нескольких жизней и благодетельные для всего живущего!

Таблица XXXIX

Семейство царя Иоанна IV Васильевича Грозного

Супруги:

1. Супруга: Анастасия, дочь боярина Романа Юрьевича Захарьина-Юрьева

От нее дети:

1. Димитрий, скончался в детстве

2. Иоанн, убит отцом

3. Феодор, наследовал престол

4. Анна — скончалась в детстве

5. Мария — скончалась в детстве
 2. Супруга: Мария Темрюковна, княжна черкасская
 3. Супруга: Мария Васильевна Собакина, дочь купца новгородского
 4. Супруга: Анна Алексеевна Колтовская
 5. Супруга: Анна Васильчикова
 6. Супруга: Мария Феодоровна Нагих
- От нее сын: царевич Димитрий

Новый царь и любимец его.

1584—1591 годы

Из всех детей Иоанна IV остались в живых только двое: двадцатисемилетний царевич Феодор, сын любимой супруги его Анастасии Романовны, и пятимесячный царевич Димитрий, сын последней царицы Марии Феодоровны из рода Нагих. Первого он объявил наследником своим, второму назначил в удел вместе с матерью город Углич.

Никогда отец и сын не имели так мало сходства между собою, как Иоанн IV и наследник его, никогда после такого гневного, жестокого, могущественного государя не бывало такого кроткого и слабого. Феодор от природы был робок, застенчив и чрезвычайно набожен: одна мысль согрешить в чем-нибудь перед Богом была так ужасна для него, что с самого начала своего царствования, чувствуя слабые способности свои и боясь оттого дурно исполнить великие обязанности государя и тем прогневить Бога, смиренный царь отказался от занятий делами государственными.

При дворе Феодора был человек, щедро одаренный от природы всем, чего недоставало молодому царю, способный исполнить все трудные обязанности его; человек, который заслужил бы вечную благодарность русских, если бы впоследствии не совершил одного ужасного преступления. Это был Борис Феодорович Годунов, брат молодой царицы Ирины, супруги Феодора, воспитанный во дворце и с самого детства сделавшийся любимцем и грозного Иоанна, и кроткого сына его. Необыкновенная красота, величественный вид, редкий ум, приятное обхождение отличали Бориса еще в цветущей молодости, когда — как родственник и воспитанник царский — он находился в числе страшных опричников. Никогда не участвуя в их жестокостях, он являлся как утешительный ангел к несчастным, которые страдали от бесчеловечных поступков ужасной дружины, помогал им деньгами, облегчал судьбу их нежным участием, иногда

осмеливался просить за них Иоанна, и даже многие говорили, что он первым подал грозному царю мысль об уничтожении опричнины.

Одним словом, Борис делал все, чем только можно заслужить любовь народа, и в полной мере достиг своего желания: все с восхищением смотрели на умного и милovidного брата прелестной царицы, все любили молодого боярина, всегда доброго и приветливого. Но, к несчастью, при этой наружной доброте и приветливости во властолюбивом сердце Бориса, в хитром уме его таилась гордая мысль быть первым человеком в государстве по близкому родству с супругой Феодора. После несчастной смерти старшего царевича эта мысль еще более укрепилась в голове молодого честолюбца: будущим царем должен был стать супруг сестры его—робкий, слабый, вовсе не способный царствовать, чрезвычайно любивший прекрасную супругу свою и совершенно покорный ее воле. Правда, она не употребляла во зло этой власти, потому что была доброй и кроткой женщиной, но зато брат ее надеялся в полной мере пользоваться слабостью Феодора и не ошибся: молодой царевич, сделавшись государем, радовался, что имеет такого умного родственника, и безо всяких размышлений о последствиях поручил ему все дела государственные, оставив при себе только одно имя царя. Народ, привыкший видеть в прекрасной Ирине свою милую благодетельницу, привыкший называть ее второй Анастасией, не только не роптал, но даже радовался, что добрый брат ее, не боявшийся защищать

несчастных и перед царем жестоким, помогает слабому и больному Феодору управлять государством.

Борис, оставшись только правителем России, ближним великим боярином и наконец слугою* Феодора, стал бы благодетелем отечества нашего и великим человеком своего времени, но он захотел быть царем, захотел увеличить несметное богатство свое** сокровищами всего государства, и с этой минуты слава его помрачилась, все великие достоинства потеряли свою цену: Борис начал приготовляться к злодейству ужасному, которое поразит сердца ваши, мои милые читатели. Эта перемена в расположении души правителя, это беспокойство, которое всегда заметно в человеке, когда он имеет какое-нибудь злое намерение, не скрылись от пронизательных глаз вельмож, заседавших вместе с ним в Думе боярской. Они начали подозревать, какого рода замыслы могли таиться в гордом сердце любимого брата царицы, при государе, не имевшем детей, и в страхе за жизнь царя хотя слабого, но все-таки любезного народу, в страхе за жизнь маленького царевича Димитрия***, последней надежды русских, добрые и верные бояре вместе с митрополитом Дионисием и со многими дворянами и купцами московскими решили открыться Феодору и умолять его быть осторожным. Но прежде чем они успели сделать это, хитрый правитель узнал через приверженцев своих о заговоре и жестоко отомстил за него. Наказав смертью купцов, ссылками — бояр и князей Шуйских, Мстиславских, Татевых, Урусовых, Кольчевых, жестокий Борис

в гневе своем не пощадил и знатнейшего из Шуйских, спасителя Пскова и чести имени русского, героя, которому удивлялись все народы Европы, — знаменитого князя Ивана Петровича. Считая его главным и, может быть, самым опасным врагом, Годунов недоволен был только ссылкой его на Белоозеро, он приказал удавить его в темнице. Даже и митрополит, несмотря на всю важность своего звания, не остался без наказания: его сослали в один из новгородских монастырей.

** Титул слуги был знаменитее боярского, и в продолжение целого столетия он дан был только трем вельможам: князю Симеону Ряполовскому, отец которого спас маленького Иоанна III от злобы Шемяки, князю Ивану Михайловичу Воротынскому — за славные победы его и сыну его князю Михаилу — за взятие Казани.*

*** Годунов получал годового дохода со всех своих земель, поместий, лесов и лугов до 900 тысяч нынешних серебряных рублей Ни один вельможа русский во все существование России не имел такого богатства. Оно доставляло Борису средства вывести в поле на свой счет до 100 тысяч войска.*

**** Так как у царя Феодора Иоанновича не было детей, то царевич Димитрий, младший брат его, был наследником престола и последним князем царского поколения Рюрика по мужской линии.*

Теперь вы можете судить, как велика была власть Бориса! Хотя он всегда отдавал свои приказания от имени царя, ко все знали и в России, и даже в иностранных землях, что Феодор не занимался ничем, кроме молитв и разговоров с монахами и священниками, и что один Борис управлял государством. С ним одним чужеземные государи имели сношения по разным делам своим, к нему одному приезжали посланники их, и надобно отдать справедливость его искусному правлению — Россия уже не показывала той слабости, которая печалила предков наших в последние годы царствования Иоанна IV. Крымцы, литовцы, поляки, датчане, шведы, австрийцы, даже страшные в то время для всей Европы турки уважали русских и не тревожили владений их, которые в 1591 году увеличились возвращением от шведов завоеванных ими городов наших — Яма, Копорья, Ивангорода и всей Корельской области. Эту войну со шведами начал Борис, чтобы ослабить силы их против нас. Надобно сказать, что около этого времени король польский Баторий умер, а на престол поляки и литовцы выбрали его племянника, сына шведского короля принца Сигизмунда. С тех пор Польша и Швеция как будто породнились и могли действовать заодно против соседки своей — России. Но Борис, умный, проницательный, твердый, умел расстраивать вредные для предков наших намерения этих двух союзниц, умел внушать им страх перед русскими. Борис сумел бы сделать многое для славы отечества своего и своей собственной, если бы не властолюбие его. Оно

затмило громкую славу его, оно призвало на него гнев Божий, оно погубило последнюю отрасль знаменитого поколения Святого Владимира— последнего Иоаннова сына, составлявшего надежду России.

Углич и последний потомок

Рюрика. 1591—1597 годы

В Ярославской губернии, в 340 верстах от Москвы, на правом берегу Волги лежит старинный город Углич. Читатели мои знают, что он был некогда уделом князя Димитрия Юрьевича Шемяки. И теперь еще Углич довольно богат и красив: в нем около 8 тысяч жителей, много церквей и домов каменных, много заводов кожевенных и кирпичных, много лавок и амбаров с товарами. Но не таков был он в царствование Феодора Иоанновича. Тогда окружность его была 24 версты, церквей в нем было 150, монастырей— 12, а жителей— более 30 тысяч человек. В то время Углич мог славиться перед другими городами русскими: в нем жил меньшей сын Иоанна Грозного— царевич Димитрий с матерью. Годунов, ненавидя его

как наследника престола, в случае если Феодор умрет, не оставив детей, разлучил его с братом и отправил в Углич, как в ссылку, но бедный малютка не понимал этого: он был вместе со своею милой матерью и ничего не желал более.

Жители Углича также были счастливы, радуясь тому, что умирающий Иоанн выбрал область их в удел своему сыну. Они с восхищением смотрели на маленького царевича, ожидаемого наследника царства, последнего из рода государей, составлявших так долго славу России, и гордились тем, что он вырастает в стенах их. Они даже не думали, что прекрасному малютке угрожает опасность: он был всегда так здоров и весел, его так нежно любил и брат его, и каждый русский, о нем молились миллионы людей, надеявшихся некогда быть его подданными. Одним словом, казалось, все улыбалось счастливому Димитрию, печально было только лицо царицы, матери его. Бедное сердце ее, угадывая намерения Годунова, как будто предчувствовало судьбу милого сына: каждую минуту казалось ей, что убийцы стерегут его, что жизнь его в опасности, и потому она старалась как можно реже разлучаться с Димитрием. В таком беспрестанном страхе она воспитывала его до восьмилетнего возраста. В это время честолюбие Годунова достигло высочайшей степени, адский план его был совершенно устроен, и оставалось только найти злодея, который бы, не боясь Бога, мог совершить ужасное дело. Последнее было труднее всего для преступного правителя: многим уже делал он страшное предложение, но все отказывались.

Наконец явился к Борису человек, какого мог он желать, — дьяк Михаил Битяговский. Зверский вид его показывал, что он верно исполнит всякое преступление, ему порученное. Борис, обещав ему и кучи золота, и вечную милость свою, отправил в Углич будто для того, чтобы управлять земскими делами и хозяйством царицы Марии Феодоровны. Несчастливая государыня, и без того бывшая всегда в беспокойстве, еще более встревожилась, увидев Битяговского, приехавшего к ней от имени царя и правителя. Материнское сердце по непонятному предчувствию сказало ей, что она должна бояться этого человека, и с тех пор царица не оставляла сына своего ни на одну минуту: она спала в одной с ним комнате, из собственных рук кормила его, вместе с ним ходила в церковь, вместе с ним гуляла в садах и рощах, окружавших богатый угличский дворец. Нежная мать так неусыпно охраняла любимца души своей, так заботливо берегла милое дитя свое, драгоценное для всей России, что злодей Битяговский начал сомневаться в успехе, хотя он был не один: вместе с ним приехали в Углич сын его Даниил и племянник Никита Качалов, да, кроме того, он подкупил еще двух новых помощников — мамку царевича боярыню Василису Волохову и сына ее Осипа. Каждый день эти злодеи сходились советоваться между собою, придумывали новые средства, искали новых случаев и, не надеясь тайно убить Димитрия, всегда неразлучного с матерью, решились сделать это явно: они уверены были, что Годунов сумеет оправдать их.

Назначили день. Это было 15 мая 1591 года. В шестом часу дня царица пришла с сыном из церкви. Накрывали стол для обеда. Пока слуги носили кушанья, царевич с детским любопытством рассматривал живопись, которая украшала стены комнат царских и представляла разные сцены из Священного Писания. В эту самую минуту мамка Волохова позвала его погулять по двору. Царица остановилась зачем-то в другой комнате. Кормилица малютки Ирина Жданова, добрая и усердна" женщина, со всею нежностью любившая своего питомца, сама не зная почему, не пускала его из дома, но мамка силой вывела его в сени, потом на крыльцо. Здесь явились сын ее Осип Волохов, Даниил Битяговский и Никита Качалов. Главный же злодей, управлявший всеми их движениями, Михаил Битяговский не показался на глаза царевичу, потому что бедное дитя боялось страшного лица его и, верно, закричало бы, увидев его. Осип Волохов, подошел первый к Димитрию, взял его за руку и сказал: «Государь, у тебя новое ожерелье?» Малютка едва успел поднять невинную головку свою и с милой улыбкой ответить: «Нет, старое...» — как острый нож сверкнул в руке Волохова, опустился на нежную шею дитяти и, слегка ранив ее, упал на пол. Убийца, испугавшись, пустился бежать из дворца. Кормилица в ужасе закричала, обняла крепко царевича, но Даниил Битяговский и Качалов вырвали несчастное дитя и безжалостно умертвили его. Все это произошло так быстро, что, когда царица на крик кормилицы выбежала из сеней на крыльцо, убийцы уже сбежали с лестницы

и были у ворот. В отчаянии бросилась несчастная мать к умирающему, но поздно! — младенческая, невинная душа его уже перестала страдать и летела на небо, чтобы там вместе с ангелами славить Бога и молиться о милой матери.

Царица, уверясь в своем бедствии, уверясь в том, что уже никакая власть земная не оживит прекрасного младенца, упала без чувств подле доброй кормилицы, также без памяти лежавшей. Однако они успели назвать по именам злодеев, и все верные слуги царицы спешили ловить их. В несколько минут весь город узнал о горестной потере: пономарь соборной церкви, случайно проходя мимо дворца, видел убийство и, взбежав на колокольню, ударил в набат. Этого было довольно, чтобы встревожить всех жителей. В страшном испуге сбежались они ко дворцу, услышали ужасный рассказ, и не прошло часа, как уже главный злодей Михаил Битяговский и все сообщники его были убиты. Ярость народа была неопишима: мстя за любимца своего, он был безжалостен не только к злодеям, но даже ко всем родственникам и друзьям их. Многие из них перед смертью признались, что исполняли приказание Бориса Годунова.

Такое признание ужаснуло верных подданных Феодора: они знали, как близок был к нему Борис, и потому, проливая слезы над телом невинного царевича, признанного нашей церковью. Святым Мучеником, они могли бояться и за жизнь старшего

брата его! Но этот страх был непродолжителен: он кончился вместе с их жизнью.

Борис, получив из Углича донесение об убиении Димитрия и о том, с какой яростью народ бросился на всех, кого подозревал в этом убийстве, прислал чиновников своих расследовать это дело, и поверите ли вы, милые дети, чем кончилось это следствие? Присланные чиновники донесли царю, что царевич Димитрий в припадке падучей болезни зарезал сам себя ножом, что царица и брат ее Михаил Нагой, напрасно обвиняя в убийстве Волохова, Качалова и Битяговских, приказали умертвить их, что граждане угличские поверили несправедливым обвинениям и погубили многих невинных.

Выслушав это донесение, в котором не было ни одного слова правды, Борис именем Феодора объявил наказание виновным. Началось с царицы, этой горестной матери, едва переносившей жизнь: ее постригли в монахини и отвезли в отдаленный монастырь; всех родственников ее Нагих также сослали и заключили в темницы; граждан угличских, числом около двухсот, как убийц людей невинных казнили смертью, другим отрезали языки, многих сослали в Сибирь; и с того времени исчезла слава города Углича. Борис боялся, чтобы в чьей-нибудь памяти не остались последние признания убийц, и для того истребил всех, на кого не мог надеяться.

Ему удалось и это: никто не смел говорить вслух о том, что подозревает правителя в убийстве маленького

царевича; казалось, никто не смел даже думать так дерзко. Вскоре новые происшествия — сперва сильный пожар в Москве, а потом нашествие тогдашнего крымского хана Казы-Гирея — совсем отвлекли мысли народа от ужасного убийства последнего потомка Рюрика. Во время пожара Борис показал столько сочувствия к бедам москвитян, а во время неожиданного нашествия татар столько благоразумия и храбрости, что все русские — или утешенные его благодеяниями, или спасенные от варваров его умными распоряжениями — уже не хотели верить, что добрый правитель был убийцей царевича, и не смели обижать его своими подозрениями.

Так хитрый Борис сумел сохранить доверие и любовь народа, сумел сделать большее — завладеть престолом, и не силою, не принуждением, но по общему, единодушному желанию всех русских! Из следующего рассказа вы узнаете, друзья мои, подробности этого важного события в нашей истории.

Борис Годунов, царь России.

1597—1600 годы

Уже прошло более шести лет после убиения царевича, уже народ начал привыкать к горестной мысли, что поколение царей его кончится со смертью Феодора и что наследником его уже не будет князь, происшедший от святой крови Мономаха. Стараясь всеми силами уверить русских, что они должны в этом случае покориться воле Божией, Борис в то же время старался показать себя с самой выгодной стороны. Его милосердие, кротость, правосудие были беспримерны; его щедрость, великодушие, любовь к народу неописуемы. Всякий раз, когда надобно было объявить кому-нибудь прощение и милость царя, то в указе писали: «Государь прощает для ближнего своего приятеля, слуги и конюшего боярина Бориса Феодоровича». Если же кого осуждали на казнь, то в указе не было имени Годунова, а писали: «Приговорили бояре — князь Федор Иванович Мстиславский с товарищами». По этой хитрости можно судить и о других, какие употреблял Борис, чтобы получить любовь всех русских.

Такие средства не могли остаться без успеха, особенно с того времени, как он подкрепил свою власть новою опорой: зная набожность народа нашего и глубокое уважение его к служителям Божиим, Годунов предложил царю возвысить духовенство русское учреждением патриаршего достоинства. Имя патриархов означало главных пастырей церкви, и такие были только в пяти знаменитейших городах — Риме, Александрии, Антиохии, Иерусалиме и Константинополе. С этим высоким званием, конечно,

соединялось и более власти, нежели с обыкновенным достоинством митрополита, особенно в правление Феодора, посвятившего всю жизнь свою молитвам. Борис знал, кого сделать патриархом, и потому предложил это Феодору.

Как ожидал он, так и получилось. Царь согласился с удовольствием. Духовенство и народ с радостью приняли новое звание: первому оно обещало лестные отличия, второму казалось особенной милостью Божией. В Москве был в то время константинопольский патриарх Иеремия. Он посвятил в достоинство патриарха русского митрополита Иова, одного из преданнейших друзей Годунова. Благодарный за свое возвышение, Иов начал с того времени еще усерднее служить своему покровителю.

Таким образом, все исполнилось по желанию правителя. Неограниченная власть его, поддерживаемая самим государем и всем духовенством, казалась для народа священной, как будто происходившей от Бога, и еще при жизни Феодора все думали, что никто другой, кроме брата царицы, не может быть наследником престола.

Властолюбивый Борис, видя такое расположение умов, с нетерпением ожидал счастливого дня, в который с царским могуществом его соединится и имя царя. Этот день настал 6 января 1598 года. Феодор опасно занемог и на другой день скончался. Народ, любя этого кроткого сына незабвенной Анастасии за его благочестие и набожность, за его щедрость

и милосердие к бедным, забывал его слабости, искренно плакал по нему и, исполняя волю его и совет Бориса, присягнул царице Ирине, несмотря на то что печальная государыня с первой минуты кончины нежного супруга своего решилась постричься в монахини.

Годунов знал это, но для него нужно было, чтобы русские поклялись в верности сестре его. Эта клятва еще более приближала его к престолу, и, когда через девять дней Ирина постриглась, пламенное желание брата ее исполнилось: вельможи, духовенство и народ поднесли ему корону русскую! И что же вы думаете, милые читатели, он тотчас с радостью принял ее? Совсем нет!

Притворщик отказывался, говорил, что никогда дерзкая мысль сесть на престол кроткого ангела и друга его Феодора не приходила ему в голову, что он хочет жить только для утешения сестры своей, что он хочет так же, как и она, отказаться от света, — одним словом, он так обманул всех своим смирением, что удивление его высокими добродетелями еще более увеличилось и все еще усерднее начали просить его согласия. Но Годунов не давал его.

Шесть недель москвитяне просили его и получали одни отказы, и наконец только тогда уже, когда к просьбам их присоединились просьбы всей России, когда из самых отдаленных областей приехали депутаты и народ, два дня служив молебны, на третий с крестным ходом пришел к избранному царю

и коленопреклоненно умолял его сжалиться над осиротевшим отечеством— хитрый властолюбец согласился и как будто против желания принял корону, которая более четырнадцати лет занимала все мысли его и для которой он пожертвовал спокойствием своей совести и счастьем жизни настоящей и будущей.

1 сентября 1598 года произошло коронование Бориса. Здесь кстати сказать, что до времен Петра Великого предки наши праздновали 1 сентября начало нового года, что мы делаем теперь 1 января. Годунов выбрал нарочно этот день, чтобы придать более важности своему коронованию.

Оно праздновалось самым великолепным образом. Милости были бесчисленны, богатые подарки лились на бояр, деньги— на бедных, ласки семейства царского— на всех подданных. Супруга Бориса, новая царица Мария Григорьевна, давно славилась своими добродетелями, дети их— девятилетний сын Феодор и шестнадцатилетняя дочь Ксения— были ангелы сердцем и наружностью. Народ с восхищением смотрел, как милостиво они разговаривали с чиновниками, купцами и даже с нищими, как они принимали от них хлеб и соль и звали всех обедать к царю. Одним словом, Борис старался самыми лестными угождениями истребить в народе малейшее воспоминание о несчастной кончине маленького царевича Димитрия. Старания его имели полный успех, особенно в первые два года его царствования. Они были самые блестящие. Усмирение крымского хана,

окончательное покорение Сибири и истребление Кучума и всех приверженцев его, выгодный мир со Швецией, Данией, Польшей, любовь Бориса к наукам, его старания о просвещении подданных, его справедливость, трудолюбие, примерная нежность к семейству и особенно к милому сыну, в котором он видел достойного наследника престола, — все это вместе так радовало всех русских, так уверяло их в доброте сердца государя, что они совсем забыли о прежних слухах, носившихся насчет Бориса, или, лучше сказать, они не верили им и всей душой, всем пламенным сердцем своим любили милостивого, добродетельного по наружности Годунова, никак не думая, чтобы он мог быть убийцей законного царя их!

Мучительная жизнь

убийцы. 1600—1603 годы

Так могли ошибаться люди, так Борис мог скрыть от них преступление свое, но могло ли оно утаиться от Бога, видящего малейшие помышления наши? О,

конечно нет! Совесть напоминала ему об этом каждый час его жизни, и никакая слава, никакие удовольствия не могли заглушить ее страшного голоса. Как верно представил Пушкин это безотрадное состояние сердца несчастного царя! В одном месте трагедии его, о которой мы уже упоминали, он говорит так:

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.

Но счастья нет моей душе...

И потом, исчислив все горести, какие переносил он на престоле, восклицает:

Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою —
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда — беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком, стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Мучительно такое состояние души для всякого человека, еще мучительнее оно было для царя. Каждую минуту Борис боялся, чтобы кто-нибудь не прочел на лице его страшную тайну, и для того старался видеть как можно менее людей, перестал показываться народу запросто, но всегда с такою пышностью, которая никого не допускала подходить к нему близко; часто давал для народа обеда, для вельмож — пиры, и такие богатые, каких русские не видали ни при одном из прежних государей. Все это бедный царь делал для того, чтобы развеять тайную грусть свою, чтобы хоть ненадолго рассеять мрачное беспокойство души своей. Праздники Годунова были так великолепны и так хорошо показывали нравы и обычаи его времени, что мне хочется дать некоторое понятие о них моим маленьким читателям.

Мы выберем для того случай самый любопытный — проезд в Москву жениха царевны Ксении, датского принца Иоанна.

Современники с удивлением говорили о красоте дочери Годунова. Она так восхищала предков наших, что в истории есть даже описание ее наружности. Послушайте, как один из писателей говорит о ней: «Царевна Ксения, отроковица чудного домьшления, зельною красотою лепа, бела и лицом румяна, очи имея черны, велики, светлостию блистаяся: когда же в жалости слезы от очию испущаше, тогда наипаче светлостию зельною блисташе, телом изобильна, млечною белостию облянна, возрастом ни высока,

ни низка; власы имея черные велики, аки трубы по плечам лежашу; во истину во всех женах благочиннейша и писанию книжному искусна: гласы воспеваемые любляше и песни духовныя любезне слышати любляше».

Надеюсь, из этого описания вы поймете, что прекрасная царевна была роста среднего, телом полна и стройна, имела млечную белизну, волосы черные, лежавшие локонами по плечам, лицо свежее и румяное, глаза большие, черные, которые делались еще прелестнее, когда в них блистали слезы жалости, что она из всех женщин была самой скромной, пленяла всех не одной красотой, но и умом образованным, любила читать книги и петь сладкие песни духовные. Для такой доброй, умной и прелестной дочери нетрудно было царю русскому найти жениха. Датский принц согласился оставить ради нее отечество.

10 августа 1602 года жених приехал на адмиральском корабле к устью реки Наровы, где начиналась граница русская. При громе пушек он ступил на нее, и присланные навстречу ему бояре Салтыков и Власьев ввели его в богатый шатер и поднесли в подарок от имени царя восемьдесят самых дорогих соболей. В продолжение пути до Москвы знаменитый гость почти каждый день получал новые дары от будущего тестя: царь беспрестанно посылал ему то шапки, низанные жемчугом, то пояса и кушаки драгоценные, то золотые цепи, то сабли с бирюзой и яхонтами. Для спокойствия герцога приказано было везти его

тихо, так что, редко делая более 30 верст в день, он не прежде 19 сентября въехал в Москву.

В этот день Москва представляла приятную и веселую картину. Надобно сказать вам, милые читатели, что русская столица была в это время гораздо красивее, нежели прежде. Царь Борис любил украшать ее новыми зданиями и беспрестанно что-нибудь строил в Кремле. И теперь еще существует в Москве огромный памятник его царствования — колокольня Ивана Великого, оконченная в 1600 году. Дома боярские строились также гораздо лучше, нежели прежде: они были уже все из соснового леса, в два или три этажа, с большими крыльцами, с дощатыми свислыми кровлями, а на дворах были летние спальни и каменные кладовые. Улицы были вымощены деревом, но, уж конечно, маленькие читатели мои догадаются, что эта мостовая вовсе не походила на тот чудесный паркет, который так красиво стелется у нас по Невскому проспекту. Нет! Тогдашняя мостовая московская была сделана просто из досок; предки наши были рады и тому: по крайней мере, теперь им можно было не бояться грязи. Но возвратимся к встрече важного гостя Москвы — герцога датского.

Чиновники военные и гражданские и купечество поехали встретить герцога за несколько верст от города, в поле. Он ласково выслушал речь бояр, сел на лошадь и тихо ехал посреди них, потом еще тише по городу, как будто для того, чтобы дать полюбоваться собою народу: Иоанн был красавец. Во всех церквах звонили

колокола, и всех громче раздавался звон кремлевского, который употреблялся только в важных случаях. В этот день герцог еще не представлялся Борису, а поехал прямо в назначенный для него дом. Сюда прислали ему царский обед. Как вы думаете, друзья мои, сколько кушаний принесли к нему? Не менее ста, и все на золотых блюдах с такими же крышками.

Кажется, трудно придумать столько разных блюд, но хлебосольные предки наши, любя сытно покушать, не затруднялись в этом случае: они делали из каждого блюда несколько различных приготовлений, например у них были: и кура тушеная, и кура в репе, и кура в лапше; тетерев с шафраном и тетерев со сливами; уха курячья шафранная, и уха курячья черная, и уха курячья белая. Из одного журавля делали восемь блюд, из лебедя — столько же. А пирогам, караваям и блинам так счета не было! Кажется, это были любимые их кушанья. Из напитков же более всего был в употреблении мед, его делала из разных ягод и очень неумеренно пили за столом! Вот этих разных медов принесли к герцогу более семидесяти ведер. Кроме того, было много разных вин иностранных. И все это для одного обеда!

Иоанн удивлялся такому пышному угощению, но удивился еще более богатству русских через неделю, в день своего представления, когда он обедал у царя В Грановитой палате, за серебряным столом. Борис сидел на золотом троне, под висевшей над ним короной. После обеда поднесли принцу дорогие подарки.

Но он все еще не видел невесты: у предков наших не было обыкновения показывать девицу жениху, прежде нежели родители обговорят все условия. До обручения и свадьбы все семейство царское ездило в Троицкую лавру помолиться Богу о счастье Ксении. Обряд этого выезда очень любопытен, милые дети. Если вам хочется знать, походил ли он на наши нынешние церемонии, то вы можете сделать это сравнение. Я расскажу вам, как говорили о нем очевидцы:

«Впереди всех ехали шестьсот человек верхом и двадцать пять лошадей все в золоте и серебре; за ними две кареты: пустая, царевича, обитая красным сукном, и другая—обитая бархатом, где сидел государь, обе в шесть лошадей; около первой ехали верховые; около второй шли придворные чиновники. Далее ехал верхом молодой царевич; лошадь его вели знатные бояре. Через полчаса выехала царица в великолепной карете; в другой, со всех сторон закрытой, сидела царевна:

Первую везли десять белых лошадей, вторую—восемь, впереди—сорок лошадей и дружина престарелых вершников с длинными седыми бородами; сзади—двадцать четыре боярыни на белых лошадях. Шляпы боярынь украшались золотыми пуговицами и кистями, висевшими до плеч, а сапожки на всех были желтые. Вокруг шли триста приставов с жезлами».

Видите, какая пышность всегда окружала Бориса! Как он старался отдалять его от себя людей, заглушать

шумом и блеском беспокойство своей виновной совести. Но это не помогло, и несчастье уже преследовало тайного убийцу и семейство его. Милая, невинная Ксения лишилась жениха своего прежде, нежели возвратилась из Троицкой лавры: Иоанн вдруг занемог и через неделю скончался. Годунов непритворно плакал о нем; в то же время он плакал и о преступлении своем: ему казалось, что уже наказание его началось и что вместе с ним будет страдать все невинное семейство его.

От такой мысли сердце его сделалось еще беспокойнее, думы — мрачнее. Беспреданно казалось ему, что тайное убийство его открыто, беспреданно слышалось ему страшное имя Димитрия. Везде представлялась ему измена, во всех боярах видел он хитрых обманщиков, замышлявших против него заговоры. Разумеется, что подозрительнее всех казались ему ближайшие родственники прежнего царского дома — Романовы. Кроме этого священного права на любовь и уважение всех русских, Романовы отличались своими добродетелями, своей привязанностью к отечеству, своим усердием к пользе народа. Могли ли все эти достоинства ближайших родственников Димитрия не внушать страха похитителю престола? Он почувствовал этот страх в полной мере — и несчастья одно за другим поражали знаменитых предков нынешних государей наших. Но чтобы погубить их, надобно было выдумать какой-нибудь предлог. Это не остановило Бориса: клеветников было у него довольно. Родственник и любимец его

Семен Годунов тотчас придумал средство: он подкупил казначея Романовых, дал ему несколько мешков с кореньями, велел спрятать их в кладовой господ своих и донести на них, что они занимаются составлением яда и хотят отравить царя. Низкая хитрость удалась: страшное преступление, возведенное на Романовых, встревожило и духовенство и всех знатнейших чиновников, и никто не противился, когда осужденных взяли под крепкую стражу и велели судить. Несмотря на то что при самом строгом суде, при самых ужасных пытках никого не нашли виновным, несчастные погибли по одному доносу, и Бориса назвали *неслыханно милосердным*, когда он осудил Романовых и всех родственников их не на смерть, а лишь на ссылку и заключение.

Старшего из Романовых, боярина Феодора Никитича, постригли, назвали Филаретом и сослали в Сийский Антониев монастырь, находившийся в Архангельской области; супругу его Ксению, также постриженную и названную Марфою, — в одну из деревень заонежских; брата его, второго Романова, Александра Никитича — в Усолье, к Белому морю; третьего, Михаила, — в Великую Пермь, в село Ныроб; четвертого, Ивана, — в Пелым; пятого и последнего, Василия, — в Яренск; зятя их, князя Черкасского, с женой и порученными ей детьми ее брата Феодора Никитича, шестилетним сыном Михаилом и маленькой сестрой его, — на Белоозеро. Все их богатые поместья роздали другим вельможам, все дома, драгоценности и деньги взяли в казну.

Избавив себя таким образом от людей, казавшихся ему самыми опасными, Борис думал успокоиться, думал освободиться от всякого страха и наконец насладиться счастьем, как вдруг новая гроза загрохотала над головой его! Случилось то, о чем не думал убийца и в самом величайшем страхе своем, что было для него ужаснее всех прежних опасностей, что поразило его почти смертельным ужасом: разнеслась весть, что царевич Димитрий, что святой младенец, убитый в Угличе, — жив!..

Самозванец. 1603—

1605 годы

К несчастью, эта весть была несправедлива: это был ужаснейший обман, какой когда-либо мог прийти в голову человека бессовестного и безбожного!

В Москве, в Чудове монастыре жил старый монах, бывший прежде боярином, Замятня-Отрепьев. Видно было, что несчастья заставили бедного старика постричься: лицо его было всегда печально, и, правду

сказать, недаром печалился Замятия. У него было только два сына, и оба умерли в молодых годах. У одного из них, Богдана, служившего сотником в стрельцах, остались жена и маленький сын Юрий, или, как запросто звали его, Юшка. Мальчик был умен, но зол, непослушен, упрям, так что бедная мать, которая была, впрочем, умная женщина и сама учила его грамоте, часто не знала, что делать с негодным шалуном. Она жаловалась дедушке, но Юрий не боялся и дедушки! Старик горевал вместе с невесткой и утешал ее тем, что когда Юша вырастет, то будет умнее и добрее. Но не тут-то было! Как только Юрий научился хорошо читать Часовник и Псалтырь — а это почиталось в то время большой ученостью, — он ушел от матери и определился на службу в знаменитый дом Романовых, когда еще он был в полном блеске своего счастья. Здесь насмотрелся он на первых вельмож государства, полюбил богатство, окружавшее их, и, завидуя ему, начал жестоко досадовать на бедность свою, несмотря на то что не имел еще и четырнадцати лет от роду.

Хитрый мальчик принялся с того времени искать всех средств разбогатеть и вести жизнь спокойнее и приятнее той, какую он вел в доме благодетелей своих, и в одно утро вдруг исчез, не сказав ни им, ни деду, ни матери своей о том, куда он отправился. Не прежде чем через несколько месяцев услышали, что он постригся в монахи, назван Григорием и живет в суздальском Ефимьевском монастыре. Родные его радовались такому известию и надеялись, что пример

святой жизни служителей Божиих и их благочестивые наставления сделают наконец из непокорного шалуна человека доброго и богобоязненного. Но Григорий не о том думал: не прошло года, как он был уже в другом монастыре, потом в третьем и наконец явился в Чудов, в келью деда своего Замятки.

Старик обрадовался, увидев внука. Это был уже не злой шалун, дерзкий со всеми, а умный молодой монах с самой скромной наружностью, с самым тихим нравом, с самым лучшим образованием того времени. Григорий научился скрывать свои пороки и выказывать хорошие способности, которыми природа щедро наделила его. В короткое время он сделался известен даже патриарху! Иов так полюбил его, что посвятил в диаконы и взял к себе для переписки и занятия *книжным делом*. Надобно сказать вам, что Григорий славился не только тем, что умел лучше всех списывать, но даже и сочинять молитвы и духовные песни святым. Сделавшись почти необходимым патриарху, он бывал с ним часто и во дворце; там завистливый диакон увидел величие и пышность царей и пленился ими более, нежели некогда в доме Романовых знаменитостью и богатством бояр. Удачно исполнив прежнее желание свое и сделавшись из бедного мальчика важным человеком при патриархе, дерзкий Григорий вообразил, что для него нет ничего невозможного, вообразил, что он может сделаться царем. Вместо того чтобы испугаться такой преступной мысли и помолиться Богу о прощении греха своего, несчастный оправдывал себя такими рассуждениями:

«Ведь я хочу отнять престол не у настоящего государя нашего, но у того кто убил его*. Надобно же наказать убийцу — и может быть, Бог выбрал меня для этого наказания».

- *Отрепьев, бродя по разным городам и монастырям, провел несколько месяцев и в Угличе и потому имел случай слышать подробности убийства царевича Димитрия и знал убийцу его.*
-

Вероятно, так рассуждал Отрепьев, считая себя человеком, которому назначено было от Бога наказать Бориса. С каждым днем более и более занимался он своими дерзкими намерениями и наконец уже начал в шутку говорить чудовским монахам: «Знаете ли, что я буду царем в Москве?» Почти все, слыша это, смеялись, называли его бесстыдным лгуном и рассказывали друг другу о глупых шутках монаха Григория. Слух о них дошел через митрополита до самого царя, который тотчас же приказал отправить Григория как безумного в Соловецкий монастырь. Это приказание отдали такому чиновнику, который был в родстве с Отрепьевым, и потому Григорий был уже далеко от Чудова монастыря, прежде чем вздумали искать его.

В то набожное время монахов принимали везде хорошо, и потому Отрепьеву нетрудно было уйти очень далеко от Москвы. Но с его намерением, ужасным

для России, не нужно было идти далее Литвы: там всегда были люди, готовые вредить нашему отечеству. Итак, будущий Самозванец отправился прямо в Киев и там искусно распустил слух, что царевич Димитрий был спасен от смерти одним из преданных служителей своих и скрывается в Литве. Готовясь приступить к исполнению своего дерзкого намерения и чувствуя необходимость еще много учиться, чтобы походить на сына царского, Отрепьев снял с себя монашеское платье* и в легком наряде казака отправился учиться военному искусству. У кого же вы думаете, милые читатели? У запорожских казаков, или, лучше сказать, у разбойников, живших грабежом по берегам Днепра. Из этой шайки он перешел в школу волынского городка Гащи и там учился языкам — польскому и латинскому. Имея необыкновенные способности, он скоро успел и в этих познаниях и тогда уже — совсем готовый на свое дерзкое дело — явился на службу к одному из знатнейших польских вельмож, князю Адаму Вишневецкому. Добившись притворным усердием благорасположения гордого пана, сильного своим богатством, но недалёковидного умом, Самозванец с величайшею тайной открывает ему, что он сын Иоанна IV царевич Димитрий, считавшийся давно умершим, но спасенный от смерти верным доктором своим, что злодеи, присланные Борисом, умертвили сына какого-то священника, а Димитрия добрые вельможи отправили в Литву, где он и воспитывался. Простодушный Вишневецкий поверил этой сказке: ему приятно было видеть прежнего слугу своего царевичем,

ему лестно было благодетельствовать этому царевичу, и как для славы люди часто решаются на дела самые трудные, то и гордый князь польский решился во что бы то ни стало возратить русский престол законному наследнику Иоанна IV. Он сказал об этом намерении брату своему князю Константину Вишневецкому и тестю его воеводе сандомирскому Юрию Мнишеку. Они оба были согласны с великодушием своего родственника; последний показал вскоре особенное усердие в этом деле, и вот почему.

- *По этой причине звали его расстригой.*
-

У него была прекрасная дочь. Марину называли все гордою красавицей, потому что она отказывала всем женихам, которые искали руки ее. Отец называл эти отказы упрямством, но не принуждал ее, думая, что еще не явился человек, который бы ей понравился. Но как же он доволен был этим в ту минуту, когда в доме его оказался будущий царь России! Какая радость видеть милую дочь свою царицей! Какое счастье украсить прелестную голову ее славною короной русской! Такое и не снилось старому воеводе. В том, что Марина понравится царевичу, Мнишек и не сомневался: она так прекрасна, так ловка, так хитра! К тому же ей так хочется быть царицей, что она, верно, постарается ему понравиться. Старик не ошибся:

несмотря на свою очень непривлекательную наружность, обманщик, которого мы будем называть теперь так, как зовут его в истории, — Лжедимитрий, понравился гордой Марине, как только она узнала знаменитое происхождение его, а низкий расстрига не мог быть разборчивым: он полюбил бы княжну польскую, если бы она и не была хороша, потому что ему нужна была помощь ее родственников.

Итак, все шло по желанию хитреца: Вишневецкие и Мнишек усердно старались доставить ложному царевичу помощь короля своего Сигизмунда, который проводил большую часть своего времени в молитвах и во всем повиновался католическим монахам и послу папскому. Лжедимитрий знал это и заранее подружился с ними, обещал им не только сам креститься, но и крестить весь народ русский в веру латинскую, если они помогут ему взойти на престол. Папа всегда очень желал соединить римскую церковь с греческой, и потому посол его чрезвычайно обрадовался, когда мнимый царевич сделал ему такое предложение, и вместе с монахами и Вишневецкими начал просить короля принять под свое покровительство несчастного сына государя знаменитого и дать ему войско, с которым бы он мог завоевать свое наследство. Сигизмунда не нужно было долго уговаривать, да и щедрый царевич не хотел пользоваться даром его помощью: он отдавал Польше несколько уездов княжества Северского и, кроме того, дарил будущему тестю своему Мнишеку княжество Смоленское,

а прекрасной невесте — две великие области — Новгородскую и Псковскую.

Пока польский король и паны его с папским посланником решают судьбу нашего бедного отечества и, собирая войско, уже заранее радуются тому ужасу, какой они наведут на Россию, посмотрим, что делается в Москве, где мы оставили царя в неопишемом страхе от одного имени Димитрия. Как он ни уверен был, что это обманщик и что истинный царевич спит сном непробудным, но страх его все-таки не уменьшался. И мог ли он уменьшиться? Это был страх виновной совести, которая говорила ему, что настала минута наказания Божия за ужасный грех его. Как только эта мысль представилась встревоженному уму Бориса, последнее мужество его исчезло и, вместо того чтобы поскорее собрать войско и идти навстречу Самозванцу, уже вступившему на границы русские 16 октября 1604 года, несчастный царь в унынии, в мучительной тоске грешника отчаивался и действовал так слабо, что в прежних многочисленных полках русских едва собралось до 50 тысяч человек! И те шли неохотно. Состояние царя явно показывало вину его: глядя на его бледное, унылое лицо, народ удостоверился в истине разглашаемого слуха, что он точно убийца Димитрия, которого Бог чудесно спас от смерти и теперь возвращает отечеству. С такими чувствами могло ли войско усердно защищать Бориса и сражаться с тем, кого считало истинным сыном царей своих? Напротив, и оно, и весь народ готовы были с радостью встретить его и посадить на престол.

Самозванец знал это расположение и умел воспользоваться им. При самом вступлении его в отечество наше с поляками и преданными ему запорожскими казаками он посылал грамоты к народу русскому, как настоящий государь его, напоминал ему присягу, данную Иоанну IV, просил его оставить похитителя престола и служить царю законному. Это объявление, или манифест, его так подействовало, что уже не одна чернь, но и все жители тех мест, где он проходил, покорялись ему, как настоящему царевичу. Спустя месяц после появления его в России ему принадлежали уже города Моравск, Чернигов, Рыльск, Борисов, Белгород, Валуйки, Оскол, Воронеж, Кромы, Ливны, Елец—одним словом, все области до Новгорода-Северского. Здесь только встретил он сопротивление одного воеводы, оставшегося верным Бог рису,—Петра Басманова. Но верность и усердие одного человека не могли спасти целого царства! Годунов видел гибель свою в беспрестанных изменах, о которых доносили ему, чувствовал ее в каждом убийственном упреке совести и, будучи не в состоянии переносить долее страданий своих, скончался скоропостижно 13 апреля 1605 года.

В это время измена еще не дошла до Москвы, и древняя столица, исполняя долг свой, присягнула в верности сыну скончавшегося царя шестнадцатилетнему Феодору. Но непродолжительно было царствование этого несчастного государя: через шесть недель его уже не было на престоле. И как вы думаете, милые читатели, кто так ускорил

падение всего дома Годуновых и торжество Самозванца? Трудно поверить, но это был тот же самый Петр Басманов, который за несколько месяцев перед тем так блистательно показал перед всей Россией свою верность и благородство. Борис не знал в то время, как выразить ему свою благодарность: возвысил его в сане, одарил поместьями и, кроме того, из своих рук дал ему золотое блюдо, полное червонцев, и две тысячи* рублей серебром.

- *Тогдашние 2 тысячи равны нынешним 100 тысячам серебряных рублей.*
-

Феодор, получивший от умного отца самое лучшее образование, заботился с первых дней своего царствования о том, чтобы в такое опасное время дать войску искусного и верного воеводу, и по совету матери и опытных бояр не мог выбрать никого лучше Басманова. Умилительно было видеть и слышать, как молодой государь, отправляя нового воеводу к войску, со слезами на глазах сказал ему: «Служи нам, как ты служил отцу моему». Казалось, Басманов еще не думал об измене в эту торжественную минуту, потому что с пламенным усердием дал клятву Феодору умереть за него, но через несколько дней после приезда своего к войску склонил его к измене и сам присягнул Самозванцу. Причина такого низкого поступка первого воеводы того времени непонятна: он очень хорошо

знал, что под именем Димитрия скрывался обманщик, и разве только одно бесчестное желание пользоваться неограниченной милостью Самозванца заставило Басманова, до сих пор верного подданного Годуновых, сделаться изменником. Но эта измена решила судьбу дерзкого расстриги: как только герой Новгорода-Северского, никак не хотевший прежде покориться Самозванцу, назвал его государем своим, сомнения исчезли: все войско, весь народ— одним словом, вся Россия увидела в нем истинного сына Иоанна IV, и везде раздались радостные крики: «Да здравствует отец наш, государь Димитрий Иоаннович!»

С этим восклицанием шумные толпы народа ворвались 1 июня во дворец московский и с проклятьями вывели оттуда несчастного Феодора, мать и сестру его. Бедная царица молила только о жизни милых детей ее! Народ, всегда склонный к жалости, согласился на просьбы ее, и несчастное семейство отвезено было в прежний, собственный дом Бориса, но Лжедимитрий, но Басманов и другие достойные служители обманщика не знали жалости— и 10 июня приехали в Москву чиновники с повелением умертвить все семейство Бориса, прежде нежели новый царь въедет в столицу. Повеление Самозванца было исполнено в тот же день, и несчастная царица и невинный сын ее удушены! Необыкновенная красота Ксении остановила убийц: ее оставили живой, но постригли в монахини.

Так ужасен был конец величия, для которого властолюбивый Борис Годунов пролил святую кровь Дмитрия, так явно было наказание Божие убийце и всему семейству его!

Таблица XL

Семейство царя Бориса Феодоровича Годунова

Супруга:

Мария Григорьевна, дочь военачальника

Малюты Скуратова

Дети их:

1. Феодор, наследовал после отца, но был убит через шесть недель после восшествия своего на престол
2. Ксения, пострижена в монахини

Поляки в Москве. 1605—

1606 годы

В то время как правосудие Вечного истребляло весь род одного похитителя престола русского, другой— еще во всем блеске и счастье— веселился в Туле. Тамошний

дворец едва мог вместить в себя множество знатных вельмож и бояр, приехавших из всех городов России с поздравлениями к царевичу. Во всей же Туле собралось тогда более 100 тысяч человек. Шумные крики народной радости раздавались на городских улицах с утра до вечера: русские думали, что давно оплаканный народом Димитрий воскрес для счастья своих подданных, и веселились от всей души. Самозванец старался увеличить веселье народа вином и притворным участием в их радости. Я говорю *притворным*, потому что он никогда не любил русских и, во всяком случае, предпочитал им поляков. Впоследствии это стало главной причиной его гибели, потому что поляки бессовестно им пользовались и оскорбляли русских как хотели. Читателям моим, верно, досадно будет узнать о том унижении, какое терпели тогда бедные предки наши, но я наперед скажу, что оно будет непродолжительным, что русские отомстят за себя и что время счастья и славы их уже близко. Вооружимся же терпением, друзья мои, и с твердостью прочтем еще несколько рассказов об их бедствиях. Самыми тягостными были те, которые ожидали их тогда в Москве, куда уже отправился под драгоценным именем святого младенца бродяга, более презренный, нежели последний из его подданных.

20 июня 1605 года—через десять дней после убиения молодого Феодора—Самозванец въехал в столицу. Этот въезд был чрезвычайно великолепен. Казалось, беглый диакон Чудова монастыря боялся,

чтобы кто-нибудь из московских жителей не узнал его, и потому старался скрыться под самым пышным нарядом и окружить себя самой многочисленной свитой. Большую часть ее составляли не русские, а поляки, литовцы и немцы. Польские литаврщики и трубачи и литовские музыканты, ехавшие впереди, заглушали громкой музыкой своей восклицания радостного народа, заглушали даже пение молебна, который служили на Лобном месте, где духовенство московское встретило царя. Такое неуважение к святыне, непривычное для русских, огорчило их, несмотря на общее веселье праздника. Они встревожились еще более, когда вслед за царем и духовенством вошли в соборную церковь Успения и все иноверцы — поляки, венгерцы, немцы и другие; тогда еще не было обыкновения позволять иностранцам входить в церковь, а допущение музыки казалось народу еще большим неприличием. С ужасом подумали многие: «Наш ли это благочестивый государь позволяет греметь музыке во время молебна и впускает в церковь Божию некрещеных? Видно, что он вырос не на своей православной Руси, а у поляков!»

Так рассуждали предки наши, глядя на Самозванца в первые дни его царствования, когда поступки его еще не были слишком безрассудны и он делал много милостей: возвратил из ссылки несчастных бояр, сосланных Борисом, показал особенную благосклонность к Романовым, как мнимым родственникам своим, назначил старшего из них, Филарета, митрополитом ростовским, удвоил

жалованье чиновникам и войску, велел заплатить все казенные долги Иоаннова царствования, отменил разные пошлины. Но все это было только в первые недели. После же коронования 21 июля он уже перестал притворяться и явно занимался одними поляками. Будучи обязан Польше своим величием, он предпочтительно любил эту страну и, восхищаясь обычаями и учреждениями ее, непременно хотел ввести их и у нас. Прежде всего он начал менять порядок нашей старинной Боярской думы: приказал заседать в ней кроме патриарха митрополитам и епископам и назвал всех бояр Думы *сенаторами*. Потом учредил новые придворные чины— *великого дворецкого, великого мечника, великого оружничего, великого сокольничего, назвал дьяков великими секретарями*.

Все эти перемены ничего бы не значили, если бы он менял на хорошее только то, что мы имели дурного, и делал бы это, не унижая русских, но дерзкий Отрепьев был не таков: он обижал подданных своими насмешками, называл их невежами, беспрестанно хвалил одних иностранцев. Смешнее всего казалась ему набожность русских, которую он называл суеверием и старался противоречить ей на каждом шагу. Например, в то время было обыкновение у царей наших, чтобы перед обедом священник благословил и окропил пищу святою водою. Самозванец не велел делать этого и садился за стол не с молитвою, а с музыкой, дал иезуитам, которых русские называли *некрещеными*, лучший дом в Кремле и позволил им служить латинскую обедню. Кроме того, он был

расточителен и так безрассудно сыпал деньгами на всякие ненужные вещи, что в три месяца издержал более 7 миллионов рублей! Одним словом, добрый народ, сначала с радостью поверивший, что это истинный царевич Димитрий, начал сомневаться, видя дела его и неуважение дерзких поляков к святыне. Вскоре нашлись люди, которые знали убежавшего из Чудова монастыря дьякона Григория и находили сходство между ним и царем. Был еще человек опаснее их — князь Василий Иоаннович Шуйский, занимавший главное место среди тех, кто ездил в Углич для следствия об убиении царевича: он знал Димитрия живого, видел его мертвого и мог присягнуть, что на троне русском сидел обманщик.

Он говорил об этом так громко, что вскоре слова его дошли до ушей первого любимца Лжедмитрия — Басманова, и Шуйский был взят под крепкую стражу, предан суду и приговорен к смерти. Уже несчастный стоял на Лобном месте перед палачом, уже голова его лежала на плахе и народ, всегда любя Шуйских, происходивших от князя Андрея Ярославича, брата Невского, с горестными слезами смотрел на него, как вдруг раздался крик: «Стой!» Царский чиновник прискакал из Кремля и объявил прощение преступнику. Самозванец, вероятно, побоялся народного мятежа за смерть любимого боярина или, уже слыша о дурном расположении к себе русских, хотел удивить их своим милосердием, — как бы то ни было, но мнимый Димитрий спас Шуйского на погибель свою!

На род в минуту объявления этой милости был в восхищении и славил царя, но через несколько дней, когда восторг прошел, все снова начали толковать о вероятности слов князя Шуйского и о других слухах, носившихся в городе насчет беглого Отрепьева. Мнимый царь, презирая своих подданных, мало обращал внимания на толки их и, выбрав в новые телохранители свои триста немцев под начальством трех капитанов— Маржерета, Кнутсена и Вандемана, почитал себя в совершенной безопасности, безумно веселился со своими поляками и в сентябре отправил пышное посольство за невестой.

Но Марина и отец ее не скоро выехали из Польши. Гордые поляки, кичась помощью, какую они оказали царю русскому, не соглашались на обручение, пока он не прислал 200 тысяч золотых на уплату долгов воеводы сандомирского. Дары же, посланные невесте, стоили 800 тысяч рублей*, кроме той бесчисленной суммы, которая была издержана на путешествие Марины и ее свиты до Москвы. Это путешествие было единственным в то время по своей блистательной пышности, и едва ли какая-нибудь истинно царская невеста ехала к жениху своему с таким великолепием, как эта гордая полька к мнимому царю!

-
- *4 миллиона нынешних серебряных рублей.*
-

Свита воеводы сандомирского состояла из 2 тысяч человек и такого же числа лошадей. Невеста ехала между рядами конницы и пехоты. От местечка Красного повезли ее в великолепных санях, украшенных серебряным орлом и запряженных двенадцатью белыми лошадьми, кучера были в парчовой одежде и в черных лисьих шапках. Во всех селениях встречали ее с хлебом и солью, в городах — с драгоценными дарами.

2 мая 1606 года Марина приехала в Москву. У городской заставы встретило ее дворянство и войско. Еще не въезжая в город, невеста пересела в колесницу с серебряными орлами, запряженную десятью пегими лошадьми. Музыка раздавалась со всех сторон. Звон колоколов, бой барабанов, пальба из пушек оглушали всех москвитян. Для них странно и неприятно было видеть, что духовенство не встречало царскую невесту: она была католичка, и Самозванец, намереваясь и всех подданных своих сделать католиками, не требовал, чтобы она крестилась. Безрассудный не думал, какое негодование он возбуждал такими поступками в народе, который всегда был чрезвычайно привязан к вере своей и никогда не имел еще царицей иноверку*. Бессовестный обманщик сделал еще более: он почтил невесту свою такой честью, какой не имели и самые лучшие и добродетельные царицы: короновал Марину — эту простую дворянку польскую — венцом Мономаха! На нее надели, как на царей русских, животворящий крест, бармы и цепь Владимира, помазали миром и причастили.

-
- *Если некоторые великие князья и были женаты на дочерях ханов, то все эти невесты прежде венчания крестились в веру греческую.*
-

Эта последняя дерзость совершенно обнаружила царя: все увидели, что он не может быть истинным Димитрием, и, в то время когда самые шумные свадебные праздники один за другим сменялись при дворе, когда гордые паны польские, везде занимая первое место, радовались унижению народа, всегда для них ненавистного, и надеялись по милости хитрой Марины и ее услужливого супруга скоро завладеть всею Россией, русские, по наружности спокойные и равнодушные, но в душе встревоженные и оскорбленные, тайно советовались о средствах спасти святую веру и милое отечество.

Смерть Самозванца.

1606 год

Эти советы происходили в доме того, кто первый имел смелость назвать Лжедмитрия обманщиком, кто пострадал за эту смелость и хотя потом был помилован, но сохранил в душе жестокое воспоминание о грозившей ему казни,— в доме князя Василия Иоанновича Шуйского. Зная лучше всех о смерти истинного царевича, он считал долгом вывести Россию из заблуждения, особенно с того времени, как все дела и поступки Самозванца стали явно вредить счастью отечества нашего. Может быть, вы удивитесь, что он не сделал этого с самого начала, но восхищение народа и его преданность воскресшему Димитрию были так велики, что никто не поверил бы в то время словам князя Шуйского и он, верно, сделался бы жертвою своего усердия. Теперь же было совсем другое дело: все ясно видели обман и искренно благодарили человека, который предлагал средство избавиться от стыда называть государем своим беглого расстригу. Князь Шуйский был умен, хитер, решителен, был любим народом как потомок поколения царского и как герой, не страшившийся умереть за правду, ему нетрудно было управлять умами всех бояр, недовольных Лжедмитрием и его поляками, и мало-помалу составить заговор, в котором участвовали почти все москвитяне. Он сумел склонить на свою сторону и городских чиновников, и людей военных: первые уверены были в согласии народа, вторые— войска. Кроме того, помещики представили от себя усердных слуг, а Шуйские призвали в Москву 20 тысяч надежных людей из собственных деревень. Все это приготовилось

очень скоро. Заговорщики решили истребить Самозванца и поляков и уже назначили день — 17 мая 1606 года, через неделю после свадьбы царя.

Пышные праздники еще не все кончились: Лжедмитрий полагал удивить народ невиданною на Руси забавой — велел построить деревянную крепость за Сретенскими воротами, вывезти туда несколько пушек из Кремля и представить картину приступа. Марина также собиралась повеселить придворных дам маскарадом, или, как русские говорили тогда, *собиралась плясать со своими польками в личинах*. Вы догадаетесь, милые читатели, что предки наши называли личинами маски. Надеть маску считалось у них величайшим грехом, и рассказы о приготовлениях царицы к маскараду выводили из терпения самых кротких и покорных людей. Досадуя на такое, по мнению их, безбожие, они готовы были на все предложения заговорщиков, особенно когда те прибавляли к рассказам своим описание нового праздника, затеваемого царем. Слушая их, нельзя было не верить, что деревянная крепость строилась не для забавы, а для гибели всех бояр русских, которые будут на празднике, и что потом Самозванец отдаст все места и должности, все богатства и всех людей их своим любимцам полякам. Разумеется, что, слыша это, никакой русский, искренно любивший свое отечество, не мог отказаться от участия в единодушном восстании. Одним словом, князь Шуйский распорядился в этом деле с такой осторожностью и благоразумием, что вся Москва уже с нетерпением ожидала назначенного дня,

прежде нежели Самозванец получил малейшее подозрение о том, что происходит около него. Даже накануне 17 мая, когда уже все двенадцать ворот московских заняты были воинами Шуйского, а городские чиновники ходили по домам с тайным приказанием, чтобы все были готовы защитить церковь и царство и ожидали набата, Лжедмитрий и все поляки веселились на великолепном празднике, вовсе не думая о том, что ожидало их на другой день.

Все они еще спали глубоким сном, как вдруг в четыре часа утра раздался звон набата во всей Москве и народ побежал из домов на Красную площадь. Там уже ожидали его бояре и воеводы в полном вооружении. Впереди всех был князь Василий Шуйский с мечом в одной руке и с крестом— в другой. По его знаку Спасские ворота в Кремле растворились, и вслед за ним вошли туда бесчисленные толпы народа. Набожно приложился он в церкви Успения к образу Владимирской Божией Матери и потом с жаром вскричал. «Во имя Божие идите на злого еретика!» Этих немногих слов было довольно: тихие толпы, еще в каком-то молчаливом ожидании шедшие за боярами, вдруг сделались шумными, необузданными и с яростью бросились во дворец. Но там они еще не скоро нашли того, кого искали. С первыми ударами набата Самозванец проснулся и в страхе, не зная, на что решиться, видя, что уже и храбрый друг и защитник его Басманов убит, не мог придумать ничего более как выскочить в окно. Несчастный злодей вывихнул себе ногу, разбил грудь и голову и упал прямо

к стрельцам, стоявшим на карауле на Житном дворе. Однако они не сделали ему ничего дурного — напротив того, слушая уверения его, что он истинный Димитрий, убедили собравшийся народ отнести его к царице-инокине, чтобы удостовериться, точно ли он сын ее. Печальная государыня была вызвана из кельи и торжественно объявила, что истинный царевич скончался на руках ее в Угличе и что она молчала об этом во все царствование Самозванца от страха: он угрожал тайно умертвить ее за одно неосторожное слово, сказанное против него. Царица обвиняла себя за свое малодушие, со слезами просила прощения у народа и показала ему портрет маленького царевича. Все увидели, что ни одна черта его ангельского личика не походила на расстригу.

Объявление горестной матери решило судьбу обманщика. С него сорвали царскую одежду, еще несколько минут спрашивали, откуда он, и, не дослушав его рассказов, застрелили. Народ, раздраженный такой неслыханной дерзостью, не скоро оставил в покое и мертвое тело: всякий, кто хотел, бил и колот его мечами, а потом чернь вытащила его из Кремля и положила на Лобном месте с маской, дудкой и волынкой. Этим хотели предки наши показать склонность Самозванца к пляскам, шутовским забавам и музыке.

В то самое время, когда Отрепьев получал достойную награду за дела свои, гордая супруга его и с нею вся ее свита были в ужасном положении: народ с яростью

забегал во все дома, где только думал найти поляков, и везде убивал их. Марина скрылась в комнатах одной из придворных дам своих и была оставлена живой только по просьбе бояр, которые спасли отца ее и Вишневецкого.

Семь часов продолжались убийства. Наконец все утихло, и вечером того же дня Москва была так спокойна, что чужестранцы, жившие в ней, не могли надивиться этой быстрой перемене, тем более что народ не имел еще царя и даже не знал, кто будет им.

Но эта неизвестность не была продолжительна. Сердца всех стремились к одному человеку, все уверены были, что никто лучше умного князя Шуйского не сможет управлять Россией, и 19 мая, на третий день после восстания, Василий Иоаннович уже был назван царем. Удивительно было видеть Шуйского в эту торжественную минуту на Лобном месте — там, где за несколько недель перед этим он стоял приговоренный к смерти. Какая чудная перемена! Тогда каждый старался скрыть слезы и сострадание свое к несчастному, невинно осужденному князю, теперь каждый только о том думал, как показать ему свое усердие, каждый называл его избавителем царства Русского. Тогда все боялись одного имени Димитрия, хотя некоторые уже знали обман, теперь этот человек, устранивший всех собою, лежал безжизненный в нескольких шагах от нового царя. Всякому позволено было шутить и насмехаться над ним. Этого еще не довольно: и в самой земле не было места телу

Самозванца. Через три дня его похоронили у большой дороги, за Серпуховскими воротами. Вдруг некоторые из суеверных людей начали говорить, что видели какие-то ужасные чудеса над могилой его и что расстрига, бывший, по мнению их, большим колдуном и при жизни, будет вредить России волшебством своим и после смерти. Тогда тело вынули из земли, сожгли и, смешав с порохом, выстрелили им из пушки в ту сторону, откуда Самозванец пришел в Москву. Москвитяне думали, что с этим выстрелом отлетят от них все беды, причиненные злодеем.

Несчастное царствование

Шуйского. 1606—1610 годы

Едва ли какой-нибудь государь был несчастливее Василия Иоанновича! Все добрые намерения его не имели успеха. Все, что думал он сделать полезного для подданных своих, было не понято ими, все, чем он хотел улучшить состояние их, было дурно принято. Например, насмотревшись на ужасное тиранство времен Иоанна Грозного и Бориса Годунова, Шуйский

хотел избавить от него русских на будущее время и дал им новые права и преимущества. Но что же? Он угодил этим только тем боярам, которые были властолюбивы и желали наслаждаться неограниченной свободой; все же прочие, привыкшие к самодержавной воле государей своих и, может быть, испытывавшие, как опасна излишняя власть вельмож, были недовольны новыми постановлениями и говорили, что царь от страха к боярам дает им такую волю. И самый народ, имея в течение одного года четвертого государя, не чувствовал уже прежнего уважения к этому священному званию, и, чтобы снова возвратить ему всю важность и достоинство его, нужен был государь смелый, решительный, одаренный необыкновенными способностями. Шуйский не имел их и отличался только чрезвычайной твердостью в перенесении несчастий своих. К тому же он был очень скуп, не любил веселостей, и два торжества, бывшие при нем, — коронование и потом свадьба с молодой княжной Марией Петровной Буйносовой-Ростовской — праздновались так тихо, так скучно, что нашлось много людей, которые пожалели о пышных и веселых пирах Самозванца. Однако все это не принесло бы много вреда Василию, если бы не было главной причины всех несчастий его, истреблявшей всякое доброе расположение к нему русских. Эта причина заключалась в чрезмерной любви народа не только к самому Димитрию, но даже к одному имени его. Целый год царствования обманщика, унижение, испытанное при нем, наконец мощи святого младенца,

перенесенные при Василии Иоанновиче из Углича в Москву и открыто поставленные в церкви Михаила Архангела, еще не вполне убедили легковерных, и почти все они готовы были снова с радостью встретить первого пришельца, которому вздумалось бы назвать себя Димитрием. Успех же Отрепьева не мог не внушить и другим злодеям желания подражать его дерзости.

Итак, новые Самозванцы стали появляться в самом начале царствования Шуйского. Опаснейшим из всех был тот, которого опять прислали к нам поляки. Эти непримиримые враги наши, мстя Шуйскому за соотечественников своих, убитых в Москве вместе с Отрепьевым, поклялись во что бы то ни стало отнять у него престол. Прежде всего они старались сделать Василия ненавистным народу: преувеличивали все его недостатки, представляли в дурном виде все его хорошие качества, говорили даже, что он не может называться законным государем, потому что выбран одной Москвой, а не всеми областями русскими*. Вместе с этим распространяли они слух о том, что во время мятежа в Москве был убит не Димитрий, а один из придворных, походивший на него лицом, сам же он успел уехать и скрывается теперь в Польше, у тещи своей, в Самборском замке.

* Шуйский избран был через два дня после мятежа в Москве. Узнав о его избрании, все другие области

охотно последовали примеру Москвы и присягнули ему как законному государю.

Люди легкомысленные, всему верившие, ветреники, полюбившие беспрестанные перемены в правлении, злодеи, надеявшиеся пользоваться такими переменами, слушали эти рассказы с жадностью. Нашлись даже дерзкие смельчаки, которые начали набирать войско и с ним покорять города именем царя Димитрия. Среди них особенно отличался князь Григорий Шаховской. Он в короткое время возмутил всю землю Северскую и Рязанскую и составил войско из жителей изменивших городов, из стрельцов, казаков, детей боярских и даже крестьян, толпами приходивших под знамена любимца своего Димитрия. Подивитесь такому усердию, милые читатели, тем более что еще никто не видел этого нового Самозванца и что одно имя его в течение года покоряло города и целые области. Полякам трудно было найти человека, который бы согласился играть эту опасную роль, только через год сыскался такой: одни историки называют этого второго обманщика Матвеем Веревкиным, бродягой и сыном какого-то священника, другие - жидом. С восторгом приняли его во всей южной России. Атаман днепровских казаков Заруцкий и начальник поляков пан Рожинский — друзья первого Самозванца, знавшие наверное, что он был убит, — не стыдились служить и второму, как истинному царевичу. Они оба доставляли ему каждый день новых воинов: к Заруцкому приходили казаки,

к Рожинскому — богатые паны со своими отрядами. С такими усердными помощниками, с доверчивой любовью русских к имени Димитрия и второй Самозванец так же легко побеждал, как и первый, и в июне 1608 года был уже в 12 верстах от Москвы, в селе Тушине.

Бедное отечество наше находилось в это время в самом жалком положении: верными царю оставались только отдаленная Сибирь и города Казань, Саратов, Нижний, Коломна, Новгород, Переяславль-Рязанский. Все же прочее принадлежало мятежникам. Село Тушино сделалось столицей нового царя их. Видя, что Москва не покоряется так скоро, как можно было ожидать того, судя по другим городам, Лжедимитрий, или, как предки наши называли его, *Тушинский вор*, укрепил столицу свою валом с глубокими рвами*, украсил новыми строениями, обогатил грабежом. Каждый день в Тушине походил на праздник: разного рода веселости, а более всего — вино и мед манили туда изменников, которых вскоре уже насчитывалось там вместе с поляками более 100 тысяч человек. Все они нетерпеливо желали доказать усердие свое *царику*** и готовы были с радостью умереть за него. Это усердие еще более увеличилось с тех пор, как гордая и бессовестная Марина, отпущенная по просьбе польского короля в отечество свое, согласилась на приглашение тушинского злодея и приехала к нему. Он встретил ее торжественно, как царицу русскую; она же притворилась так искусно, что все те, кто еще несколько сомневался в том, что тушинский царь —

истинный Димитрий, должны были удостовериться, глядя на свидание его с женою.

** И теперь еще в селе Тушине приметны следы укреплений.*

*** Тушинского вора называли также царьком.*

С того времени дела его пошли еще успешнее, в одном только случае он не мог преуспеть: верная Москва не сдавалась. Чтобы стеснить ее до последней крайности, он отрядил 30 тысяч войска под начальством двух, польских панов, Сапеги и Лисовского, взять Троицкую лавру Святого Сергия. Это священное место было всегда прибежищем для предков наших в дни бедствий их, но никогда оно не было так спасительно для них, как в это ужасное время. Лавра соединяла Москву с севером и востоком России: мимо нее лежала дорога в Новгород, Вологду, Пермь, Сибирь, в области — Владимирскую, Нижегородскую и Казанскую. Стало быть, она защищала эти земли от нашествия Самозванца, она предохраняла их от стыда изменить отечеству и государю законному. Чувствуя важность такого священного дела, монахи решились лучше умереть, нежели уступить полякам и русским изменникам, и сделались совершенными воинами: надели на рясы свои оружие, призывали к себе верных защитников отечества и вместе с ними сражались так храбро, что, несмотря на малочисленность свою, несмотря на болезни и голод,

продолжавшийся у них всю зиму, монастырь уже более года выдерживал жестокую осаду и как будто упрекал в слабости Москву, которая, имея гораздо более войска и жителей, нежели в Тушине, не могла решиться прогнать от стен своих дерзкого Самозванца и спокойно смотрела, как остальные города, до сих пор верные Василию Иоанновичу, мало-помалу начали оставлять его и покоряться Димитрию, как самые ужасные злодейства происходили во всех городах и селениях их, как русские, изменяя Богу и присяге своей и унижаясь перед недостойными поляками, казалось, уже потеряли и отечество, и веру свою. Невозможно описать, милые читатели, тогдашнего состояния предков наших! Я представлю вам, что говорит о том один из умных и добродетельных людей, живших в то время и собственными глазами видевших все происшествия, — келарь Троице-Сергиевого монастыря Авраамий Палицын:

«Россию терзали свои более, нежели чужие: проводниками, наставниками и хранителями поляков были наши изменники. Поляки только смотрели и смеялись над безумным междоусобием. В лесах, в болотах непроходимых русские указывали им дорогу, берегли их в опасностях, умирали за тех, которые обходились с ними, как с рабами. Не было милосердия: всех твердых в добродетели предавали жестокой смерти, бросали с крутых берегов в глубину реки, расстреливали из луков, грудных младенцев вырывали из рук матерей, разбивали о камни. Гибли отечество и церковь, храмы истинного Бога разорялись, как храмы

идолов во времена Владимира. Люди уступили свои жилища зверям; медведи и волки, оставив леса, ходили в пустых городах и селениях. Могилы возвышались, как горы. Граждане и земледельцы жили в лесах или в болотах и только ночью выходили из них осушиться. Не луною, но пожарами освещались ночи: грабители жгли все, чего не могли взять с собою; они хотели видеть Россию пустынею необитаемою».

Вот как ужасно было состояние отечества нашего в царствование Василия Иоанновича! Несчастный государь, несмотря на всю твердость свою, начал отчаиваться, но Бог, вероятно умиловивленный усердными молитвами добрых защитников Сергиевой лавры, послал избавителя и им, и всем верным русским.

Князь Михаил Васильевич

Скопин-Шуйский. 1609—

1610 годы

Этот избавитель был племянник царя — князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Прекрасный душою, прекрасный наружностью и превосходными качествами ума и сердца, молодой князь мог назваться утешителем, посланным Богом любимому им народу в трудное время бедствий.

Когда несчастья Василия Иоанновича достигли высочайшей степени, когда, окруженный изменниками, беспрестанно переходившими из Москвы в Тушино и из Тушина в Москву, он не находил уже надежных защитников царства между русскими, князь Скопин, не раз отличавшийся победами над войском Самозванца, послан был просить помощи у шведского короля. Умный посланник, несмотря на двадцатилетний возраст свой, исполнил самым лучшим образом важное поручение. Король шведский принял истинное участие в бедствиях России и дал князю Михаилу 5 тысяч воинов под начальством молодого генерала Делагарди. Сходство высоких характеров, равное благородство, равная любовь к чести и справедливости соединили обоих полководцев теснейшею дружбой. При единодушном желании спасти Россию для двух друзей не было ничего невозможного: Делагарди удерживал корыстолюбивых шведов, когда, не получая обещанного им жалованья, они несколько раз собирались воротиться в Швецию, Скопин, не имея казенных денег, платил им из собственных. Действуя с таким усердием, за несколько месяцев они выгнали мятежников из всех мест от границ новгородских до московских; возвратили под власть Василия все

города, через которые проходили, в другие же, отдаленнейшие, посылали для того чиновников; везде напоминали жителям о священной присяге их, данной законному государю, — одним словом, употребляли все средства, какие были в их власти, и имели полный успех. 12 января 1610 года верные и благочестивые монахи Троицкой лавры уже прославляли избавителя своего князя Михаила и с радостью смотрели, как бежал от стен их гордый Сапега, шестнадцать месяцев осаждавший знаменитую обитель Святого Сергия.

Поляки, жившие в Тушине, узнав о победах Скопина и о том, что он приближается к Москве, немедленно оставили Тушино и разбрелись в разные стороны. Надобно сказать вам, милые читатели, что Самозванца уже там не было, он убежал оттуда при первом известии об успехах войск князя Скопина и союзников его. Дерзкий обманщик отправился в Калугу и там собирал новые полки из безрассудных жителей, добродушно веривших его рассказам. Но теперь ему труднее было находить приверженцев: кроме сильного удара, которым поразил его Скопин, другой человек жестоко вредил ему. Это был король польский. Глядя на ужасные беспорядки, происходившие в отечестве нашем, честолюбивый Сигизмунд рассудил, что ему гораздо выгоднее воспользоваться ими самому, нежели помогать негодяю овладеть знаменитым престолом, которого давно добивались короли польские. Итак, он начал с того, что отправил в Россию новое войско, которому приказано было не защищать, а преследовать

Самозванца, возратить от него всех поляков под знамена короля и обещать всем русским мир, спокойствие и счастье, если они свергнут с престола Шуйского и покорятся Польше.

Как только поляки, уже более двух лет разорявшие Россию с тушинским Самозванцем, узнали о новых распоряжениях Сигизмунда, то, вместо того чтобы покориться воле короля своего, многие из них остались защитниками Лжедмитрия и смело пошли против Сигизмунда. Таким образом, бедное отечество наше должно было видеть не только междоусобную войну собственных сынов его, но и кровопролитные ссоры чужеземцев. Сигизмунд уже осаждал Смоленск, Тушинский вор вместе с недостойной Мариной величался последними своими успехами в Калуге в то самое время, когда князь Скопин разогнал из Тушина остатки поляков и русских изменников.

Довольный счастливыми успехами, относя их не к себе, но к чудесной помощи Бога, надеясь довершить избавление отечества и изгнать из Смоленска Сигизмунда, а из Калуги — Самозванца, молодой герой был в это время счастливейшим человеком в мире. Благодарный народ в восторге признательности называл его не иначе как отцом отечества, своим возлюбленным Михаилом. Радостные восклицания встречали и провожали его везде, где он показывался. Не любя Василия Иоанновича и приписывая ему все несчастья свои, русские — иные шепотом, другие громко — говорили, что никто более Михаила не заслуживает

чести быть царем России и что старый, никакими достоинствами не отличающийся дядя должен уступить престол молодому, храброму, великодушному племяннику, обещающему столько славы отечеству. Рязанские дворяне осмелились даже торжественно предложить корону Скопину через наместника своего — думного дворянина Ляпунова. Бескорыстная, великая душа молодого героя, нелицемерно уважавшего несчастного дядю, содрогнулась от гнева при таком предложении. Он с твердостью отверг его, и только раскаяние спасло от наказания дерзких рязанцев.

Велик был Михаил в эту минуту, лучшую из жизни его! Редко встретите вы в истории царей и царств человека, который бы отказался от престола — и отказался так искренно. Невинная душа его даже не понимала, как могло быть что-нибудь выше того счастья, каким наслаждался он, спасая отечество свое и видя радость и веселье народа, бывшего еще так недавно близким к отчаянию.

Со сладостным чувством этого счастья, с самым чистым намерением посвятить жизнь свою милой родине молодой князь вместе с другом своим Делагарди въехал в Москву, где встретили его с различными чувствами: народ — с неописуемым восторгом, дядя — с притворною радостью: он узнал о предложении рязанцев и уже боялся князя, слишком любимого всеми русскими.

Этот страх возбудил в Василии брат его князь Димитрий Шуйский, надеявшийся быть со временем

наследником престола и потому ненавидевший Скопина. С каждым днем более и более пугал он брата своими подозрениями, так что царь, хотя и знал, что надо как можно скорее послать помощь осажденному Смоленску, все еще не мог решиться опять поручить войско Михаилу и, чтобы не дать заметить своей медлительности, старался отклонять племянника от его цели пышными праздниками. Беспреданно кто-нибудь из бояр давал пир в честь избавителя, и на одном из них — на обеде у Димитрия Шуйского — молодой князь вдруг занемог, и через несколько часов прекрасная душа его вместе с лучшими надеждами России отлетела на небо.

Невозможно описать ужаса Москвы! Как только страшная весть о неожиданной кончине Михаила разнеслась в столице вместе с рассказами о том, что болезнь его случилась в ту самую минуту, когда он выпил кубок вина, поднесенный хозяйкой дома княгиней Екатериной Шуйской, народ с отчаянием и яростью бросился в дом брата царского, и Димитрий едва спасся от смерти, благодаря воинам, присланным государем. Народ старались уверить, что молодой князь скончался своей смертью, но не многие верили этому и почти все подозревали, что в вине, поднесенном знаменитому гостю, был яд.

Такое бедственное происшествие могло ли не вооружить весь народ против Шуйских? Они отняли у него того, кто один мог спасти Россию в это трудное время. Все знали, что и поляки, и Самозванец,

и изменники русские боялись только одного Михаила, и все ожидали, что с известием о кончине его в них оживут новые надежды. Так и случилось: все они снова обратились к Москве. Один Сигизмунд не хотел оставить Смоленска, но зато он отправил к несчастной столице русской одного из самых умных и храбрых полководцев своих— гетмана Жолкевского и с ним несколько тысяч войска.

К многочисленным врагам Василия Иоанновича прибавился еще новый род злодеев: люди, уверявшие народ, что он был причиной смерти племянника. Это обвинение, вовсе несправедливое, довершило гибель Шуйского. Число ненавидевших его увеличилось вдвое, и полякам еще легче было теперь склонять русских на измену Василию. Они и изменники русские действовали так усердно, что не прошло и трех месяцев после кончины Михаила, как 17 июля 1610 года Василий Иоаннович был вывезен силой из дворца вместе с молодой супругой своей и на другой день пострижен в монахи.

Но этим еще не кончились страдания государя, в полной мере заслужившего название *несчастливого*. Впоследствии неблагодарные подданные выдали его как пленника полякам. Увезенный в Варшаву, он должен был видеть торжество Польши над бедным отечеством своим, должен был перенести всю меру унижения для царя русского— быть невольником в столице польской! Но он перенес его с честью, достойной знаменитой короны, четыре года украшавшей его

голову. Это можно видеть из следующих немногих слов, сказанных им в минуту, самую горькую для него и самую приятную для поляков.

Когда во время торжественного представления Василия при дворе польском гордый Сигизмунд со всей надменностью победителя принимал своего царственного пленника, сидя на великолепном троне, поляки хотели, чтобы он поклонился королю, — Василий с благородной гордостью отвечал им: «Царь московский не кланяется королям! По воле Бога я пленник, но взят не вашими руками: меня выдали вам мои подданные — изменники». Такая твердость и чувство собственного достоинства в положении безнадежном удивили поляков и заставили их уважать Василия.

Оплакивая бедствия милого отечества, оплакивая собственную судьбу и судьбу семейства своего, Шуйский жил в замке Гостинском, близ Варшавы, и там скончался 12 сентября 1612 года. Там же умерли и братья его, вместе с ним привезенные в Польшу. Сигизмунд поставил над могилой Василия памятник. Гордая надпись говорила прохожим о торжестве короля и унижении русских. Поляки 23 года величались этой славной для них гробницей и только в 1636 году вынуждены были отдать ее России.

Может быть, читатели мои с сердечным участием и нетерпением спросят меня: «Что же в это время делалось с отечеством нашим? Кто управлял им, когда несчастный государь его кончил жизнь в земле врагов

своих? Кто защищал его? Кто заботился о нем?»
О друзья мои! Оно было несчастнее, чем когда-нибудь:
в нем не было царя! Этого довольно, чтобы дать вам
понять весь ужас тогдашнего положения наших
предков.

Таблица XLI

Семейство царя Василия V Иоанновича Шуйского

Супруга: княжна Мария Петровна Буйносова-
Ростовская

Дочь: Анастасия, скончалась в детстве

Междоцарствие. 1610—

1613 годы

Так называется в истории нашей это несчастное
время, когда русские не имели государя и потому
испытывали всю горечь сиротства и беззащитности.
Оно продолжалось три года и заключало в себе столько
бедствий, что я не знаю, с чего начать рассказ мой.
Сказать ли вам о том, что терпели бедные жители
Смоленска во время продолжительной осады их города

королем польским? Сказать ли вам о той твердости, с какой они переносили свои страдания, о той неустрашимости, с которой около двух лет защищали город свой, и наконец о том геройстве, с которым знатнейшие из них решили лучше умереть, нежели сдать ся неприятелю? Для этого они затворились в одной из главных городских церквей, подожгли порох, лежавший в подвалах церковных, и взлетели на воздух на глазах удивленных поляков. Показать ли вам четырнадцать шатров, раскинутых в окрестностях Смоленска, за версту от королевского стана? Эти шатры бедны, некрасивы и вовсе не походят на чистые, белые как снег палатки, которыми бывают усеяны поля и холмы Красного Села в то время, когда стройные полки нашей прекрасной гвардии проводят там теплые дни июня и июля. И знаете ли вы, милые читатели мои, кто жил в этих бедных шатрах в глубокую холодную осень? Не солдаты и офицеры, которые, привыкнув ко всем трудностям войны, легко перенесли бы холод и сырость октябрьских ночей, а знаменитые бояре, приехавшие к Сигизмунду послами от всего московского народа, чтобы предложить престол русский шестнадцатилетнему сыну его Владиславу.

Вы, верно, удивитесь такому предложению, друзья мои? Да, положение бедных предков наших было так горестно, что для избавления себя от несчастий и от сильного врага своего Сигизмунда они не находили другого средства, как назвать государем своим сына его! До такого унижения довел их гетман Жолкевский, уже вошедший в Москву со всем своим войском. Однако

русские покорялись судьбе своей с мыслью, что королевич польский, принимая корону царей их, примет в то же время их веру и обычаи, и потому, чувствуя всю важность посольства своего, они выбрали для этого людей, самых отличных по уму, добродетелям и преданности отечеству. Первые места занимали между ними ростовский митрополит Филарет Никитич Романов и князь Василий Васильевич Голицын. Свита их состояла также из самых знатных дворян и духовенства. Злые поляки заставили их терпеть холод и даже голод в шатрах, разбросанных на полях смоленских. Более восьми месяцев они держали их там и потом отправили пленниками в Польшу за то, что они не согласились отдать Россию без всяких условий во власть польского короля. Ужасно было положение этих верных защитников отечества, этих знаменитых страдальцев за честь престола русского!

Оставим эту печальную картину, она слишком мрачна для вашего воображения, милые дети. Но на чем же остановимся мы? Описать ли вам состояние Калуги, где в один день тушинский злодей был убит, а у Марины родился сын, которого она назвала царевичем Иоанном Димитриевичем? Говорить ли вам о новых замыслах этой презренной женщины, которая вскоре подружилась с дерзким атаманом днепровских казаков Заруцким и обвенчалась с ним на том условии, что он посадит на престол московский маленького сына ее и от имени этого сына будет управлять вместе с нею государством? Представить ли вам южную часть бедного отечества нашего, которую крымцы опустошали набегами,

Астрахань, где беспрестанно появлялись новые самозванцы, Новгород, где прежний знаменитый друг князя Михаила Скопина-Шуйского генерал Делагарди уже действовал как неприятель и, пользуясь всеобщим расстройством, заставлял не только новгородцев, но и жителей многих других городов выбрать в цари принца Филиппа, сына короля шведского? Или посмотреть нам, что делается в это ужасное время в самом сердце России, в столице ее — Москве? По крайней мере, здесь мы можем отдохнуть! Здесь еще блестит слабая надежда на спасение.

Как ни велики несчастья москвитян, принужденных принять к себе гетмана Жолкевского со всем войском его, принужденных видеть собственными глазами весь ужас власти поляков над отечеством их, принужденных, наконец, присягнуть сыну короля польского, но у них есть еще люди, которые, несмотря на бурю, бушующую вокруг них, еще осмеливаются мечтать о спасении, еще не боятся говорить и бороться за погибающую родину! Это были патриарх Гермоген — не соглашавшийся признать царем Владислава и за то гонимый поляками, Прокофий Ляпунов — выступавший против Шуйского, но впоследствии решивший употребить все усилия, чтобы избавить русских от власти чужеземцев, и князь Трубецкой — второй после него начальник войска русского, пришедшего к Москве для ее избавления. Третьим отрядом — дружиною казаков — управлял Заруцкий. Если бы этот злодей не отделил желаний своих от желаний всей России и не сделался защитником безбожной Марины и сына ее, то, вероятно,

бедствия отечества нашего не были бы так продолжительны и поляков выгнали бы из Москвы в то самое время, о котором мы говорим теперь, т.е. в 1611 году, но, вместо того чтобы действовать согласно с товарищами, Заруцкий, думая только о пользе Марины, старался погубить Ляпунова — того, кто первый начал призывать русских к спасению отечества, кто первый собрал и привел к стенам Москвы полки защитников. С надеждой смотрели на него все русские, но, прежде чем начались под Москвой важные сражения с поляками, Ляпунов был убит казаками Заруцкого.

Это последнее несчастье, уничтожив все ожидания предков наших, привело в неопишное уныние сердца их, они не знали уже, к кому обратиться со своей горестью, кого молить о помощи. Уже нельзя было искать ее на земле, только помощь небесная могла спасти их. И Бог послал ее тем, кто всегда твердо надеялся на него! Чудесна была эта помощь, любезные читатели, удивительны средства, какие употребил Господь для спасения России.

Из священного жилища Сергия, некогда усердного защитника России, — из монастыря Троицкого блеснул первый луч надежды для русских. Тамошние архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын первые начали великое дело спасения отечества. Они уговорили 200 стрельцов и 50 монастырских слуг идти на избавление Москвы. Этот небольшой отряд, конечно, ничего не значил в сравнении с силами

поляков, но он был началом того великого ополчения, которое собралось впоследствии со всех концов России по призыву Дионисия и Авраамия. Они посылали грамоты во все города и просили всех жителей их идти против врагов отечества. Авраамий, увлеченный своим пламенным усердием, оставил тихую жизнь монастырскую и был неразлучен с воинами, ободрял их в опасностях, разбираал их споры, мирил поссорившихся и даже сам участвовал в сражениях.

Между тем как в Москве гордые поляки смеялись над слабыми усилиями монахов лавры Сергиевой, грамоты Дионисия и Авраамия произвели чудо в Нижнем Новгороде. Усердно сходился слушать их народ во всех городах и селениях русских, весело было людям грамотным читать их землякам своим, собиравшимся около них и боявшимся проронить даже слово из умных посланий. Все они готовы были лететь на смерть за милую родину, но, не зная, как сделать это, проводили время в напрасных толках и, ничего не придумав, печально расходились в разные стороны. Так дошла очередь и до Нижнего, но там случилось иначе: там жил избавитель России!

И кто бы вы думали был этот избавитель, любезные читатели? Верно, вы скажете — какой-нибудь знаменитый и богатый боярин, известный всему государству. Нет, друзья мои, любовь к отечеству не принадлежит одной знатности и богатству: она равно разлита во всех добрых и благородных сердцах. Избавителем России в горестное время междуцарствия

был простой мещанин Нижнего Новгорода Козьма Минич Сухорукий, которого мы обыкновенно зовем *Мининым*.

Какое-то особенное чувство пылало в душе Минина во время чтения грамот Сергиевой лавры. Без сомнения, оно зажглось в нем по воле Божией, потому что могла ли высокая мысль — спасти Россию, уже погибавшую, уже преданную во власть поляков и шведов, уже называвшую царями своими и Владислава и Филиппа, прийти сама собой простому человеку, не имевшему никаких средств сделать такое чудо? Сам Минин чувствовал, что она внушена ему Богом, по той надежде, какую имел он на успех. Не медля ни одной минуты, он тут же, на площади, где читали грамоты, сказал народу: «Вера и отечество наше погибают, но мы можем спасти их. Не пощадим жизни и имущества для избавления Москвы, продадим свои дома, заложим жен и детей своих и выкупим из беды отечество! Бог благословит наше предприятие».

Какие прекрасные слова, друзья мои! Как хорошо, что история сохранила их во всей точности! Если они и теперь восхищают нас, то подумайте, какое действие произвели они на собравшихся нижегородцев. Прибавьте к тому, что слезы текли по щекам Минина, когда он говорил их, что святой огонь любви к отечеству блистал в его взорах, и вы не удивитесь, что действие слов его было чудесным. Нижегородцы в один голос вскричали: «Умрем за Русь святую!» — и спасение отечества нашего было решено. В этом

крике соединились все сердца, все души, все мысли, все желания русских. Он раздался во всех отдаленных местах России, он привел к одной цели всех верных детей ее, он воодушевил одинаковым усердием всех защитников ее. Это усердие было беспремерным, оно пылало не только в сердцах мужчин, но и женщин. Будучи не в состоянии проливать кровь свою за милое отечество, они приносили ему в жертву все, что имели: снимали алмазы и жемчуга со своих кокошников и повязок, лишали себя всех других драгоценных украшений и с радостью заменяли простым бисером изумруды и яхонты, так красиво блиставшие на шеях и руках их! Скажу вам еще более, милые читатели мои, — даже маленькие дети, глядя на родителей, делали то же: многие богатые мальчики не хотели носить золотых пуговиц на кафтанчиках, а девочки — дорогих сережек и запонок, все это они приносили своим маменькам и просили их отослать в ту же общественную казну народа, куда с таким чистым усердием сыпалось чистое золото русское. Эта казна хранилась у Минина: он продавал драгоценные пожертвования и на вырученные деньги содержал воинов, со всех сторон сходящихся на защиту родины. Благодаря такому усердию новое войско уже имело все нужное, недоставало только полководца, которому бы можно было поручить спасение царства.

Минин и в этом случае вывел из затруднения своих соотечественников. Служив некогда в полках царских, он, несмотря на лета свои, еще был храбр и любил слушать рассказы о делах знаменитых полководцев

русских, знал почти всех их лично и безошибочно мог судить, кто из них был первым по достоинствам. Он отдавал это первенство князю Димитрию Пожарскому, уже известному своей любовью к отечеству, своим усердием, своей — в полной мере русской — неустрашимостью. Защищая бедных москвитян с небольшими отрядами своими против многочисленных поляков, князь Пожарский за год перед тем был опасно ранен и в это время, выздоравливая от ран, жил в деревне своей, за 120 верст от Нижнего Новгорода. Вот к нему-то отправился Минин, его-то умолял именем всех русских спасти Россию.

Тронутый таким доверием, готовый пожертвовать последней каплей крови за веру и отечество, Пожарский с восхищением принял предложение народа и, уже не думая о ранах своих, едва закрывшихся, отправился к войску, с нетерпением его ожидавшему. С этой минуты судьба России переменилась и торжество поляков над бедными предками нашими кончилось. Злые враги при первом известии о всеобщем ополчении русских почувствовали погибель свою, и первой жертвой их злобы сделался патриарх Гермоген: они замучили голодной смертью этого святого защитника церкви и престола, но он умер спокойна, потому что уже знал о приближении к Москве Пожарского, и праведная душа его, расставаясь с жизнью, благословляла воинов и молилась об успехах их.

Народное ополчение соединилось в конце августа 1612 года с войском, более года стоявшим около Москвы. Начальник его князь Трубецкой и Авраамий Палицын с радостью встретили новых товарищей. Теперь уже не страшны были для них замыслы Заруцкого — слава Пожарского, присутствие Минина, пламенное усердие народа ручались за победу. Вид московского стана совсем переменялся: там уже не встречались более лица бледные и унылые, не слышны были тяжелые вздохи воинов, опечаленных беспрестанными неудачами, не лились слезы жен и детей их, приходивших из Москвы украдкой от злых поляков повидаться со своими милыми. Теперь там все были бодры и спокойны, и, несмотря на то что многочисленное войско польское под начальством гетмана Хоткевича шло на помощь полякам, владевшим Москвой, русские были уверены в победе.

22 августа первые отряды Хоткевича перешли Москву-реку и остановились близ Новодевичьего монастыря. Пожарский и Трубецкой встретили их и сражались три дня. Храбрость видна была с обеих сторон, но победу русских замедляли казаки, находившиеся в войске князя Трубецкого: эти расчетливые воины вздумали в ту минуту, когда решалась судьба отечества, спорить о жалованье своем и, говоря, что они еще не получили его, не хотели сражаться. В каком затруднительном положении были тогда начальники войска! Князь Пожарский и Минин не хотели верить, что это были русские! Да и наши нынешние добрые донцы не поверят, что это были

люди, которые когда-нибудь назывались казаками. Но тут есть причина, которая несколько извиняет их, — эти казаки были товарищами злодея Заруцкого. Слава Богу, что в эту ужасную минуту, когда могли погибнуть все великие намерения спасителей России, нашелся человек, который был в состоянии поправить зло, причиненное изменниками чести русской. То был добрый неутомимый Авраамий Палицын. С чувством души высокой и благородной, с трогательными слезами человека, пламенно любившего отечество свое и боявшегося увидеть гибель его, показал он казакам всю низость поступка их, обещал им вместо денег, которых уже не было ни у него, ни в казне Сергиевой лавры, все богатые ризы и вещи церковные, умолял их именем Бога и Святого Сергия не отказываться от сражения.

Эти убедительные слова, это имя Бога и его угодника напомнили казакам долг их, показали им всю безрассудность, все малодушие их. С раскаянием в сердце, с клятвой победить или умереть полетели они на поле сражения, где счастье уже было на стороне гетмана. Храбрость казаков переменяла судьбу его, но победа все еще оставалась нерешенною, как вдруг Минин, вспомнив, что часто в молодости смелость его доставляла победу тому полку, где он находился, отобрал триста отличных воинов и с ними бросился на неприятелей сзади. Такое неожиданное нападение смешало польское войско, ряды его расстроились, а русские воспользовались этим беспорядком — и славная победа сделала навсегда незабвенным для нас

день 24 августа. Более 15 тысяч поляков было убито, а остальные с гетманом ушли в Польшу. Освободясь таким образом от сильного войска, посланного на помощь полякам, князя Пожарский и Трубецкой еще смелее подступили к столице и окружили ее войском со всех сторон. Поляки, не имея возможности выезжать из города за съестными припасами, страдали от голода, который был так велик, что они ели собак, кошек и мышей, но все еще упрямылись и не хотели покориться. Наконец страшный голод дошел до крайности, и 22 октября 1612 года поляки сдались, и Москва, обезображенная, разоренная, но оживленная надеждами на будущее счастье, приняла с любовью и благодарностью храбрых освободителей своих.

Вслед за этой радостью русские услышали о другой: Сигизмунд, узнав, что Хоткевич разбит, и видя, что войско его гибнет в России от голода и наступивших морозов, отказался на время от своих гордых намерений завладеть отечеством нашим и отправился в Польшу. Но не он один был сильным врагом земли русской и опасным искателем престола ее. С другой стороны страшил ее грозой знаменитый Густав-Адольф, тогда только что сделавшийся шведским королем. Он напоминал Новгороду и другим северным городам нашим клятву, данную ими Делагарди, что они избирают царем меньшого брата королевского, принца Филиппа.

Так, прежде чем народ успел порадоваться победе своей, новая буря уже собиралась над головой его!

Спасти себя от нее можно было только под могущественной защитой царя, а его не было у русских! Страх подвергнуться новым бедам и уверенность в том, что счастье России есть всегда *дело государя ее*, заставили и вельмож, и народ поспешить с важным выбором того, кому надобно было поручить судьбу отечества. Но как труден был этот выбор после двух неудачных! Царствования Годунова и Шуйского пугали русских. С горестью вспоминали они снова о несчастной кончине царевича Димитрия и о том, что уже не поколение прежних царей будет управлять ими. Печально и с сомнением смотрели они на дома знаменитых бояр и не знали, в котором из них искать *надежу-государя*. Во время этой нерешительности чувство живейшей благодарности привязывало их к князю Пожарскому, и, как рассказывают некоторые повествователи, многие, увлеченные им, уже думали назвать царем героя — спасителя отечества.

Утешительно было для князя Пожарского услышать о таком намерении соотечественников, оно доказывало любовь и благодарность их, а эти два чувства составляют всегда лучшие радости человека. Насладившись ими, знаменитый князь хотел быть в полной мере достойным их, и потому, вместо того чтобы воспользоваться восторгом благодарных сердец русских, он отклонил намерение их и был одним из первых, напомнивших вельможам и боярам-избирателям о том, кто имел право на корону России: это был близкий родственник царей наших, племянник

Анастасии. «Правда, — говорил князь Пожарский и другие бояре, бывшие одного с ним мнения, — он не принадлежит уже свету: умный и добрый Филарет наш — служитель Божий, и к тому же он теперь в Польше, пленник Сигизмунда, но у него есть сын — шестнадцатилетний Михаил. Вот кто должен быть царем нашим и по праву рождения, и по праву заслуг его предков, и по праву воспитания своего: кельи монастырские и наставления благочестивой матери-монахини ручаются нам за чистоту его сердца. Итак, друзья, пусть будет царем нашим Михаил Романов!»

«Да здравствует царь наш! Да здравствует Михаил!» — воскликнуло в один голос все собрание. Так согласно и быстро сделан был этот счастливый выбор. Имя Михаила, произнесенное единогласно, казалось для всех волею Бога, определением небес. Народ с восхищением повторял восклицания бояр: родство избранного царя с поколением Рюрика, с добродетельной Анастасией, удовлетворяло пламенные желания русских, обещало им снова продолжительное счастье. С чувством радости, уже не боясь за свое будущее, все пошли в церкви благодарить Бога. Вы, верно, угадаете, друзья мои, что в это время всех приятнее было молиться князю Пожарскому: на совести у него было чисто и светло.

Память об этом знаменитом и великодушном избавителе отечества нашего во время величайших опасностей его продлится до тех пор, пока будет существовать Россия и пока русские будут

чувствительны к добродетелям своих предков. Эти добродетели были не перенятые от других народов, а врожденные: они одинаково были свойственны людям всех званий и состояний, и читатели мои, удивляясь славным делам царей, князей, бояр, духовенства и, наконец, простых мещан, в числе которых был Минин, удивятся еще более, когда я скажу, что и крестьяне могли гордиться героями, достойными в полной мере этого названия. Прочитайте следующий рассказ, и вы поверите этому.

Иван Сусанин и его

потомство. 1613 год

В нескольких верстах от Костромы есть село Домнино. В нем живут 105 свободных поселян, которые не платят податей, не исполняют никаких повинностей, т.е. не мостят дорог, не держат лошадей для почты и проезжих, не представляют рекрутов на службу государеву — одним словом, не знают никаких тягот жизни общественной, но пользуются всеми выгодами ее. Этих счастливцев называют *белопашцами*.

Знаете ли, милые друзья мои, отчего они наслаждаются такой приятной жизнью и кому обязаны всеми преимуществами своими? О, это любопытное и трогательное происшествие, вы, верно, поблагодарите меня, если я расскажу о нем. Послушайте же.

В то время когда сердца всех русских с согласным, единодушным восторгом назвали государем своим Михаила Романова и уже с нетерпением ожидали известия о том, как примет он и благочестивая мать его монахиня Марфа Иоанновна послов московских, поехавших к ним с усердными мольбами от имени всего народа, поляки, узнав об этой новости и предвидя, как повредит она намерению их завладеть Россией, решили погубить избранного царя. Шестнадцатилетний юноша, отец которого, пленник в Варшаве, оплакивал бедствия своего отечества, а мать, насильно постриженная, проводила печальные дни в монастырской келье, не мог быть страшен для врагов сильных и многочисленных, и гибель его казалась для них легкою: все зависело от того только, чтобы сделать это прежде, чем послы успеют приехать к нему и превратить скромное беззащитное жилище молодого боярина в неприступный, окруженный верными подданными дворец избранного государя.

Рассуждая таким образом, отправили они отряд самых решительных злодеев в поместье Романовых. Это поместье было в Костромской губернии, ему принадлежало также и то село Домнино, о котором мы говорили в начале этого рассказа. Отряд поляков

уже появился в Домнине, оставалось не более версты до той деревни, где был господский дом, в котором жил молодой Михаил в разлуке с добрыми родителями, тоскуя о несчастной судьбе отца и услаждая горечь свою только свиданиями с матерью, монахиней, жившей в нескольких верстах от него, в Ипатьевском монастыре. Убийцы не знали дороги в эту деревню и случайно встретили крестьянина из села Домнино Ивана Сусанина. Нетерпеливо начали они спрашивать у него, как им найти поместье нового царя Михаила Феодоровича, и, чтобы не показаться подозрительными, злодеи притворились, что посланы от друзей его, чтобы прежде всех поздравить с неожиданным счастьем. Но Сусанин был умен и сметлив: он догадался, что имеет дело не с друзьями, а с самыми жестокими врагами господина своего. По платью он тотчас узнал в них поляков, а в то время этого довольно было, чтобы встревожить всякого русского. Чувствуя, что от его скромности и осторожности зависит жизнь боярина, он в ту же минуту решился на все, чтобы только спасти его. Искусно скрыв радость, которая взволновала сердце его при известии о том, что молодой Михаил Феодорович избран царем России, он отвечал на расспросы поляков самым простодушным рассказом о том, что он очень хорошо знает поместье Романовых, что часто бывает там и может проводить дорогих гостей помещика до самого дома его.

Притворное простодушие крестьянина обмануло поляков: они поверили его словам и велели вести себя как он знает. Что же он сделал и куда повел их?

В противоположную сторону от настоящей дороги! А между тем успел отправить молодому царю весть об угрожавшей ему опасности. Долго поляки шли с проводником своим, нигде не останавливаясь, и наконец ночью пришли в самый густой, дремучий лес, где никогда никто не проходил и не проезжал. И там еще Сусанин долго водил их, уверяя, что сбился в темноте с тропинки. Наконец злодеи начали догадываться, что проводник обманывает их, и с гневом сказали ему это. «Нет! — отвечал неустрашимый Сусанин, уже предвидя свою мучительную смерть. — Нет! Не я вас, а вы обманули сами себя. Как могли вы думать, что я выдам вам нашего государя? Он спасен теперь, и вы очень далеко от его поместья! Вот вам голова моя, сделайте со мною что хотите, я отдаю себя Богу!»

Вы можете представить себе, милые читатели, какие жестокие мучения были наградой благородному Сусанину за его верность и мужество, за его великодушное пожертвование собой! Злодеи, видя перед собою верную смерть в лесу, где никогда еще не было протоптано ни одной тропинки, где земля покрыта была глубоким снегом, как будто грозившим заморозить их, набросились с неопишуемой яростью на доброго слугу Романовых, и ужасны были страдания, какие вытерпел он, умирая от рук их. Но эти страдания были вознаграждены. На небесах Бог принял с любовью прекрасную душу Сусанина, на земле царь по-царски наградил усердие и верность его: он дал детям своего спасителя земли, лежавшие

в окрестностях села Домнина, половину деревни Деревнище, принадлежавшей этому селу, и, наконец, все преимущества и выгоды, которые должны на вечные времена отличать потомков Сусанина от других государственных крестьян. Слово «белопашцы», или «беляне», произошло, вероятно, оттого, что в старину отмена всех податей и повинностей с какого-нибудь селения или земли называлась *обелением их*, и в царской грамоте, полученной детьми Сусанина, приказано было *обелить* деревню, им пожалованную. Здесь кстати сказать вам, друзья мои, что эти дети и потомство их зовутся не Сусаниными, а Собиниными. Это потому, что у Ивана не было сына, а только дочь Днтонида, которая была тогда замужем за Богданом Собининым и имела двух сыновей— Даниила и Константина. Вот они-то и пользовались наградой за героический поступок своего дедушки, и от них-то происходят все белопашцы, которых по последним сведениям считалось в 1836 году 105 душ мужского и 121 душа женского пола.

Графиня Ростопчина посвятила несколько прекрасных строк Сусанину. Верно, читатели мои с большим удовольствием прочтут их.

Тебе ль чугуна, тебе ли мрамор ставить,
Сусанин, верный сын, честь родины своей?..

Тебя ли можем мы прославить
Деяньем рук и грудями камней?..

Чугун растопится... полудня мрамор белый

Раздробят долгие морозы русских зим...
Есть памятник иной: он тверд, несокрушим,
Он силен и велик, как ты, Сусанин смелый!
Сей вечный памятник тебе сооружен
В сердцах признательных потомков:
Во дни крамол и смут, из пепла, из обломков
С Россией новою восстал как феникс он
И с ней цветет поднесь, могучий и спокойный.
Да!., благоденствие и слава россиян,
Да!., громкие хвалы позднейших сограждан —
Вот памятник, Сусанина достойный!..

Скромность Романовых.

1613—1619 годы

Прекрасная цель, к которой стремилось доброе сердце верного Сусанина, была достигнута почти в то самое время, как он умирал от рук убийц своих: московские послы нашли молодого Михаила

в совершенной безопасности у родительницы его, в Ипатьевском монастыре. Весело приблизились они к этим священным стенам, заранее радуясь счастьем показать усердие свое новому царю прежде других подданных. В грамоте, которую они везли к нему, народ так трогательно умолял его принять корону русскую, корона эта была так знаменита, блеск, окружающий престол, так пышен и приятен, что никто из послов никак не воображал, что молодой боярин мог даже минуту помедлить с согласием на такое счастье. Но как же обманулись эти люди! Они не знали, какая скромность отличала семейство будущих царей их. И Михаил, и кроткая мать его не только не обрадовались, но даже испугались высокой чести, им предложенной. Первый, несмотря на молодость, обыкновенно гордую и высоко о себе думающую, совсем не считал себя способным быть государем обширного царства Русского, вторая, воспитав в смирении милое дитя свое, совсем не приготовив его к величию, еще более трудному по причине чрезвычайной молодости Михаила, и зная, какие опасности окружали в это бурное время престол русский, видела одни бедствия в неожиданной перемене судьбы сына своего и, проливая слезы, никак не соглашалась благословить его на царство. Напрасно умоляли их послы и все знатнейшие бояре и духовенство: они с твердостью отказывались и говорили, что считают дерзостью думать о таком предложении и никогда не примут его.

Все поражены были неожиданной горестью, лишаясь царя, с таким восторгом всеми избранного, царя, скромность и добродетели которого уже в шестнадцатилетнем возрасте так много обещали народу. Не зная, что делать в этом затруднительном положении, добрые предки наши прибегли к обыкновенному помощнику своему — Богу и, усердно помолясь ему в соборной церкви Богородицы, пошли с крестами и образами еще раз убеждать государя. Михаил и родительница его вышли им навстречу, приложились к образам и вместе с ними вошли в церковь. Начались новые просьбы, полились новые слезы, но уже плакала не одна смиренная Марфа, плакал весь народ, умоляя ее о согласии. Главный из послов, рязанский архиепископ Феодорит, представлял ей расстроенное состояние России и все несчастья, какие терзали ее с тех пор, как, сиротея без царя, она лишилась могущественного защитника своего и сделалась игралищем государей и собственных злодеев, говорил все, что сердце, любящее отечество, может придумать самого убедительного, но, видя, что все слова его имеют мало успеха, сказал наконец, что Бог в день Страшного суда спросит у сына ее отчет в счастье того народа, который от него одного ожидал окончания своих бедствий и был отвергнут им. Мысль о том, что Бог, ниспосылая Михаилу высокую судьбу царя, без сомнения, ниспошлет ему и силы к исполнению трудных обязанностей его, заставила ее решиться. Она подняла полные слез взоры к небу, взяла за руку сына и, подведя его к образу Богородицы,

сказала: «Велик Господь и чудны дела его! Воле его никто не может противиться! Тебе, о Матерь Божия, предаю дитя мое!»

Согласие матери обещало согласие сына, и Михаил, как ни огорчался опасным величием будущей судьбы своей, как ни боялся всей важности новых обязанностей, должен был согласиться. Архиепископ тут же надел на него животворящий крест царский, а старший боярин поднес скипетр. Это было 14 марта 1613 года.

Спустя несколько дней государь выехал из Костромы и, останавливаясь во многих городах для занятия делами государственными, а в монастырях — для молитвы, не прежде 29 апреля приехал в Москву. Не буду рассказывать вам, друзья мои, с каким восторгом народ встречал его во всех местах этого путешествия и наконец в самой Москве. В это время Москва, сожженная, разграбленная, обезображенная, перестав считать себя сиротой, Не замечала печальных развалин своих и в очаровании радости казалась для всех горделивой, пышной и прекрасной. Зато добрый Михаил замечал эти развалины, проезжая по улицам московским. О, как хотелось ему утешить бедных москвитян! Как хотелось ему поскорее возвратить им прежнее счастье!

С первых дней своего царствования он начал заботиться об этом и в полной мере оправдал надежды русских, несмотря на все трудности, какие нужно было ему преодолеть, управляя государством, со всех сторон

разоряемым. Жестокие враги нашего отечества еще не усмирились: шведы— в северных областях, поляки и помощник их, гетман запорожских казаков Сагайдачный,— в западных, изменник Заруцкий— в Астрахани продолжали свои злодеяния. Первые действовали именем принца Филиппа, вторые— именем Владислава, который наконец и сам пришел с войском к Москве требовать короны русской, третий— с так называемой царицей Мариной еще не оставлял безумной надежды завладеть со временем престолом и, покорив Астрахань, жил там царем и уже отправлял посольства к персидскому шаху Аббасу, прося его покровительства и помощи против русских.

Вот сколько опасностей угрожало Михаилу! Но с твердостью, осторожностью и благоразумием он всегда находил средства избегать или совсем уничтожать их.

Прежде всего он постарался избрать в советники свои самых достойных из тех бояр и воевод, которые участвовали в спасении отечества. Разумеется, что первые места занимали князья Пожарский и Трубецкой и знаменитый гражданин Нижнего Новгорода Минин. Но последний недолго пользовался своим счастьем. Жизнь при дворе была не по нему: доброе сердце его, привыкшее к простоте, тосковало по родине, несмотря на все милости царские, и спустя три года Минин выпросил у государя позволения отправиться домой. В том же году он скончался

и погребен в нижегородской соборной церкви Преображения Господня.

Итак, выбрав себе умных и верных советников, наградив всех, кто показывал усердие свое в несчастное время междуцарствия, и простив всех раскаявшихся изменников, молодой государь, коронованный 13 июля того же 1613 года, принялся за устройство царства, почти разрушенного.

Из многочисленных врагов России прежде всех погиб Заруцкий. Усмирить его помог тот самый шах Аббас, от которого он ожидал покровительства. Зная о его злодействах, умный шах не поддался на обман и, уважая царя русского, выдал посланнику его чиновников Заруцкого. Вскоре Заруцкий услышал, что к Астрахани приближается отряд войск, посланный против него из Москвы под начальством князя Одоевского. Злодей испугался и вместе с Мариной и сыном ее бежал на один из островов реки Урал. Но князь Одоевский и там отыскал его, взял в плен и, успокоив бедных астраханцев, страдавших под жестокой властью бунтовщика, привез его в Москву. Здесь и он, и сын Марины были казнены, а сама она умерла с досады и горя в темнице.

Освободив Россию от этих внутренних врагов, молодой царь в то же время старался усмирить внешних. Заботясь гораздо более о спокойствии подданных, чем о распространении своих владений, он благоразумно согласился на мир со Швецией. Этот мир, заключенный в 1617 году в Столбове, близ

нынешнего Тихвина, не был выгоден Михаилу, потому что он должен был уступить Швеции Ингерманландию и Карелию и отказаться от прав своих на Лифляндию и Эстляндию, но зато Новгородская область благословила умеренность царя своего, и несчастные жители ее отдохнули от бедствий, какие несколько лет терпели от шведских войск и Делагарди.

В следующем, 1618 году Михаил заключил мир и с Польшей. Читатели мои знают, что Владислав вместе с атаманом Сагайдашным был уже под стенами Москвы. Ему очень хотелось надеть на себя славную корону русскую, и потому не удивительно, что он даже и разбойников брал в союзники свои: запорожские казаки с атаманом своим были настоящие разбойники. Кроме того, Владислав привел с собой наемное войско венгров и немцев и старался сколько мог возмутить против царя жителей всех областей, мимо которых проходил, но все это было напрасно: пятилетнее правление так утвердило русских в привязанности их к Михаилу, так явно показало им все прекрасные качества и все умные распоряжения его, так убедило их в мысли, что он один может спасти отечество от гибели, что жадный королевич польский почти везде встречал отказы на бесчестные предложения свои и только разве силой мог заставить жителей некоторых городов и селений изменить законному государю. Другим препятствием для намерений Владислава были храбрые полководцы Михаила, между которыми более всех отличались князя Пожарский и Трубецкой, окольный Годунов и воевода Жеребцов. Первые три

заставили Владислава отступить от Москвы, последний — от Троицкого монастыря. Это священное место, так часто защищавшее отечество наше, опять спасло его: здесь Владислав в первый раз почувствовал невозможность завладеть престолом России и отказался от этого бегарасеудного намерения. Он послал в монастырь к воеводе Жеребцову и келарю Авраамию грамоту, в которой писал, что соглашается переговорить о мире.

Вы можете представить себе, друзья мои, что после всех ужасов, какие происходили в России от этой продолжительной войны с поляками, предки наши очень обрадовались предложению королевича, и царь Михаил Феодорович тотчас же отправил в монастырь для мирных переговоров одного из первых бояр своих — Шереметева с двумя дьяками — Болотниковым и Сомовым. Они съехались с польскими министрами и чиновниками в деревне Деулиной, лежавшей в трех верстах от монастыря, и после многих споров с обеих сторон согласились помириться на четырнадцать лет и шесть месяцев.

Это перемирие дорого стоило России: она должна была уступить Польше много городов своих, в том числе Смоленск, Чернигов, Новгород-Северский и Стародуб. Но эта потеря заменялась лестным вознаграждением: кроме того, что все войска польские оставляли Россию, родитель доброго Михаила Филарет Никитич получил свободу после девятилетнего плена в Варшаве.

Не знаю, что описать вам, милые читатели мои, — тихую радость отца, какую чувствовал добродетельный Филарет, когда узнал, что Бог так милостиво вознаграждал его продолжительные страдания и с такою славой возвращал на родину в объятия милого сына и царя, уже несколько лет прославляемого народом, или ту пылкую радость сына при одной мысли о близком свидании с нежным родителем? Вам не понять еще чувств счастливого отца, и маленьким сердцам вашим гораздо ближе сыновняя радость молодого Михаила.

Итак, послушайте об этом. В то время по всей России и старики, и дети рассказывали друг другу о том, с каким нетерпением ожидает царь отца своего, какие почести готовит ему, с какой заботливостью посылает государственных чиновников встречать его во всех городах, где он будет останавливаться. О, как бы желала я, чтобы все вы, маленькие друзья мои, навсегда оставили в памяти то, что рассказывает нам история об этом глубоком уважении царя Михаила Феодоровича к своему родителю! После такого высокого примера, верно, никто из вас не захотел бы быть непочтительным к своему папеньке или неблагодарным к маменьке, а каждый старался иметь хотя бы часть того прекрасного чувства, с которым Михаил выехал из Москвы навстречу отцу и, увидев его, упал перед ним на колени, несмотря на свое царское достоинство. Бояре и народ, видевшие это, навсегда сохранили уверенность в счастье отечества: добрый сын не мог не быть и добрым отцом и государем.

Михаил в этот счастливый день не хотел радоваться один: он осыпал милостями всех подданных, простил всех преступников, освободил всех заключенных и, наконец, заложил каменную церковь во имя того святого, чья память праздновалась в день возвращения Филарета.

Со времени этого возвращения счастье России еще более утвердилось: она имела теперь как будто двух государей, или, лучше сказать, одного государя в двух лицах. Со свежими юношескими силами Михаила, с пылким усердием его молодого сердца соединилась вся зрелость ума, вся опытность его родителя. Как благодетельно было для России это соединение! Все дела государственные шли в стройном порядке: сын с уважением принимал советы отца, отец не имел другой цели, кроме счастья и славы России. Во всех грамотах царских писали так: «Государь, Царь и Великий Князь Михаил Феодорович всея России и отец его, Великий Государь, Святейший Патриарх Филарет Никитич Московский и всея России, указали...» — Филарет Никитич посвящен был в патриархи вскоре после приезда своего из Польши. Неотступные просьбы сына, бояр и всего народа склонили митрополита принять это высокое звание.

Царица Евдокия. 1619—

1626 годы

Первой супругой Михаила Феодоровича была Мария Владимировна, княжна Долгорукова. Они нежно любили друг друга и потому были очень счастливы, но это счастье исчезло как сон: Мария скончалась через несколько месяцев после свадьбы. Царь неутешно плакал по ней и долго не мог решиться выбрать другую супругу, несмотря на то что народ пламенно желал, чтобы добрый государь его за все труды и беспокойства, соединенные с престолом, был снова награжден счастьем семейной жизни. Не один раз подданные Михаила просили его об этом, но царь продолжал отказываться: для него довольно было любви добрых родителей. Но когда и они начали советовать ему выбрать себе другую супругу, Михаил Феодорович решил исполнить общее желание и в январе 1626 года приказал, по обыкновению прежних царей русских, привезти ко двору прекрасных девиц из знатнейших семей.

Красавицы не с таким страхом собирались на этот съезд, как в то время, когда Иоанн IV выбирал первую супругу свою. Слух о кротости и добрых качествах Михаила так отличался от того, что говорили о Грозном, что все молодые боярышни с радостью спешили в Москву, во дворец государев. Их было шестьдесят. Каждая имела при себе прислужницу. Эти прислужницы оставались с ними во дворце и когда настал день выбора.

О, как встревожены были девушки в этот важный для них день! Как бились сердца их! С каким нетерпением ожидали они той минуты, когда государь придет посмотреть на них! Поутру он прислал им богатые платья, ни одна не осталась без дорогого сарафана и повязки. Чудно блистали дорогие камни на этих повязках, прелестны были красивые сарафаны из золотой парчи и газета, но еще прелестнее — лица девушек, на которых можно было прочесть то беспокойство ожидания, то радость надежды, то горделивость будущей царицы. Заботливо надевали они великолепные наряды свои, весело любовались собой в зеркалах, украшавших царские комнаты, и многие, очень многие сердито покрикивали на бедных прислужниц за неловкость или неумение их.

Вот наконец настал вечер. Молодой государь вместе с родительницей своей пришел к невестам: взор его равнодушно переходил с одной на другую, но вдруг выражение его лица переменилось: он остановил свой взгляд на девушке, робко притаившейся поодаль

от блистательных княжон. Повязка ее не сияла алмазами, простой темный сарафан не украшали золотые нашивки, на прекрасной шее и руках не перевивались зерна крупного жемчуга, едва приметны были только несколько ниточек разноцветного бисера. Кто бы подумал, что на эту девушку, так скромно одетую, на эту девушку, по всему походившую на прислужницу какой-нибудь из знатных боярышень, можно было хоть однажды взглянуть в той комнате, где было шестьдесят пышных красавиц? Но молодой царь взглянул на нее и не захотел глядеть ни на кого более. Кроткое, милое лицо ее решило выбор, и сердце Михаила в ту же минуту назвало ее своею супругой. Однако никто не узнал этого намерения, когда царь вышел из комнаты: он должен был прежде всего объявить его своей матери.

Как удивилась Марфа Иоанновна! Сначала она старалась переменить мысли сына, представляя, как огорчатся этим выбором знатнейшие бояре, отцы и родственники собравшихся невест, но потом, увидев твердую решимость его, согласилась.

Послали узнать имя счастливицы. Это была Евдокия Лукьяновна Стрешнева — дочь Можайского дворянина.

Евдокия, отец которой, несмотря на свое старинное дворянство, был так беден, что сам обрабатывал поле и жил в маленькой дереаушке, приехала в Москву прислужницей при дальней родственнице своей. Эта родственница была горда, сердита, своенравна, и потому бедной Евдокии с ее тихим и кротким нравом

часто случалось плакать от горя, но, чтобы иметь возможность помогать отцу, добрая девушка терпеливо переносила все, никогда не жалуясь и надеясь, что Бог вознаградит когда-нибудь ее труды и терпение. И эта надежда исполнилась: Бог в самом деле наградил доброе сердце ее таким блистательным образом! Считая неожиданное счастье свое драгоценной наградой, она приняла его с радостью и смирением и была на троне царском еще приветливее и добрее, нежели прежде в бедном своем состоянии. Это чувствовала более всех молодая родственница ее, которая прежде так грубо обходилась с ней, а теперь не знала, как благодарить добрую царицу за ласки, которыми она старалась доказать, что простила все причиненные ей обиды.

Маленькие читательницы мои! Вы видите на примере царицы Евдокии, как мало значат самые пышные и блестящие наряды. Не цените же их слишком высоко и помните, что никогда девушка не может быть так мила и привлекательна, как в то время, когда она скромна, просто вдевает и вовсе не думает восхищать всех собою.

Продолжение царствования

Михаила Феодоровича

и кончина его. 1626—

1645 годы

Несмотря на семейное счастье свое, увеличившееся впоследствии рождением двух дочерей, а в 1629 году — рождением наследника престола царевича Алексея, у Михаила Феодоровича бывали минуты, в которые не могли развеселить его ни нежность супруги и родителей, ни ласки детей. Это бывало, когда какие-нибудь новые опасности угрожали подданным его, какие-нибудь новые несчастья растрavляли свежие, еще не зажившие раны их. Такого рода огорчения чаще всех причиняли доброму государю неугомные соседи

наши — поляки. Королевич их Владислав, несмотря на заключенное перемирие, несмотря на обещание свое отказаться от всех требований на царство Русское, все еще надеялся рано или поздно завладеть им. В 1632 году умер отец его Сигизмунд III, и Владислав, сделавшись наследником его, начал еще смелее надеяться и не постыдился при восшествии своем на престол принять на себя вместе с именем короля польского и имя царя московского.

Такая дерзость не могла остаться без наказания, и, зная, как губительно было всякое нашествие поляков на Россию, осторожный Михаил принужден был предупредить Владислава и послать войско к Смоленску. С горестью видя этот знаменитый город в руках непримиримых врагов своих, царь хотел возвратить его. Русские радовались такому намерению и надеялись, что оно будет удачным: войско состояло из 100 тысяч человек под начальством знаменитого воеводы Михаила Борисовича Шеина. Шеин прославился в том же самом Смоленске во время продолжительной и несчастной осады этого города Сигизмундом. Читатели мои, верно, помнят, какую отчаянную храбрость показали тогда смоляне и как многие из них решились лучше погибнуть ужасной смертью под развалинами взорванной церкви, нежели быть пленниками поляков.

Первый пример этой неустрашимости, этой пламенной любви к отечеству подавал жителям Смоленска градоначальник их Шеин. Зато когда поляки

взяли Смоленск, Шеин стал первой жертвой их. Бесчеловечно погубив все его семейство, они отправили его самого пленником в Варшаву. Он прожил там девять лет и возвратился в одно время с Филаретом Никитичем. В душе его пылала непримиримая ненависть к полякам—убийцам супруги и детей его. Кому же лучше можно было поручить возвращение того города, где был он счастлив вместе с ними, и отмщение врагам его? Так думал государь, так думали все. Но вышло не то! Подивитесь, друзья мои, что рассказывают современники об этом удивительном для русских происшествии.

Шеин уже подошел с войском к Смоленску и тотчас приказал начать приступ. Воины быстро взлетели на стены, но вдруг сзади, из собственного лагеря, стали стрелять по ним из пушек. Пораженные ужасом, совершенно не понимая, что это значит, несчастные не могли продолжать своего дела и принуждены были отступить. Причина такого поступка осталась неоткрытой. Одни называют это ошибкой, происшедшей от торопливости воеводы, не рассмотревшего своих, другие приписывают это измене его, третьи, и самые достовернейшие, говорят, что изменником был не он, а начальник наемного войска генерал Лесли. Как бы то ни было, но русские отступили, русские испытали стыд, до сих пор им не известный, и уже во все продолжение несчастной войны чувствовали влияние этой жестокой неудачи: уныние распространилось по всему войску и с каждым

днем увеличивалось, особенно с того времени, как оно услышало, что сам король идет к Смоленску.

Огорченный царь, узнав о таком жалком положении воинов, на которых он так надеялся, послал к ним на помощь новые полки под начальством князей Черкасского и Пожарского. Но прежде чем они успели дойти до Смоленска, Владислав с сильной армией был уже там и не разбил, а как будто какою-то волшебною силой победил русских: они почти без сражения начали отступать, и так скоро, и с таким, казалось, страхом, что всю артиллерию свою, все военные снаряды и весь обоз оставили неприятелю, а знамена даже положили перед королем. Одним словом, русское войско не узнавало само себя в этом постыдном деле, а иностранцы, бывшие в нем, и сам король польский не верили глазам своим. Когда же весть об этом разнеслась по России, все в один голос сказали, что русские неспособны к такой трусости, что в этой легкой победе поляков есть что-то особенное что главный воевода, должно быть, изменник, и Шеин еще так недавно любимый и уважаемый всеми соотечественниками своими, Шеин — надежда государя и народа сделался ненавистным для всех и заплатил жизнью за свою вину и несчастье. Шеин был горд и имел много врагов, а клевета может очернить и знаменитого мужа, бывали примеры тому. Как бы то ни было, его обвинили в измене, и мы знаем, что царь Михаил с горестью подписал приговор. Вместе с Шейным казнен был и товарищ его — окольный Измайлов.

Вот какие огорчения оставляли глубокие следы в чувствительной душе Михаила! В то время как он испытывал их, Владислав наслаждался своими победами, и лишь имя князя Пожарского остановило блестящие успехи его: как только он услышал, что избавитель России приближается к Смоленску, тотчас показал готовность к миру и, чтобы не продолжать войну, которая могла дурно кончиться для него, несмотря на самое лестное начало, согласился на многие требования русских — например, обязался возвратить им большую часть сокровищ, увезенных поляками из Кремля, отдать тело царя Василия Иоанновича Шуйского, а что всего важнее, отказался навсегда от имени царя русского. Но и Михаил Феодорович не возвратил при этом мире ни одного из городов, отданных полякам в 1618 году, и, кроме того, должен был оставить все свои требования на Ливонию, Эстляндию и Курляндию.

Судьба, уменьшая владения Михаила на западе, увеличивала их на востоке: храбрые казаки, следуя примеру знаменитого Ермака, помогали русским купцам распространять торговлю в стране, им завоеванной, и с каждым годом далее и далее проводили караваны их, так что уже около 1635 года почти вся Сибирь до Камчатского моря принадлежала русским. Города, один за другим строившиеся там, оживляли леса и пустыни нового царства, знакомили диких жителей с началом образованного общества. Туринск, Енисейск, Ирбит, Якутск и многие другие города в Сибири были построены в это время.

В Туринске тогда же открыта была первая железная руда в России.

Заботясь об устройстве всех частей государства своего, Михаил Феодорович издал также важный указ о крестьянах. Надобно сказать вам, милые читатели, что в старину крестьяне наши имели право переходить от одного помещика к другому. Вы легко можете представить себе, сколько беспорядков происходило от этого права: то своевольные крестьяне сами беспрестанно переходили от одного господина к другому, то богатые помещики переманивали их от бедных, чтобы населять свои обширные земли. Во время междуцарствия эти беспорядки дошли до крайности: крестьяне целыми селениями переходили с одного места на другое и дорогой, не боясь наказаний, совершали разбои и даже убийства. Михаил Феодорович в самом начале своего правления обратил на это внимание, но, воюя со Швецией и Польшей и усмиряя самозванцев, разорвавших бедное отечество наше, он не мог до 1625 года сделать решительного распоряжения о крестьянах. В этом году вышел указ о том, чтобы всех их переписать и оставить на вечные времена при тех деревнях и поместьях, при которых они будут записаны. С тех пор кончились своевольства всякого рода: помещики начали больше заботиться о людях, которые должны были всегда принадлежать им, крестьяне, зная, что уже не могут переменить господ своих, более старались заслужить любовь их и прилежнее работали на тех полях, которых уже не смели оставить.

В 1634 году скончался великий помощник царя в трудном деле правления, родитель его, патриарх Филарет Никитич. Твердо помня все наставления его, Михаил с такою же, как и прежде, славой продолжал свое царствование до самой кончины своей, случившейся 13 июля 1645 года.

Таблица XLII

Семейство царя Михаила I Феодоровича Романова

Супруги:

1. Мария Владимировна, княжна Долгорукова
2. Евдокия Лукьяновна, дочь дворянина Стрешнева

Дети от последней:

1. Алексей, наследовал престол
2. Иоанн — скончался в детстве
3. Василий — скончался в детстве
4. Ирина
5. Пелагея
6. Анна
7. Марфа
8. София
9. Татьяна
10. Евдокия

Боярин Морозов и мятежи

народные. 1645—1649 годы

Сын и наследник скончавшегося государя пятнадцатилетний царевич Алексей был еще так молод, что не мог царствовать без советника. Судьба в этом случае не была к нему так милостива, как к его родителю, и первый советник его вовсе не походил на благочестивого руководителя Михаила — патриарха Филарета. Это был боярин Борис Иванович Морозов, человек гордый, завистливый, жадный к богатству. Будучи очень хитер, он научился с самых молодых лет скрывать свои пороки под такой приятной и обманчивой наружностью, что все считали его самым лучшим из бояр, и Михаил Феодорович поручил ему даже воспитание наследника.

Хитрый наставник скоро узнал прекрасное сердце своего воспитанника: оно было чувствительно и благородно, оно обещало вечную привязанность тому, кто умел заслужить ее, и Морозов начал пользоваться каждым случаем, чтобы выказать свои мнимые достоинства, чтобы пленить ими всех, окружавших

царевича, и таким образом неприметно завладеть нежной душой младенца, доверчиво полюбившего своего умного, всеми хвалимого воспитателя. С каждым днем эта любовь увеличивалась, и, когда Алексей Михайлович вступил на престол, Борису Ивановичу не оставалось желать ничего более: он сделался первым вельможей в государстве. Молодой царь никого не уважал так, как его, ни для кого не делал так много, как для него. Гордый боярин, преуспев в своем намерении, достигнув высочайшей знаменитости, какая только возможна для подданного, осмелился возвыситься еще более: в 1648 году Алексей Михайлович выбрал по совету его в супруги дочь дворянина Ильи Милославского Марию, а в 1649 году Морозов женился на сестре молодой царицы — Анне.

Сделавшись таким образом ближайшим родственником царя, гордый честолюбец уже не считал нужным скрывать свои истинные свойства и мало-помалу начал показывать их народу. Только перед государем был он еще прежним, по наружности добродетельным Морозовым, только государь мог еще любить его, все же другие скоро возненавидели, потому что корыстолюбие приводило его к делам самым несправедливым. Ему было удобно исполнять свои желания — по старанию его все важнейшие государственные должности занимали его родственники Милославские или друзья и приверженцы их, в числе которых отличались своей дерзостью окольные Плещеев и Траханиотов. С ними, а иногда и с тестем своим боярином Ильей Милославским Морозов

обдумывал новые планы, изобретал новые способы наживаться, налагал новые подати на подданных кроткого Алексея, совсем не подозревавшего бояр своих в такой недобросовестности. Богатые, жертвуя своим состоянием, еще могли переносить притеснения царских любимцев, но ужасна была судьба бедных. У них часто отнимали последние крохи, и они все еще не роптали громко, все еще помнили, что жестокий притеснитель их женат на сестре царицы. Наконец наложили тягостную подать на самое необходимое — соль, хлеб, мед и другие вещи. Это было уже выше сил несчастных: они заговорили. Но жалобы их не доходили до государя. Осторожные любимцы не допускали их до стен дворца. Вельможи, не участвовавшие в притеснениях, разорявших бедных людей, не смели доносить на родственников царских. Тогда недовольные решили сами управиться со своими притеснителями, и страшный мятеж вспыхнул в Москве. Шумные толпы ворвались в дома ненавидимых ими бояр. Прежде всего ограблены были великолепные палаты Бориса Ивановича, потом Плещеева, Траханиотова, думного дьяка Чистова. Трое последних были убиты. Первого бунтовщики не нашли дома и, думая, что он скрылся во дворце, побежали в Кремль и в бешенстве требовали, чтобы царь выдал им Морозова и Милославского.

Государь, огорченный и дерзостью народа, и печальною новостью, что любимцы его явились перед ним преступниками, принужден был силою усмирить мятежников и царским заступничеством своим спасти от смерти Морозова и Милославского.

Народ остановился при виде царя и, вспомнив, что Милославский—его родственник, оставил свое мщение и отдал его на суд Божий.

Но ропот недовольных раздавался не в одной Москве. Алексей Михайлович едва успел усмирить мятежников в столице, как получил известие о беспокойствах, происходивших во Пскове и Новгороде. Причина везде была одинакова, и те же притеснения, от которых взволновались москвитяне, вывели из терпения и псковитян, и новгородцев. Первые убили своего градоначальника и всех тех чиновников, которых считали друзьями и приверженцами Морозова, они даже осмелились противиться войску, которое государь послал против них, и опомнились только тогда, когда духовенство с грамотами от царя и патриарха прибыло к ним из Москвы. Бунт новгородцев начался так же ужасно, но кончился скорее, потому что там был человек, сумевший усмирить его. Это был тамошний митрополит Никон, о котором вам надобно узнать подробнее, милые читатели мои,— он занимает важное место в нашей истории.

Патриарх Никон. 1649—

1654 годы

В деревне Вельяминове, близ Нижнего Новгорода, жил крестьянский мальчик Никита. Бедные родители его заметили в нем с самых малых лет большую эхоту к ученью и потому очень обрадовались, когда один добрый монах из монастыря, находившегося недалеко от Нижнего Новгорода, вызвался выучить его грамоте. Мальчик же обрадовался еще более и начал так прилежно твердить все свои уроки, что в короткое время мог уже читать Часовник и Псалтырь.

Маленький Никита, проводя почти все свое время в монастыре, полюбил монашескую жизнь, и когда вырос, то очень желал постричься там, но родителям его это не нравилось: они тосковали о милом сыне, просили его не разлучаться с ними и со светом так рано. Никита послушался их, оставил монастырь и, чтобы совершенно успокоить и утешить их, женился и жил с ними. Благочестие его и знание всей службы церковной скоро доставили ему место приходского священника. Никита был совершенно счастлив

и доволен судьбой своей. Вдруг умирают его родители, потом все дети. В сильной горести он подумал, что Бог хотел показать ему этими несчастьями, что он назначал его не для светской, а для монашеской жизни. Как только пришла ему в голову эта мысль, он уже не мог оставаться более в свете, уговорил жену свою расстаться с ним и уехал на остров Анзерский, лежащий на Белом море недалеко от Соловецкого. Там был в то время монастырь, называвшийся Анзерский скит*. Этот монастырь славился строгими правилами. Сюда-то спешил Никита и вскоре после приезда своего постригся и был назван Никоном.

- Скит — жилище отшельников.
-

Примерная жизнь его, несмотря на отдаленность пустынного острова, обратила на себя внимание высшего духовенства московского, и Никон сделан был настоятелем Кожеозерского монастыря на Онежском озере. Читатели мои знают, что это озеро гораздо ближе к древней столице нашей, нежели Белое море, да к тому же и Никон был уже теперь не простым монахом, а начальником монастыря — стало быть, имел дела, для которых должен был ездить в Москву. Вот в один из таких приездов ему удалось увидеть царя. Алексей Михайлович, умевший различать людей и ценить истинные достоинства их, заметил необыкновенный ум Никона, и повелением его настоятель неизвестного

Кожеозерского монастыря был сделан архимандритом Новоспасского монастыря в Москве.

В этом звании Никон провел счастливейшие дни своей жизни. Душа его еще не имела и тени того честолюбия, какое овладело ею впоследствии, она наполнена была только пламенной любовью к Богу, неограниченным усердием к государю, состраданием ко всем ближним. Помогать несчастным и просить за них царя было единственным занятием архимандрита Никона в то время, когда он не стоял на молитве. Любимый день его был пятница: в этот день он ездил к государю. Алексей Михайлович так любил разговаривать с умным архимандритом, что приказал ему каждую неделю приезжать во дворец. Здесь-то совершилось то множество добрых дел, которые составили славу Никона, здесь-то он был ходатаем за всех обиженных, за всех несчастных, не имевших случая и возможности излить свои жалобы перед самим государем. Алексей Михайлович, уверенный в справедливости любимца своего, исполнял все его просьбы, и часто Никон прямо из дворца спешил в жилища страдальцев—отнести щедрое пособие или живительное слово царское. Так прошли три года, и архимандрит Новоспасский сделался митрополитом новгородским.

С теми же добродетелями, с тою же любовью к народу Никон приехал к месту нового своего назначения. И здесь сыпал он благодеяния царские: устроил на счет казны четыре богадельни, где старые

люди и дети-сироты жили спокойно и счастливо, смотрел за тем, чтобы чиновники хорошо исполняли свои обязанности, посещал темницы и, находя там иногда невинно заключенных, говорил о них царю, с которым не только часто переписывался, но даже и виделся: Алексей Михайлович приказывал ему каждую зиму приезжать в Москву. Во время своих свиданий и бесед с царем Никон спрашивал для жителей Новгорода все те милости, о которых они умоляли его перед отъездом.

Но подумайте, друзья мои, как были неблагодарны новгородцы, или, лучше сказать, подивитесь, до чего могут дойти люди, когда они решатся сбросить с себя ту власть, которой должны повиноваться, когда они решатся делать, что хотят. Я говорю о том времени, когда новгородцы, недовольные притеснениями боярина Морозова, вздумали взбунтоваться. Надобно сказать вам, что главной причиной этого бунта был один бессовестный купец новгородский по имени Волк. Можно сказать, что по нему было дано это имя! Вот этот Волк очень не любил иностранных купцов, которых всегда было множество в торговом и богатом Новгороде. Он от природы был завистлив и досадовал, что многие из них были богаче его. Что же сделал этот злой человек? Он начал распускать в народе слухи, что иностранные купцы во всем усердно служат Морозову и помогают ему разорять русских. Ну, этого было довольно, чтобы взволновать всех новгородцев, которые всегда любил своевольничать. Дерзкий народ бросился на дома иностранцев и разграбил их.

В эти ужасные минуты бунта, когда каждый заботился о своем спасении, митрополит думал только о средствах успокоить народ и не нашел другого, как, забыв о собственной безопасности, выйти к мятежникам и начать увещевать их. Но могли ли они слушать кого-нибудь, когда бешенство затемняло рассудок их? Безумные, вместо того чтобы обратить внимание на слова своего митрополита, бросились на него с кольями и камнями, и несчастный едва не умер под их ударами. Вы думаете, это остановило его усердие? Нет! На другой же день он опять появился на площади, опять обращался к народу, и слова его уже не остались без действия: они тронули жестокие сердца мятежников, смирили гордость их и заставили просить помилования у оскорбленного святителя. Вы можете себе представить, что им ненадобно было долго умолять Никона: он не только простил им собственную обиду, но выпросил прощение и у царя, только один купец Волк был казнен с главными из своих сообщников.

Государь не знал, чем наградить своего верного подданного, своего благородного и неустрашимого любимца. За такое великодушное пожертвование собою только одна дружба царя могла быть достойной наградой, и Алексей Михайлович в полной мере наградил ею Никона. В 1654 году счастливый друг одного из лучших царей земли возведен был в достоинство патриарха. Достигнув этого высокого звания — может быть, тайной цели давнишних желаний

своих, — Никон прославил себя делом столь же трудным, как и знаменитым.

Имея от природы тонкий и пронизательный ум, он быстро мог отличить хорошее от дурного и, любя Россию, искренно желал просветить и сделать счастливыми своих соотечественников. Просвещение того времени заключалось более всего в книгах церковных, а умный патриарх находил в некоторых из них ошибки и недосмотры, вкравшиеся от переписчиков, но тем не менее подавшие повод к некоторым странным толкам. Например, говорили, что те люди, которые носили платья нового покроя и брили бороды, были беззаконники, достойные проклятия и отлучения от церкви. Особенно брить бороды считалось величайшим грехом. К сожалению, такие правила, в числе многих других полезных и достойных похвалы, были утверждены в царствование Иоанна Грозного и даже вошли в «Стоглав» — книгу правил, названную так потому, что в ней было сто разных статей, и изданную в то время.

Патриарх Никон, видя зло, которое происходило от этих предрассудков, решил уничтожить их, несмотря на всю опасность такого намерения: нельзя было ожидать, чтобы народ вдруг согласился отказаться от них. Никон предвидел, что многие будут противиться ему, и для того не приступил к этому важному делу один, а созвал Собор из высшего духовенства и поручил ему рассмотреть недостатки церковных книг.

В 1655 году, ровно через год после созыва Собора, была напечатана первая исправленная книга — «Служебник церковный». Народ, давно слышавший о замышляемых патриархом переменах и заранее недовольный ими, с нетерпением начал читать новую книгу. С первых, страниц она поразила его: вместо того чтобы писать *Исус*, в исправленном «Служебнике церковном» напечатано было *Иисус*. Для грубых умов жестоких суеверов довольно было одной этой поправки: они не захотели читать далее эту, по мнению их, безбожную книгу, закричали, что православная вера погибла, и с ужасом отделились от тех своих соотечественников, которые одобрили исправления, сделанные Собором, и приняли их, сохраняя в душах своих чувства веры и благочестия. Отделившиеся безумцы, назвавшиеся православными *староверами*, имели такое отвращение к прежним братьям своим по вере, или, как они называли их теперь, к *никонианцам*, или *нововерам*, что даже не хотели есть и пить из одной с ними посуды, не хотели ходить в те церкви, где служили по новым книгам, не хотели слушать священников тех церквей, а если их принуждали к этому, то они скорее соглашались умереть самой мучительной смертью, нежели оставить упрямство свое, и называли это упрямство *усердием к вере*, а себя — *Святыми Мучениками*. Одним словом, трудно поверить, сколько беспорядков, сколько бед и несчастий произвело такое намерение, за которое, казалось, надобно было благодарить Никона. Но твердость его в этом случае

была удивительна: он не обращал внимания на жалобы и ропот недовольных и продолжал вместе с Собором заниматься начатым делом. Прежде чем оно было окончено и Собор распущен, случилось происшествие, прославившее царствование Алексея Михайловича, происшествие, которого русские давно желали и ожидали и наконец дождались.

Малороссия и Богдан

Хмельницкий. 1654—

1667 годы

На сколько различных частей разделяется наша обширная Россия, милые читатели! Нет меры ее пространству, нет счета ее богатствам! Читая со вниманием ее историю, вы знаете, что еще до царствования Алексея Михайловича ей принадлежали и неизмеримые страны Сибири со всеми

сокровищами ее лесов, рек и гор, и бывшие царства Казанское и Астраханское со всей прежней славой гордых ханов, и земля донских казаков со всем ее изобилием и со всей храбростью ее жителей. Но маленькие друзья мои, верно, заметили, что, кроме всего этого, Россия разделялась еще на Великую, Малую и Белую. Это разделение сохранилось до наших времен: еще недавно назывались у нас губернии Великороссийскими, Малороссийскими и Белорусскими.

Учась географии русской, вы, верно, помните названия всех этих губерний. В числе Великороссийских вы видели те страны, которые, несмотря на все перевероты в судьбе отечества нашего, принадлежали всегда законным владельцам и хотя страдали под мучительной властью татар, но страдали вместе с государями своими и потом вместе с ними воскресли к счастью и славе.

В Малороссии же, часть которой зовут и Украиной, вы видели Киев, Чернигов, Владимир на Волыни, города северские. Это были места, известные важнейшими событиями в истории наших предков, места, где разлился на них свет христианства, где побеждали они и печенегов, и хозар, и болгар, и даже греков. Кто из них мог без восхищения вспомнить о славных временах Олега, Святослава, Святого Владимира? Но что сделалось впоследствии с потомками этих героев? Они не сохранили чести предков, не умели защитить себя от врагов своих, и в

местах, где гремели отголоски славы русской, раздались вскоре веселые крики победителей их — поляков и литовцев. Вы давно знаете, милые читатели мои, судьбу городов южной России. Они вместе с Белоруссией, которая называлась прежде землею кривичей, а впоследствии губерниями Витебской и Могилевской, завоеваны были в начале XIV века литовским князем Гедимином.

Гедимин, не притесняя подданных, показал благоразумный пример своим наследникам, и бедные соотечественники наши, разлученные с матерью своей Россией, вели сначала жизнь довольно сносную, но впоследствии, когда Литва и Польша соединились в одно государство, русские, или, лучше сказать, малороссияне, с каждым годом все больше терпели от гордых победителей. Чаще всего они нападали на веру их: поляки, будучи католиками, хотели непременно и русских сделать такими же. Они никак не думали, что грешат, принуждая несчастных переменять веру отцов; напротив того, они воображали, что угождают тем Богу, потому что и Папы Римские, начальники всего духовенства католического, очень старались о том, чтобы соединить церковь греческую с латинской.

Усерднее других был в этом случае Папа Евгений IV. Он созвал 8-й Вселенский собор во Флоренции, на который приглашен был и император греческий Иоанн Палеолог. Греческая империя склонялась в это время к своему падению, и Иоанну очень нужна была

помощь против турок. Евгений обещал ему все, если только он согласится на соединение вер. Император боялся потерять престол и согласился. Но впоследствии ни греки, подданные императора, ни русские и тогдашний государь их Василий IV не приняли этого соединения, и теперь следы его остались только в Польше, потому что поляки под предлогом его могли удобнее принуждать русских к перемене закона. Это соединение вер называли *унией*, от слова «union», а тех людей, которые согласились принять его, — *униатами*. Однако не раньше чем через 150 лет после Флорентийского собора, а именно в 1595 году, принято было это соединение в Литве и Польше, где с того времени явились две церкви — униатская, или соединенная, и благочестивая, или несоединенная. Тогда-то начались самые сильные гонения поляков на соотечественников наших греческого вероисповедания. Не было горести, которой бы они не испытали, не было обиды, которой бы не заставили их вытерпеть! Но впоследствии провидение Божие обратило все это к пользе обиженных и через эти самые несчастья доставило малороссиянам средства освободиться от власти врагов их. Послушайте, как все это сделалось.

Ведь вы знаете казаков и любите слушать о славных делах их, об их чудесах на войне? Вы помните, что первые известные в истории нашей казаки были запорожские, или украинские, т.е. малороссийские. Казацкие поселения состояли из малороссиян, которые, скрываясь от притеснений поляков, удалялись

к низовьям Днепра и поселялись там, не жалея о родине, где каждую минуту должны были бояться или за жизнь, или за свободу, или за веру свою. Поляки непременно хотели, чтобы малороссияне были католиками или, по крайней мере, униатами. Малороссияне же, от природы набожные и усердные к закону своему, не хотели слышать о такой перемене и лучше соглашались расстаться не только с домами, но даже и с семействами своими, нежели изменить православной вере отцов. В новых жилищах они занимались звериной и рыбной ловлей и вели войну с соседями, если они осмеливались нападать на них.

Число этих храбрых и отчаянных воинов на берегах Днепра беспрестанно умножалось: к ним приходили товарищи со всех сторон, и среди них можно было увидеть, кроме русских, и поляков, и молдаван, и валахов, и болгар, и даже иногда татар. Они принимали к себе всех беглецов с тем только, чтобы они были греческой веры.

Малороссийские казаки разделялись на два разряда—на женатых и холостых. Первые жили в деревнях между Днепром и Бугом, вторые же выбрали местом жилища своего остров Хортицкий, лежавший на Днепре, за порогами его*. Оттого их и называли *запорожцами*. Не имея семейств, для которых бы они желали сохранить жизнь свою, эти молодые казаки были храбры до дерзости, решительны до отчаяния. Умереть вовсе ничего не значило для них: они готовы были каждую минуту побеждать или умирать и оттого

сделались скоро так страшны для своих соседей— крымских татар и так полезны для поляков, боявшихся нападений крымцев, что прежние притеснители их не только не думали наказывать их за бегство с родины, но даже старались подружиться с ними.

- *Порогами называются такие места в реке, где дно наполнено камнями, иногда такими высокими, что они видны почти на поверхности воды.*
-

Поляки были очень хитры: они видели, что добрые малороссийские казаки могли быть для них тем же, чем была для лукавой обезьяны Лафонтена та бедная кошка, лапками которой она таскала каштаны из горячей золы,— они видели это и начали ласкать тех самых людей, которых прежде беспрестанно мучили. Король их Сигизмунд I объявил, что принимает малороссийских казаков под свое покровительство, дал им много земель по берегам Днепра, помогал им устраивать их беспорядочное войско— одним словом, показал столько расположения к ним, что малороссияне начали забывать оскорбления, какие терпели предки их от поляков, и охотно жертвовали жизнью в битвах с их неприятелями. Иногда они простирали это усердие так далеко, что ходили с поляками даже на прежних соотечественников своих— русских. Через некоторое время король Стефан Баторий dokonчил начатое Сигизмундом: его умными распоряжениями храброе

войско в 1576 году разделилось на полки и сотни, которыми управляли полковники и сотники. Главного же атамана, или начальника их, Баторий назвал гетманом и это достоинство сравнил по важности с достоинством гетманов польских и литовских, дал ему те же самые знаки — королевское знамя, бунчук, булаву и печать. Кроме того, Стефан подарил казакам город Терехтемиров, который сделался их главным местом, позволил им селиться до самого Киева и записанным в полки или служащим казакам назначил жалованье — каждому по червонцу.

С этих пор казаки начали наслаждаться совсем другой жизнью: общество их походило на небольшое, хорошо устроенное государство, и в то время, когда бедные жители малороссийских областей наших страдали под жестокой властью польских воевод, управлявших ими по законам королей своих, казаки пользовались всеми правами свободного народа и дела их судились собственными старшинами. Власть над ними короля польского была слаба и почти незаметна для них: иногда они не слушались его приказаний и гораздо выше его считали своего гетмана, избираемого ими из самых храбрых товарищей. Маленькие читатели мои уже слышали об этих гетманах. Один из них, князь Роман Рожинский помогал полякам разорять Россию во времена Самозванцев, а другой, Петр Сагайдачный, вместе с королевичем Владиславом приходил осаждать Москву и производил ужасные опустошения в ее окрестностях.

Но малороссийские казаки недолго пользовались тем выгодным состоянием, какое доставил им Баторий. Наследник его Сигизмунд III, отец Владислава, уже начал бояться возрастающей силы этого военного народа и старался более и более покорять его. Все преимущества, данные им Стефаном, были отменены: поляки начали селиться во всей Малороссии, заняли важнейшие места и должности и в Киеве, и у казаков и, привезя с собою римских священников и польского епископа, начали строить в Киеве католические монастыри и церкви и, наконец, уже явно заставляли жителей принимать латинскую веру. Весь народ опять встревожился, но не все могли противиться. Только казаки решили защищать оружием свою веру и свои отмененные права. Гетманом их был в это время герой, отличившийся в истории Малороссии, герой, освободивший ее от власти польской, — Богдан Хмельницкий.

Надобно рассказать вам, милые дети, несколько подробнее историю этого знаменитого человека. Он был сын сотника казачьего Чигиринского полка, имел от природы отличные способности, обучался прежде в Киеве, а потом у иезуитов. Служа, как и отец, сотником в казацком войске, он имел возможность видеть все притеснения, какие терпели от поляков и мирные соотечественники его — жители Малороссии, и не столь спокойные товарищи — казаки. Пламенно любя свою родину, он огорчался ее несчастьями и часто размышлял о том, как бы облегчить их. Во время таких размышлений ему приходила в голову мысль о том,

как несправедливо владели поляки страной, отнятой у законных государей ее. Вслед за этой мыслью являлась другая—это была сладостная, славная, великая мысль избавить несчастные области от чужеземного владычества и возвратить их древнему отечеству. О, как было радостно Хмельницкому в ту минуту, когда эта светлая мечта засияла в душе его! Как было радостно думать, что, может быть, рано или поздно ему откроется случай осуществить прекрасную мечту свою! Вообразите же, друзья мои, его восторг и удивление, когда вскоре после этого казаки избрали его своим гетманом. Ему казалось, что сам Бог дает ему средства к исполнению великого намерения его, сам Бог помогает ему избавить христиан греческого закона от гонений католиков и униатов. Итак, с этой мыслью он принимается за дело и начинает его со своих верных казаков. Ему не нужно было заставлять их думать по-своему: общее неудовольствие поляками было так велико, что стоило только назвать законных владетелей Малороссии—великих князей русских, стоило только сказать несколько слов о прежнем счастье ее под правлением их, чтобы зажечь во всех сердцах казаков пламенное желание освободиться от власти завоевателей и снова принадлежать любимому отечеству.

Это желание недолго оставалось тайной: казаки не скрывали его, и с 1648 года послы Хмельницкого начали ездить в Москву с просьбами к царю Алексею Михайловичу принять присягу в подданстве и верности от малороссийского войска. Как ни выгодно было это

предложение, благоразумный царь, находясь в то время в мире с Польшей, не хотел таким образом нарушить его и обещал казакам быть только посредником между ними и королем польским. Он сдержал свое обещание и несколько лет старался вразумить короля Казимира*, как несправедливо преследовать народ за веру его и отнимать преимущества, однажды ему данные. Но все старания его были напрасны: чем усерднее царь просил за казаков, тем более нападали на них. Наконец Казимир подкупил крымского хана и условился с ним подчинить войско малороссийское Польше, напасть вместе на москвитян и восстановить Астраханское царство.

-
- *На престоле польском был уже в это время не Владислав умерший в 1648 году а избранный поляками Ян-Казимир II*

Известие о таком союзе остановило великодушие Алексея Михайловича. Он увидел, что его не понимают и что из сострадания к бедствующим единоверцам он должен принять их под защиту свою. Итак, в конце 1653 года отправлены были послы русские — ближний боярин Бутурлин, окольный Альферьев и думный дьяк Лопухин — в Малороссию для принятия присяги от Хмельницкого и казаков его. В Переяславле назначено было сборное место. Послы приехали туда в январе 1654 года. 7 января было торжественное

собрание всех старшин казачьих и всего народа. Здесь Хмельницкий говорил речь, в которой описал прежде все, что терпела Малороссия от поляков, потом все старания короля польского и хана крымского завладеть Украиной и наконец сказал, что русский царь соглашается присоединить страну их к своим владениям. Речь его кончалась следующими словами: «Кроме его царской высокой руки, мы не можем найти лучшего пристанища, и если кто с нами не согласен тот иди куда хочешь — вольная дорога».

«Волим под царя восточного, православного!» — закричал тогда в один голос народ и с радостью произнес присягу свою в вечной верности. Так исполнилось желание Хмельницкого. Вскоре он имел утешение видеть, что и жители Киева и всех других городов малороссийских последовали примеру казаков и сделались также подданными Алексея Михайловича.

Вообразите теперь, милые читатели мои, досаду и гнев поляков! Они видели, что 166 городов и местечек и 60 тысяч войска*, еще так недавно им принадлежавшего, вдруг перешли под власть ненавистной для них России. Разумеется, что гордость их не могла перенести такого сильного оскорбления, и жестокая война началась. Она была продолжительна и так неудачна для польского короля, что, беспрестанно теряя полки и города свои, он принужден был бежать к самой Варшаве. Напротив того, счастье и слава не оставляли войско Алексея Михайловича. Причиной успехов его, вероятно, было и то, что в этом войске уже

были полки, устроенные по-европейски. Умный Алексей вызывал из разных государств Европы офицеров и поручал им обучать вновь набранных солдат. В 1655 году уже были у него правильные конные полки и многие офицеры назывались по-европейски — полковниками, майорами, ротмистрами и т.д. Прежде же, вы знаете, их звали детьми боярскими, жильцами, дворянами.

- *В то время когда казаки присоединились к России, войско их состояло уже из 60 тысяч человек. Может быть, милым читательницам моим давно уже наскучил этот длинный рассказ о наших храбрых казаках и добрых малороссиянах. Но маленькие читатели мои — эти будущие герои наши, эти будущие защитники отечества, верно не думают так. По живым быстрым глазкам их приметно, как интересно им слушать о делах военных. Итак, для вас мои смелые друзья, и для тех из сестриц ваших, которые терпеливее других и ни разу еще не пересчитали, сколько страниц осталось до конца этого рассказа я скажу, на сколько полков разделялись эти 60 тысяч малороссийских казаков, сделавшихся подданными Алексея Михайловича, скажу даже, как назывались эти полки. Полков малороссийских казаков было десять. По именам городов, около которых жили казаки, эти полки назывались Киевский, Черниговский, Стародубский, Нежинский,*

*Переяславский, Прилуцкий, Лубенский Галичский
Миргородский и Полтавский.*

В то время когда Алексей Михайлович, начальствуя лично своей армией, отнимал у Польши города белорусские и северские, шведский король также напал на Польшу и хотел завладеть всем Балтийским морем. Это угрожало большой опасностью торговле русских, и предусмотрительный царь должен был воевать и со шведами, чтобы остановить успехи их. Война с ними продолжалась до 1661 года, с поляками же— до 1667 года. С первыми заключен был мир в деревне Кардисе, на границе Эстляндии, с последними— в деревне Андрусове, близ Смоленска. Условия мира со Швецией были те же, на каких мирились в Столбове с Польшей,—гораздо выгоднее прежних: Россия получала кроме Малороссии и Киева города северские и Смоленск.

Таким образом, в царствование Алексея Михайловича возвратились к России старинные владения ее, и в титуле царя русского с 1 июля 1654 года начали писать: «...всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержец».

Величие души Алексея. 1667

—1670 годы

Присоединение Малороссии — это важное, так давно желаемое русскими событие — случилось очень кстати, чтобы рассеять горестные чувства доброго государя: сердце его страдало от беспокойств и неприятностей, почти беспрестанно происходивших в последние десять лет между подданными его. Началось несчастьями, происшедшими от исправления церковных книг. Вы можете представить себе, друзья мои, что нелегко было царю видеть, как народ его погибает от своего упрямства, как суеверы, умирая в мучениях, говорили, что настало гонение на христиан православных, что они с радостью переносят это гонение и ожидают, что дети их сделают то же. Ожидания их, к сожалению, исполнились: даже до сих пор, когда прошло почти двести лет после того, есть еще люди, следующие их правилам, и не только во многих губерниях наших, но даже и здесь, в Петербурге, вы найдете этих упрямец. Добрые государи наши не преследуют и не наказывают их, но стараются кротостью

и просвещением показать им заблуждение их. Это производит такое хорошее действие, что с каждым годом число их уменьшается, и можно основательно надеяться, что со временем все эти бедные, ослепленные суеверием братья наши соединятся с нами снова в одной церкви.

Мы можем уже равнодушно смотреть на мирные секты их, но не таковы они были при царе Алексее Михайловиче, и потому не удивительно, что споры их очень озабочивали доброе сердце его. Почти в то же время должен он был испытать новое огорчение: война с Польшей и Швецией стоила так дорого, что почти вся казна истощилась, и первые бояре царя посоветовали ему наделать медных денег и дать им ту же цену, по какой ходили серебряные. Это шло хорошо, пока все вещи продавались по-прежнему, но как только некоторые из тех же самых бояр начали пользоваться случаем и собирать все серебряные деньги к себе, а в обороте оставлять только одни медные, то все вздорожало и от этого весь народ взволновался. Только одно благоразумие и правосудие государя остановили новые несчастья, какие могли произойти от этого смятения: он увидел, как неоснователен был совет бояр, и отменил употребление медных денег. Все успокоилось.

Вскоре Алексей огорчен был таким человеком, от которого менее всего мог ожидать этого. Поверите ли вы, милые читатели, что этот человек был патриарх Никон— этот умный, этот добродетельный

Никон, прекрасным качествам которого мы так недавно удивлялись? Да, трудно поверить, но, к сожалению, это была правда! Патриарх сделался так горд, что захотел быть более самого царя, и не только иногда спорил с ним, но даже явно не хотел исполнять тех повелений, какие государь отдавал, не спросив его мнения или совета. Царь, помня прежние заслуги патриарха, прощал его дерзости, но уже менее стал ценить его. Это так рассердило Никона, что он самовольно отказался от своего высокого звания, оставил все дела и уехал за 46 верст от Москвы, в любимый свой Воскресенский монастырь*. Здесь жил он несколько лет, не соглашаясь ни на какие просьбы всего духовенства и почти всей России, умолявшей его вступить в прежнюю должность. Наконец терпение Алексея кончилось, и Никон был предан суду. Для этого важного дела вызвали из Греции двух патриархов. Они решили, что гордый святитель за самовольное оставление своего места, за дерзость и неповиновение царю не может быть патриархом. Торжественно, перед всем собранием судей сняли с него все знаки этого высокого достоинства и потом сослали в Ферапонтов монастырь на Белом озере.

-
- *Этот монастырь основан был самим Никоном и назывался Новым Иерусалимом, потому что все в нем было устроено так, как в иерусалимском храме Воскресения Господня, где хранится Святая Гробница Спасителя. Все места этого монастыря*

назывались так же, как в палестинском Иерусалиме: здесь был и Назарет, и село Скудельничье. и гора Елеонская, и гора Фавор, а река Истра, протекавшая около монастыря, названа была Иорданом. Чтобы иметь точные планы и модели иерусалимской церкви Гроба Господня, послан был в Палестину келарь Троицкой лавры Арсений Суханов. Это доказывает, с какой легкостью исполнялись все желания патриарха.

Не думаете ли вы, друзья мои, что жестокое наказание открыло наконец глаза надменному Никону и заставило его раскаяться в своих поступках, так мало приличных для служителя Божия? О, вовсе нет! Он не выражал печали, когда снимали с него клубук и панагию, украшенные дорогими камнями. Этого еще мало: он сказал в эту минуту греческим патриархам, что если они разделят между собою эти камни, то поправят свое бедное состояние невольников турецкого султана. А когда перед отъездом его в Ферапонтов монастырь великодушный государь, думая утешить участием своим горесть прежнего друга, послал ему с придворным чиновником денег, две шубы и разные другие вещи, то этот гордый упрямец ничего не взял и сказал: «Никон ничего не требует».

Гордость его была одинакова и в ссылке, которая продолжалась пятнадцать лет, и уже не Алексей Михайлович, а сын его царь Феодор позволил ему в

1681 году возвратиться в Воскресенский монастырь. Однако, не доехав до него, он умер по дороге.

Итак, вы видите, милые читатели мои, сколько горестей, одна за другой, терзали чувствительное сердце Алексея. Но это еще не все. Послушайте, какой новый удар поразил его. Вы знаете, как хорошо начинало уже устраиваться сухопутное войско его. Но знаете ли вы, чем занимался великий ум Алексея в то время, когда выписанные из чужих краев офицеры и генералы обучали русских воинов? Он занимался мыслью о будущем флоте. Такая мысль для государя, не имевшего еще ни одного корабля, была в полной мере смелой, высокой и блистательной. Он предался ей с надеждой на успех, с каким-то предчувствием необыкновенной славы, назначенной Богом народу его, и русские гонцы полетели в Голландию, всегда славившуюся корабельным делом, за мастерами и моряками.

Между тем недалеко от московского города Коломны, в селе Деделове, на берегах реки Оки, было приготовлено место для корабельной верфи. Ока, как известно, впадает в Волгу, а Волга — в Каспийское море, на котором царь хотел обновить первые корабли свои. Вот уже голландские мастера, главным из которых был капитан Бутлер, приехали, работы начались, и скоро широкая Ока приняла на голубые волны свои, еще незнакомые с тяжестью кораблей, русского «Орла» — так назывался первый большой корабль Алексея Михайловича. В то же время построено было

несколько малых морских судов, и новая флотилия, удивляя все селения, мимо которых проходила, поплыла к Астрахани.

Казалось, все обещало полный успех прекрасному началу: иностранные моряки, снарядившие молодой, можно сказать — новорожденный, флот России, были искусны и честны, русские матросы, ученики их, только что начавшие трудное ученье, возмещали неопытность свою пламенным усердием и удивительною понятливостью, свойственной русским. Но вообразите, милые друзья мои, чем кончились ожидания и царя, и почти всего народа: корабли и все суда, построенные в Дедилове, были сожжены одним разбойником, разъезжавшим по Волге и Каспийскому морю, — Разиным. Если вы хотите знать, кто был этот жестокий Разин, то скажу вам коротко, что он был донской казак, появившийся на Дону в 1667 году. Злодейства его были ужасны! Вы получите некоторое о них представление, когда узнаете, что он набрал обманом и угрозами до 200 тысяч человек войска, в котором по большей части были донские и малороссийские казаки, взял Астрахань, погубил мучительной смертью астраханского воеводу князя Прозоровского и все семейство его, ограбил кроме Астрахани города Царицын, Симбирск, Саратов. Долго нельзя было усмирить этого злодея, но наконец он был пойман и казнен.

Такое неожиданное разрушение предприятия, уже оконченного и стоившего бесчисленных трудов

и издержек, могло бы привести в уныние человека слабого и нетерпеливого, но Алексей не лишился своей твердости и снова стал помышлять о деле, так безжалостно уничтоженном безбожным злодеем

Но чтобы в полной мере показать вам, милые читатели, великую душу Алексея Михайловича, надобно рассказать о том, что сделал он в 1664 году с англичанами. В это время в Англии происходили ужасные дела: жители, по каким-то причинам недовольные королем своим Карлом I, по совету некоторых вельмож казнили его и признали над собой власть одного из главных—Кромвеля, назвав его не королем, а *протектором*, т. е. покровителем Англии. Весь этот новый порядок был скоро разрушен, но судьба не вдруг наказала Кромвеля, и хотя он жестоко мучился беспокойством и страхом душевным, однако некоторое время пользовался славой и вскоре после смерти несчастного Карла, изгнав из Англии сына его и завладев властью, равнявшейся королевской, отправил послов ко всем европейским дворам, как обыкновенно делают это все государи, вступающие на престол, чтобы объявить о своем вступлении.

Эти посольства приняты были везде с великою честью: все боялись богатой и сильной Англии, у которой давно уже был самый лучший флот и самая значительная торговля. Итак, каждое государство для собственных выгод должно было хорошо принять важных лордов. Вот два из них с великолепной свитой

подъезжали и к нашему отечеству, заранее мечтая о том лестном приеме, какой, вероятно, окажут им в государстве, только что начинающем входить в сношения с Европой и потому, верно, очень уважающем всех европейских посланников. Но как же ошиблись в своих расчетах эти важные господа! Как только царь Алексей Михайлович узнал, что они приехали в Архангельск*, он послал им повеление не ехать далее и тотчас оставить его царство. Вот какими словами он приказал объявить им это повеление: «...что когда они своему королю осмелились голову отсечь, чего нигде на свете не слыхано, то царь русский никакого сообщения с ними иметь не хочет». Кроме того, почувствовав с этого времени величайшее презрение к англичанам, Алексей Михайлович отменил все торговые преимущества, какие даны были в России царями Иоанном Васильевичем и Феодором Иоанновичем. Но этого еще недостаточно: благородное сердце его, справедливо ненавидя убийц, было исполнено нежнейшим состраданием к бедному, изгнанному из отечества принцу, наследнику престола Англии. Он жил в это время в Копенгагене, и царь Алексей Михайлович отправил к нему послов, которым поручил изъявить ему свое участие, вручить большую сумму денег и предложить даже помощь войсками против недостойных подданных его.

-
- *Я думаю, что не нужно объяснять маленьким друзьям моим, отчего английские посланники*

приезжали в то время через Архангельск Верно, все они знают, что нашего Петербурга еще не существовало тогда и земля, где он построен, а следовательно, и Финский залив, омывающий берега ее, принадлежали еще Швеции. На Белом же море началась торговля наша с англичанами, и сюда приходили почти все корабли их, отправляемые в Россию.

Это чистое, не соединенное ни с какими расчетами великодушие, это смелое презрение к могущественному злодею заставили всю Европу обратить удивленные взоры на престол, где сияло такое величие. Никто не ожидал видеть его в стране, еще не имевшей европейской образованности, и с тех пор государи, с унижительною для них честью принявшие послов Кромвеля, краснели всякий раз, когда произносили при них благородное имя царя русского Алексея. А в числе этих государей был даже знаменитый Людовик XIV, этот славный король, которым так гордятся французы!

Рождение Петра I. 1670—

1676 годы

Живо представляю себе, как обрадуетесь вы, друзья мои, прочитав название этой главы, увидев это имя, славное, великое, равно прославляемое русскими и в раззолоченных палатах вельмож, и в бревенчатых домиках крестьян. Любовь к Петру одинакова не только во всяком звании народа нашего, но даже, мне кажется, и во всяко! возрасте. Скажите, кто из маленьких читателей моих еще не знает его и не желает слышать все, что рассказывают о нем? О, в этом случае не уступят им и читательницы мои! Посмотрите, какое любопытство приметно на лицах их! Удивительно ли это? Нет! Ведь они русские девочки, а даже все иностранные народы и все умнейшие писатели этих народов не могут надивиться нашему незабвенному Петру и все в один голос называют его самым великим государем. После того как же можно нам, русским, счастью которых Петр посвящал каждый час своей славной жизни, менее восхищаться им?

Итак, мои милые читатели, ваше любопытство справедливо, и я сожалею, что не могу в эту же минуту удовлетворить его, несмотря на обманчивое название этого рассказа. Еще не настало время начать историю Петра — будущий герой России, вместе с будущим величием ее, еще покоится в детской колыбели, младенческие взоры его еще не зажглись огнем гения, маленькие ручки еще не чертят планов завоеванных земель и новой столицы, а беспечно играют жемчужными нитками, обвивающими шею молодой красавицы, нежно склонившейся над его колыбелью. Но кто же эта счастливица, улыбающаяся младенцу Петру? Не так ослепителен блеск царской одежды ее, как очаровательно счастье, блистающее в прекрасных глазах. Кто она, отгадать нетрудно. Это молодая супруга царя Алексея Михайловича, это счастливая мать Петра.

Мать Петра! Как занимательна должна быть ее история, как любопытны все подробности, ее касающиеся! К тому же ведь это не первая супруга Алексея Михайловича — уже известная нам царица Мария Ильинишна, из рода Милославских. Нет, она умерла в 1669 году, и царь женат теперь на другой. Итак, маленькие друзья мои, ожидания и желания ваши не были напрасны: вы услышите историю матери Петра, узнаете, кто была она, прежде чем судьба возвела ее на трон России. Возвратимся же несколько назад, забудем, что Петр уже родился, и представим себе то время, когда Алексей Михайлович, недавно лишившись супруги, с которой жил долго и счастливо, должен был вскоре оплакать и смерть старшего,

шестнадцатилетнего сына, царевича Алексея Алексеевича. Но и эти сильные семейные горести не произвели губительного воздействия на твердую душу царя. С прежней неутомимостью продолжал он заниматься государственными делами. Во всем обширном царстве его не было предмета, на который бы он не обращал своего благодетельного внимания. Собранные узаконения уже давно были изданы под названием «Уложения царя Алексея Михайловича», и эта книга, к славе мудрого государя, сделалась основанием русских законов. Послы его ездили не только в Германию, Францию и Швецию, но даже в Испанию и Италию, даже в Турцию и Китай. Для торговли с последним построены были в Сибири города Нерчинск и Иркутск. Торговля вообще была заметно улучшена в это примечательное царствование. Самые деньги получили другой вид: Алексей Михайлович учредил монетный двор, где начали чеканить серебряные рубли и полтинники. Для распространения просвещения он основал в Москве первую академию, которая называлась Заиконоспасскою. Что же касается правосудия, то редкий государь был правосуден так, как Алексей Михайлович. Кроме того, что он внимательно рассматривал все дела, какие представляли ему бояре, перед дворцом его всегда стоял запечатанный царской печатью ящик со скважиной на крышке, в которую можно было просунуть свернутый лист бумаги. В этот ящик каждому позволялось класть свою просьбу. Вечером его приносили к государю, который сам

распечатывал его, сам рассматривал все просьбы и сам тотчас же писал на них свои решения.

В таком беспрестанном занятии делами народа великодушный Алексей проводил всю жизнь свою. Обманчивая преданность боярина Морозова рано сделала его осторожным в выборе советников и друзей. Долго искал он человека, с которым бы можно было разделить тяжесть правления, и все боялся ошибиться. Наконец показалось ему, что он встретил такого, что нашел верного друга, готового пожертвовать для него и отечества жизнью. Это был думный дворянин Артамон Сергеевич Матвеев. С каждым днем царь открывал в нем новые достоинства, с каждым днем любил его более и более, и надобно сказать правду — на этот раз Алексей Михайлович не ошибся: из всех придворных его не было никого благороднее, добрее и усерднее Матвеева! Царь находил так много удовольствия в беседах с умным советником своим, что даже иногда ездил к нему в гости. С удивлением смотрели на это придворные: прежде никогда не бывало, чтобы цари русские посещали своих подданных.

Со времени кончины супруги и сына эти посещения сделались чаще, потому что, несмотря на всю твердость души, государь не мог не грустить о невозвратной потере милых сердцу его. Артамон Сергеевич умел развлекать его, утешать лучше всех других придворных бояр и вельмож.

Так протекли два года, и к царю возвратились прежние спокойствие и веселость. Однажды Алексей Михайлович приехал к любимцу своему позже обычного: у боярина, не ожидавшего в тот день гостей, уже накрыт был стол для ужина. Царь, заметив небольшое замешательство хозяина, шутливо сказал, что стол накрыт очень кстати, что он проголодался и вместе с ним отужинает, только с тем, прибавил добрый государь, «чтобы за столом были все те, кто обыкновенно ужинает с тобою».

Желание царя было исполнено, и когда кушанье подали, в комнату вошла хозяйка с сыном и молодой девушкой. Царь удивился: никогда не слышал он, чтобы у Матвеева была дочь, и никогда прежде не видал в доме его этой девушки. За ужином удивление его увеличилось: незнакомка была красавица из красавиц. По обыкновению того времени, она мало говорила, но зато всякое слово ее было так мило и умно, что восхищенный государь не мог наслушаться ее голоса, не мог наглядеться на прекрасные черты ее лица. Почти не спуская с нее глаз, Алексей Михайлович даже позабыл спросить, как зовут ту, которая так приятно поразила его, и не прежде как в половине ужина поздравил хозяина с такой прекрасной дочерью. Но тут узнал он, что это не дочь, а только воспитанница Матвеева. Отец ее Кирилл Полуектович Нарышкин был небогатый дворянин, который, проживая лето и зиму в бедной деревеньке своей, был очень рад, что родственник и друг его Артамон Сергеевич взял к себе маленькую дочь его. Итак, Наталия выросла

в доме Матвеева. Он и добрая жена его любили воспитанницу свою, как родное дитя, и, рано заметив чрезвычайную красоту девочки, старались украсить и ум ее всеми познаниями, какие только можно было в то время доставить именитой боярышне русской. Наталия щедро вознаграждала эту любовь и эти нежные попечения: она была добра, чувствительна, прекрасна сердцем столько же, сколько наружностью. Любуясь ею, добрые Матвеевы часто думали, что как Бог помог им воспитать приемную дочь их, так со временем поможет и выдать замуж за хорошего человека, который не посмотрит на то, что она бедная девушка.

Все это было рассказано Алексею Михайловичу, когда он начал спрашивать любимца своего о его прекрасной воспитаннице. Артамон Сергеевич не скрыл от доброго государя даже и того, что и он и жена его желали бы видеть милую Наталию свою замужем. Царь не только одобрил такое желание, но, уезжая домой, сказал, что и он подумает о том, как бы найти хорошего жениха для такой прекрасной девушки, как Наталия.

Он и подлинно начал думать об этом, и вообразите, кто был этот жених, которого он выбрал для счастливцы? Это был он сам! Да, прелестная дочь Нарышкина так пленила царя своей наружностью, а воспитание, полученное ею в доме умного Артамона Сергеевича, так хорошо ручалось за ее душевные способности, что он решился сделать ее супругою своею и на той же неделе приехал сказать об этом

Матвееву. Вы можете представить себе, как удивился добрый воспитатель Наталии! Сначала думал он, что слышит это во сне, но потом, когда государь повторил еще раз слова свои, Матвеев упал к ногам его и умолял оставить это намерение: оно предвещало счастливому любимцу царя столько опасностей от зависти вельмож, и без того уже не любивших его за это счастье, что он с ужасом смотрел на блистательную судьбу Наталии. Алексею Михайловичу приятно было видеть бескорыстную преданность верного подданного и друга. Он ласково поднял его и старался успокоить искренними уверениями о том, что никогда никакие причины не заставят его переменить расположение свое к тому, кто так часто доказывал ему свое усердие и верность.

По просьбе Матвеева царь не сказал в тот день Наталии ни слова о любви своей, но исполнил старинный обряд русских государей. Вы, верно, догадаетесь, друзья мои, что я говорю о том собрании красавиц, из которых царь обыкновенно выбирал невесту свою. Да, и в этот раз они съехались в Кремлевский дворец. Робко всходила на великолепное крыльцо царское и Наталия, с удивлением размышляя, отчего и ее — бедную и вовсе незнатную девушку — назначили в список невест. Подле нее шла нежная воспитательница ее, супруга Матвеева, которая знала причину этого назначения и очень желала сказать ее своей милой, ненаглядной питомице, но Артамон Сергеевич запретил это, и она молчала до тех пор, пока участь Наталии была тайной для нее самой и для всех,

но с той минуты, как счастливая девушка названа была царевною и в великолепном наряде невесты государя приготавливалась принимать поздравления от всего двора, терпение доброй боярыни кончилось, и она сказала воспитаннице своей все, что знала о любви к ней государя.

Вот, милые читатели, подробности второго супружества Царя Алексея Михайловича. Свадьба была 25 января 1671 года. Редкое счастье его и молодой царицы сделалось совершенным в достопамятный, навеки незабвенный для России день— 30 мая 1672 года. Это был день рождения Петра. Хотя у Алексея Михайловича и остались от первой супруги два сына, царевичи Феодор и Иоанн, но оба были такого слабого здоровья, что вовсе нельзя было надеяться на продолжительную жизнь их, и потому царь восхищен был рождением третьего! Может быть, счастливый отец предчувствовал славу новорожденного. Но небо отказало ему в блаженстве видеть, как чудесно развивались великие силы необыкновенного ребенка: младенчество Петра не протекло на глазах родителя—прежде чем исполнилось ему четыре года, Алексей Михайлович скончался.

Таблица XLIII

Семейство царя Алексея Михайловича

Супруги: 1. Мария Ильинишна Милославская

Дети от нее:

1. Алексей, скончался 16 лет
 2. Феодор, наследовал престол
 3. Иоанн
 4. Марфа
 5. София
 6. Екатерина
 7. Мария
 8. Феодосия
 2. Супруга: Наталия Кирилловна Нарышкина
- Дети от нее:
9. Петр
 10. Наталия
 11. Феодора

Царь Феодор Алексеевич.

1676—1682 годы

Хотя наследник царя Алексея Михайловича, девятнадцатилетний сын его Феодор, был от самого

рождения своего слаб и болен, но душевные силы его были достойны знаменитого отца. Имея перед глазами великий пример, он старался продолжать все начатое им, старался исполнять во всем волю его и, кроме того, сделал много и собственных улучшений в отечестве нашем. Непродолжительное, но примечательное царствование Феодора прославилось тем, что он уничтожил местничество, причинявшее так много вреда. Тем из маленьких читателей моих, которые не понимают этого слова, я расскажу, что местничество — значит спор между дворянами о том, чьи предки были знатнее и древнее родом.

Этот спор делал много зла между спесивыми боярами нашей старинной России. Например, если случалось, что какой-нибудь внук или правнук из знаменитого поколения поступал на службу под начальство такого человека, предки которого были менее знатны, то уж этот гордый потомок важного дедушки ни за что не хотел исполнять приказаний своего начальника и не хотел служить с ним, хотя бы за это его даже казнили. Можно представить себе, как часто это могло случаться и как много было таких споров! Для разбора их учреждено было особенное присутственное место, которое называлось Разрядным приказом*. Несчастные чиновники, служившие там, или, как тогда их называли, приказные люди, не имели ни одного дня отдыха: беспрестанно надобно было разбирать какую-нибудь ссору о сущем вздоре — без обиды можно сказать нашим почтенным предкам!

-
- В старину почти все присутственные места назывались приказами. Кроме Разрядного в Москве были приказы: 1) Посольский, где рассматривались все дела, касающиеся сношений с иностранными государствами; 2) Поместный, где были дела о землях, розданных чиновникам за службу; 3) Казанский, где были дела царств Казанского, Астраханского и Сибирского; 4) Большой приход— это было государственное казначейство; 5) Бронный—этот, верно, походил на наши нынешние арсеналы и литейные дворы, потому что здесь заготавливалось оружие; 6) Житный— сюда относились все запасные магазины; 7) Холопий суд, или приказ, где разбирались дела о крепостных людях. Другие присутственные места назывались просто избами—например, Дворцовая изба, Стрелецкая изба. Ямская изба. Названия ясно показывают, какие дела рассматривались в каждой из них.

Ну, скажите, милые друзья мои, можно ли было спорить о том, чьи предки важнее! Уж пускай бы они спорили о собственных достоинствах—еще можно бы переносить с терпением такой спор, а то какой-нибудь молодой повеса не хотел слушать почтенного и умного начальника потому только, что его дедушка сделал такое-то важное дело и был такой-

то славный человек. Да ведь сделал-то дедушка, а не он! Нет, он этого и слушать не хочет, твердит себе, что он его родной внук, да и только. И от такого безрассудного спора часто в военное время проигрывали сражения, а иногда и теряли выгоды целой войны! Цари Михаил Феодорович и Алексей Михайлович очень старались уничтожать понемногу этот вредный предрассудок, но честь совершенного уничтожения его принадлежит Феодору Алексеевичу.

В 1681 году он созвал к себе на совет патриарха и всех знатнейших бояр и сановников и предложил им подумать о том вреде, какой причиняет в России это безрассудное местничество. Им не нужно было долго думать: беспрестанные примеры доказывали этот вред.

Итак, в совете государя положено было уничтожить это зло. Для того надобно было истребить все разрядные книги дворян: тогда исчезли бы доказательства знаменитости, а вместе с ними и все споры о ней. Вот Феодор Алексеевич и приказал принести все эти книги в сени дворца своего и тут же сжечь.

Когда все это было исполнено при боярине Долгорукове, которому государь поручил это дело, и при всех бывших тут митрополитах и архиепископах, Феодор объявил, чтобы с этого времени никому ни с кем никакими преимуществами — ни родом, ни службою — не считаться и никого малыми чинами и бедностью не упрекать. Вместо же разрядных книг позволил дворянам иметь родословные дворянские,

начатые не прежде чем в царствование Иоанна Васильевича. Так уничтожились старинные споры местничества, а вместе с ними и все несчастья, от них происходившие.

Но больной и слабый Феодор не одним этим делом заставил подданных своих помнить о себе. Почти каждый день он присутствовал в Большой Думе царской, каждый день принимал всякого, кто имел нужду лично о чем-нибудь просить его, каждый день делал какое-нибудь новое благодеяние для народа своего. Как часто целое семейство было спасаемо им от бедности, как часто целым селениям прощал он казенные подати, обращал кроткими увещеваниями несколько сот магометанских подданных своих в христианство или выкупал христиан из плена турецкого. Одним словом, слушая о делах Феодора Алексеевича, нельзя думать, что все это делал государь, беспрестанно страдавший и с каждым днем ослабевавший в силах*. Напротив того, в отечестве нашем приметна была в это царствование беспрестанная деятельность—во многих местах учреждались новые училища, строились богоугодные дома для бедных, больницы для страждущих. В Москве появилась даже новая академия—Славяно-греко-латинская. Сам государь очень часто посещал все эти новые, основанные им заведения—обычно верхом на прекрасной лошади. Верховая езда была его страстью. И эту самую страсть он умел сделать полезною: видя, что государь любит прекрасных лошадей, все старались иметь их, и с тех пор завелись

у нас конские заводы и появились у многих хорошие лошади.

- *В царствование Феодора Алексеевича был, однако же, горестный случай—ссылка знаменитого боярина Артамона Сергеевича Матвеева по клевете боярина Милославского, пользовавшегося в это время большою силой при дворе. Великодушный друг царя Алексея Михайловича сослан был в Пустоозерский острог, место холодное и безлюдное, где он не столько плакал о несчастье и бедности своей, как о том, что лишен был возможности благотворить. Феодор Алексеевич, поверив совершенно хитрому Милославскому, был в сильном гневе на Матвеева.*
-

Но вот чего терпеть не мог Феодор— это излишней роскоши в одежде и вообще во всем. Он даже издал на этот случай указ, в котором запрещено было носить дорогие платья, особенно татарские, и приказано было носить наряд старинного русского или польского покроя, приличный северному климату и неубыточный. Вскоре царь заметил, что, не имея возможности щеголять запрещенными платьями, русские начали показывать богатство свое в упряжи. Государь и это остановил и издал новое повеление, где расписано было, кому как ездить: бояре, окольные и думные люди могли ездить летом в каретах, а зимою в санях

на двух лошадях, в праздничные же дни — на четырех, а на свадьбы — на шести лошадях. Но это могли делать только высшие бояре, всем же другим дворянам и чиновникам позволялось ездить только на одной лошади — зимою в санях, а летом — верхом.

Кроме всех этих полезных распоряжений внутри царства Феодор Алексеевич имел успех и в своих сношениях с соседними государствами. Швеция и Польша не начинали с ним войны, а намерения турецкого султана Мухаммеда IV, давно старавшегося возмутить против царя жителей Малороссии, оказались неудачными, и запорожские казаки, покорившиеся ему на некоторое время, при Феодоре Алексеевиче признали над собой власть царя русского.

Исполняя с величайшей точностью царские обязанности, Феодор точно так же исполнял и семейные: трудно было найти такого сына, брата, супруга, каким был он. Горестная вдова царица Наталия Кирилловна часто бывала тронута до слез той нежной привязанностью, которую он показывал к ней и к сыну ее. Маленький Петр был утешением его: он не только любил его со всей нежностью брата, но восхищался почти беспрестанно его необыкновенными способностями, любовался его прекрасной наружностью, тревожился при малейшей болезни его гораздо более, нежели самыми сильными собственными страданиями: казалось, он боялся потерять драгоценность России. Этот страх тем более мучил его, что он не имел собственных детей и видел слабость

телесных и душевных сил родного брата своего Иоанна. Вот еще доказательство, милые читатели, как превосходно было сердце доброго Феодора Алексеевича: он не смотрел на то, что по родству Иоанн был ближе к нему, нежели Петр; он смотрел только на пользу отечества своего, и, когда в семействе царском заходила речь о наследнике престола, Феодор всегда говорил, что этим наследником будет меньшей брат его Петр. Но прежде чем дальновидный и великодушный государь успел сделать письменный акт об этом благодетельном для русских распоряжении, смерть отняла его в самых цветущих летах у любившей его России. Он скончался 27 апреля 1682 года, на 27-м году своей жизни. Нет нужды рассказывать о горести всего царского дома: она была одинакова для всех членов его, потому что все одинаково любили умного, кроткого, добродетельного Феодора, но неутешнее всех плакали две царицы—Марфа Матвеевна, молодая супруга его, и Наталия Кирилловна. Первая лишилась в нем нежнейшего друга, последняя оплакивала второго отца своего вновь осиротевшего сына.

Таблица XLIV

Семейство царя Феодора Алексеевича

Супруги:

1. Агафия Симеоновна Грушецкая
2. Марфа Матвеевна Апраксина

Сын от нее: Царевич Илия, скончался в детстве

Петр, десятилетний царь

России. 1682 год

Наконец открываются перед нами прекраснейшие страницы истории России! Наконец на троне ее является государь, назначенный судьбою произвести в отечестве нашем тот великий переворот, который в полной мере может назваться чудесным, неслыханным ни у каких народов! Все они, начиная с самых древнейших, просвещались постепенно. Русские же сделали это вдруг, как будто по какой-то волшебной силе. Эту волшебную, удивительную силу Бог, покровительствующий России, вложил в душу любимца своего — Петра. Точно, этот великий государь мог назваться любимцем Бога: все в нем было прекрасно и необыкновенно! Чудесно самое младенчество его, чудесны годы детства! Даже самое рождение его было чудесно предсказано за несколько месяцев.

Это удивляет вас, милые читатели? Да, вы правы, это удивительно, непонятно и объясняется разве только тем, что Бог для такого чрезвычайного смертного допустил

чрезвычайное явление в природе. Как бы то ни было, только, прежде чем он родился, два монаха — Симеон Полоцкий и ставший потом митрополитом в Ростове Димитрий — сказали царю Алексею Михайловичу, что у него родится сын Петр, что он наследует престол его и будет таким героем, с которым не сравнится никто из современников. Они говорили, что видели это по расположению звезд на небе. В старину во всей Европе верили, что звезды имеют влияние на рождение людей и потому часто предвещают судьбу их. Эта наука называлась астрологией. Вы удивитесь еще более, милые читатели мои, когда я скажу вам, что предсказание о Петре было не в одной России. В библиотеке Академии наук есть до сих пор переписка двух иностранных ученых — Николая Гейнзиуса и Иоанна Гревюса. Первый в 1672 году был нидерландским посланником в Москве и писал к последнему о рождении царевича Петра и о тех предвещаниях, какие были сделаны о нем, а Гревюс отвечал на это из Голландии, что и у них ученые гадатели заметили то же самое по звездам и согласны с предсказаниями русских о новорожденном царевиче.

Что же надобно было думать предкам нашим об этом младенце, удивившем мир прежде рождения своего? О, они приняли его в этом мире как существо неземное, они ожидали от него всего необыкновенного, и ожидания их исполнились более чем они могли вообразить себе! Мне кажется, я никогда не кончила бы, милые читатели мои, если бы начала рассказывать вам все, что сказал умного, все, что сделал великого этот

ни с кем не сравнимый Петр! Слова и действия его, эти священные драгоценности народа русского, составляют многочисленные тома сочинений, и десятая часть которых не может поместиться в краткой истории нашей. С благоговением должны они храниться в памяти каждого русского, и, верно, вы не один раз прочитаете их, когда в состоянии будете заниматься таким важным чтением. Тогда только вы в полной мере узнаете величие Петра. Но до тех пор вам надо довольствоваться небольшими рассказами нашими. Конечно, они несовершенны, они не могут назваться историей Петра—это только краткие очерки его великих дел, но мы вознаградим сколько-нибудь это несовершенство: я постараюсь собрать как можно более любопытных подробностей этого славного царствования, а вы будете внимательно читать и помнить их до тех пор, пока не настанет для вас время насладиться чтением настоящей истории великого преобразователя России.

Итак, начнем рассказ с самых первых лет Петра— великие люди бывают интересны даже в то время, когда только начинают говорить. Например, послушайте, каков был Петр в самом начале своей жизни.

В день Святых Апостолов Петра и Павла 29 июня праздновались именины царственного малютки. Кроме дорогих вещей, полученных в этот день Петром от нежных родителей его и других членов семейства царского, маленького именинника в одной из комнат Кремлевского дворца ожидало множество подарков

от верных подданных. Вот он входит туда с боярами, приставленными к нему*, с детским любопытством смотрит на все, чем народ хотел повеселить сына государя, и вдруг быстрые прекрасные глаза его засверкали от радости: он увидел маленькую стальную саблю! Не прошло и минуты, как он уже держал ее в руках, уже узнал, что ее поднес какой-то купец, уже приказал привести к себе этого купца. Как только тот явился, царевич бросился навстречу, приказал ему поднять себя на руки, поцеловал его в голову и сказал, что он никогда не забудет его за такой прекрасный подарок. Не выпуская из рук сабли, побежал он к своему родителю и просил непременно чем-нибудь пожаловать купца, а его опоясать саблей. Алексей Михайлович с восхищением смотрел на пламенную радость трехлетнего ребенка при виде оружия: она предвещала любовь его к славе военной.

-
- *Главным из них, или наставником царевича, был дед его— боярин Кирилл Полуектович Нарышкин и при нем помощники— князь Прозоровский, Головин и Головкин.*

Все было исполнено по желанию Петра: купец пожалован достоинством гостя московского, сабля с молитвой надета самим государем поверх голубого шелкового кафтанчика царевича. Царь сделал еще более: видя особенную страсть сына своего к военным

занятиям, он собрал нескольких детей одних лет с Петром, приказал сделать для них разное маленькое оружие и выучить их всему, чему учились солдаты. Тут-то начались для Петра праздники с утра до вечера, он играл и учился со своими маленькими воинами, и саблю почти никогда не снимали с храброго малютки, случалось даже, что он засыпал вместе с нею.

Когда Петр лишился попечения нежного отца своего, место его заступил настолько же нежный брат, и воспитание его продолжалось с прежней заботливостью. Потом определен был к нему учителем дьяк Никита Моисеевич Зотов. Он учил его читать и писать по-русски, а также истории— всеобщей и в особенности отечественной. Зотов хотя не получил сам отличного образования, слишком редкого в то время в отечестве нашем, и не знал иностранных языков, но был человек очень умный, который понимал, как сделать учение приятным, и, кроме того, был усерден и неутомим. Исторические уроки его не могли называться этим строгим именем. Нет, это были не уроки, а занимательные разговоры, во время которых он- рассказывал маленькому ученику своему о славных государях русских, особенно о Святославе, Владимире, Александре Невском, Димитрии Донском, Иоаннах— Великом и Грозном и, наконец, о Михаиле и Алексее. Чтобы сделать рассказы свои еще разнообразнее, Зотов велел представить в рисунках все важнейшие происшествия, случившиеся во время этих знаменитых царствований, и расположил их по всем комнатам царевича.

О, если бы вы могли представить себе, маленькие друзья мои, как эти картины и рассказы нравились Петру! Какой огонь блистал в глазах его, когда он слышал о храбрости Святослава или Владимира! Как весело улыбался при победе Донского! Как восхищался великими делами Грозного! Как огорчался его преступлениями! Одним словом, Зотов в полной мере достиг цели своей: пятилетний царевич, несмотря на младенческий ум свой, понял, что государя только история может научить царствовать, и полюбил эту науку более всех других. Иногда, слушая описание какого-нибудь города или крепости, он просил, чтобы ему показали планы их, и, к удивлению всех окружавших, рассматривал их с внимательностью и любопытством взрослого человека. Нередко случалось, что быстрый ум ученика проникал далее познаний учителя, и добрый Зотов, несмотря на все свое усердие, не в состоянии был отвечать на беспрестанные вопросы его и принужден был прибегать в таких случаях к ученым иностранцам, находившимся на царской службе, а иногда и к самому царю, который с особенным удовольствием любил разговаривать с умным малюткой и удивлялся его необыкновенным способностям.

Таков был ум Петра в самом нежнейшем детстве. Теперь я расскажу маленьким читателям моим случай, который покажет им сердце и нрав его в этом возрасте.

Царица Наталия Кирилловна, несмотря на все сыновнее почтение к ней Феодора Алексеевича, имела

много огорчений во время вдовства своего. Ближние бояре, окружавшие царя, по большей части родственники матери его — Милославские, ненавидели вторую супругу Алексея Михайловича и вместе с нею всех Нарышкиных. Пользуясь частыми болезненными припадками Феодора и кротостью Наталии, не любившей жалобами своими тревожить больного государя, они и приверженцы их клеветали на нее, старались отдалить ее от царя и даже осмеливались иногда явно показывать ей свое неуважение. Однажды самый дерзкий из них, боярин Языков, похвастал, что заставит вдовствующую царицу выехать из дворца и жить в другом доме, отдаленном от царского. И в самом деле он явился на другой день к Наталии Кирилловне и сделал ей свое дерзкое предложение под предлогом, что многочисленный двор ее* не может помещаться в одном доме с государевым.

-
- *Царь Феодор Алексеевич так уважал супругу родителя своего, что, вступив на престол, не переменял ничего при дворе ее и оставил на прежних местах всех служивших у нее. Этот двор был так многочислен, что одних стольников было 102. Из детей этих придворных чиновников были выбраны первые товарищи военных игр Петра.*
-

Сначала царица, зная, что это выдумка Языкова, не встревожилась этим безрассудным предложением и с твердостью отказалась от него, но потом, когда обманщик сказал, что пришел от имени царя, Наталия вздрогнула и, испугавшись опасностей, какие грозили сыну при немилости царствовавшего брата его, не могла удержать слез. Между тем этот сын, предмет нежнейших попечений ее, был тут же, в комнате. С удивлением слушал малютка дерзкого, осмелившегося так грубо говорить с государыней. Уже он готов был закричать от гнева, как вдруг заблистали слезы в прекрасных глазах его матери. О, как сильно забилося младенческое сердце Петра! Царица, обожаемая мать его, плакала от дерзких слов подданного! В эту минуту он увидел, что для наказания Языкова мало собственного гнева, и, не сказав никому ни слова, пошел к царю.

Феодор Алексеевич по обыкновению обрадовался, увидев своего любимца, но испугался его встревоженного вида и заботливо спросил, что с ним. Тогда Петр поцеловал несколько раз руку брата и сказал: «Государь! Я пришел к тебе с жалобой на Языкова. Он хочет меня с матерью моей выгнать из дома отца моего и отдалить от тебя, как в старину Годунов отдалил и потом погубил царевича Димитрия. Если тот дом, куда высылают нас, нравится тебе, то я буду в нем жить вместе с тобою, но из дома отца моего без тебя, государь, никуда не выеду». Сказав это, маленький царевич оборотился ко всем окружавшим в это время государя и прибавил со слезами на глазах:

«Разве я не сын великого царя Алексея Михайловича, что мне нет места в доме отца моего?»

Феодор был тронут почти так же, как и маленький брат его. Он поспешил успокоить и утешить его своими ласками и тотчас же пошел к царице уверить ее, что он никогда не думал отдавать Языкову таких несправедливых приказаний. Он предоставил ей наказать обманщика, как ей угодно, но кроткая Наталия отказалась от этого и великодушно простила виновного боярина. Ей приятно было оказать эту милость: в душе ее разливалась такая радость, когда она нежными ласками благодарила маленького защитника своего, что ей хотелось бы всему свету доставить хотя бы половину того счастья, какое могло чувствовать ее материнское сердце.

Так Петр и в детстве был утешением и славой родительницы своей и всего семейства царского. Вы слышали уже, что Феодор Алексеевич так любил его, что, умирая, назначил своим наследником. Хотя это не было утверждено письменным актом, но все окружавшие царя помнили слова его. К тому же различие между здоровьем и душевными способностями обоих царевичей было так велико, что каждый должен был сознаться, что царь поступил справедливо и великодушно.

Здесь представится вам новое великодушие, милые друзья мои! Подивитесь, как благородны были все сыновья Алексея Михайловича. Вы сейчас слышали, что один из них из любви к отечеству отдал престол

не старшему, родному брату и наследнику, а меньшому, рожденному от второй супруги родителя своего. Но что же сделал этот старший, обиженный царевич? Вместо того чтобы оскорбиться такой несправедливостью и, как мы часто видим, начать спор о наследстве, он добровольно согласился с желанием скончавшегося царя и, уступая корону меньшому брату, с кротостью сознался, что не чувствует себя способным царствовать так хорошо, как он. О, милые дети, помните этот трогательный пример смирения и братской любви, какой показал нам добрый Иоанн Алексеевич! Не думайте, что он принужден был сделать это, потому что после кончины Феодора тотчас все присягнули Петру. Нет! Это избрание было сделано совсем не так поспешно. Прежде патриарх Иоаким со всем духовенством и чинами государственными явился к обоим царевичам и спросил, которому из них угодно будет принять корону русскую. Иоанн Алексеевич в ту же минуту объявил, что он отказывается от нее, чувствуя слабые силы свои, и тогда все присягнули десятилетнему Петру. Иоанну же было в это время шестнадцать лет. Не удивительна ли такая скромность и уступчивость в этом пылком и самонадеянном возрасте? О, Иоанн заслуживает уважения нашего, как ни маловажно было участие его в делах государственных во все время его непродолжительной жизни.

Но оставим этого кроткого сына царей: он был на земле не для здешнего мира, и хотя впоследствии мы еще будем встречать имя его в истории нашей, но оно будет сиять в ней тихо, едва заметно подле

лучезарного блеска, окружающего имя младшего брата его. Обратимся к этому необыкновенному смертному, обратимся к нашему Петру. Он уже на престоле! Самые отдаленные страны России уже назвали его царем своим, а добродетельную мать его — правительницей. Все по наружности было спокойно, все, казалось, с доверенностью вверило судьбу свою тому, кто до рождения еще назван был героем. Но это спокойствие походило на тишину — предвестницу страшной грозы.

Царевна София Алексеевна

и стрельцы. 1682—1688 годы

Кто бы подумал, милые читатели, что Петр, так любимый Россией и так много обещавший ей, Петр, сын и брат государей — благодетелей ее, наконец, Петр, уже и сам принявший присягу в верности всего народа, мог иметь врагов даже в детстве, в этом невинном возрасте, еще не умеющем делать зла и оскорблять кого-либо? Но такова бывает участь людей, одаренных отличными способностями. Дорого платят они за свое

превосходство! Это испытал Петр, и чувствительнее, нежели кто-нибудь другой: врагом его была сестра — царевна София Алексеевна.

Начиная говорить об этой примечательной царевне, надобно покороче познакомить с нею маленьких читателей. Она родилась 7 сентября 1657 года. Ни одна из дочерей царя Алексея Михайловича не была так щедро одарена природой, как София. Пленительная наружность, острый ум, склонность к просвещению, терпение в учении отличали царевну от сестер ее даже в то время, когда все они были еще в детском возрасте. При дворе Алексея Михайловича, так много заботившегося о просвещении своих подданных, был даже театр. Он состоял из труппы комедиантов, нарочно выписанных для того из чужих краев. Директором этого театра был просвещеннейший из придворных того времени — боярин Артамон Сергеевич Матвеев, а представления давались в Преображенском, а иногда и в Кремлевском потешном дворце*. Не подумайте, однако, что пьесы того времени походили сколько-нибудь на нынешние. Нет, добрые предки наши, не имея совершенного понятия о театральном искусстве, представляли на театре своем только происшествия из Священной истории. Часто на сцене можно было видеть и Саула, и Давида, и Соломона, и других лиц из Ветхого Завета. Глядя на эти представления, маленькая София Алексеевна восхищалась часто более иной пожилой боярыни и оценивала игру актеров лучше, нежели какой-нибудь важный боярин. Иногда не по летам умная царевна, в восторге

от драматического искусства, выбирала нескольких детей придворных чиновников и вместе с ними сама играла маленькие пьесы или две-три сцены из больших. С восхищением смотрели на нее и родители, и сестры, и приставленные к ней мамушки, и все придворные и рано приучили ее к похвалам и лестному одобрению. Слыша беспрестанные восклицания: «Как прекрасна царевна София! Как умна царевна София! Она лучше всех других княжон! О, она, верно, будет со временем знаменитою царицей!» — малютка начала считать себя выше всего семейства царского, начала думать, что в самом деле ее ожидает чрезвычайная судьба в будущем. Эти гордые мысли увеличивались в ней вместе с годами. К несчастью, она вовсе не думала, что делает дурно, так высоко мечтая о себе, напротив того — считала эту гордость необходимой при своих необыкновенных дарованиях. Ее дарования точно были необыкновенны, особенно в тот век: вообразите, друзья мои, эта молоденькая царевна, едва вышедшая из детства, занималась словесностью, историей и другими науками и в царствование брата своего Феодора Алексеевича не только сама была в числе действующих лиц придворного театра, но даже сочиняла для него драмы и трагедии. Однако все-таки ей не стоило гордиться своими великими способностями: они даются нам от Бога, и счастливец, получающий их, должен из благодарности за прекрасный дар стараться всеми силами употреблять его для того, чтобы принести как можно больше пользы ближним, а не для того, чтобы величаться им

перед другими. О, эта гордость опасна! Послушайте, до чего довела она царевну Софию.

- Преображенский дворец был в селе Преображенском, недалеко от Москвы, на берегу Яузы. Этот дворец, некоторые другие в окрестностях Москвы и один в самом Кремле назывались потешными из-за тех увеселительных представлений, какие давались в них. Я выпишу для вас, маленькие друзья мои, одну из придворных записок 1676 года. Она лучше всех моих слов даст вам понятие как о вкусе предков наших, так и о слоге, каким писали они в то время: «Была комедия в Преображенском: тешили Великого Государя иноземцы, как Алаферна царица царю голову отсекала, и на органах играли немцы да люди дворовые боярина Артамона Сергеевича Матвеева. Того же года другая комедия там же, как Артаксеркс велел повесить Амана, и в органы играли, и на фиолах, и в инструменты, и танцовали. В третье, там же тешили Великого Государя на заговенье немцы и люди Артамона Сергеевича на органах, и на фиолах, и на инструментах, и танцовали, и всякими потехами разными». По этим самым потехам очень можно было назвать и дворцы, где они происходили, потешными.
-

Судьба дочерей прежних государей русских редко бывала так радостна и блистательна, как обещало им это их счастливое младенчество. С уничтожением удельных княжеств, управляемых часто знаменитыми князьями, уже не было достойных для них женихов между соотечественниками. Выходить же за принцев иностранных, исповедовавших другую веру, княжны, воспитанные в суеверных понятиях своего века, считали несчастьем. Итак, обыкновенная участь их была — оканчивать жизнь в монастыре. Но как далека была эта печальная мысль от прекрасной и гордой Софии Алексеевны! Ей ли похоронить в келье монастырской свой чудесный ум и глубокие познания? Ей ли променять блестящий наряд царевны на смиренную одежду монахини? «О, нет, нет, — говорила она, — я чувствую с самого детства высокое назначение мое! Я должна быть царицею, и царицею — в родном отечестве моем!»

Так, вероятно, думала София, глядя на приближавшегося к смерти брата своего — царя Феодора Алексеевича, на больного и слабого Иоанна, на добрых и скромных сестер своих, всегда покорных ее властолюбивой воле. Что же касается маленького Петра, сына второй супруги отца ее, то она совсем не считала его препятствием своим намерениям, хотя и слышала, что Феодор иногда называл его своим наследником: она знала, что письменного акта на это не было, и потому не считала этого наследника опасным. Но как же удивилась, как огорчилась и встревожилась она, когда тотчас после смерти Феодора десятилетний Петр

объявлен был царем России и все духовенство, все бояре и народ с одинаковым усердием присягнули ему в верности! Вовсе не ожидая этого, она не успела остановить присягу, но с той минуты возненавидела Петра и решила во что бы то ни стало не допустить его до нераздельного обладания Россией. Она нашла усердных помощников в родственнике своем по матери— боярине Милославском и в преданных ей стрельцах.

Стрельцы— это войско, учрежденное Иоанном Грозным и употребляемое им не только для дел военных, но часто и для исполнения его жестоких повелений, — всегда отличались дерзостью и самовольством. Упрямо защищая учреждения старины, предоставлявшие им больше возможностей поступать по своей воле, они ненавидели все улучшения, сделанные в войске царем Алексеем Михайловичем, и осмелились даже так явно противиться новому образованию полков, что добрый государь для спокойствия подданных своих принужден был начать это образование с воинов вновь набранных, которые и составляли семитысячный *правильный* корпус. Стрельцы же остались при прежнем устройстве своем и согласились только на то, чтобы офицеров их, называвшихся прежде *головами, полуголовами, пятисотенными*, назвали, как в регулярных полках, полковниками, подполковниками, ротмистрами и т. д.

Теперь вы, верно, не удивитесь, что в таком непокорном войске нетрудно было найти охотников

идти против государя. Для этого довольно было только объявить, что если будет царствовать не Петр, а брат его Иоанн, то весь новый порядок, введенный царем Алексеем Михайловичем в войске, будет уничтожен. Царевна же и Милославский обещали отменить даже и те перемены, какие сделаны были Никоном в церковных книгах. Это последнее обещание восхитило стрельцов: все они давно с досадой смотрели на исправление книг, и большая часть из них оставалась тайно староверами. С радостью взялись они исполнить все приказания царевны. Чтобы увеличить еще более их усердие, им сказали, что Нарышкины решили погубить весь род царский, что лекарь фон Гаден по приказанию царицы Наталии отравил ядом царя Феодора, а братья ее умертвили и царевича Иоанна, а когда ярость стрельцов доведена была этими несправедливыми слухами до высочайшей степени, Милославский и главные из сообщников его — Сунбулов, Циклер, Петров и Озеров — роздали по полкам списки мнимых изменников, назначенных быть жертвами честолюбивых замыслов Софии.

С этой минуты все было решено и день страшного бунта назначен — 15 мая, спустя три недели после присяги, данной Петру. Боже мой! Как ужасен был этот день! Рано утром стрельцы при звоне набатных колоколов и звуке барабанов вломились в Кремль, подошли к комнатам царским и потребовали, чтобы им выдали боярина Матвеева и Нарышкиных, убийц Иоанна. Напрасно больной и слабый царевич сам выходил к ним и уверял, что никто не думал лишать его

жизни: безумцы уже успели убить добродетельного боярина Матвеева, доктора фон Гадена и начальника Стрелецкого приказа князя Долгорукова. Вид царевича, считавшегося убитым, остановил на несколько минут злодеев, но потом, как будто пожалев об этих потерянных минутах, они вскричали: «Хотя и жив царевич теперь, но вперед может быть умерщвлен от Нарышкиных!»— и бросились доканчивать свои убийства, продолжавшиеся несколько дней. Главными жертвами после трех первых были два брата царицы— Афанасий и Иван Нарышкины, князья Ромодановские и Черкасский, бояре Языков и Салтыков, всего 67 человек.

18 мая, когда уже не оставалось в живых ни одного из тех несчастных, чьи имена записаны были в розданных списках, убийцы с радостными криками: «Да здравствует царь Иоанн и царица София!»— прибежали во дворец. Благородный, великодушный Иоанн и здесь показал себя достойным сыном Алексея: он с твердостью объявил и самовластной сестре своей, и дерзким бунтовщикам, что, помня последнюю волю старшего брата, он не будет царствовать без назначенного им наследника— Петра. Стрельцы должны были согласиться на это неременное требование царевича, София также. Царица дала это согласие охотно: оно вовсе не казалось ей опасным, потому что хитрый ум обнадеживал ее при малейшем участии в правлении завладеть всем царством. А в таком случае что ей до того, кого народ будет

считать царем своим, — она уверена была, что самодержавною царицей будет она сама!

Так и случилось. Больной Иоанн не мог заниматься никакими делами, маленький Петр при всех необыкновенных способностях своих все-таки был еще ребенок, наблюдательный ум и пылкую живость которого можно было занять часами ученья и играми. Царица Наталия Кирилловна уже не была правительницей государства, а только огорченной женщиной, которая беспрестанно то оплакивала несчастья отца и братьев своих, то страшилась за драгоценную жизнь сына. Она не могла уже действовать против врагов его: вся твердость ее исчезла в страданиях. Итак, кого же могла бояться гордая София? Совершенно никого, и доказательством служит то, что через три недели после бунта она короновала обоих царей-братьев, а себе предоставила только имя *правительницы* и с этим именем всю власть государей. Любимцы ее тотчас заняли важнейшие должности: главному из них, князю Василию Васильевичу Голицыну, поручено было управление государственными делами, двум князьям Хованским, отцу и сыну, — начальство над стрельцами.

Привязанность Хованских к расколичеству и воля, которую они давали и без того своевольным стрельцам, были причиной новых бунтов этого дерзкого войска. Сначала они помогали одному расстриженному священнику-староверу Никите, который, шатаясь по улицам, учил простой народ проклинать новую веру

и держаться старой. Потом, когда Никита получил достойное наказание за дела свои, да и на князей Хованских сделан был такой донос, что сама царевна-правительница сочла их изменниками и приказала казнить, стрельцы вместе с младшим сыном старика Хованского отомстили за любимцев своих со свойственной им дерзостью: они разграбили оружейную, расставили везде свою стражу и делали в Москве что хотели, потому что правительница со всем двором удалилась еще в начале бунта в Троицкий монастырь.

При первом известии об опасности для царей монастырь окружен был защитниками их — полками окрестных областей и людьми всякого звания. Они просили позволения идти в Москву и истребить всех стрельцов. Как только стрельцы узнали об этом, храбрость их исчезла, и они думали уже не о том, чтобы мстить за Хованских, а о том, как бы умилоустивить двор. И что же они сделали? Около трех тысяч из них причастились Святых Тайн, простились с женами и детьми и отправились в монастырь. В знак повиновения несли они плахи и топоры для казни своей. Царевна София, как всегдашняя покровительница их, употребила все свое влияние на царей, без согласия которых она не могла обойтись в этом случае, чтобы выпросить у них прощение любимцам своим, и успела в том: из трех тысяч казнили только самых виновных — тридцать человек.

Любопытно описывали современники торжественный въезд царского семейства в Москву после этого бунта. Младший царь был тогда уже тринадцати лет. По росту его, необыкновенно высокому, он казался несколькими годами старше. Никогда различие царственных братьев не было так заметно, как в этом случае. В то время как слабый и бледный Иоанн равнодушно смотрел на бесчисленные толпы народные и на ряды безоружных стрельцов, смиренно стоявших по обеим сторонам дороги и громко благодаривших государей за свое помилование, — привлекательное, цветущее здоровьем лицо Петра живо выражало волнение души, взоры его то грозно сверкали пылким негодованием, то тихо сияли кротостью, то горели любовью к народу.

Впрочем, участие его в правлении все еще не было заметно, София все еще управляла одна, и надобно сказать правду, что во многих случаях распоряжения ее заслуживали похвалу и одобрение. Так, сумела она провести искусные переговоры и сохранить мир с крымцами, с молдавским господарем и калмыцким ханом, сумела избежать войны со Швецией и, наконец, сумела заключить важный союз с Польшей и Австрией. Этот союз был против Турции. Давно старались заключить его король польский Иоанн Собеский и австрийский император Леопольд. Сила и дерзкое самовластие турок устрашали этих двух государей. Им казалось, что только общая война и помощь соседних царств может остановить быстрые успехи магометан. Русские представляли самую близкую и самую

надежную помощь в таком случае, и вот в 1684 году император и король отправили послов своих в Москву. Правительница со всей азиатской пышностью встретила и угощала знаменитое посольство, но согласилась на предложение его только в 1686 году, когда уже и Папа Римский, и король шведский, и курфюрст саксонский, и господарь молдавский соединили свои просьбы с просьбами поляков и австрийцев и когда Иоанн Собеский отказался навсегда от своих требований на Смоленск и Киев и на все области, присоединенные к России по Андрусовскому перемирию.

Восхищаясь выгодами заключенного союза, София щедро наградила бояр, которые участвовали в переговорах Главным лицом по обыкновению был тут князь Василий Голицын. Разумеется, что он получил и главные награды — золотую чашу в 9 фунтов, кафтан в 500 рублей и в окрестностях Нижнего Новгорода волость Богородицкую в 3 тысячи дворов. Вы можете судить теперь, как высоко ценила царевна заслуги любимца своего.

Нельзя было бы осуждать ее, если бы она ценила эти заслуги тогда, когда они точно приносили пользу отечеству, как случилось в этот раз, но она осыпала Голицына своими милостями даже и тогда, когда он вовсе не заслуживал этого. Так было вскоре после заключения знаменитого союза. Союзники решили теснить турок с трех сторон: польскими силами — при Белграде, австрийскими — в Венгрии

и Трансильвании, а русским поручено было завладеть Крымским полуостровом, хан которого был верным союзником турок. Два раза войско наше ходило в Крым и — по желанию правительницы — всегда под начальством князя Голицына. Всякий раз возвращалось оно оттуда не только безо всякой пользы, но даже с большими потерями, и всякий раз получало богатые подарки. Кроме деревень и денег, щедро розданных тогда начальникам полков, царевна пожаловала им и всем офицерам золотые, а простым солдатам — серебряные медали. Медаль Голицына была сделана из 300 червонцев, осыпана бриллиантами и висела на золотой цепи.

Раздать так много милостей людям, не заслуживающим их, нельзя было без цели. София имела эту цель: ей нужно было привязать к себе все войско и быть уверенной в его преданности. Вы увидите, как ужасны были эти замыслы и как чудесно Бог обратил их к славе Петра и к стыду недостойной сестры его.

Петр, единодержавный

обладатель России. 1689 год

Вы помните, что еще в детстве у Петра были маленькие товарищи, с которыми он любил играть в солдаты. Они со всей точностью настоящих солдат помнили весь порядок команды и, с почтением слушая своего маленького командира, быстро и ловко исполняли его приказания. Впоследствии число их увеличилось, и поскольку они обыкновенно жили в потешном Преображенском дворце, то их называли *потешными*. А может быть, это имя произошло и от того, что они составляли увеселение, или — как тогда говорили — *потеху* Петра.

Но это увеселение вскоре сделалось гораздо важнее, и вот по какой причине. В числе иностранцев, служивших в России при царях Алексее Михайловиче и Феодоре Алексеевиче, был один женевский дворянин — Лефорт. С красивой наружностью в нем соединялись и прекрасные качества души. Особенно отличался он своей храбростью, прямодушием и привязанностью к стране, ласково принявшей его

в число сынов своих. Он любил Россию, как свое отечество, и очень хорошо знал русский язык. Все это обратило на него особенное внимание десятилетнего государя. Дружба, существовавшая впоследствии между ним и Лефортом, началась с голландского языка. Петр просил образованного женевца научить его по-голландски. Уроки начались, и с того времени не было для Петра более приятного препровождения времени, как разговаривать с новым любимцем своим. Лефорту было чем занять любопытного ребенка, было что рассказать. Он так много странствовал по разным государствам, так много видел на свете и хорошего, и дурного, что в разговорах с ним Петр мог беспрестанно узнавать что-нибудь новое и полезное. Лефорт заметил, что маленькому слушателю более всего нравились рассказы об иностранных войсках и о том устройстве, до которого они были уже доведены в Европе. Не было конца расспросам об их вооружении, одежде, ученье—любопытный царь хотел знать малейшие подробности. Вот Лефорт, чтобы удовлетворить желание его в полной мере и удивить приятной неожиданностью, выбрал пятьдесят человек потешных, одел, вооружил и обучил их совершенно по-европейски и однажды утром привел всех ко дворцу. Двенадцатилетний Петр был в восхищении, увидев перед глазами своими то, о чем прежде так много слышал, и едва узнавал товарищей своих в новых мундирах. Он то перебегал от одного к другому, то брал палочки из рук барабанщика и учился сам барабанить, то обнимал и целовал Лефорта, так искусно сумевшего

угодить ему. Он сделал его командиром новой роты, а сам, чтобы изучить в совершенстве военное искусство, записал себя в эту роту простым солдатом. И не подумайте, что он сделал это для одного удовольствия своего, не имея намерения исполнять обязанности нового звания. Нет, напротив того, не было солдата усерднее и исправнее. Он не только спал в общей палатке солдат, обедал за одним столом с ними и носил такую же одежду, но стоял по очереди на карауле и отправлял все солдатские работы— например, возил землю к строившейся крепости. Он даже сам сделал тележку, на которой возил эту землю. Одним словом, он хотел на собственном опыте узнать все трудности военной службы, удостовериться в возможности переносить их и показать своим подданным пример повиновения начальству. Такой пример был чрезвычайно нужен для них: дух местничества еще не совсем истребился, и многие из бояр еще любили величаться старейшинством или родом и неохотно поступали на службу. Теперь могли ли они не переменить образа мыслей, если видели, что сам государь служит простым солдатом и в этом звании безо всяких противоречий исполняет приказания своего начальника?

Вот первое великое дело Петра, милые читатели! Его служба рядовым в роте потешных доказала самым надменным приверженцам старинных предрассудков о породе, что не знаменитые предки, а собственные заслуги составляют достоинство человека. С тех пор как царственный воин с восторгом и почтительной

благодарностью принял от начальника роты за отличную службу свою чин сержанта, умолкли навсегда смешные споры о знатности предков и все уверились в необходимости лично заслуживать те достоинства, которыми хотели гордиться. Многие начали записывать детей своих в потешные, и число их вскоре так увеличилось, что уже не могло помещаться в селе Преображенском и надобно было часть из них перевести в ближнее село царское — Семеновское. Вот эти-то потешные Преображенские и семеновские и составили впоследствии два гвардейских полка, которые до сих пор носят эти знаменитые имена.

Беспрестанно занимаясь ими и находя главное удовольствие в этом занятии, Петр не думал о том, что честолюбивая сестра отнимает у него всю царскую власть. Он даже редко ездил в Москву — Преображенское было любимым местом его, где он жил, почти не выезжая. Кроме службы с потешными, у него было много других занятий, и потому не удивительно, что он не догадывался о намерениях Софии. Каждый день несколько часов проводил он за военно-математическими науками.

Учителем его в этом предмете был один искусный артиллерийский поручик — Франц Тиммерман, лично им выбранный из офицеров Пушечного двора. Здесь кстати заметить, милые читатели, что Петру после коронавания его уже не давали настоящих учителей: у предков наших не было обыкновения, чтобы коронованный государь продолжал учение.

С радостью видела София, что маленький царь думал об этом совсем иначе и беспрестанно переходил от одного урока к другому. Она явно и тайно благоприятствовала его занятиям, замечая, что они отвлекают его от всякого участия в правлении. К тому же и потешные, и математика, и сооружение небольших крепостей, и сражения перед ними казались Софии забавами меньшого брата ее, забавами, вовсе не опасными для умной правительницы.

Но как же ошиблась гордая царевна! Посреди этих мирных забав возростал могущественный преобразователь России, развивался необыкновенный ум его. В четырнадцать лет он уже показывал боярам своим недостатки прежнего Ратного устава, где особенно недоволен был излишними словами в командах. «Послушайте, — говорил молодой царь, — можно ли офицеру скоро скомандовать все это: „Подыми мушкет ко рту, содми с полки, возьми пороховой зарядец, опусти мушкет книзу, посыпь порох на полку, поколоти немного о мушкет, закрой полку, стряхни, содми, положи пульку в мушкет, положи пыж на пульку; вынь забойник, добей пульку и пыж до пороху, приложися, стреляй!“? Не лучше ли, — продолжал Петр, — вместо всего этого сказать: „Слушай! Заряди мушкет! Прикладывайся! Стреляй!“» Сначала бояре, защищая прежний порядок, не верили, что можно хорошо понять и исполнить это короткое приказание, но, когда Петр скомандовал при них и солдаты так же исправно все сделали, как и прежде, упрямые приверженцы старого порядка должны были

согласиться, что замечания молодого царя были в полной мере справедливы.

Военное искусство не было единственным предметом внимания Петра, с самых детских лет это внимание обращалось на все. Надо было слышать, как в двенадцать лет он разговаривал с патриархом о вере и ее торжественных обрядах. Надо было видеть, как он в этом же возрасте, рассматривая библиотеку патриарха, сердился на неге за беспорядок в ней и поручил устроить ее своему бывшему учителю Зотову. Почти в то же время искусной хитростью он отучил бояр от пристрастия к охоте и, представив им, как смешно такое бесполезное употребление времени, записал большую часть людей, служивших на Сокольничем дворе, в ряды своих потешных.

Но, несмотря на множество таких случаев, ясно показывавших удивительные способности младшего царя, гордая царица, ослепленная властолюбием, вовсе не замечала того и продолжала нераздельно управлять государством даже и тогда, когда Петру уже исполнилось семнадцать лет и он по желанию царицы — матери своей — избрал себе супругу. И в это время София называла себя во всех указах *Самодержицей России*, и ее портрет в короне и порфире был изображен на всех монетах и медалях. Она даже хотела в качестве государыни торжественно показываться народу в большие праздники. Но семнадцатилетний Петр, чувствуя права свои, начал противиться этой самовластной воле и во время

Крестного хода из Успенского собора в Казанский 8 июля 1689 года решительно объявил, что сестра его должна быть в церкви только как царевна, а не как правительница и государыня. София не обратила никакого внимания на слова брата и пошла, как и всегда, рядом с обоими царями.

Такая гордость, такая дерзкая неуступчивость вывели наконец Петра из терпения: не желая на глазах всего народа покориться прихоти своенравной женщины, он в ту же минуту вышел из церкви и уехал в Преображенское вместе с матерью, супругой и своими приближенными. София встревожилась — в первый раз она видела гнев Петра и испугалась последствий его. Одна мысль потерять власть свою была для нее ужасна! Она готова была на все, чтобы только удержать ее. К тому же гордая душа ее никого не любила: она могла жертвовать обоими братьями. Но старший не был опасен: надобно было избавиться только от младшего. Вообразите же, друзья мои, она решилась на это! Главным помощником ее в этом ужасном деле был начальник стрельцов Шакловитый, заступивший место старика Хованского, и с ним восемь стрелецких полковников. Эти злодеи, так же как и Милославский, воспользовались легковерием и беспокойным нравом стрельцов и снова обманули их несправедливыми слухами. Они уверили их, что царь Петр, вводя немецкие обычаи и немецкое войско, хочет переменить веру и восстать на брата своего Иоанна. Услышав такие вести, дерзкие стрельцы, незадолго перед тем осыпанные милостями царевны за второй бесполезный

поход в Крым, готовы были для угождения ей решиться на ужасное злодеяние — умертвить Петра и всех его приверженцев. В ту же ночь назначено было идти для того в Преображенское.

Но Бог чудесно показал милость свою к герою русскому! В то самое время, когда стрельцы-заговорщики толковали об ужасном намерении своем, среди них нашлись два человека — Михаил Феокистов и Димитрий Мельнов, еще не совершенно забывшие, что есть на небесах Господь, наказывающий за преступления. Им страшно было стать злодеями, и они полетели в Преображенское упасть к ногам царя и открыть ему заговор.

Петр ласково и с благодарностью принял раскаявшихся преступников и в тот же час уехал со всем семейством своим в Троице-Сергиев монастырь. Между тем через несколько часов после отъезда его приезжает в Преображенское Шакловитый. О, сколько злобы, досады и страха почувствовал он, увидев, что жертва ускользнула от него! Уныло возвратился он в Москву, как убитый явился к Софии. Царевна ужаснулась, услышав рассказ его: ей казалось, что спасение Петра куплено ценой ее собственной гибели. В тоске отчаяния, в предчувствии судьбы своей она не знала, на что решиться: то уговаривала стрельцов довершить заговор Шакловитого общим восстанием, то клеветала на Петра старшему брату, то просила советов у князя Голицына, то снова отвергала их. Нигде не было успеха: стрельцы не хотели

более слышать о мятеже и безо всякого сопротивления выдали Петру всех сообщников заговора и самого Шакловитого, царь Иоанн так любил и уважал брата, что не мог поверить и десятой части рассказов царевны, а Голицын никогда не одобрял замыслов Софии на жизнь брата, но советовал ей скорее уехать в Польшу. Между тем как виновная правительница находилась в такой мучительной нерешительности, назначенные Петром бояре уже открыли во всех подробностях преступление Софии и ее сообщников. Главные из них вместе с Шакловитым были наказаны смертью, другим отрезали языки, остальных сослали в Сибирь. Наказывая их, Петр все еще медлил с наказанием Софии, он все еще уважал в ней дочь отца своего. София хотела воспользоваться его великодушием и после потери усердных помощников, уже не имея надежды погубить брата своего, начала стараться о примирении с ним. Для этого она просила тетку свою царевну Татьяну Михайловну и сестер Марфу и Марию съездить в Троице-Сергиев монастырь и уверить Петра, что стрельцы оклеветали ее. Царь увидел в этом поступке только новую хитрость сестры своей и показал трем царевнам такие явные доказательства вины ее, что они не захотели возвратиться в Москву и остались в монастыре. Вслед за этим неудачным посольством София отправила к брату патриарха Иоакима, который, узнав подробности о преступлениях правительницы, последовал примеру сестер ее и отказался просить за нее царя. Царевна не пришла в уныние и на этот раз и поехала сама повидаться

с братом, но Петр отказал ей в том и, видя ее желание оправдаться и пользоваться прежней властью, поспешил решить судьбу ее: она была лишена звания правительницы и пострижена в монахини*. Князь Василий Голицын и сын его были лишены боярского достоинства и отправлены в вечную ссылку.

- *София Алексеевна пострижена была под именем Сусанны в московском Новодевичьем монастыре. Здесь провела она около 16 лет и скончалась в июле 1705 года.*
-

Через несколько дней после окончания дела о заговорщиках Петр торжественно въехал в Москву в сопровождении войска, явившегося для защиты его в монастырь. Это войско состояло из потешных, из регулярного отряда под начальством генерала Гордона и тех стрелецких полков, которые оставались верными царю. Кроме того, множество народа шло вместе с войском всякому хотелось видеть свидание обоих царей после такого важного переворота в правлении, тем более что мятежники уверяли всех, что царственные братья в ссоре между собой. Но как же удивились все, когда, подходя ко дворцу, увидели на крыльце Иоанна, вышедшего навстречу брату! С непритворною радостью государи обнялись. Их не разделяли более хитрости честолюбивой сестры! В тот же день старший царь объявил народу, что он

отказывается от участия в правлении и уступает свою власть младшему брату своему, более его способному составить счастье подданных. Петр согласился на неперемное желание великодушного брата, но с тем условием, чтобы Иоанн председательствовал в Думе боярской и чтобы имя старшего брата на всех государственных бумагах было выше имени младшего.

Вот начало настоящего царствования великого, незабвенного государя России, милые читатели! Теперь вы услышите самые любопытные рассказы о делах его.

Начало русского флота

и первая победа Петра. 1689

—1697 годы

Из описания детских игр Петра и его потешных вы уже видели начало сухопутного войска его. Хотите ли знать теперь, как образовались морские силы

нашего царя-героя? Можно сказать, что каждая игрушка показывала его стремление к великим делам. Вы узнаете это из следующего рассказа. Петр осматривал однажды в селе Измайловском старые вещи, оставшиеся в доме прапрадеда его, Никиты Ивановича Романова. Вдруг замечает он между ними какую-то брошенную без употребления лодку, вовсе не похожую на те, какие делались тогда в России. С ним был в это время учитель его Франц Тиммерман. Любопытный царь спрашивает его, что это за лодка, и с удивлением узнает, что это английский бот, употребляемый на море при кораблях, и что на нем можно ездить на парусах по ветру и против ветра. Это была новинка, еще никогда не виданная Петром. О, сколь занимательной она показалась ему! Нетерпеливый царь хотел в ту же минуту пуститься на нем по Яузе, но бот был почти совершенно разрушен. Чтобы исправить его, тотчас приказано было искать плотника. К счастью, нашли того самого голландца Брандта, который строил этот бот при царе Алексее Михайловиче. Он починил, оснастил, спустил его на воду и некоторое время ездил перед глазами государя, стоявшего на берегу. Насмотревшись вдоволь, Петр сел вместе с Брандтом и сам начал управлять ботиком. С первого же раза новое дело пошло так хорошо, что плавание на ботике сделалось одной из любимых забав его. Здесь, к славе Петра, надобно сказать вам, милые читатели, что он в детстве боялся воды и ему стоило больших трудов преодолевать этот природный страх. Но чего не сделает человек с твердой

волей и истинным желанием успеха? В короткое время в Петре не осталось ни малейших следов прежнего страха.

Реки Яуза и Москва скоро показались малы для молодого царя, а небольшие поездки водой до села Коломенского уже не удовлетворяли его страсть к мореплаванию. В 1691 году выписаны были новые мастера из Голландии и построена корабельная верфь на озере Переяславском*. Главный мастер Арриен Меетье должен был заложить две яхты одинаковой величины: одну для себя, Другую для самого Петра. Да, друзья мои, Петр, прошедший всю сухопутную военную службу, хотел с такою же точностью узнать и морскую. Более того, он хотел иметь полное понятие не только о том, как надобно служить на корабле, но даже и о том, как надобно его строить. Вот два мастера принялись за работу: старший— Арриен— объяснял правила постройки и показывал их младшему— Петру. Собственными руками исполнял он все показанное ему, собственными руками клал каждую доску, вколачивал каждый гвоздь, и, таким образом, спустилась на воды Переяславского озера первая русская яхта. Она была *первой*, потому что царственный ученик опередил учителя и окончил работу свою прежде, чем окончена была Арриенова яхта. 1 мая 1692 года царь, восхищенный произведением своим, начал прогулки по озеру, а когда новый флот состоял уже из пяти судов, эти прогулки перестали быть простым катаньем, а представляли собой морское учение и часто даже сражения. Царица

Наталия неохотно смотрела на такие увеселения: нежная мать боялась новых опасностей, каким подвергал себя Петр, и старалась отвлекать его от моря, кораблестроения и вообще от многих нововведений, не нравившихся большей части его подданных. Петр всегда был послушным сыном и до самой смерти родительницы своей, случившейся в 1694 году и жестоко поразившей его**, не предавался всей силе своего гения, не мог доводить до совершенства своих обширных намерений.

- *Это озеро называется также Клешнинским и находится во Владимирской губернии. Оно имеет в длину восемь, а в ширину семь верст.*

*** Горесть Петра трогательно выражается в письме его к тогдашнему архангельскому воеводе Феодору Апраксину. Это письмо начинается так: «Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце».*

После кончины Наталии в действиях его стало заметно больше свободы. Не боясь уже огорчать ее, он с каждым годом смелее предавался страсти своей к мореходству и в мае 1694 года уже ездил в Соловецкий монастырь, а этот монастырь построен на Соловках — острове, лежащем на Белом море. Стало

быть, в то время это было важное морское путешествие. Оно соединялось с большими опасностями, и смелый Петр едва не сделался жертвою их. По дороге его застигла такая сильная буря, что все находившиеся с ним люди потеряли надежду спастись, и даже сам он уже приготовился к смерти и, причастившись Святых Тайн, ожидал минуты гибели. Русский кормщик из простых крестьян один не потерял бодрости: счастливо провел он царскую яхту посреди подводных камней и пристал к берегу. Мы, русские, так много обязаны этому искусному кормщику, что непременно должны знать его имя: его звали Антип Панов. Петр в знак благодарности Богу за свое спасение поставил на том самом месте, где вышел на берег, деревянный, сделанный собственными руками крест, на котором вырезал следующую надпись на голландском языке: «Dat kruvs maken Captein Peter, van A. Cht. 1694»*. Несмотря на опасность путешествий по Белому морю, царь три года сряду возобновлял их. Знакомство с иностранцами, особенно с голландскими купцами, которых всегда было много в Архангельске, и разговоры с корабельщиками увеличивали морские познания его, самые путешествия, делаемые обыкновенно до Вологды сухим путем, а оттуда водой, доставляли ему новые опыты. В 1695 году уже заложена была вторая корабельная верфь в городе Воронеже, но прежде, чем готовы были строившиеся на ней суда, Петр занялся другим важным предприятием.

- *Этот крест сделан капитаном Петром, 1694 год.*

Я уже говорила вам, милые дети, о союзе, заключенном против Турции царевной Софией с австрийским императором и польским королем. Вы помните также и о тех двух походах в Крым, за которые правительница с несправедливой щедростью наградила любимца своего князя Голицына и все войско, ходившее с ним. Это было почти первой причиной неудовольствия Петра самовластным и дурным правлением сестры. Ему досадно было узнать, что русские могли с таким бесславием воевать с татарами, уже боявшимися их; еще досаднее было видеть, что за это самое бесславие их наградили, как самых храбрых воинов. Эта досада скрывалась в сердце его, пока София была повелительницей России, но как только власть ее кончилась, Петр начал заботиться о том, чтобы заставить позабыть неудачи русского войска в Крыму, тем более что они могли внушать Турции невыгодное мнение о силах наших и придавали татарам смелость делать набеги на наши владения. Но Петр, несмотря на всю свою молодость, был осторожен и благоразумен, как человек совершенных лет, и потому намерение его продолжать начатую войну с Турцией не было известно до тех пор, пока полки русские, обученные по-европейски, не привыкли к новому устройству, обещавшему больше успехов в сражениях с войском необразованным. Итак, не прежде чем в 1695 году молодой царь объявил

народу, что для безопасности государства надобно отнять у турок город Азов, в котором они построили сильную крепость, чтобы помогать татарам делать набеги на русские области и укрывать их от преследований.

Многие из читателей моих, верно, знают из географии, что эта Азовская крепость и теперь существует еще в Екатеринославской губернии, на берегу реки Дон, в 30 верстах от Азовского моря. Но в ней едва приметны теперь следы знаменитого города Азова, который известен был еще в XI веке. Тогда он принадлежал половцам, часто побеждаемым нашими предками. В XIII веке завладели им генуэзцы и назвали его Тана, потому что до нашествия половцев на месте Азова был город Танаис, построенный греками. Надобно думать, что этот же самый Танаис половцы назвали Азовом, потому что Азуп было имя одного из князей их. Танаис, Тана или Азов славился своей торговлей и богатством, но генуэзцы недолго владели им: в 1392 году он был отнят у них ханом Темир-Аксаком. Судьба Азова была чрезвычайно непостоянной: в 1453 году завоевал его у крымцев турецкий султан Магомет II, в 1639 году четыре тысячи донских казаков отняли его у турок, которые после двух походов, стоивших им очень дорого, снова возвратили несчастный город под власть свою и тогда уже превратили его в сильную крепость.

Вот эту крепость надобно было отнять у Турции для безопасности южных границ наших. Весной

1595 года 30-тысячное войско выступило из Москвы четырьмя отрядами. Первым командовал генерал Алексей Семенович Шеин, вторым — Патрикий Гордон, третьим — Франц Лефорт, четвертым — Артамон Головин. В отряде последнего были царские потешные, уже называвшиеся полками — Преображенским и Семеновским. К Преображенскому полку прибавлена была Бомбардирская рота, и в ней капитаном — сам Петр. Неописуемо было удивление, с которым предки наши смотрели на этого великого государя, покорного приказаниям своего начальника. Чудесно действовал на них этот необыкновенный пример: он заставлял их стремительно бросаться во все опасности. Да и можно ли было бояться этих опасностей? Петр совершенно по-братски разделял их с ними, безо всякого страха, часто даже безо всякой осторожности бросался в самую середину сражения. Так, однажды он преследовал турок со своими двумя полками до самых стен Азовской крепости. Но все чудеса храбрости, показанные русскими во время этого похода, окончились только тем, что взяты были две сильно укрепленные турками каланчи, построенные на берегах Дона в шести верстах от Азова, для того чтобы не пускать русские суда по Дону и тем затруднять подвоз съестных припасов нашему войску. К тому же случилось еще происшествие, остановившее успех войны: инженер Яков Янсон, за что-то рассердившийся на генералов, заколотил вверенные ему пушки и перешел на сторону неприятеля. Эта низкая измена

причинила столько вреда русским, что они должны были отступить и отложить войну до следующего года.

Не нужно говорить вам, милые друзья мои, с какой заботливостью занялся Петр приготовлениями ко второму походу: все вы уже имеете понятие о неутомимости этого удивительного государя! Узнав на опыте, как необходим флот для взятия приморского города, Петр обратил главное внимание свое на постройку судов на Воронежской верфи. Целую зиму там работали беспрестанно, и к весне готовы были 2 фрегата, 4 брандера, 2 галиота и 23 галеры. Адмиралом этого как будто бы волшебною силой явившегося флота сделан был один из главных помощников Петра в чудесных делах его — Лефорт. Под начальством его были вице-адмирал де Лима, родом генуэзец, и контр-адмирал Лозер. Главнокомандующим над сухопутным войском был генерал Шеин.

Отправляясь в мае 1696 года в этот второй поход под Азов, молодой государь был печален: незадолго перед тем, а именно 29 января, он лишился брата, которого любил со всей нежностью сына. Многие историки называют царя Иоанна Алексеевича *слабым*. Но один из них, Галем, вот что говорит о нем: «Откровенно признаваясь в телесных и душевных своих недостатках и отдавая всенародно преимущество пред собою младшему своему брату, он показал более величия души, нежели многие, почитающие себя умными и сильными». Если прибавить к такому описанию уважение и привязанность его к Петру,

то нельзя не оценить достойно этого кроткого государя. Не знаю, как вы, милые читатели мои, но я очень люблю доброго Иоанна Алексеевича и жалею, что он рано скончался и не прожил, по крайней мере, еще несколько месяцев: тогда он услышал бы, с какой славой любимец души его—его несравненный Петр кончил Азовский поход, увидел бы торжественное возвращение его в Москву, и счастье милого брата утешило бы нежное сердце страдальца. Да, друзья мои, не позднее чем 19 июля того же 1686 года Азов, стесненный с моря и с сухого пути искусными распоряжениями Петра и его генералов, принужден был сдаться. Победитель позволил жителям выйти и взять с собой столько имущества, сколько можно было унести на руках, но потребовал за это выдачи изменника Янсона, и воля его была исполнена. Петр, обладая всеми прекрасными качествами души, имел также и необыкновенную скромность. Несмотря на самое деятельное участие свое в осаде Азова, он приписал весь успех своим полководцам и войску и хотел, чтобы не он, а они торжественно въехали в Москву. День, назначенный для торжественного въезда, был 30 сентября. При входе на каменный мост построены были триумфальные ворота. По правую сторону их стояла на пьедестале статуя Марса с надписью: «Марсовою храбростию». У ног Марса лежал татарский мурза с луком и колчаном, за ними—два скованных татарина и надпись:

Прежде на степях мы ратовались,

Ныне ж от Москвы бегством едва спасались.

По левую сторону ворот стояла статуя Геркулеса с надписью: «Геркулесовскою крепостию». У ног его лежал азовский паша в чалме и два скованных турка опять-таки с надписью:

Ах! Азов мы потеряли

И тем бедств себе достали!

Резвые читатели мои! Не вздумайте подшучивать над этими стихами. Вспомните, что в то время еще не существовали поэты, которыми мы гордимся теперь, и потому не удивляйтесь, если я скажу вам, что эти самые строки, которые заставляют вас так лукаво улыбаться, казались прекрасными нашим прапрадедушкам. Но возвратимся к первым триумфальным воротам русским: мы рассказали только о самой маленькой части тех чудес, которыми они были испещрены в торжественный день 30 сентября. Вход в ворота был украшен золотою парчой. По своду написано было золотыми буквами: «Приидох, видех, победих». Посреди свода висел зеленый лавровый веноч, наверху парил двуглавый орел с тремя коронами. Кроме того, по сторонам ворот возвышались две пирамиды, перевитые зелеными ветвями, а от них вдоль моста расставлены были огромные живописные картины. На одной представлен был приступ к Азову, на другой — морское сражение с надписью:

На море турки поражены,

Оставя Москве добычу, корабли их сожжены.

Перила моста и все улицы, ведущие к Кремлю, были увешаны дорогими персидскими коврами, по обеим сторонам дороги стояли стрельцы, не бывшие в походе.

Теперь мы знаем, друзья мои, в каком блестящем виде приготовилась Москва встретить возвращавшихся победителей. Посмотрим же на порядок, в каком эти победители вступали в радостную столицу. После множества конюших, карет, колясок и богато убранных верховых лошадей, принадлежавших или царю, или генералам, ехала торжественная колесница, сделанная в виде раковины, украшенная золотом и запряженная шестью серыми лошадьми. В этой колеснице сидел тот, кого Петр хотел почтить более всех, — Лефорт. На нем был белый морской мундир, обшитый серебряными галунами. За колесницей шли все морские офицеры и матросы, бывшие под начальством его, и все находившиеся на русской службе иностранцы. После множества знамен, сопровождаемых трубачами и литаврщиками, несли большое знамя государево, на котором изображен был Спаситель. За знаменем ехал боярин и большой воевода, т. е. главнокомандующий, Алексей Семенович Шеин в черном бархатном кафтане, в шапке с белым пером и с обнаженной саблей в руке: это было второе лицо торжества. После него ехал воевода артиллерии Вельяминов-Зернов, за которым солдаты тащили по земле турецкие знамена и вели пленника — мурзу Аталыка. За этим ехал дивизионный генерал Артамон Головин, полковник Семеновского полка Чамберс и, наконец, капитан Преображенского полка Петр,

в простом офицерском мундире, пешком со своею ротой.

Какая картина могла быть прекраснее, величественнее, удивительнее этой! Надобно было только взглянуть на торжественную колесницу Лефорта и на молодого Петра в его капитанской одежде, чтобы понять все превосходство, все величие государя, посланного Богом счастливой России! С равным восторгом смотрели на него и русские, и иностранцы, с равною любовью они были преданы ему, и потому с равным негодованием все увидели в конце шествия, за бомбардирами и пушкарями, изменника Янсона; его везли на телеге под укрепленной на ней виселицей, над которой виден был турецкий полумесяц с надписью: «Ущерб луны». На шее у него была петля, на груди — дощечка со словом «злодей». Нельзя было без ужаса смотреть на этого низкого и жалкого человека! Взоры всех, с презрением отворачиваясь от него, отдыхали на светлых, благородных лицах Лефорта и Шеина. Особенное удовольствие заметно было в обоих генералах в ту минуту, как они подъезжали к триумфальным воротам. Здесь снова встретили каждого из них с приветствием в стихах. Эти стихи уже не были надписью, но были сказаны сверху ворот «гением» в такую огромную трубу, что весь народ мог внятно слышать каждое слово.

Знаменитый день 30 сентября кончился царскими милостями, щедро розданными всем участвовавшим в походе, и разными увеселениями, которые царь любил

делать для народа в торжественные праздники. Эти увеселения состояли чаще всего из иллюминаций и фейерверков. Последние, как любимая забава царя, за три года перед тем уже давались двором во время масленицы и в разные другие праздники и сначала очень удивляли предков наших; особенно простой народ долго не мог понять, по какому чуду эти прекрасные разноцветные огни летали по воздуху. И как бы вы думали, кто занимался этим делом? Сам Петр! Он не только приготовлял собственными руками фейерверки, но часто даже сам зажигал их.

Окружавшие его удивлялись, как этот великий ум мог в одно время заниматься важными делами и мелочами. Впрочем, зажжение фейерверка, соединенное в то время с опасностями, еще не могло назваться совершенной безделицей, но часто случалось, что Петр посреди самых глубокомысленных размышлений о каком-нибудь великом предприятии писал письма к архангельскому воеводе о том, чтобы он купил для него лимонов, и рассказывал в том же письме, каким образом приготовить их, чтобы доставить к нему неиспорченными, или отдавал приказание о починке какой-нибудь вещи из одежды своей, или, наконец, сам принимался за эту починку: так, не один раз он сам чинил башмаки свои. Когда приближенные его громко удивлялись такой беспримерной деятельности и, по мнению их, излишней для царя бережливости, Петр обыкновенно отвечал им своей любимой пословицей: «Кто не бережет денежки, тот сам не стоит рубля».

Таблица XLV

Семейство царя Иоанна Алексеевича

Супруга: Параскевия Феодоровна Салтыкова Дочери:

1. Анна, бывшая в супружестве за герцогом курляндским, впоследствии императрица всероссийская
2. Екатерина, бывшая в супружестве за герцогом мекленбургским Леопольдом

Путешествие Петра в чужие

края и последний бунт

стрельцов. 1697—1700 годы

Прекрасная мысль сделать Россию похожей на просвещенные государства европейские светлела в гениальном уме Петра еще в то время, когда он с детской радостью смотрел на первое военное ученье своих потешных. Она сильнее заблистала потом

с веянием первых парусов на его новом флоте; она ярко загорелась наконец в ту минуту, когда знаменитый Азов упал к ногам своих победителей. С тех пор она была уже не мечтательной мыслью пылкого ребенка, а постоянным предметом размышлений человека совершенного, единственной целью его надежд, желаний, действий. И потому восторг его был невыразим при взятии Азова. Владение этим городом открывало подданным его новое море*. Петр считал мореплавание лучшим средством к просвещению народов. И верно — не через моря ли и корабли самые отдаленные государства могут сообщаться и передавать друг другу свои познания и образованность? Но, к сожалению, по берегам Черного моря были не такие государства, у которых можно было бы заимствовать просвещение. Взгляните на карту, вы увидите там только полудикие области Азии с одной стороны и Турцию, еще чуждую христианской вере, — с другой. Подле владений Петра было еще одно море — Белое. Но и это представляло так же мало выгод, как и Черное. Из-за близости к холодному полюсу оно было каждый год так долго покрыто непроходимыми льдами, что не много оставалось теплого времени для прихода кораблей.

-
- *Читатели мои, верно, знают уже, что это было Черное море, оно соединяется с Азовским, у которого стоял Азов.*

Где же искать самую близкую дорогу к образованным царствам Европы? С этим вопросом взоры Петра остановились на море Балтийском. «Как хорошо было бы для России моей, — думал он, — иметь на этом море гавань, куда бы могли приходить иностранные корабли! Как близко оно и к Германии, и к Дании, и к Голландии, и к Англии!» Но берега Балтийского моря и заливы Финский и Рижский, где удобнее всего можно было построить обширную гавань, не принадлежали в то время России: вы помните, друзья мои, что царь Михаил Феодорович принужден был по Столбовскому миру отдать Ингерманландию и Карелию шведам, которым принадлежала также и Лифляндия. Шведы храбры — трудно отнять у них владения! Но Петр не боится трудностей, чувствуя справедливость своего требования и понимая всю пользу, все величие прекрасной цели своей: на берегах Балтийского моря Россия будет иметь порт, который соединит судьбу ее с судьбой Европы и передаст переимчивым обитателям российским все науки и искусства этой так давно образованной части света. Однако же Петр хочет прежде собственными глазами и во всех подробностях видеть то просвещение, о котором он так много слышал и читал. В важном деле преобразования целого царства он не поступит легкомысленно, не переменит необдуманно нравов и обычаев своего народа, не положится на одни слова иностранцев, хотя эти иностранцы заслуживают доверия, потому что первое место между ними занимают его учителя — Лефорт

и Тиммерман, уже так много раз доказавшие верность и привязанность свою к России. Он увидит все сам, сам оценит все отрасли образованности и тогда уже собственными руками перепесет их в родную страну. Для счастья подданных своих он не пожалует ничего, он подвергнется не только всяким трудностям, но даже и всяким опасностям. Да, друзья мои, он решился — и русские услышали новость, никогда прежде не слыханную в отечестве нашем: царь отправился в чужие края! И подумайте, каким образом — без малейшего признака той пышности, с которой государи русские обыкновенно показывались народу, даже скрыв это знаменитое достоинство под именем и одеждой простого дворянина посольства, отправлявшегося в Вену для переговоров с императором о войне против турок. Он сделал это для того, чтобы избавиться от всех торжественных встреч, всех тягостных церемоний, отнимающих так много времени у того, кто каждую минуту свою желает употребить на что-нибудь полезное.

Поручив управление столицей и всем государством одному из достойнейших вельмож того времени — князю Феодору Юрьевичу Ромодановскому, Петр выехал из Москвы со всем посольством 7 марта 1697 года. Первым послом был наместник новгородский, генерал-адмирал Лефорт, вторым — сибирский наместник Феодор Алексеевич Головин, третьим — думный дьяк Возницын. Сам же царь назывался просто дворянским десятником Петром Михайловым.

Свита посольства была многочисленна. Кроме всех чиновников, в ней было еще двадцать пять молодых людей из знатных фамилий, назначенных в это путешествие для усовершенствования себя в науках. Между ними отличался—не породой, а редкими способностями и умом—Александр Меншиков. Это был любимец царский. Петр увидел его в первый раз в доме Лефорта, где Меншиков служил простым мальчиком. Ловкость и проворство его так понравились проницательному государю, что он взял его к себе и сначала сделал своим камердинером, потом записал в потешную роту и наконец так полюбил умного Алексашу (так Петр называл Меншикова), что почти ни на минуту не отпускал его от себя и приказал ему даже спать в одной с ним комнате. Вы часто будете слышать об этом Алексаше, милые читатели, он станет впоследствии князем, знаменитым полководцем и министром Петра, но теперь это еще только молодой человек, любящий до обожания великого благодетеля своего, страстный к ученью и восхищенный мыслью ехать в чужие края и увидеть все, что в них есть любопытного.

Проницательный Петр не ошибся, приготовясь к неприятностям, какие могли случиться с ним в этом путешествии. Они начались с первых шагов его за границу России. Вы помните, с каким неудовольствием обитатели берегов Балтийского моря, эти прежние враги-соседи, а теперь добрые соотечественники наши—лифляндцы и эстляндцы всегда смотрели на старания государей русских

образовать своих подданных? Вы помните, как последние рыцари Ливонии остановили всех иностранцев, выписанных из чужих краев Иоанном IV? Итак, удивительно ли, что и потомки их так же угрюмо смотрели на знаменитое посольство, ехавшее как будто на завоевание всех наук и искусств образованной Европы! Петр и его непросвещенная Россия уже были страшны для соседей своих. Что же было бы, если бы необыкновенный гений государя соединился с образованностью народа? Такое соединение предвещало слишком великое могущество — лифляндцы и шведы боялись его, и жители Риги осмелились явно показать послам свое нерасположение. Генерал-губернатор их граф Дальберг не только смотрел за ними, как за людьми опасными, но даже совершил в отношении Петра непростительную грубость. Однажды любопытный царь хотел осмотреть городские укрепления и измерить глубину рвов. Что ж? Ему не только не позволили сделать этого, но дерзкие часовые даже чуть было не выстрелили в него из ружей. Тогда Петр сказал примечательные слова, в самом деле исполнившиеся впоследствии: «Не хотят, чтобы я видел укрепления Риги, — я надеюсь некогда увидеть их с меньшим для меня затруднением и отказать шведскому королю в том, в чем отказывает мне нынче Дальберг». Чем далее ехал Петр, тем радушнее встречали его: с отдалением исчезала зависть, с которой смотрели на молодого царя соседи, боявшиеся в нем будущего победителя своего, и потому в Митаве, Кенигсберге, Берлине и Ганновере уже с удовольствием

показывали ему все достойное интереса. В Берлине он особенно занимался военным искусством, в Ганновере был у двух тамошних принцесс, которые оставили любопытное о нем описание. Если вам хочется знать, дети, каков был наш Петр во время этого первого путешествия своего в чужие края, то скажу вам, что одна из принцесс, угощавших государя, как будто предчувствуя желание ваше, описала в истории своей жизни примечательный день, проведенный ею с Петром, и вот что говорит о нем: «Петр имеет видный рост и привлекательное лицо, ответы его скоры и всегда удачны. Он небольшой охотник до музыки, но более всего любит кораблестроение и фейерверки. По словам его, он знает довольно хорошо четырнадцать ремесел, и в доказательство этого показывал нам руки свои, покрытые мозолями. По просьбе нашей царь послал за своими музыкантами и танцевал с нами русский танец. Странно было видеть, как он то целовал, то щипал четырех карликов своей свиты, а десятилетнюю принцессу Софию-Доротею поднял за голову вверх: это очень испортило головной убор ее. Он очень добрый государь, — говорит в заключение принцесса, — но, по обычаю своей страны, обходится со всеми уж слишком без чинов. При лучшем воспитании ничего не доставало бы к его великим достоинствам, потому что в нем заметно много ума и много хороших качеств».

Неудивительно, что немецкая принцесса находила недостатки в воспитании Петра. Замечания ее были отчасти справедливы: воспитание Петра, с тех пор

как сестра его сделалась самовластной правительницей царства, оставлено было в большом небрежении, и если после коронования своего он имел учителей, то это были только такие, которых он сам выбирал себе. В науках необыкновенный ум его делал удивительные успехи, несмотря на все препятствия, какие мешали ему образовываться, и потому принцесса, вероятно, говорила не об этой части воспитания, а о той, которая касается светского образования. Вероятно, наш откровенный Петр не обращался так чинно, не кланялся так ловко и не говорил так вежливо, как немецкие принцы. Это не могло быть иначе. Когда было ему учиться этому? Ум его был беспрестанно занят каким-нибудь важным делом. Да притом и в России в то время еще не обращали внимания на эту светскую образованность. Стало быть, принцессы могли бы извинить этот небольшой недостаток Петра, и они, конечно, сделали это. К тому же быстрый ум его с такой легкостью понимал все хорошее, что безо всякого сомнения, проезжая назад мимо Ганновера, он уже удивил принцесс как переменой своего обращения, так и необыкновенными успехами своими во всех науках и искусствах, которыми он занимался во время путешествия.

Место, самое примечательное в этом отношении, был маленький голландский городок Саандам. Здесь Петр, думая только о пользе подданных своих, забыв совершенно величие царя, в одежде обыкновенного плотника учился любимой науке своей— кораблестроению. О, как любопытно, как удивительно

было видеть тогда этого великого государя в самой простой одежде — в красном байковом камзоле и белых холстинных брюках! С каким восторгом и гордостью счастливые подданные его могли смотреть на это матросское платье! Из любви к ним царь надел его, из любви к ним подвергался всем трудам и неприятностям!

Сначала никто не знал, кто был русский плотник Петр Михайлов, приехавший на шлюпке из Амстердама и нанявшийся работать на верфи саандамской. Все удивлялись хорошей работе приезжего, и не прошло недели, как уже называли его «мастер» — *баас* (Peter Baas). Вы не можете представить себе, милые читатели мои, как это прозвание обрадовало Петра! Он так восхищался, что казалось, простое имя *мастера*, полученное им по заслугам, было для него выше его царского достоинства, принадлежавшего ему по рождению. Называться *баасом* было для него тем приятнее, что добрые жители саандамские не знали, кого они так величали. Но такая тайна не могла существовать долго: Саандам был недалеко от Амстердама, где находилось посольство русское, и к концу недели все заговорили, что Peter Baas есть великий царь России!

Не было конца удивлению голландцев! Как они ни хладнокровны, как ни мало поворотливы, но тут вдруг развернулись и так проворно пустились по дороге к Саандаму, так скоро разболтали всем саандамцам об именитости русского плотника и так неотвязчиво

начали вместе с ним бегать по всем местам, где только можно было видеть его, что Петр, чрезвычайно не любивший обращать на себя внимание, не узнавал своих степенных приятелей и, потеряв терпение смотреть на их усердное удивление, решил уехать из Саандама. Что же бы вы думали? Как только любопытные проведали об этом, все улицы от маленькой квартиры Петера Бааса, которую он снимал у одной бедной вдовы, до яхты его, столь же скромной, как и все окружавшее этого необыкновенного смертного, наполнились народом. Даже городское начальство не могло остановить толпы, совершенно покрывшей пристань. Увидев это, Петр с досадой на зевак бросился в середину их, силой очистил себе дорогу, проворно вскочил на яхту и, несмотря на бурный ветер, сильно качавший волны залива он, тотчас поднял парус, чтобы закрыться от несносного для него любопытства.

С этих пор Петру трудно было избавляться от этого любопытства. Оно преследовало его и в Амстердаме, несмотря на все старания тамошней полиции, желавшей угодить скромному путешественнику удалением докучливых. Как ни просто было платье его, как ни походило оно на одежду прочих дворян посольства, но величественный рост, горделивая поступь, глаза, блиставшие всем огнем необыкновенного ума, тотчас изобличали прекрасного царя России. Чтобы скрыться от нескромного удивления народа и свободнее наслаждаться картиной неутомимого движения и той высокой степени образованности, какую почти всегда

представляет нам приморский торговый город, Петр купил небольшую шлюпку и, сам управляя ею, подъезжал часто очень близко к адмиралтейству. Иногда шлюпка Петра, тихонько пробравшись между кораблями всех народов, останавливалась вблизи, не обращая на себя ничьего внимания, и царь, любуясь деятельной и богатой жизнью Амстердама, вдруг задумывался. Казалось, будто в эту минуту какая-то очень приятная мысль залетала в душу его и разливала радость в прекрасных глазах. Казалось, он смотрел уже не на Амстердам, а на что-то другое, видимое им вдали. Казалось, он прислушивался к радостным крикам не этих чужестранных матросов и купцов, со всех сторон окружавших его в голландском порту, а каких-то других, в каком-то другом порту, несравненно более близком его сердцу.

Я вижу, что старшие из читателей моих догадываются о том, что восхищало Петра перед гаванью Амстердама, вижу, что они понимают восторг его и, разделяя его, радуются, что наконец дошли до самой занимательной страницы в истории незабвенного государя. Но погодите, друзья мои, еще Петр не говорит и самым приближенным к нему о прекрасной мысли своей, еще мечтает о ней только тогда, когда сидит один в своей маленькой шлюпке. Выйдя из нее, он расстаётся с великими намерениями своими, или, лучше сказать, он скрывает их в глубине великой души своей и является на улицах амстердамских не могущественным царем-преобразователем, а простым плотником саандамским,

искусная работа которого удивляет людей, бывших несколько недель его учителями.

В Амстердаме эта работа не ограничивалась корабельной верфью: почти все ремесленники и фабриканты этого города видели Петра в мастерских своих, почти все ученые и артисты давали ему уроки в любимых науках его. Из последних история называет математиков Дама и Гартцоккера, корабельных мастеров Вейсселера, Кардинаала, Реенена, Петра Поля и корабельного рисовальщика Адама Сило. Непонятна была для современников неутомимость этого гения! Они едва верили глазам своим, видев царя в один день и за станом ткача, и с циркулем математика, и с молотом кузнеца, и с листом самой тонкой бумаги, собственными руками выделанной им на бумажной фабрике. Переимчивый мастер всех художеств и искусств являлся почти в то же самое время в университетах и академиях, где слушал лекции профессоров, на площадях и рынках, где покупал припасы для умеренного обеда своего, и, наконец, в маленькой кухне своей, где иногда в отсутствие кухарки сам приготавливал этот обед. Казалось, это был дух, везде носившийся, или волшебник, для чудесной силы которого не было ничего невозможного, ничего ни слишком великого, ни слишком малого.

Так провел Петр несколько месяцев в Голландии. Объездив все главные города ее, осмотрев в них все любопытное, он отправился в январе 1698 года в страну, еще более примечательную своим просвещением,—

в Англию. Здесь тот же образ жизни, то же удивление народа царем отдаленной России, которую образованные европейцы привыкли считать страной полудикой. В Англии это удивление было еще заметнее: англичане, начиная с короля их Вильгельма III до последнего работника в адмиралтействе, помогавшего *плотнику Петру* носить бревна и строгать корабельные доски,— все наперебой показывали знаменитому гостю не только свое уважение, но и глубокое благоговение. Король, дружески посещавший царя, старался угадывать малейшие желания его; купцы, художники, офицеры английского флота хотели быть чем-нибудь ему полезными, и многие из них охотно следовали примеру голландцев и соглашались поступить на службу к тому, кого считали непостижимым гением своего века.

Петр, со своей стороны, точно так же восхищался англичанами и всем, что видел в Англии. Как часто, проводя целые дни в лондонском адмиралтействе он говаривал новым друзьям своим — адмиралам Кармартену и Митчелю: «Без Англии я был бы плохой мастер!» А когда эти адмиралы вздумали однажды показать морские маневры, то Петр был так восхищен совершенством английского флота, что от души вскричал: «Если бы я не был царем в России, то желал бы быть адмиралом в Англии!»

Возвращаясь в апреле в Голландию, царь был в большой опасности: сильная буря задержала его в море на четверо суток. С ужасом глядя на высокие

волны, бросавшие во все стороны царскую яхту, спутники Петра уже приходили в отчаяние, но герой, не боявшийся никаких опасностей, сохранил присутствие духа и в этом случае и, ободряя испуганных улыбкой, шутливо говорил им: «Чего вы боитесь? Слыханное ли это дело, чтобы царь русский утонул в немецком море?»

Из Голландии Петр намерен был ехать в Италию через Вену. В этом городе ему надобно было переговорить с императором Леопольдом о турках, с которыми русские все еще вели удачную войну, между тем как австрийцы желали мира. Леопольд принял и угощал знаменитого путешественника с тем же радушием и уважением, какие ожидали его во всяком государстве. Между всеми праздниками, данными в честь его в Вене, особенно примечателен был маскарад 1 июля. Император, все семейство его и триста придворных особ представляли ремесленников и крестьян всех народов. Петр был в платье фрисландца, фрейлина Турн, занимавшая место его дамы, — фрисландки. Оба государя были очень веселы на этом простом и в то же время необыкновенном празднике. Император предложил гостю своему, все еще считавшемуся дворянином посольства, выпить за здоровье царя московского. «Выпьем, — сказал Леопольд, — мне известно, что вы знаете этого государя!» — «С лица и с изнанки!» — отвечал фрисландец.

Дружеское расположение Леопольда к Петру заметно было и во время переговоров их о делах турецких, и, соглашаясь на мир с султаном, он желал того же, что и Петр: чтобы все места, завоеванные русскими, остались во владении их.

Имея основательную надежду на этот мир и, стало быть, на совершенное спокойствие своих подданных, царь с большим удовольствием думал о своем скором путешествии в Италию, так давно прославленную историей, Италию, знаменитую воспоминаниями, очаровательную красотами природы. Уже все распоряжения к отъезду посольства были сделаны, как вдруг приехавший гонец от князя Ромодановского привозит известие о новом ужасном бунте стрельцов. Ромодановский, которого Петр, оставив в Москве на своем месте, называл *князем-кесарем*, *вице-царем* и даже *царским величеством*, писал донесение свое в таком расстроенном состоянии духа, что государь ясно видел опасность, угрожавшую столице его. Отложив путешествие в Италию, он поспешил возвратиться в отечество.

Причины этого нового и последнего бунта стрельцов были все те же, что и прежде: досада их на новый порядок, заводимый в войске, на предпочтение, какое Петр явно отдавал перед ними полкам, образованным по-европейски, и страх, что он, возвратясь из чужих краев, начнет еще более заботиться о преобразовании, которое они ненавидели. Эта ненависть происходила вот отчего: многие из них имели странную мысль,

что просвещение вредит благочестию и что чем более люди занимаются учением, тем менее думают о Боге. Такая мысль, во всяком случае неосновательная, — может ли что-нибудь более наук и образования дать нам понятие о Боге и его чудесных творениях! — была совершенным несчастьем для народа, который имел столько набожности, как наши предки. Она заставляла некоторых суеверов не любить Петра, принуждавшего их к учению.

Враги Петра умели пользоваться этим несчастным заблуждением, и вы видели уже милые читатели, сколько бед происходило оттого в правление властолюбивой царевны Софии. С тех пор как стены монастырские разлучили ее со светом, Россия сделалась спокойнее, и все думали, что прежняя правительница, отказавшись от всех безрассудных замыслов, оплакивает в уединенной келье монахини несчастные ошибки свои. Но не то делала София: под монашеской рясой ее все еще билось сердце гордой княжны, все еще таилась надежда отнять у брата престол его. Однако она не смела предаваться этой надежде с прежней уверенностью и, может быть, не решилась бы ни на что, если бы путешествие Петра в чужие края не увеличило недовольства народа и не ободрило любимцев Софии — дерзких стрельцов. Государство оставалось полтора года без царя. В это время злые неприятели Петра много могли сделать вреда и вот что сделали.

Почти все начальники стрельцов, преданные Софии, старались, каждый в своем полку, уверять своих

подчиненных, что Петр, возвратясь из путешествия, обратит всех их в правильное войско и вообще заведет во всем европейский порядок. Такими уверениями немудрено было внушить им самые отчаянные намерения. Мысль, что не только царевна София, но даже и супруга Петра царица Евдокия Феодоровна, так же, как и стрельцы, ненавидевшая новые обычаи и просвещение, была на их стороне, еще более подкрепляла дерзость бунтовщиков. В совете их замыслили на жизнь Петра при возвращении его из чужих краев и положили сделать Софию правительницей государства до совершеннолетия царевича Алексея, восьмилетнего сына Петра, и уничтожить все новости, введенные им в правление, войско и нравы русских.

С такими ужасными намерениями стрелецкие полки, расположенные по разным городам, пошли к Москве, чтобы соединиться там со своими главными товарищами, но храбрость и присутствие духа генералов Шеина и Гордона спасли столицу и усмирили бунтовщиков незадолго до приезда государя. Следствие о преступлениях их началось уже при нем, и открываемые подробности их замыслов были так ужасны, что надобно было Петру, милосердному даже к врагам своим, показать чрезвычайную строгость: виновные наказаны были так, как заслуживали их злодейские намерения. В сильном негодовании на преступников, так хладнокровно сговорившихся истребить все, что он с такой заботливостью приготовил для счастья любимого народа, все

драгоценные плоды его тяжких трудов, его беспрестанных пожертвований, Петр готов был осудить на смерть всех до последнего из ненавистных стрельцов, но достойный наставник и друг его добрый Лефорт склонил к жалости оскорбленное сердце, и казнены были только самые виновные. Правда, их было очень много. Государь пощадил и сестру свою: она Жила по-прежнему в монастыре. Но оставить ее вовсе без наказания казалось несправедливостью для Петра, в высочайшей степени правосудного, и он наказал ее следующим образом: перед окнами монастыря ее поставлены были виселицы, на которых повесили самых виновных и самых преданных ей преступников. Остальные были разосланы по разным городам, записаны в другие полки, и, таким образом, имя стрельцов, знаменитое сначала, бесславное впоследствии, сохранялось еще около трех лет в четырех полках, оставшихся верными царю, но потом, когда и те получили новые названия или новое устройство, оно совершенно исчезло в отечестве нашем. Что же касается царицы Евдокии Феодоровны, найденной по следствию виновной в умышлении на жизнь государя, Петр не хотел более называть ее супругой своей и, отослав в суздальский Покровский монастырь, приказал постричь в монахини. Она назвалась Еленою.

Новые обычаи и война со

Швецией. 1698—1703 годы

Вот каковы были происшествия, поразившие сердце Петра при его возвращении в отечество! Горестно было ему видеть, что то самое просвещение, которое стоило бесчисленных трудов, надобно было передавать дорогой ценой подданным его, надобно было силой и средствами тяжкими вести их к счастью, для них приготовленному! Предки наши походили в этом случае на тех упрямых детей, которые в болезни не хотят принимать спасительного лекарства потому только, что оно неприятно на вкус. Как несчастливы те из них, чьи родители до того ослеплены своей нежностью к ним, что не в состоянии противиться их прихотям, не в состоянии принудить их исполнить приказание доктора! Такие жалкие дети или умирают от болезни, ничем не облегченной, или остаются на всю жизнь больными. Сохрани Бог, если бы Петр поступил с предками нашими, как такие родители поступают с детьми своими, если бы он не принуждал их к просвещению, а предоставил бы на их волю — быть

образованными или остаться в своем невежестве! Я уверена, что большая часть из них предпочла бы последнее. Петр предвидел это и потому решил не отдавать на их волю выбор, а заставил их покориться своей собственной, счастливой для них воле. Строгая казнь стрельцов была первым следствием этой решимости. После ужасов ее враги Петра затихли: страшно было противиться ему, страшно было не исполнять его повелений. Пользуясь этим страхом, Петр начал делать разные перемены и улучшения в старинных учреждениях, начал вводить новый порядок не только в некоторые части государственного устройства, но даже в нравы и обычаи своего народа. Зная, как много влияния на людей необразованных имеет наружность, он прежде всего обратил свое внимание на нее.

Предки наши в привычках, обыкновениях и даже одежде имели много сходства с азиатами: золотые кафтаны, дорогие шубы, меховые шапки и длинные бороды, делаая их очень похожими на турок и татар, разделяли их резкой чертой с европейцами. От уничтожения этой черты зависело очень много: в одежде человека образованного, казалось, легче было приступить к образованию. Была еще причина, по которой европейское платье сделалось необходимым для русских: они так ненавидели иностранцев, что эти несчастные, с такими затруднениями выписываемые Петром из чужих краев, подвергались опасности, выходя на улицу в своих платьях.

Итак, вскоре после казни стрельцов объявлен был царский указ о том, что все дворяне и все военные люди должны брить бороду и носить новое платье, которое походило на платье немцев и голландцев. Сколько шуму и тревоги наделал этот указ! Сколько различных чувств вызвал он в сердцах жителей Москвы! Иностранцы обрадовались: они надеялись теперь избегать гнева народного в толпе русских, одетых одинаково с ними, но зато русские были сначала в отчаянии от этого нападения на платье и особенно на бороды их. Некоторые безрассудные и до суеверия набожные думали, что обрить бороду — значит испортить *образ Божий*, и многие из них готовы были согласиться на всякое пожертвование, лишь бы только сохранить эту драгоценность. Но Петр был неумолим: он приказывал на улицах обрезать полы кафтанов у упрямец, приказывал каждый год брать штрафы с не хотевших расстаться со своими бородами и таким образом мало-помалу заставил их слушаться. Вскоре вышло новое повеление царское. Это самое важное для нас, милые читательницы мои, слушайте со вниманием.

Вы помните, какую жизнь вели прежде русские женщины? Это была самая скучная жизнь. Не смея никуда показаться без покрывала, они проводили все время свое, как затворницы монастырские, и не имели своей воли даже и в самом важном деле жизни — в своем замужестве. Их отдавали за того человека, которого выбирали родители безо всякого согласия со стороны невесты и даже прежде чем молодые люди видели друг друга. После этого можно судить о счастье

этой четы, еще не знакомой между собою, но уже навек соединенной! В этом случае женщина была еще более достойна жалости, нежели мужчина. Последний мог забывать неудачный выбор своих родителей в шуме света и общества, он мог заниматься службой, охотой, приятными беседами с людьми умными. Но женщина, такая же невольница в доме мужа, как была в доме отца, переменяла только место своей темницы и из девичьего терема родительского переходила в уединенные комнаты супруга, где не имела даже и того развлечения, какое доставляет хозяйство, — старинные боярыни русские не любили заниматься им и не приучали к тому дочерей своих. Во всяком посредственном состоянии доме была и ключница, и казначея, и несколько кухарок и служанок. Итак, хозяевам оставалось только кушать за каждым обедом несколько десятков блюд и скучать иногда нестерпимо.

Такая участь женщин не могла не обратить внимания того, кто входил в малейшие подробности жизни своего народа. Петр всегда думал, что общество много теряет от затворничества женщин, а побывав в чужих краях и собственными глазами увидев, сколько счастья может просвещенная женщина пролить на все семейство свое и сколько пользы принесет обществу ее присутствие в нем, решительно приступил к исполнению своего намерения и приказал, чтобы ни один священник не венчал никакой пары без собственного согласия ее, чтобы каждый жених и невеста знали друг друга, по крайней мере, около шести недель до свадьбы, а чтобы доставить им случай быть знакомыми, приказал

мужьям и отцам приезжать на все праздники при дворе, во все публичные собрания и на все обеды и вечера вместе со своими женами и дочерьми, одетыми так, как одевались в то время жившие в Москве иностранки. Вот было тогда разговоров по всей Москве! Бояре дивились никогда не слыханной прежде новости, молодые боярыни и особенно боярышни радовались как средству освободиться от скучной неволи, старые сожалели, что не родились несколько десятков лет позже, чтобы воспользоваться новыми правами, какие просвещенный государь давал русским женщинам.

Заботясь, чтобы самые увеселения московские походили на европейские, Петр выписал из Германии актеров, которые играли уже не только в придворном, но и в публичном театре. Нередко приезжал туда и сам царь и, всеми силами стараясь возбуждать в народе свою охоту к новой забаве, был всегда весел и ласков ко всем в театре. Видно, и немецкие актеры заметили это, потому что однажды осмелились пошутить с ним. Незадолго до 1 апреля они объявили в афишке своей, что в этот день будет ими представлена никогда не виданная пьеса. Начиная уже любить театр, публика с большим нетерпением собиралась. Все места были заняты, наконец приехал государь, и музыка заиграла. После увертюры поднялся занавес, и что же увидели зрители? На прекрасно освещенной сцене одну белую стену, на которой было написано крупными буквами: «Первое апреля!» Вы можете представить себе, друзья мои, как публика была раздосадована такой шуткой! Однако никто не показал этой досады, потому что сам

государь не сердился, а смеялся и, выходя из театра, сказал: «Вот вольность комедиантов!»

Такая снисходительность и простота в обхождении более и более сближала русских с великим царем их, а это сближение делало для них с каждым днем легче все пожертвования для пользы своего образования. Трудно было для русских расстаться с обычаями старины: они привыкли к ним с детства, но, глядя на царя, который показывал пример ко всякой перемене такого рода, можно ли было жаловаться на трудности? Этот пример был той волшебной силой, посредством которой Петр делал чудеса свои. Благодаря ему в Москве вслед за азиатской грубостью нравов начала исчезать и азиатская безрассудная пышность. Знатные бояре уже не смели выезжать со двора в богатых каретах, с бесчисленным множеством слуг, — самого царя провожал всегда только один денщик, с которым садился он в небольшой двухколесный экипаж, или кабриолетку, часто даже без кучера. Боярские сыновья не смели отказываться от путешествий в чужие края, куда посылали их учиться разным наукам и ремеслам, — сам царь был усердным учеником и работником иностранцев. Хорошо было этим детям боярским, если они возвращались из своих путешествий с познаниями, но если же время их было напрасно потеряно, царь был неумолим к ним. Вместо принятия на службу он отдавал их в распоряжение своих шутов, которые могли смеяться над ними, сколько хотели. Строгость его в этом случае доказывала, что он более всего ненавидел праздность и напрасную потерю

времени. Собственная неутомимость его еще лучше доказывала это: ни одна минута его не была потеряна, и часто с самых веселых праздников он уезжал посмотреть какое-нибудь новое училище или заглянуть в новую типографию, где печатались любимые книги его — «Всеобщая история» Пуффендорфа, «Землеописание» Гибнера и много других, касающихся кораблестроения и мореплавания.

Так быстро вел Петр к просвещению свою милую родину. Наконец с началом 1700 года сделан был новый важный шаг к совершенному соединению ее с Европой. Надобно сказать вам, что предки наши до того времени праздновали начало года не 1 января, как делают все христиане, а 1 сентября. Разумеется, что эти четыре месяца разницы причиняли часто большие беспорядки в сношениях русских с европейцами, и вот Петр 19 декабря 1699 года объявил народу, что 1 января начнется новый год. Приверженцы старины подняли было опять голоса свои против этой важной новости, но шум приготовления к этому дню и торжественное моление по всем церквам в самую минуту начала его заглушили все безрассудные рассуждения староверов.

Наступивший 1700 год памятен был для русских заключенным 3 июля тридцатилетним выгодным миром с Турцией и началом войны со Швецией. Эта война была так важна для России и имела такое сильное влияние на судьбу ее, что читатели мои должны знать о ней несколько подробнее. Ее называют в истории Северной войной, потому что в ней участвовали

не только Россия и Швеция, но и другие государства северные. Вот как началась она.

Вы, верно, заметили, что шведы всегда были воинственным народом. Они часто отнимали земли у своих соседей. Так достались им Ингерманландия и Карелия, Лифляндия и Эстляндия. Россия желала возвратить под власть свою две первые, Польша — последние. В это время поляки избрали королем своим саксонского курфюрста Августа II, и с тем условием, чтобы он непременно отнял у шведов прежние земли польские. Итак, желания и выгоды соединяли Августа II с Петром I, который еще более имел причин сердиться на шведов, вспоминая жестокое оскорбление, нанесенное ему в Риге губернатором Дальбергом и часовыми тамошней крепости. Король датский был также недоволен Швецией за отнятие некоторых принадлежащих ему земель и с радостью согласился быть союзником России и Польши против Швеции.

Между тем надобно сказать вам, что Швецией управлял в это время молодой король Карл XII. Конечно, вы слышали уже что-нибудь о герое древних времен — Александре Македонском. Чтобы дать вам некоторое понятие о Карле XII, надобно сказать, что во всей истории древней и новой он не находил никого выше Александра и считал за славу подражать ему во всем. С такими намерениями, с храбростью, доходившей до геройства, с гордостью, близкой к гордости Македонского, удивительно ли, что Карл не только безо всякого страха узнал о собиравшемся

против него союзе, но даже обрадовался этому. Казалось, судьба посылала ему случай представить миру во второй раз героя Македонского, и ответы его на требования союзников, удовлетворением которых можно было бы избежать войны, были так дерзки, что казалось — не они, а он объявлял им войну. Она началась. Первым испытанным храбрость Карла был король датский. Сражение перед самой столицей его Копенгагеном испугало Данию и заставило ее согласиться на все требования шведского короля. С этого времени она уже не смела быть его неприятельницей.

С теми же гордыми мыслями он переплыл Балтийское море и вышел на берег в Лифляндии. Одно приближение его заставило поляков и помогавших им саксонцев оставить почти уже начатую осаду Риги. Уверенный в безопасности этого города, Карл пошел к Нарве, потому что там по уговору союзников должны были собраться главные силы русские. Они состояли из 39 тысяч человек, но в рядах их недоставало двух знаменитейших воинов — Лефорта и Гордона. Петр оплакал смерть их за год перед тем. Начальниками войска были теперь фельдмаршал Головин и генералы — герцог де ла Круа, Бутурлин, Вейде, Шереметев и князь Долгорукий. К несчастью, сам Петр не мог быть с ними в то время, когда присутствие его было всего нужнее: он принужден был склониться на просьбы короля польского, который в страхе от отчаянной храбрости шведов умолял его приехать для переговоров в город Бирзен. Петр, никак ни думая,

чтобы Карл посмел напасть на его многочисленную армию, в то время как шведское войско состояло только из 8 тысяч человек, поехал вместе с Головиным и всегдашним спутником и любимцем своим Меншиковым, бывшим уже поручиком Бомбардирской роты Петра. Войско осталось под начальством герцога де ла Круа и Долгорукого*. Но недолго оно было под этим начальством. Почти тотчас после отъезда Петра Карл с обыкновенной пылкостью своей решился напасть на русских 19 ноября 1700 года. Густой туман, а потом сильный снег и метель помогли ему исполнить свое намерение самым удачным образом. Благодаря погоде шведы подошли, никем не примеченные, почти к самому лагерю нашему, откуда увидели их уже тогда, когда спасение было невозможно. Сражение началось, но безо всякого порядка со стороны русских, приведенных в совершенное замешательство неожиданным нападением. Не прошло получаса— и Карл уже одержал победу и оба главных начальника русских, герцог и князь Долгорукий, были взяты в плен.

-
- *Князь Яков Феодорович Долгорукий— один из знаменитейших любимцев Петра I. Он был отличный генерал, а впоследствии справедливейший из сенаторов великого государя своего. Петр так уважал его за беспристрастие, что при рассмотрении в Сенате тяжёбных дел всегда считал правой ту сторону, на которой был*

князь Долгорукий, и называл этого поданнейшего из подданных своих не иначе как своим дядей.

Так 8 тысяч шведов победили 39 тысяч русских. Вам досадно и, кажется, даже стыдно слушать это, друзья мои? Но успокойтесь. Нарвское сражение не может причинить нам так много стыда, как вы думаете: 39 тысяч человек наших были не те, которые сражались под Азовом, а по большей части новые ратники, набранные в первый рекрутский набор, бывший в 1699 году. Они никогда не видали еще неприятеля и сражались без царя, присутствие которого, верно, не допустило бы их до такого бесславия. Войско же Карла хотя и состояло только из 8 тысяч человек, но каждый из них был опытный солдат под личным начальством неустрашимого героя. К тому же туманная погода помогла им обмануть наше бедное войско. А многие говорят, что был еще один финский крестьянин, который вызвался показать им самую близкую дорогу к лагерю русских, он-то и привел неприятеля почти к самым палаткам их. Наконец, к утешению вашему, скажу еще то, что и Петр, получив о ней известие, совсем не встревожился, а очень спокойно сказал: «Шведы будут побеждать нас еще несколько раз — они учителя наши в военном искусстве, но со временем мы заплатим им за ученье!»

Эти пророческие слова исполнились скорее, нежели он ожидал. Карл XII, всегда худо веривший рассказам

о славе России при Петре, после нарвской победы вовсе перестал считать русских опасными неприятелями и, разменявшись с ними пленными, обратил все силы свои на Августа II. Пока он заставлял дрожать перед собой всю Польшу, Петр не терял времени, и через несколько месяцев уже нельзя было узнать его армию, расстроенную и унылую после Нарвского сражения. Десять новых драгунских полков заступили места убитых воинов, 180 пушек, перелитых из колоколов, заменили те, которые достались шведам, и, прежде чем прошел год после несчастного дня 19 ноября, генерал Борис Петрович Шереметев, сделанный фельдмаршалом, начал, по словам Петра, платить за ученье шведам— сперва в небольших сшибках, потом в важных сражениях в окрестностях Дерпта, при Эрестфере и Гуммельсгофе, где победа фельдмаршала над генералом Шлиппенбахом возвратила русским потерянные при Нарве пушки и, кроме того, доставила им много неприятельской артиллерии, знамен, барабанов и 500 пленных. Наконец, преследуя шведов, Шереметев дошел до Лифляндии и там в августе 1702 года завладел несколькими городами, в том числе Мариенбургом, который читатели мои должны заметить и при случае припомнить, разорил более пятисот селений и взял в плен 12 тысяч человек.

Такие быстрые успехи восхитили Петра. Со всей царской щедростью наградил он храбрых воинов своих. Кроме поместий фельдмаршал получил орден Святого Апостола Андрея, учрежденный в 1698 году, вскоре

после возвращения Петра из чужих краев, офицерам розданы были золотые медали, солдатам — серебряные.

Через месяц победные крики русских раздались на берегах Невы нашей, милые читатели мои, только не здесь, где оканчивается пышная Нева, а там, где она начинается, вытекая из Ладожского озера. В этом месте был в то время шведский город с крепостью Нотебург. Прежде он назывался Орешек, так же, как и вся Ингерманландия, принадлежал русским и важен был для торговли их, потому что посредством Невы соединял Ладожское озеро с Балтийским морем. Петр видел необходимость отнять его, тем более что во время войны шведы могли хорошо держаться в нем и получать подкрепление морем. Итак, решено было осадить эту важную крепость, и осада примечательна тем, что в ней участвовал сам Петр, но не как государь, а просто как капитан Преображенского полка. Деятельное участие его очень заметно было: Нотебург сдался после одиннадцати дней осады. Здесь отличился более всех любимец Петра, его милый Алексаша, его *Herzenskind* (дитя сердца), как он часто называл его, и за это отличие пожалован был генерал-губернатором Ингерманландии. Взятие Нотебурга чрезвычайно радовало Петра: он говорил, что это *ключ*, который otvorит ему вход во всю Лифляндию и Балтийское море, и потому назвал его Шлиссельбургом. Ведь вы знаете, что *Schlüssel* значит по-немецки «ключ».

Хотите ли знать, милые читатели мои, как Петр писал о новом завоевании своему старому князю

Ромодановскому, который во время отсутствия его всегда оставался в Москве под именем князя-кесаря? Это коротенькое письмо покажет вам в одно время и важность Петербурга, и уважение Петра к Ромодановскому, и необыкновенный род писем государя к подданному. Читайте:

«Sir! Покорно доносим Вашему Величеству, что крепость Нотебург по жестоком и трудном приступе на имя Вашего Величества сдалась на аккорд; а как тот белагер был, о том пространнее буду доносить впредь, а ныне за скорым отшествием почты не успел. Сею викториєю поздравляя Ваше Величество, пребываю Piter. 13 Окт 1702».

Это простое имя *Питер* было любимой подписью Петра: оно встречается почти в каждом письме его.

Новая столица, новые крепости и гавани. 1703—

1708 годы

Знаете ли вы, милые друзья мои, как называется та часть нашего Петербурга, которая лежит на правом берегу Невы, в семи верстах от ее устья, против самого монастыря Смольного? Охта! Вы не ошиблись. Но знаете ли вы, что было в 1703 году на месте этой Охты? На этот второй вопрос, конечно, нельзя ответить так быстро, как на первый: прошло уже более 140 лет. Итак, придется мне сказать вам, что там была тогда шведская крепость Ниеншанц*.

- *Ниен — старинное название реки Невы, а шанц, или Schanze, значит окоп. Стало быть, точное значение слова «Ниеншанц» есть «Невский окоп». Следы его в виде невысокого вала еще теперь слегка приметны между Большой и Малой Охтой.*
-

Посмотрев на большую карту России, где перед глазами вашими стелется наша величественная Нева, вы, верно, согласитесь, друзья мои, что если Шлиссельбург мог называться *ключом* Балтийского моря, то Ниеншанцу по всем правам могло принадлежать имя *ворот* его. Стало быть, для великих

намерений Петра необходимо было завоевание и этой крепости. Вот 20 тысяч войска под начальством инженер-генерала Ламберта окружают Ниеншанц, стреляют в него десять часов сряду из 20 пушек и 12 мортир, и после этой страшной стрельбы, продолжавшейся целую ночь, крепость выставляет белое знамя, т.е. сдается. Это было утром 1 мая. Семьдесят пушек и множество разных припасов были наградой победителям.

На другой же день они заметили около устья Невы несколько шведских военных судов, которые могли быть опасны для вновь завоеванной крепости, и потому надобно было непременно расстроить намерения шведов и отогнать их от берегов, уже принадлежавших России. «Кому же надежнее всего поручить это важное дело? — думал адмирал Головин. — Искуснейшему из моряков — бомбардир-капитану Петру Михайлову!» А ведь вы знаете, милые читатели, кто был этот Петр Михайлов? С величайшей радостью поспешил он исполнить лестное для него поручение и, посадив несколько сотен гвардейских солдат в тридцать небольших лодок, отправился с ними вдоль нынешнего Васильевского острова* прямо к взморью. Там разъезжали корабли шведские, там окружили их мелкие суда русские, и через несколько часов знаменитый капитан уже доносил адмиралу, что в плен взяты два больших неприятельских судна, а остальные разогнаны.

- *Здесь кстати сказать, отчего этот остров получил название Васильевского. Вскоре после основания Петербурга на нем построены были для защиты против неприятельских кораблей две батареи. Ими командовал инженерный офицер Василий Корчмин. Часто получал он письменные приказания от царя, на конверте которых надписывалось: «Василию на острове». С тех пор привыкли называть этот остров Васильевским.*

Главными помощниками Петра в этой важной морской победе были бомбардирские поручики Меншиков и Головкин. Все трое получили от адмирала в награду за свою храбрость и искусство ордена Святого Апостола Андрея. Читатели мои, верно, удивятся, что Петр, учредитель этого ордена, принял его из рук своего подданного. Да, скромность этого государя была так велика, что, несмотря на все свои бесчисленные заслуги, он счел себя достойным этого важнейшего у нас знака отличия только после такого дела, где он был главным распорядителем и начальником. Не забудьте, что во всех других сражениях он участвовал как подчиненный офицер.

Теперь-то, когда уже вся Нева—от начала ее при Шлиссельбурге до конца при Финском заливе—принадлежит России, когда светлые волны ее, сливаясь с водами Балтийского моря, уже разбивают белую пену свою о берега русские и как будто приглашают корабли

чужеземные везти к новым владельцам своим искусства и науки народов образованных, теперь-то настало время сказать вам о той мечте, которая занимала Петра тогда, когда он ездил в маленькой шлюпке своей по водам амстердамской гавани! Но теперь эта мечта уже так ясно развивается перед глазами нашими, что, верно, все вы в один голос скажете: она была Петербург! Так точно, Петербург, наш прекрасный, несравненный Петербург, как будто вышедший со всеми своими прелестями из волн Финского залива! Но остановим восторг, который возбуждается в душе нашей при имени Петербурга, закроем глаза на весь нынешний блеск, можно сказать — на всю нынешнюю чудесность этого великого творения Петра и представим себе то время, когда на месте этого великолепно-стройного города были пустынные леса и болота. Для этого лучше всего вообразите себе, что мы в Ниеншанце и с таким же любопытством, как и всё окружавшие Петра, смотрим на разезды его по завоеванным водам.

О, с пылким воображением можно очень живо перенестись в то время, так давно прошедшее! Мне кажется, что я собственными глазами вижу, как от пристани ниеншанцской отъезжает царская яхта. Государь едет смотреть новые владения свои и выбрать наконец то место, где должна исполниться великая мечта его, где должен явиться перед ним его собственный Амстердам. Величественно прекрасный рост с первого взгляда отличает Петра от всех его спутников. Он стоит у самого руля. Темно-русые волосы его развеивает тихий ветерок быстрыми взорами

он окидывает широкую Неву и красивые берега ее, покрытые густыми лесами. Особенно любит он правой стороной реки и внимательно рассматривает ее, начиная от деревянных стен и земляных валов Ниеншанца до самого окончания Васильевского острова на взморье. Здесь должно быть место соединения русских с европейцами, здесь должна быть столица их образованности, их будущей славы! В каком же именно месте основать ее? Всего легче в Ниеншанце: там есть уже начало города и крепости. Но Петр не думает о том, что легче: для него всего важнее выгоды народа, для которого он готов переносить бесчисленные труды. Ниеншанц далеко от моря, а новая столица русская должна быть непременно приморская, должна быть непременно портом, куда приходили бы иностранные корабли. Между Васильевским островом и нынешней Выборгской стороной есть еще остров, который шведы называли Ауст-Эйланд*. На него падает выбор Петра, на него слетает светлая мечта его и в первый раз является перед глазами русских. Они узнают намерения царя иметь близ моря Балтийского столицу: на острове Луст-Эйланд будет крепость ее, на конце Васильевского острова — гавань.

-
- *Это значит Остров Веселья.*

Объявив все это приближенным своим, Петр принимается за исполнение великого плана.

Собственными руками его сделан чертеж новой крепости, 16 мая она начата и названа по заложенной там церкви апостолов Петра и Павла Петропавловской. Это было первое строение новой столицы. Стало быть, читатели мои могут смело называть Петербургскую сторону колыбелью нашего славного Петербурга. Можно сказать, что здесь он родился, здесь взлелеян и укреплен был заботливой рукой основателя. В дополнение к этому небольшому описанию кстати будет прибавить другое—прекрасное описание той торжественной минуты, когда в воображении Петра создавался великий город его:

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там.
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.
И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город заложен

Назло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно.
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Это начало Петербурга. Теперь взгляните на него
спустя целое столетие от его рождения:

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;

Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Так описывает новую столицу нашу Пушкин.

Для строительства нового города выписано было из разных областей более 20 тысяч работников. Надзор за ними имели люди, самые близкие к Петру, — Меншиков, Нарышкин, Трубецкой, Головкин и Зотов. Кроме того, и сам царь был беспрестанно с ними, и, чтобы как можно ближе видеть исполнение пламенного желания своего, он приказал построить для себя тут же, подле крепости, деревянный домик. Он походил на тот, в котором царь жил в Саандаме, и состоял только из двух комнат, кухни и сеней. Вы можете и теперь видеть это скромное жилище величайшего из государей. Это тот самый дворец Петра на берегу Невы*, где, верно, многие из петербургских читателей моих уже бывали, те же, кто еще не был, сделают это теперь, потому что редкое чувство может быть приятнее того, какое наполняет душу нашу в том месте, где некогда жил великий человек. Войдите в этот домик Петра, милые друзья мои, и вы увидите, как все там будет для вас дорого и священно, какими величественными и прекрасными покажутся вам эти маленькие комнатки!

С каким невольным благоговением станете вы на колени перед тем образом Спасителя, которому молился Петр. Этот образ составляет теперь главную и священную драгоценность маленького дворца.

- *Императрица Екатерина I, супруга Петра Великого, чтобы сохранить для потомства этот домик, приказала обнести его каменными стенами.*
-

Но от нынешнего состояния этого домика перейдем к тому, в каком он был при начале своего существования. Как все в нем и около него было тогда шумно, живо, деятельно! В четыре, а иногда и в три часа государь уже вставал и часто еще в домашнем платье своем, которое было белый холстинный камзол с костяными пуговицами, выходил смотреть на работы в крепости. После того удивительно ли, что в четыре месяца они были окончены? С благодарностью обнимал восхищенный Петр своих усердных сотрудников и приказал вырезать имена их на стенах пяти больверков, ими построенных, шестой был под его собственным надзором. Вскоре после крепости начали показываться другие городские строения. Так, на Васильевском острове через некоторое время появилось великолепное здание—дом Меншикова, в котором теперь 1-й Кадетский корпус.

Противоположная сторона Невы — теперь главная часть города — не пользовалась в то время этой славой: она позже начала застраиваться, и Петр в 1703 году заложил на ней только Адмиралтейство и корабельную верфь. От этого она и называется до сих пор Адмиралтейской стороной, которая разделилась впоследствии на четыре Адмиралтейские части.

Пока новорожденная столица как будто каким-то волшебством является среди болот и лесов невских, Петр думает о безопасности своей любимицы, заботится о спокойствии и выгодах ее. Крепость Петропавловская не может защитить ее от нападений с моря, гавань Васильевского острова по причине мелководья не может принять ни больших кораблей военных, ни тяжело груженных судов купеческих. Но Петр знал это прежде, чем положил основание нового города, и уже давно приготовил то и другое вот где. В 25 верстах от Петербурга, посреди волн Финского залива лежал довольно большой, но необитаемый остров, который финны называли Ретусари, а русские — Котлин. Этот остров отделялся узким, но глубоким пространством воды, как будто узким проливом, от довольно значительной песчаной мели. Увидев это в первый раз и измерив глубокое место пролива, которое у моряков называется фарватером*, Петр с восхищением и благодарностью поднял взоры свои к небу. Казалось, что сам Бог заботился о защите новой столицы русских: пролив был единственным местом, где могли проходить корабли всякой величины и тяжести, все же другие места Финского залива

от Котлина до Петербурга были мелки и проходимы только для маленьких судов. Стало быть, для безопасности столицы стоило только не допустить неприятеля проехать по фарватеру. Для этого нужно было, чтобы по обоим берегам, между которыми он находится, русские сторожили своих неприятелей с пушками и другими огнестрельными орудиями.

- *Это шведское слово. Оно значит водяной путь, и только по этому пути можно плыть морем в Петербург.*
-

И вот на песчаной мели против Котлина появляется через несколько месяцев крепость Кроншлот. Берег Котлина острова укрепляется также плотными стенами, здесь также устанавливаются пушки, и, таким образом, страшный гром и неминуемая гибель грозят с этих двух берегов каждому кораблю, которому вздумалось бы как неприятелю пробраться к Петербургу. Вскоре на Котлине была уже не одна стена с укреплениями, но за стеною две гавани—военная и купеческая, а подле них и город Кронштадт, до которого мы так скоро доезжаем летом на пароходе, а зимой на лошадях, по гладкому льду Финского залива.

Если это путешествие возможно для вас, то постарайтесь совершить его летом. Редкое удовольствие может сравниться с тем, какое можно

чувствовать, несясь — почти так же скоро, как птички, — по синему морю при ясной погоде, когда лучи яркого солнца играют хо светлыми волнами, а свежий ветерок — с белыми парусами. Переезд от Петербурга до Кронштадта имеет тем более прелестей для русского, что здесь все напоминает о великом Петре. Не успеешь потерять из вида Петербургскую крепость и гавань Васильевского острова, как уже вдали показываются крепости Кронштадта и мачты кораблей, всегда наполняющих его гавани. А сколько воспоминаний об этом незабвенном государе в самом Кронштадте! Почти на каждом шагу вы встретите что-нибудь из его великих учреждений. Когда же взглянешь на грозные укрепления, которыми он так могущественно защитил нас от всех нападений неприятелей, то душа так и желала бы вызвать с небес великий гений его, чтобы выразить ему свою благодарность! О, мы можем быть покойны в нашем Петербурге! До тех пор пока существуют Кронштадт и Кроншлот, ни один неприятельский корабль не дойдет до нас! Это знают все иностранные государи, и, верно, никто из них никогда не пошлет кораблей своих на явную погибель к фарватеру Кронштадта.

Но как же удивились, узнав об этом, тогдашние государи европейские! Некоторым из них не только удивительно, но даже досадно было слушать рассказы о новой столице, новых крепостях и гаванях русских. Более всех занимало это шведов: они как будто начинали чувствовать, что с могуществом России кончится власть их над Балтийским морем. Испуганные

такую мыслью, они вместе с англичанами старались всеми силами вразумить гордого Карла XII, что уже прошло время презирать русских, что надобно остановить завоевания их, казавшиеся сначала ничтожными, а теперь уже опасные для Европы. Но все представления их были напрасны: Карл и думать не хотел, чтобы русские что-нибудь значили после Нарвского сражения, и, равнодушно получая известия о взятии ими нескольких — по мнению его, неважных — местечек Ингерманландии, старался только скорее исполнить главное желание свое — отнять польский престол у короля Августа. Петр пользовался безрассудным упрямством и ветреностью Карла и, продолжая вести войну со шведскими генералами, скоро завладел всей Ингерманландией и взятием Нарвы отомстил за поражение, которое некогда претерпел при этом городе. Так исполнилось предвещание Петра, что русские отплатят шведам за уроки их в военном искусстве. Лучшими генералами царя в этих счастливых походах были фельдмаршал Шереметев и Меншиков, бывший уже князем и получивший чин фельдмаршальский после важной победы, одержанной им над шведами при Калише, в 1706 году. Фельдмаршальский жезл, присланный ему государем, был украшен алмазами и стоил около 3 тысяч рублей.

Такие успехи русских заставили наконец Карла XII подумать об опасном сопернике, который готовился для него в Петре: он мог теперь опасаться его, тем более что дело с Августом II было уже кончено и этот несчастный и слабый государь, несмотря на все

пособие, какое подавала ему усердная помощница его—Россия и отечество его—Саксония, несмотря на множество приверженцев своих в Польше, должен был уступить непреодолимому могуществу Карла и принять от него самый унижительный мир, заключенный в Альтран-штадте. По условиям этого мира Август должен был отказаться от польской короны и остаться по-прежнему курфюрстом саксонским, должен был нарушить союз с царем русским, должен был поздравить с восшествием на престол нового короля польского Станислава Лещинского, избранного по желанию Карла. Эти три условия, хотя очень тягостные для жалкого Августа, были еще лучше четвертого, которое принесло стыд и тому, кто предложил его, и тому, кто его принял. Грустно рассказывать об этом случае, друзья мои, но что делать! История неумолима: она не утаивает дурное, а точно так же рассказывает о нем, как и обо всем хорошем, и потому вы узнаете, как несправедливы, как безжалостны были Карл и Август!

Вы читали уже, что Швеция владела Лифляндией как своим завоеванием. При короле Карле XI эта несчастная земля терпела такие жестокие притеснения от завоевателей, что лифляндское дворянство решило наконец отправить в Стокгольм с несколькими избранниками своими просьбу к королю о защите против несправедливостей правительства. Главным из них был двадцатилетний капитан Иоганн Рейнгольд Паткуль, происходивший из древней лифляндской фамилии. Это был пылкий, умный, образованный

молодой человек, пламенно любивший свою родину. С жаром защищал он ее перед королем и тем вызвал его негодование: просьбу дворянства лифляндского нашли дерзкой и Паткуля, как сочинителя этой бумаги, приговорили к смерти.

Несчастный спасся от казни бегством, заложил все свое имение и, проживая то в Германии, то в Швейцарии, старался доказать невинность свою и Карлу XI, и потом наследнику его — Карлу XII. Старания его были напрасны: тот и другой ненавидели смелого лифляндца. Наскучив праздной жизнью, Паткуль по приглашению тогдашнего короля Августа с радостью вступил в польскую службу. Но служба при таком государе, каким всегда был Август, не могла нравиться деятельному Паткулю, и он скоро оставил ее. Бесприютный изгнанник, не имевший дозволения возвратиться в отечество, готов был и в чужой земле жертвовать всем для пользы и счастья людей, но такие высокие чувства мог оценить только тот, кто сумел бы понять их, мог оценить только такой государь, который, как Петр, и сам жертвовал всем для счастья подданных. И судьба хотела, чтобы эти две прекрасные души встретились: Паткуль узнал Петра и с тех пор не хотел служить никому другому. Здесь только, у государя, вокруг которого все кипело жизнью, можно было сказать, что Паткуль был на своем месте. Неутомимая деятельность его беспрестанно находила себе занятие: он был полезен, был нужен России, и потому вы можете судить, любил ли его Петр.

Счастливым этой драгоценной любовью, Паткуль начинал забывать свои прежние бедствия и, пламенно желая освобождения родины своей от шведского владычества, молил Бога, чтобы победителем в Северной войне был не безрассудный Карл, а великодушный, беспримерный царь России. Чтобы отнять силы у шведского короля, нужно было сколько возможно поддерживать Августа, и Петр делал это, посылая ему и войско, и деньги. Начальником этого войска и в то же время посланником русским в Польше в 1705 году был Паткуль. Август, неблагодарный к той помощи, какую оказывали ему русские, так бессовестно обходился с ними, что войско их терпело недостаток даже в пище. Это жестоко оскорбляло человеколюбивое сердце Паткуля: он заговорил, и слова его в таком дурном виде представлены были Августу, что он, забыв священное звание посланника и генерала своего союзника, приказал арестовать его. Несчастный Паткуль безо всякой вины томился в темнице потому, что этого желал непримиримый враг его Карл XII, возненавидевший благородного лифляндца еще более с тех пор, как он сделался усердным подданным соперника его — Петра. Карл желал не только того, чтобы Паткуль был в темнице, но даже и того, чтобы он был выдан ему как преступник, уже давно приговоренный к смерти шведским правительством. И он предложил это Августу! И Август не постыдился принять это жестокое предложение! Вот оно-то было четвертым условием того унижительного Альтранштадтского мира, о котором я говорила вам,

милые читатели. Оно исполнилось 28 марта 1707 года: в этот день Паткуль был выдан Карлу XII. Ужасна была судьба невинного страдальца! Казалось, Карл хотел отомстить ему и за ропот Лифляндии, и за успехи Петра. Никакие просьбы государей, которых царь русский умолял вступить за посланника его, не смягчили непреклонного короля Швеции, и в сентябре того же 1707 года несчастный Паткуль был казнен.

Такая несправедливость, такая неслыханная участь посланника явно показывала ненависть к государю его. Петр мог также видеть в этом бесчеловечном поступке желание Карла продолжать войну, которая должна сделаться теперь гораздо важнее: твердое, обдуманное мужество Петра пылало новым жаром при мысли о горестной кончине одного из благороднейших любимцев его. Гордая, необузданная храбрость Карла готовилась одним ударом уничтожить всю не ожидаемую им славу великого государя и все прекрасные начинания его. Европа с любопытством смотрела на спор знаменитых соперников. Русские с нетерпением ожидали известия о том, с которой стороны нападет на них страшный для всех Карл.

Изменник Мазепа и битва

Полтавская. 1708—

1710 годы

Петр I думал, что это нападение сделано будет на ту часть России, где находилась новая столица ее и области, недавно отнятые у Швеции. Вместо того Карл XII явился там, где никто не ожидал его,— в Малороссии. Но этому была причина, и вот какая, друзья мои.

Начальником малороссийских казаков, которые, как вы знаете, составляли главную часть жителей Малороссии, был в это время гетман Мазепа. С молодых лет он славился своим умом, образованием и ловкостью. Этими качествами ему так хорошо удавалось скрывать свои пороки, что до самой старости никто не подозревал в нем обманщика и хитреца, который достигал всего коварством и лестью. Вместе

с другими обманывался и Петр. Он видел в Мазепе одного из вернейших слуг своих и любил его за неустрашимость, которую он показывал во всех сражениях, где только участвовал. В первый раз отличился он в войне с турками, при Азове, и с того времени обратил на себя такое милостивое внимание государя, что при учреждении ордена Святого Апостола Андрея Первозванного он был вторым из генералов, получивших этот знаменитый знак отличия. Кроме того, разные милости, которыми Петр осыпал казаков малороссийских, разные права и преимущества, которыми они пользовались, беспрестанно доказывали расположение государя к гетману их. Но как бы вы думали, милые читатели, чем заплатил этот неблагодарный за доверчивую любовь царя? Изменой — самой низкой, самой постыдной! Прочитав рассказ о ней, вы, верно, удивитесь, до чего может довести человека излишнее честолюбие!

Можно сказать, что у Мазепы оно было более чем излишнее. Вообразите, что для него не довольно было пользоваться всеми почестями, иметь первый чин в государстве, иметь ордена — русский Святого Андрея и польский Белого Орла; не довольно было управлять не только всеми казачьими полками, но и всей Украиной; быть владельцем 40 тысяч душ крестьян, пожалованных ему Петром, в нынешних Орловской и Курской губерниях; наконец, не довольно счастья быть любимцем государя, — ему захотелось быть самому государем независимым. Вы думаете, что это была шутка? Совсем нет! Послушайте, как он обдумал

план свой. На тех самых местах, которые составляют Малороссию, было прежде Северское княжество, и вот дерзкий гетман казаков вообразил, что он может возобновить это княжество и сделаться князем его. «Это возможно, — думал Мазепа. — Польша близко отсюда, а там повелевает и новым королем, и народом тот Карл XII, которому стоит только захотеть — и я на престоле древних князей северских! Я доставлю ему за это помощь всего малороссийского войска против Петра, а польскому королю буду льстить обещанием присоединить к королевству его славную Украину».

Как задумано, так и сделано. Шестидесятилетний Мазепа, пылкий, как молодой человек, не откладывал никогда надолго своих намерений и потому и на этот раз тотчас же поручил самым надежным друзьям своим представить королю шведскому свои изменнические предложения.

Нечего говорить, с какою радостью Карл XII принял их! Считая себя и без того героем непобедимым, каких успехов не мог он ожидать от своей храбрости, видя вдруг на своей стороне все войско малороссийское? С благодарностью согласился он на все желания Мазепы и сверх того обещал в случае неудачи скрыть его от гнева царского в своей Швеции.

Все эти переговоры велись в такой тайне, что ни Петр, ни министры его Головкин и Шафиров несколько не подозревали замыслов гетмана, но зато в самой Малороссии нашлись люди, понимавшие обманщика, несмотря на все старания его скрыть себя. Нужно

думать, что эти люди ненавидели гетмана, потому что неутомимая внимательность, с которой они подсматривали за всеми поступками его, не могла происходить от чего-либо другого, как от ненависти. К счастью России, таких людей было много в Малороссии: Мазепа был несправедлив, дерзок, можно сказать— даже бессовестен со своими подчиненными. Удивительно ли, что они желали освободиться от своего притеснителя? Однако неприятели Мазепы долго не были для него страшны: ни один из них не осмеливался действовать против любимца царского, но в 1707 году он оскорбил жестоко, нестерпимо генерального судью казаков Василия Леонтьевича Кочубея. Это был старик, уважаемый всем войском, почтенный по своим заслугам и рождению. Глубоко чувствуя сделанную ему обиду, он старался всеми силами отомстить за нее, и его не пугало все могущество дерзкого повелителя Украины. Вот он-то и открыл все тайные связи изменника с поляками и шведами. Как ужаснулся верный сын России опасности, грозившей ей! Как увеличилась ненависть его к Мазепе с той минуты, как он увидел в нем не только своего оскорбителя, но и врага Петра! Нисколько не медля, он описал все узванные им подробности измены гетмана и в январе 1708 года отправил это донесение к царю с одним из преданнейших друзей своих— полковником Полтавского полка Искрой. Но подивитесь, друзья мои, как хорошо умел гордый честолюбец скрывать свои пороки и злодеяния! И проницательный Петр, и умные

вельможи его приняли доносителей за врагов славного гетмана и к нему же отослали их для суда и наказания! Вы, верно, угадаете горестную судьбу обоих несчастливцев? Да, они погибли. Мазепа же еще более утвердился в доверии государя и с новым жаром и без боязни принялся за постыдный заговор свой. Карл XII с полной надеждой на успех отправился в Россию и в августе 1708 года уже перешел Днепр.

Теперь вы понимаете, отчего пошел он прямо на Малороссию, а не на новую столицу нашу, которую ему так хотелось уничтожить? Он думал, что скорее достигнет своего желания, когда соединится со своим сильным сообщником и уже вместе с ним пойдет к Петербургу. Но кроме этого соединения для него нужно было еще другое: из Лифляндии вышло шестнадцатитысячное войско под начальством генерала Левенгаупта и спешило к королю своему. Петр, еще не знавший об измене Мазепы, предвидел вред, какой мог произойти для русских от соединения Левенгаупта с Карлом, и решился во что бы то ни стало не допустить этого. Он отправил против Карла фельдмаршала Шереметева, а сам пошел вслед за Левенгауптом и догнал его в нынешней Могилевской губернии, около Пропойска, в местечке Лесное. Вам надобно хорошо знать, где находится это место, милые читатели, потому что здесь Петр наш одержал такую блистательную победу над шведами, что в восхищении называл ее матерью той знаменитой Полтавской победы, о которой вы скоро услышите. Левенгаупт потерял большую часть

своего войска, пушки и все запасы, которые вез для армии короля.

Такая неожиданная потеря заставила Карла XII как можно скорее спешить в Малороссию, где недостойный гетман с нетерпением ожидал прихода его, чтобы объявить свою измену России. В октябре 1708 года, ровно через три месяца после сражения под Лесным, шведы появились во владениях Мазепы, на берегах Десны. Два соединившихся врага нашего отечества объявили малороссиянам свободу и восстановление княжества Северского. Но как же удивились они, когда увидели, какое, действие произвело это объявление! Малороссияне, вместо того чтобы обрадоваться, ужаснулись, и бесчестный гетман успел только обманом переманить за Десну две или три тысячи человек, все же прочие остались верными своему законному государю.

Карл XII, хотя и жестоко обманутый в своих расчетах на помощь Малороссии, не пришел в уныние и с прежней гордостью, с прежней дерзкой самонадеянностью продолжал поход свой. Он шел по Украине, потому что плодоносные поля ее доставляли большую пользу его армии, начинавшей чувствовать недостаток в съестных припасах. К этому несчастью шведов присоединилось вскоре другое: настала зима с самыми сильными морозами. Воины Карла так много терпели от них, что часто находили их на дорогах окостеневшими от стужи. Но и этот ужасный вид не мог поколебать души короля: он все еще считал

себя непобедимым и, проведя в Малороссии пять месяцев, решился в апреле 1709 года взять приступом город Полтаву, лежавший на берегу реки Ворсклы, впадающей в Днепр. Полтава, существующая и теперь, казалась для Карла XII таким значительным городом, что он думал получить в ней награду за все труды и неудачи свои во время этого похода.

Пока король шведский, совершенно занятый этим приступом и мыслью о своей будущей победе, строит укрепления, чтобы лучше нападать на осажденную Полтаву, и иногда имеет небольшие сшибки с ее жителями, посмотрим, что делает знаменитый соперник его. Горестно было для великой души Петра узнать низкую измену Мазепы, горестно тем более, что эта измена погубила двух благороднейших людей— Кочубея и Искру! Упрекая и себя в этой гибели, царь спешил возратить семействам несчастных отнятую у них честь и имение. Потом с благодарностью обратился он к малороссиянам, награждал верность их, наказал небольшое число преданных Мазепе, самого же его приказал предать церковному проклятию, которое вечно будет продолжаться над изменником.

Поручив Малороссию новому гетману Ивану Скоропадскому, Петр приготовил все для решительного сражения с Карлом XII. Не только сухопутные силы его блистали самым лучшим устройством, но даже и морские, разъезжавшие около Азова и Таганрога, были в таком положении, что могли выдержать всякое нападение турок, если бы эти южные соседи наши

вздумали помогать шведам. Но Петр не боялся этого: мир с Турцией был недавно подтвержден, и в окрестностях Полтавы ожидал его Карл XII только с одним помощником своим — Мазепой.

Царь приехал к Полтаве в июне 1709 года, когда осада продолжалась уже около трех месяцев. Осажденные были доведены шведами до большой крайности и уже недолго могли противиться. Тем скорее спешил Петр спасти их и, уверенный в покровительстве Божиим, назначил днем сражения 29 июня, когда празднуется у нас память Святых Апостолов Петра и Павла. В то же время это был и день именин государя. Но Карл предупредил его двумя днями и начал первый утром 27 июня. Битва была отчаянная с обеих сторон. Петр сражался за счастье народа своего, за все вновь созданное им царство, которое должно было уничтожиться вместе с торжеством Карла. Карл защищал славу свою, свое название героя и своих несчастных воинов, которых ожидала неминуемая гибель в стране врагов-победителей.

В этот знаменитый день нельзя было решить, который из двух государей неустрашимее. Тысячи пуль летали около них обоих, не пугая ни одного. Одна из них пробила у русского царя шляпу, другая — седло, третья попала в крест, висевший у него на груди*. Король же, за несколько дней перед тем раненный ночью при осмотре казацких пикетов, не в состоянии был сидеть на лошади и приказал возить себя между

рядами своих воинов в качалке. Когда же запряженные в нее лошади были убиты, пересел на верховую и раненую ногу положил к ней на шею. В таком положении он быстро носился между своими храбрыми шведами, ободрял их воспоминаниями о победах над русскими, предвещал новую славу и на этот день. Но предвещание его не сбылось: эта слава и этот день принадлежали Петру. Шведское войско после непродолжительного сражения было совершенно разбито, и Карл едва спасся бегством от плена.

- *В московском Успенском соборе и теперь хранится этот крест. Он четырехконечный, длиной в пять вершков, шириной несколько менее, сделан из золота и украшен драгоценными камнями. В нем находятся редкие святыни, присланные с Афонской горы царю Феодору Иоанновичу. Этот крест принадлежал Константину Великому и потому называется Константиновским. На нем заметно еще повреждение от попавшей в него пули во время Полтавской битвы.*
-

Прекрасно описан этот знаменитый день у Пушкина в его поэме «Полтава». Насладитесь этим описанием, друзья мои:

Горит восток зарею новой.

Уж на равнине, по холмам

Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ее стремление крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там.
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлиппенбах.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И Бога браней благодатью

Наш каждый шаг запечатлен.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с Богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный.
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как Божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.
Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирив,
Прервали своей голодный рев.
И се — равнину оглашая,
Далече глянуло ура;

Полки увидели Петра.
И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.
И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим.
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волнение.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...

Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.
И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.
Как верно представлена эта страшная картина битвы!
Но вот послушайте, приближается час победы Петра:
Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.

О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит,
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.

Эта победа считается знаменитейшей в истории Петра. Утвердив за Россией места, завоеванные ею у Швеции, и в них новый порт и новую столицу ее, она доставила русским то, что было главной целью жизни Петра: соединение их с образованными европейцами.

Вы уже слышали, как европейцы не желали этого соединения, как они боялись возрастающего могущества России и как старались уничтожить его. Это старание поручено было ими соседу России — королю шведскому. И вы видите, друзья мои, как усердно исполнял он сделанное ему поручение, стало быть можете представить себе, что было бы со всеми новыми учреждениями Петра, с многочисленным флотом его, с его вновь образованным войском, с его знаменитым портом на Балтийском море — одним словом, со всеми его великими намерениями, если бы Карл XII стался победителем. Можно поручиться что все это было бы уничтожено: резкий король шведский в гнев своем уже не раз кричал страшным голосом: «О! И моего хлыста довольно будет, чтобы выгнать этих негодных москвитян не только из Москвы, но даже и из всего мира!»

Вместо того грозный предсказатель сам обратился в бегство. И как? Без войска, почти с одним только изменником Мазепой и несколькими адъютантами, в татарской телеге! И куда же? В одну из пограничных областей Турции — Бендеры, умоляя о покровительстве султана! Последний отряд его, состоявший из 16 тысяч человек под начальством генерала Девенгаупта, оставался еще в окрестностях Полтавы, на берегах реки Ворсклы. Петр отправил в погоню за ними князей Голицына и Меншикова, и 30 июня, через три дня после Полтавской битвы, все 16 тысяч шведов, искусно окруженные со всех сторон 9 тысячами русских, сдались без сражения со всей амуницией, знаменами, артиллерией и королевской казной.

Со смирением христианина наслаждался царь русский своей знаменитой победой. Относя весь успех ее к всемогущему покровительству Бога, он смотрел на поля полтавские как на места священные, как будто ручавшиеся за будущую славу России. Необыкновенный дух его, быстрый, пронизательный и благочестивый, не сомневался в этой славе, и потому благодарность его к Всевышнему была неизъяснима! Он изъявил ее торжественно на другой день победы, 28 июня, на самом месте битвы. Молебствие совершалось в обширной походной церкви посреди поля полтавского. После обедни погребены были на этом же поле в одной огромной могиле тела убитых защитников России, а в другой — тела врагов их, шведов. Над первыми Петр собственными руками поставил крест, над вторыми плакали печальные

соотечественники их, попавшие в плен. Все они были тут же, на торжестве вместе с русскими, но никто не оскорблял их насмешками; напротив того, после обедни сам царь пригласил генералов и офицеров их к своему обеденному столу и в отместку всех дерзостей, какими часто Карл XII оскорблял народ его, позволил себе сказать только следующие слова: «Вчера брат мой Карл просил вас сегодня на обед в шатры мои, и хотя он не сдержал своего слова, но мы выполним это, и для того прошу вас со мною откусать». За этим обедом добрый царь всячески старался развеселить унылых шведов и не один раз пил за здоровье *учителей своих в военном искусстве*. Так почти всегда он называл их. Пушкин говорит и об этом славном пире:

Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.

Такое ласковое обращение государя, высоко уважаемого всеми народами, не могло не иметь влияния на бедных пленников: они на несколько минут забыли свое несчастье и развеселились. Почти каждый

из сидевших за столом был пожалован от царя или чином, или поместьем, или орденом, или деньгами*; кроме того, все могли похвалиться милостью его, равно на всех излитой, — стало быть, все были веселы и счастливы. Беспреданно пили за здоровье того или другого генерала, а при таком случае уже не бывает людей задумчивых: общее веселье прогоняет грусть с лиц печальных. Так было и с храбрыми шведами, когда большие бокалы самого вкусно о вина переходили у гостей царских из рук в руки и особенно в ту минуту, когда фельдмаршал Шереметев встал со своего места и громко сказал: «За здоровье нашего нового контр-адмирала и генерал-поручика!» Догадаетесь ли вы, друзья мои, кто был этот новопожалованный двумя чинами? Полковник Преображенского полка Петр Михайлов! В Полтавской битве он в первый раз исполнял должность главнокомандующего, и за славное окончание ее все генералы поднесли знаменитому полковнику дипломы на эти два важные чина в сухопутном и морском войске.

-
- *Для самых любопытных из читателей моих, которые бы желали знать, какие именно награды получили главные генералы — участники Полтавской битвы, надобно сказать, что князь Меншиков произведен был в генерал-фельдмаршалы, князь Голицын, Долгорукий и Репнин получили поместья, Брюс, Галарт и Ренцель — ордена Святого Апостола Андрея,*

гетман Скоропадский — портрет государя, осыпанный бриллиантами.

Торжество не кончилось тем, потому что на другой день было 29 июня. Радость русских увеличилась. И в лагере войска, и в самой Полтаве, и в окрестностях ее всё веселилось! Знаменитый именинник снова угощал всех пышным обедом. В этот день и для всех солдат поставлены были огромные столы с вином и закусками. Переходя от одной роты к другой, царь останавливался перед каждой и говорил солдатам: «Хлеб-соль, товарищи! Поздравляю вас с праздником и победою!»

Так праздновалась эта славная победа в первый раз! Я говорю «в первый раз» потому, что с тех пор не прошло ни одного года, чтобы русские не праздновали ее. Этого желал победитель: каждое 27 июня вы услышите во всех церквах благодарственный молебен Богу, но знаете ли, где всего приятнее слушать его? На Выборгской стороне есть церковь Святого Сампсония. Пойдите туда в день Полтавской победы. Память Святого Сампсония празднуется 27 июня, и эту церковь Петр приказал построить в воспоминание славного для России дня и в изъявление благодарности своей к Богу. Здесь-то, милые читатели, можно живее, нежели где-нибудь, вспомнить в этот день Петра и перенестись мысленно в то уже отдаленное от нас время, когда этот незабвенный государь приезжал сюда

каждый год благодарить Всевышнего и снова порадоваться победе своей!

Царица Екатерина. 1710—

1712 годы

Удивительны дела Петра! Удивительно могущественное влияние его гения на все, что окружает его; чудесно образуются, чудесно совершенствуются и вещи, и люди, которых касается он волшебной рукой своей! Читатели мои видят доказательства этого и в войске его, которое еще так недавно начало устраиваться по примеру войск европейских и уже умело побеждать их; видят это и во флоте его, еще так недавно состоявшем из одного старого ботика, а теперь уже из нескольких сотен больших и малых судов, страшных для неприятелей России; и в новой столице его, великолепно возвышающейся там, где так недавно были только болота и пустыни и в любимцах, окружающих и престол, и мастерские его. Как многие из них, совсем недавно только начинавшие образовываться, спорили теперь в искусстве

и познаниях с лучшими полководцами и министрами Европы! Одним словом, кажется, все, на что обращается творческий взор Петра, начинает цвести какой-то новой жизнью, начинает стремиться к какой-то новой, высокой цели.

Но из всего этого, из всего, что преобразовано, возвышено или сотворено Петром, из всех прекрасных созданий, обязанных ему новой жизнью, вы, друзья мои, еще не знаете одного. Чтобы рассказать вам об этом прелестном создании, судьба которого тесно соединена была с судьбою великого преобразователя России, мы оставим грозный шум войны и бурь, беспрестанно окружающий Петра, и войдем в какой-нибудь из скромных дворцов его, посмотрим, как живет он у себя дома, когда усталость заставляет его несколько минут отдохнуть от тяжелых забот государственных.

Вы, верно, помните, что в первом супружестве своем молодой царь не наел ждался семейным счастьем. Евдокия Феодоровна Лопухина, несмотря на свою молодость и красоту, была нечувствительна, угрюма, любила старинные обычаи предков наших и ненавидела все новое, что великий супруг ее вводил вместе с просвещением в нравы и обычаи народа своего. Рождение сына в феврале 1690 года, восхитив сердце Петра, не сильно обрадовало равнодушную царицу: душа ее не сделалась нежнее, и первые наставления ее малютке состояли в том, чтобы он усерден был к святым обычаям старины и сколько можно

защищал бы их от нападений своего *немилосердного* родителя— так недостойная, исполненная жестоких предрассудков Евдокия не стыдилась называть супруга своего в присутствии сына! Этого еще не довольно: она называла его гонителем православной веры, оправдывала стрельцов-раскольников, беспрестанно бунтовавших против Петра и просвещения. Более девяти лет переносил царь тягостную жизнь с такой супругой, более восьми лет находился царевич Алексей Петрович под надзором матери, учившей его не любить отца. Наконец участие Евдокии в последнем стрелецком бунте 1698 года показало царю в полной мере жестокие намерения супруги его. Ужасаясь им, он навсегда расстался с нею. Постриженная под именем Елены в суздальском Покровском монастыре, она не переставала и там желать всех несчастий супругу, не переставала и там отвращать от него сердце сына в те немногие часы, которые молодому царевичу позволено было проводить с матерью в монастырских кельях ее.

Между тем как Евдокия благодаря природным склонностям сына, во многом походившего на нее, успевала портить молодое сердце царевича и тем готовить его к ужасным порокам, погубившим впоследствии этого князя— надежду русских, Петр, беспрестанно озабоченный великими занятиями своими, не мог иметь близкого надзора за воспитанием наследника. Вовсе не воображая, какие несчастья готовились ему в сердце сына, он считал маленького царевича единственным утешением своего одиночества

и, может быть чувствуя к нему самую нежную любовь, не вступал во второе супружество. Эта утешительная для отца привязанность продолжалась до тех пор, пока Петр, занятый то путешествиями, то войнами, редко бывал в Москве и потому не имел случая узнать в совершенстве сердце и нрав своего сына. Как же огорчился он, когда наконец случай представился и он понял и это сердце, и этот нрав! В двенадцатилетнем сыне его были все свойства матери — упорной, нечувствительной к славе России, ненавидевшей просвещение ее! Предвидя судьбу всех новых учреждений своих в правление такого наследника, царь ужаснулся, и с этого времени заботы его о воспитании царевича увеличились. Он надеялся собственными попечениями поправить в нем то, что было испорчено, и для того старался как можно менее расставаться с ним. Часто молодой царевич был с неутомимым родителем своим даже в походах. Но вся эта заботливость мало помогала: сердце Алексея было уже слишком вооружено против великого отца его. Печально смотрел на это царь и, лишившись надежды иметь друга в нежно любимом сыне, начал сильнее чувствовать горестную потерю своего семейного счастья.

Это печальное чувство, присоединясь к огорчениям, какие терпел он с самых молодых лет от властолюбивой сестры, имело сильное влияние на его здоровье, а оно и без того расстраивалось от беспрестанных трудов, часто превосходивших телесные силы. Впоследствии это обратилось даже в род нервной болезни, припадки

которой жестоко мучили государя, тем более что в это время он делался неспособным ни к каким занятиям. А ведь вы знаете, друзья мои, как дорожил он каждой минутой! Тогда только что-нибудь особенно смешное могло развлечь мрачную задумчивость его и привести в прежнее состояние расстроенный дух. В этом случае искуснейший из придворных шутов — Балакирев был неоценим для всех окружавших Петра. В то время когда все они, встревоженные страданиями государя, не в состоянии были придумать, чем помочь ему, Балакирев всегда находил удачное к тому средство, и какая-нибудь остроумная шутка, невольно заставив больного смеяться, веселила его до того, что припадок проходил и царь, ласково потрепав по плечу притворно глупого Балакирева, принимался с прежней бодростью за оставленные занятия.

Но такие сильные припадки случались с Петром впоследствии, когда новые душевные и телесные страдания усилили болезнь, теперь же мы говорим еще о том времени, когда только начали появляться ее признаки, или, лучше сказать, мы говорим о причинах, породивших эту болезнь. Итак, одной из главных была горечь о дурном сердце и нраве царевича. Часто великодушный благодетель своего народа задумывался надолго о будущей судьбе его, и все блистательное начало его образования, вся слава, уже им приобретенная, исчезали в глазах преобразователя при имени Алексея и его жестокой матери. После таких печальных размышлений Петр часто на целый день оставался в задумчивости.

Вот в один из таких дней, скучая более обыкновенного, он пошел рассеять грусть свою к тому, кто всегда умел утешить его, — к своему Herzenskind, князю Меншикову. Но на этот раз не Меншикову удалось изменить грустное расположение духа его: это сделала совсем неожиданно молодая женщина, которую он в первый раз увидел там и величественная красота и образованный ум которой тотчас привлекли внимание государя, умевшего всегда быстро оценивать все прекрасное. Никогда не встречая ее прежде в доме Меншикова, он поспешил расспросить у него о замечательной незнакомке и узнал, что это была бедная лифляндка, вдова шведского драгунского офицера Раббе, попавшая в плен при взятии русскими лифляндского городка Мариенбурга. Участие, которое Петр почувствовал при этом рассказе к бедной пленнице, еще более увеличилось, когда, начав с нею разговор, он узнал от нее самой все подробности детства и первой молодости ее.

Эти подробности были в самом деле любопытны и занимательны. Катерина Раббе — так звали молодую лифляндку — была дочерью литовского дворянина Скавронского. Рано лишилась она отца и матери и из сострадания взята была в дом доброго пастора Гликка. Благодетель ее, соединявший с превосходным сердцем самый образованный ум, воспитывал ее со всею заботливостью и впоследствии выдал за человека, известного своими честностью и благородством. Но непродолжительным было счастье сироты: в самом начале замужества Катерина лишилась супруга, а потом

и свободы. Победителем при Мариенбурге был фельдмаршал Шереметев. В доме его молодая женщина провела время своего плена. Судьба, готовившая ей высокое счастье, привела ее потом в дом Меншикова, и здесь-то она достигла этого счастья.

Петр после первого свидания открывал с каждым днем более и более достоинств в прекрасной Катерине, с каждым днем находил более и более удовольствий в ее умном и приятном обществе. Она была исполнена точно такими же чувствами к Петру, и это было неудивительно: пастор Гликк уважал Петра как великого гения своего века и научил воспитанницу свою думать так же. Привыкнув с младенчества считать Петра необыкновенным смертным, посланным на землю, чтобы дать новую жизнь целому народу, Катерина всегда пламенно желала его видеть и была в восторге, когда это желание ее исполнилось. Величественный вид царя, так прекрасно согласовавшийся с великими качествами души его, внушил ей при первом взгляде не только самое приятное удивление, но даже какое-то радостное и в то же время благоговейное чувство: оно выражалось в эту минуту во всех чертах лица ее, выражалось впоследствии в том глубоком уважении, которым исполнено было сердце ее к этому знаменитому государю, и выражалось, наконец, в той беспредельной преданности, которую она всегда доказывала ему.

Сначала она была только другом, утешительницей Петра во всех огорчениях, какие печалили сердце его

и когда он занимался делами государственными, и когда с горестью слушал о поступках своего сына. Потом, привыкая более и более к той, которая так хорошо умела услаждать душевные страдания, Петр, творец всего прекрасного в царстве своем, хотел довершить свое творение царицей, достойной его не по рождению и предкам, которые всегда были ничтожны в глазах его, но по собственным превосходным качествам, отличавшим избранную им супругу. В ноябре 1707 года исполнилась эта воля Петра: он обвенчался в Екатериной, которая до свадьбы приняла греческую веру и была названа Екатериной Алексеевной.

Эта свадьба совершилась не торжественно, а тихо, так что и о самом месте венчания одни историки говорят, что оно происходило в Петербурге, в церкви Святой Троицы, другие, по известиям более достоверным, утверждают, что этот брак был совершен в селе Яворове. Даже народу не было объявлено о том, как обыкновенно бывает в таком случае. Казалось, чувствительное сердце Петра, несмотря на все дурные поступки первой супруги его, жалело огорчить ее торжественным объявлением о счастье соперницы, и потому брак царя долго оставался тайной для подданных его, только в марте 1711 года он объявлен был России. С того времени Екатерина называлась уже царицей.

В том же году молодая царица доказала целому свету, как достойна она была своей прекрасной и блистательной судьбы. Милые читатели, когда вы

узнаете, что она сделала, то, верно, поблагодарите Бога за счастливый выбор Петра: казалось, этот необыкновенный государь проникал быстрым взором своим в будущее и, возводя на престол русский прекрасную Екатерину, видел в ней не только любимую супругу, но и гения-спасителя России. Послушайте рассказ о великом деле ее.

Для этого мы должны обратиться к тому времени, когда слух о Полтавской победе, разносясь по Европе, заставлял во всех государствах ее с удивлением говорить о русских, и особенно об их славном Петре. Теперь только, когда он победил дотоле непобедимого Карла, все в полной мере поняли его величие, все начали другими глазами смотреть на царство его, еще так недавно считавшееся полудиким и азиатским. От этой перемены мыслей произошла везде большая перемена в действиях. Дания снова объявила свои права на области, отнятые у нее Швецией. Станислав Лещинский потерял престол, доставленный ему Карлом. Август II под покровительством Петра, простившего его трусость и поступок с Паткулем, снова получил этот престол и из благодарности, а может быть, и из боязни не спорил с ним о Лифляндии и предоставил ее во власть его. В июне 1710 года не только вся она, но даже и вся Эстляндия, и Карелия, и часть Финляндии с главным городом ее Выборгом уже принадлежали русским.

Теперь великий план Петра был выполнен: любимица его, юная столица севера, была в полной

безопасности — окружена со всех сторон землями русскими. Весело он праздновал в ней блестящие победы свои в то самое время, как грозная туча собиралась на него с юга: Карл XII со времени Полтавского сражения жил в Турции и не хотел выехать оттуда до тех пор, пока не уговорил султана начать войну с Россией. Долго турецкий государь не соглашался на это, не имея причины ссориться с русскими, но Карл полтора года жил в Бендерах, полтора года твердил турецким министрам, как нужно для собственной пользы их остановить беспрестанно возрастающее могущество России. Итак, нельзя удивляться, что наконец он успел в своих намерениях, и Турция в ноябре 1710 года объявила войну русским.

Вы можете представить себе, друзья мои, что Петр принял это объявление без страха, хотя эта война могла быть в то время очень опасна для него, потому что с многочисленной армией турецкой шли дикие, варварские толпы татар и ногайцев. Помощниками царя русского были только ненадежные поляки, беспрестанно спорившие между собой о королях своих Августе и Станиславе, и два господаря: молдавский — Кантемир и валахский — Бранкован. На последних надеялся он гораздо более, чем на поляков: они оба, спасая себя и владения свои от притеснений турок, просили его принять в подданство свое их области и за это обещали помогать русским и соединить с ними войска свои.

Петр, положась на эту помощь, спокойно отправился в поход в марте 1711 года вместе с супругой своей, уже объявленной царицей России. Перед отъездом из Москвы заботясь о том, чтобы дела государственные шли в порядке и во время отсутствия государя, он учредил Сенат, или такое верховное присутственное место, члены которого, избранные из первых чинов царства, смотрели за правосудием, за доходами государственными, даже за военной службой и судили преступников.

В июне царь с гвардейскими полками своими и с отрядами генералов Вейде, Алларта и Репнина переправился через Днестр и вступил во владения союзника своего — господаря молдавского. Верный своему слову, Кантемир встретил его с усердием и преданностью войско его было готово сражаться за русских. Но не таков был Бранкован. Этот бесчестный грек, прельстившись обещаниями турок, изменил Петру в то время, когда прямбдушный царь, не подозревая возможности такой низкой измены, уже перешел границы своих владений и был на земле врагов.

Ужасно было положение, до которого этот изменник довел войско русское! Вообразите, что оно отдельным 22-тысячным корпусом под начальством самого Петра перешло реку Прут и было встречено там вместо ожидаемых союзных полков валахских турецкой армией, состоявшей более чем из 100 тысяч человек, кроме шведских отрядов Карла XII, кроме поляков —

приверженцев Станислава Лещинского и кроме татар крымских и ногайских, зашедших русским в тыл. Прибавьте к этому недостаток в съестных припасах, невозможность достать их на земле неприятелей, жестокость этих неприятелей—и вы поймете все мучения, какие должен был испытывать Петр, чувствуя, что его собственная неосторожность и доверие к обманщику были виной несчастья! Терзаемый этою мыслью более, чем опасностями, со всех сторон грозившими, он не прежде, однако, пришел в уныние, как через несколько дней после несчастного перехода через Прут, когда уже небольшое войско его еще уменьшилось от отчаянных встреч с неприятелем и когда уже этот неприятель окружил весь лагерь русский ровом и ожидал только прихода артиллерии, чтобы открыть пушечную пальбу.

Это было в ночь на 11 июля 1711 года. Страшная ночь, казалось предвещавшая гибель отечества нашего! Мрачен был вид лагеря русских. Все они приготовились умереть: иначе нельзя было спастись от плена и унижения. Это чувствовал каждый воин Петра, но что же чувствовал он сам? О, страдания его были неизъяснимы! Однако никто не видел их: он сидел один в палатке своей, один предавался горести, доходившей почти до отчаяния при мысли о том, что с пленом его погибнет все сотворенное им для России. В эти ужасные минуты никто не утешал несчастного государя! Он отверг даже заботы самой милой утешительницы своей—Екатерины. Ей, так же как и всем, запрещено было входить в палатку.

Здесь-то является во всем блеске эта знаменитая государыня, эта предвиденная гением Петра спасительница России. Видя бедственное положение всего войска, видя уныние супруга своего, она не теряет мужества и решается действовать тогда, когда в судьбе русских, казалось, все уже было кончено. Сохранив присутствие духа, необыкновенное в женщине, она устремляет все силы ума своего на размышление о средствах спасти драгоценнейшие блага свои — жизнь Петра и славу России. И вдруг мысль о возможности заключить выгодный мир блеснула в душе Екатерины и обрадовала ее точно так, как радуется заключенного несчастливца утешительный луч солнца, неожиданно прокравшийся в мрачную темницу его. Не медля ни минуты, она созывает на совет всех старших генералов, открывает им мысль свою, все одобряют ее, но никто не осмеливается предложить ее царю, никто не осмеливается нарушить его грозное повеление и войти в палатку. Екатерина и здесь является выше всего, ее окружающего: она с твердостью входит к государю, видит его глубокую задумчивость и потом его негодование. В слезах бросается она к ногам его, и гнев Петра исчезает, с каким-то небесным спокойствием он слушает своего ангела-утешителя, с кротостью покоряется ее желанию и в ту же минуту приказывает фельдмаршалу Шереметеву отправить письмо начальнику турецкого войска — великому визирю с предложением о мире. Екатерина втайне от супруга отдает посланному все свои бриллианты.

Спасение России, вероятно, было уже определено Богом, потому что, несмотря на все представления шведских генералов, старавшихся удержать турок от мира с русскими, почти побежденными уже, великий визирь принял предложенный мир. Конечно, условия этого мира были тягостны для Петра: он лишался всех мест, завоеванных им у Швеции, лишался важного для него Азова, Таганрога и нескольких других крепостей, должен был вывести войска свои из Польши, должен был позволить Карлу XII свободно проехать в Швецию. Но что значило все это в сравнении с теми несчастьями, какие могли случиться в отечестве нашем, если бы великий государь его сделался пленником турок!

Петр согласился на все условия, исключив только одно, о котором мы не говорили потому, что оно заслуживает особенного внимания вашего, милые дети. Оно состояло вот в чем. Турки требовали, чтобы Петр выдал им преданного ему союзника и, можно сказать, друга — государя молдавского, князя Кантемира. Это напоминает Вам Карла XII, сделавшего точно такое же предложение Августу. Но какая разница в ответах! Король польский для своих собственных ничтожных выгод пожертвовал несчастным Паткулем и отдал его на мучительную смерть. Петр не согласился выдать Кантемира для спасения своей свободы, жизни, царства! Хотите ли вы, друзья мои, знать слово в слово ответ этого великого государя визирю? О, этот ответ прекрасен, о нем говорят с удивлением не только русские, но даже и чужестранные историки. Вот он:

«Я не могу преступить моего слова и предать князя, оставившего свое владение из любви ко мне. Мы ничего не имеем собственного, кроме чести; отступить от нее— есть перестать быть Государем». Такое величие тронуло даже грубое сердце визиря: он отказался от своего требования и 12 июля заключил мир, доставивший Петру и армии его свободу возвратиться в отечество.

В какой ужасной досаде был Карл XII, когда известие об этом мире дошло до Бендер, где он жил в ожидании увидеть по гибель ненавистного ему царя русского! Без памяти поскакал он в турецкий лагерь, чтобы остановить действия визиря, но уже было поздно. 14 июля русское войско, переправясь за Прут, уже шло по дороге к Киеву, и счастливая Екатерина, сопровождая супруга своего, наслаждалась истинным блаженством души. Все окружавшие ее, начиная от государя до последнего из подданных, видали в ней свою избавительницу: все говорили ей это с такой искренней признательностью, что прекрасная царица не могла не гордиться своим редким счастьем.

Праздники и увеселения

петербургские . 1712—

1717 годы

Много бывает веселых и торжественных праздников в нашем Петербурге, милые читатели. И вы, вероятно, видели некоторые из них, например парады военные — на Дворцовой площади и Царицыном лугу, церковные — в день Крещения на Неве, в день Святого Александра Невского в Невском монастыре. Со временем увидите, может быть, и те, какие бывают во дворце государя нашего при торжественных случаях в царском семействе. Эти радости еще ожидают вас, но не хотите ли взглянуть хотя бы одним воображением на то, чего уже нет, хотите ли получить понятие о праздниках петербургских во времена Петра? Мы возьмем один из тех, которые так подробно описаны в исторических записках тех времен.

Для этого перенесемся мысленно на берега Васильевского острова. На них нет еще той каменной стены домов, которая возвышается там теперь от самого Горного корпуса до великолепного здания Академии художеств. Там гордо стоит только дворец князя Меншикова.

С раннего утра 9 сентября 1714 года начались в этом дворце приготовления к приему знатного гостя: государь, возвращавшийся в тот день из морского похода, обещал откусать у любимца своего. Этот поход был не из тех обыкновенных походов, какие Петр делал так часто во время продолжительной войны со Швецией. Нет, это был знаменитый поход, снявший с имени русских малейшие следы того стыда, которым неприятели старались покрывать их после несчастного дела прутского, доставивший во владение Петра еще несколько мест по берегу Финляндии, а вместе с тем и полную власть над Финским заливом.

Главное морское сражение, утвердившее новое завоевание и окончившее поход, было 27 июля 1714 года, на южном конце Финляндии, между Гельсингфорсом и Або, близ местечка Травемюнде, и мыса Ганго-Удд, или Гангут. Здесь-то Петр, контр-адмирал и главный начальник своей эскадры, одержал славную победу и, далеко преследуя шведские корабли, навел страх на самую столицу шведов и взял в плен контр-адмирала их Эреншильда. Победитель в награду за труды и опасности, перенесенные моряками — товарищами его, хотел торжественно въехать с ними

в новую столицу свою. Вот на этот-то день и назначен был обед у князя Меншикова и праздник в Петербурге.

Уже было около полудня. Народ давно толпился по улицам и особенно по берегам Невы, потому что царю надобно было ехать мимо них из Кронштадта. Самые любопытные спешили в гавань, из которой лучше всего видно синее море. Долго смотрели они напрасно вдаль, наконец там показались первые суда, и старики и дети закричали: «Едет! Едет!»

Это были три русские галеры, шедшие впереди. За ними шли суда, взятые у шведов, в том числе фрегат «Элефант», на котором с дел пленный контр-адмирал Эреншильд, позади плыла командорская галера с самим государем и еще две другие с солдатами под начальством генерала Вейде.

Нельзя описать восторг, с каким встречали царя-победителя обожавшие его подданные. Беспрестанное «ура» раздавалось вместе с пушечными выстрелами во все время, пока суда величественно плыли по широкой Неве и потом остановились близ Адмиралтейства. Здесь все сидевшие в них вышли на берег и в торжественном порядке, с несколькими ротами полков Преображенского и Астраханского, со шведскими морскими офицерами и с пленным Эреншильдом, одетым в богатое платье, прошли в триумфальные ворота, украшенные разными картинами.

Перед домом Сената, незадолго до того переведенного из Москвы в Петербург, шествие

остановилось. Контр-адмирал Михайлов вошел в Сенат, где вице-царь принял от него рапорт и поздравил победителя шведов с чином вице-адмирала. Новый чин, в полной мере заслуженный, увеличил удовольствие, какое чувствовал Петр в этот торжественный день. Он хвалился им и во дворце, перед государыней, и за обедом у князя Меншикова, где бесчисленное множество гостей пировало до позднего вечера, осушая бокалы за здоровье нового вице-адмирала и за славную победу его.

Вот описание одного из петербургских праздников во времена Петра. Но бывали там праздники и другого рода. Высокий ум Петра, беспрестанно занятый важными и очень часто тягостными трудами государственными, имел нужду в развлечении. В такие минуты невольного стремления к забаве душевное расположение его так скоро переходило от важного к веселому, что окружавшие его не могли надивиться этому. Отсюда происходило множество забавных приключений и праздников, описания которых встречаются в истории часто на одной странице с рассказом о важнейших происшествиях. Так, в октябре 1710 года, сочиняя законы для управления покоренной незадолго перед тем Аифляндией, Петр занимался свадьбой двух карликов, на которую привезено было из разных мест 72 человека им подобных; так, в 1714 году, когда завоевание Финляндии и осады городов ее, казалось, не должны бы оставить ни одной минуты свободной тому, кто лично присутствовал при каждом сражении,

необыкновенный государь находил время для составления плана другой забавной свадьбы, известной под именем *маскарадной*, где гости были одеты в разные костюмы и играли на разных инструментах, а сам жених—прежний наставник государя старик Никита Моисеевич Зотов—был в платье кардинала, потому что Петр кроме чина тайного советника дал ему еще звание *князя-папы*.

Добрый Зотов из любви к своему великому воспитаннику охотно исполнял все его желания и уже не один царь тешил двор какими-нибудь забавными сценами, где главной целью было представить в смешном виде грубые обычаи старины. Так изобретателен был гений Петра на средства образовать народ свой! Люди очень не любят быть смешными, многие даже скорее согласятся подвергнуть себя неприятности, нежели представиться смешными в глазах других. Петр хорошо знал человеческое сердце, и потому самые праздники его были одним из лучших средств для осмеяния пороков и странностей его подданных. Впоследствии, когда русские, насмотревшись на все, что старина имела смешного и неприличного, старались удаляться от нее, Петр приступил к образованию петербургского общества учреждением *ассамблей*.

Вижу, что читателям моим очень хочется знать, что значило в то время слово «ассамблея». Это французское «*assemblee*», т. е. некоторое число людей, собравшихся для своего увеселения или для дружеских

разговоров. Чувствуя пользу таких собраний для общества, начинающего образовываться, Петр приказал, чтобы они устраивались по очереди во всех знатнейших домах столицы. Вместе с этим приказанием изданы были и правила, какие надобно было соблюдать в ассамблеях. Читая эти правила, видишь чрезвычайную заботливость, с которой государь входил в малейшие подробности всего, что находил полезным для народа. Поверите ли вы, милые читатели, что он сам не только назначал, в котором часу должна была начаться и закончиться ассамблея, но даже и то, какими играми и танцами должно было заниматься общество, какие напитки и закуски должны были приготовить хозяева.

Такая попечительность Петра не могла не иметь чрезвычайного влияния на новую столицу во всех деталях ее существования: вместе с нравами, быстро улучшавшимися, улучшался и вид города — улицы Петербурга украшались с каждым годом новыми зданиями. Самые окрестности его недолго оставались пустынными и неустроенными, и в 1715 году царское семейство в летние дни уже переезжало из Царского Села в Стрельну, из Стрельны — в Петергоф. Все эти так называемые *мызы* государя уже существовали.

Последняя, как самая близкая к морю, была любимым местом Петра. Там строился уже и дворец, который вы и теперь можете видеть в том состоянии, в каком он был при знаменитом основателе своем: это тот самый прекрасный Монплеизр, из окошек которого

видна бесконечная даль моря. В Стрельне же и Царском Селе еще не было ничего похожего на нынешнее великолепие их; там любопытные, приезжавшие посмотреть на летнее жилище царское, видели только небольшие домики, где царица русская, достойная подражательница великого супруга своего в его благодетельном намерении учить подданных примером своим, любила заниматься домашним хозяйством. Она завела на мызах своих изготовление сыра, прежде неизвестное русским, и очень часто сама смотрела за огородом и даже за кухней. Видя все это, боярыни русские стали усерднее заниматься хозяйством, составляющим одну из главных обязанностей женщины. Вскоре у многих знатных вельмож начали строить мызы, на полях которых показались стада, не уступавшие в красоте царским, выписанным из Голландии. Попечительная государыня развела голландских коров даже в Архангельской губернии. Теперь они известны у нас под названием холмогорских.

Но живейшее участие наше во всем, что касается первых лет любезного нам Петербурга, увлекло нас далеко от происшествий все еще продолжавшейся Шведской войны и от несчастного героя ее Карла XII. Чтобы возвратиться к нему, надобно сказать, что после Прутского мира он жил еще около трех лет в Турции и, безрассудно оставляя королевство свое на волю судьбы, хлопотал только о том, чтобы турецкий султан снова начал войну с русскими. Между тем как расположение султана то подавало Карлу надежду на успех его

стараний, то снова отнимало ее, Швеция страдала и от внутренних беспорядков, и от соседей своих, так часто переносивших прежде оскорбления от гордого короля ее. Это вместе с решительным отказом султана от войны с Россией заставило упрямого короля опомниться и в конце

1714 года возвратиться в отечество. Шведы ожили: появление государя, которого они не называли иначе как героем, казалось, обещало им новые победы и возвращение всего потерянного в отсутствие его. Карл подтвердил надежды их: приказал набрать новых рекрутов и снова начал грозить войной всем государствам, окружавшим его. Но на этот раз они все были осторожнее, и герой Швеции увидел против себя сильный союз России, Дании, Ганновера, Голландии и Пруссии. Однако союзники, которые сначала так уважали Петра, что даже поручили ему начальствовать над общим флотом, скоро охладели в своем усердии: могущество Петра начинало пугать их не менее дерзости Карла, и потому, решив в совете напасть на южные провинции Швеции, они так долго медлили с отправлением войск, что осень 1716 года настала прежде, нежели все было готово к нападению. Петр заметил это хитрое поведение союзников, понял причину его и с негодованием отослал флот свой назад, в Ревель, а сам из Копенгагена, где потерял много времени в напрасном ожидании, отправился посетить еще раз свою старинную любимицу — Голландию. Там мог он узнать намерение союзников вернее

и подробнее, там приятно ему было увидеть старинных друзей и товарищей по работам своим.

Новое путешествие Петра

в чужие края и царевич

Алексей. 1717—1719 годы

С восторгом и благоговением встретили его в тех городах Голландии, где он за девятнадцать лет перед тем проводил время в изучении ремесел. Особенное удовольствие ожидало его в Саандаме: там радость жителей при виде дорогого гостя была неопишима. Несмотря на перемену в наружности знаменитого путешественника, явившегося к прежним знакомцам своим уже не в одежде матроса, несмотря на славу, окружавшую героя Полтавского, все не только узнавали в нем прежнего Питера Бааса, но, увлеченные своей радостью и ласковым обращением его, казалось,

забывали обо всех других его достоинствах и видели в нем только Питера Бааса.

Саандамские жители не один раз угощали у себя Петра и даже Екатерину, которая, не любя разлучаться с супругом, была с ним и в этом путешествии. Долго добрые саандамцы не могли забыть восхитительных часов, проведенных ими со знаменитыми посетителями, долго рассказывали потом и детям своим, как величествен был вид русского царя, несмотря на самую простую одежду*, как прелестна была супруга его в великолепном наряде царицы северной: Петр, всегда носивший самое простое платье, любил видеть свою милую Катеньку** пышно одетой, а в день именин ее и сам любил одеваться пышно, особенно с того времени, как в 1714 году он учредил женский орден Святой Великомученицы Екатерины в память смелой решительности царицы во время несчастья русских на реке Прут.

** Петр I носил в это время в Голландии простой кафтан из серого сукна, кортик на широкой кожаной портупее, короткий черный парик и простую поярковую шляпу.*

*** Так он всегда называл Екатерину.*

Объездив с прекрасной подружкой своей почти все города Голландии, Петр в конце марта 1717 года оставил ее в Гааге, а сам отправился во Францию.

Надобно сказать вам, друзья мои, что занятия и образ жизни Петра в этом втором путешествии его в чужие края были совсем другие, нежели в первом: тогда он, не любя показываться толпе любопытных, проводил почти все время в ученье; теперь, все так же ненавидя торжественные встречи и всякого рода пышность и блеск, он уже не бегал нигде от народа, желавшего видеть его, и занимался более не произведениями ремесленников, как прежде, а произведениями изящных искусств. Он ездил во всякое место, где было что-нибудь редкое и любопытное, и если можно было купить эту редкость, то деньги царские сыпались щедрой рукой и покупка отправлялась в Петербург. Так купил он кабинет редкостей знаменитого профессора Рюйша за 40 тысяч гульденов, натуральный кабинет аптекаря Себы— за 15 тысяч гульденов и за 5 тысяч рейхсталеров выкупил заложенный ростовщикам людоский мюнц-кабинет. Вместе с этими редкостями отправлено было в Петербург множество картин, купленных в Голландии, где Петр часто проводил целые часы перед чудесными произведениями кисти Рубенса, Ван Дейка, Рембрандта и Сило. Особенно любил он картины последнего, представлявшие виды и берегов и кораблей.

Эти картины вскоре составили украшение дворцов государевых— Петергофского и Летнего петербургского, который с его драгоценными воспоминаниями о Петре вы найдете и теперь в Летнем саду нашем.

В Париже, где так много любопытного, Петр с восхищением провел более шести недель. Каждый день видел он там что-нибудь новое, каждый день и парижане смотрели с новым удовольствием на государя необыкновенного, слава которого была так блистательна и велика. Уважение и радушие встречали его на каждом шагу; для жилища его назначен был один из лучших дворцов королевских — Лувр; на другой день после приезда посетил его регент, управлявший королевством во время малолетства короля Людовика XV, и сам этот маленький король; двор, родственники государя и знатнейшие вельможи попеременно давали для него пиры и праздники; знаменитые академии парижские избрали его в члены свои; на монетном дворе в короткое время его присутствия там выбита была золотая медаль, на которой с одной стороны представлен был Петр, увенчанный лаврами, а на другой — летящая Слава и восходящее солнце с надписью: «Crescit eundo», т. е.: «Возрастает в пути». Одним словом, парижане делали все, чем можно было показать, как высоко ценили они и как глубоко уважали великого посетителя их. И Петр расстался с ними, чувствуя в душе живейшую благодарность за этот радушный прием. В это самое время получены были из России очень дурные вести, принудившие царя поспешить с возвращением в отечество. Они касались того, чье имя уже несколько лет печалило сердце Петра: они касались царевича Алексея Петровича. Но, чтобы сделать их более понятными для вас, милые дети, надобно прежде рассказать о происшествиях,

случившихся между царем и сыном его прежде этого времени.

Мы говорили уже о том, каков был царевич до двенадцатилетнего возраста и как мало было надежды на его исправление. Последствия оправдали печальные опасения государя: наследник вырос на горечь родительского сердца! Но оно все еще надеялось, оно все еще мечтало, что непокорная, наполненная самыми вредными предрассудками душа царевича еще может исправиться, он еще будет добродетельным, еще полюбит просвещение. И каких только средств не употреблял несчастный отец для этой цели! И занятия по службе, и важные поручения по разным частям государственного управления, и путешествия по Европе — все попеременно предлагалось царевичу, чтобы отвлечь его от грубых забав, составлявших его единственное времяпрепровождение. Не смея противиться приказаниям отца и государя, он исполнял их, но неохотно, с пренебрежением, думая только о том, как бы поскорее отделаться от поручения и потом донести своей матери, что он все тот же преданный ей сын, все тот же ненавистник нововведений, все тот же защитник древних обычаев, как был и будет всегда.

Проницательный Петр не мог не замечать этой непреклонности сына и решил наконец употребить для исправления его последнее средство, обещавшее больше успехов, чем какое-нибудь другое. Царевич во время путешествий своих по Европе видел при дворе

саксонском родственницу короля польского Августа II принцессу вольфенбюттельскую Шарлотту-Христину-Софию. Скромность и красота ее произвели нежданное никем впечатление на сердце Алексея. Никто не обрадовался этому так, как великий родитель его. Мысль, что принцесса сделает над порочным сердцем сына его такое же чудо, какое некогда сделала кроткая Анастасия над сердцем Грозного, восхищала Петра такой приятной надеждой, что он очень скоро принял за сватовство и, получив согласие невесты и ее родителей, радовался почти более самого жениха. Свадьба совершилась в октябре 1711 года, но надежды отца не сбылись: молодая принцесса только на короткое время имела некоторую власть над сердцем супруга своего. Кроткие советы и наставления ее скоро наскучили ему, слезы, проливаемые ею, сердили, а выговоры и упреки, которые царь делал ему за горесть несчастной, выводили его из терпения и заставляли ненавидеть ангела, пожертвовавшего для него родителями, отечеством и всем счастьем, которым она наслаждалась там. Бедная страдальца не могла долго переносить грустную жизнь свою и в октябре 1715 года скончалась в Петербурге, оставив недостойному супругу двоих детей—царевича Петра и царевну Наталию.

После смерти нежно любимой невестки, невинной жертвы жестокого сына, Петр совершенно потерял надежду на его исправление и, с каждым днем более и более огорчаемый его поведением, решительно приказал ему в 1716 году или переменить свой нрав

и быть достойным наследником короны русской, или вступить в монашество. На размышление об этом государь и отец дал непокорному сыну своему полгода. Полгода истекло—ответа не было. Царь находился в это время с флотом своим на Балтийском море и через некоторое время повторил свое предложение царевичу. Он отвечал, что избирает для себя монашество, а корону предоставляет меньшому брату своему—царевичу Петру Петровичу, двухлетнему сыну Екатерины.

Еще в печальных глазах царя блистали слезы, от которых он не мог удержаться при чтении этого письма, как ему подали другой пакет: это было донесение генерал-губернатора петербургского князя Меншикова о том, что царевич с несколькими из своих приближенных уехал из столицы тайно, неизвестно куда. Долго не знали, где он скрывался, наконец в Париже получил Петр известие, что царевич приехал в Вену просить покровительства римского императора и его помощи, чтобы отнять престол у родителя. Можно представить себе, что почувствовало благородное сердце царя, когда он узнал эту новость! Какая горечь и какое негодование разлились в нем при мысли, что родной сын его не только желает уничтожить все созданное им, но еще вооружает против него чужие царства! Слыша о таких замыслах, можно было думать, что многие участвуют в них, что заговор велик и требует скорого расследования: вот причины, заставившие царя и супругу его поспешить с возвращением в отечество. Между тем гвардейский

капитан Румянцев и тайный советник Толстой посланы были в Вену за царевичем. Услышав об этом через своих сообщников, Алексей Петрович бежал из Австрии в Неаполь, но здесь Румянцев и Толстой нашли его, и он принужден был возвратиться к разгневанному родителю.

Чувствуя, что для спокойствия и счастья России нельзя оставить без последствий поступок царевича, Пётр старался заглушить в родительском сердце своем все нежные чувства: ему надобно было решиться на важное дело, надобно было предать суду хотя недостойного, но все еще любимого сына! Петр решился на это, и Алексей Петрович, как преступник против отца, государя и отечества, предан был суду гражданскому и духовному. Первый состоял из министров, сенаторов, старших генералов военных и знатнейшего дворянства; в последнем были архиепископы, епископы и архимандриты, всех же вообще — 144 человека. Читатели могут судить о справедливости и беспристрастии этого суда по тому высокому правосудию, в котором пример показывал ему великий государь, жертвуя собственным сыном. Мог ли кто-нибудь из членов думать об угождении царевичу, если царь приказал забыть это священное для подданных имя и судить его как обыкновенного преступника? Итак, со всей строгостью рассмотрены были поступки несчастного князя и открыто множество сообщников его. Первыми из них были мать его, уже сбросившая одежду монахини, и тетка, царевна Мария Алексеевна, а с ними все приверженцы прежнего

порядка, все защитники старины и ненавистники новых обычаев. Главной целью заговора было возведение на престол царевича и потом уничтожение всего, что было начато, сделано и усовершенствовано великим родителем его. Узнав это, члены суда ужаснулись мысли о том положении, в какое могла попасть Россия при удачном исполнении этих замыслов, и благодарили Бога за разрушение их. И бывшая царица, и царевна Мария были преданы суду. Первую, просившую помилования у супруга, сослали в Новоладожский монастырь, вторую заключили в Шлиссельбургскую крепость. Главные сообщники, склонившие их и царевича к заговору, — ростовский епископ Досифей, генерал-майор Глебов и служившие при Алексее Петровиче Кикин и Вяземский — были казнены.

После этой казни приступили к осуждению важнейшего преступника, того, кто был виновен перед лицом государя не только как подданный, но и как сын. По всем законам церковным — очень строгим в этом отношении — и гражданским, которые с величайшей точностью согласовались со Священным Писанием, виновный царевич достоин был смерти. Духовные судьи предоставляли решение на волю царя: исчислив примеры и строгого правосудия из Ветхого Завета, и милосердия и прощения — из Нового, они заключили решение свое следующими словами: «Сердце царево в руке Божией: да изберет то, к чему рука Божия его преклоняет». Но гражданские судьи, боявшиеся малейшего отступления от своей должности и справедливости, произнесли ужасный приговор. Вот

точные слова его: «Царевич Алексей за вышеобъявленные все вины свои и преступления главные против государя и отца своего, яко сын и подданный его величества, достоин смерти».

Это решение прочтено было царевичу в Сенате перед всеми членами и судьями его и произвело такое сильное действие на несчастного, не имевшего от природы и малейшей части той героической твердости, какая отличала его родителя, что почти в ту же минуту он упал в продолжительный обморок и все старания искусных докторов едва могли привести его в чувство, и то ненадолго. Томительный суд, продолжавшийся пять месяцев, и мучительное ожидание решения, вероятно, истощили силы виновного; опомнившись от сильного обморока, он жил только несколько часов и скончался в тот же день, получив прощение и благословение родителя своего, позабывшего в ужасную минуту этой кончины все преступления виновного сына. Это было 26 июня 1718 года. Три дня тело умершего выставлено было для народа в Троицкой церкви и 30-го числа погребено в Петропавловском соборе.

Так горестный государь лишился старшего сына своего, жестоко обманувшего приятные ожидания и надежды отеческого сердца. Утешением его и объявленным наследником престола остался теперь маленький царевич Петр Петрович.

Мир со Швецией и Петр-

император. 1719—1722 годы

Недолго это утешение радовало сердце Петра: 25 апреля 1719 года царевич скончался. Этот неожиданный удар сильно поразил государя, потерявшего последнюю надежду передать судьбу народа своего *родному* наследнику. Кто может более сына любить память отца и уважать все сделанное им? Петру нужен был такой наследник для царства, почти вновь сотворенного, нужно было сердце, воспитанное им самим, нужен был ум, образованный его гением. И все это видел он во гробе! Но много было твердости в этой героической и в то же время благочестивой душе! Отдав милого младенца небесному отцу его, Петр вместе с ним предал Богу и будущую судьбу России. Усердная молитва успокоила страдания государя до того, что он уже без убийственного уныния мог видеть все приготовления к выносу тела царевича из дворца, мог даже сам проводить его до места погребения в Невском монастыре. Душевные силы его были еще удивительнее: в эти горестные дни он мог,

по обыкновению, заниматься делами государственными. Правда, в то время они были очень важны и требовали особенного внимания царя: Швеция лишилась своего короля-героя, и новые опасности угрожали России.

Вы удивляетесь, друзья мои, что смерть Карла XII, вместо того чтобы успокоить отечество наше, готовила ему новые беды? Да, к несчастью, это было так! В последнее время жизни своей Карл имел очень умного министра Герца, который, понимая всю пользу, могущую произойти от дружеских отношений между двумя такими великими государями, какими были Петр I и Карл XII, старался помирить их, и старания его шли очень успешно, тем более что Петр недоволен был союзниками своими. Вы помните, как долго собирались они посылать на помощь к нему войска свои? Впоследствии они не только не поправили своей медленности, но нерасположение их к царю русскому так усилилось, что для него гораздо выгоднее было мириться с давнишним врагом, искавшим этого примирения, нежели помогать против него новым неприятелям своим. И вот в то время, когда надежда на мир уже казалась очень основательной, Карл XII неожиданно был убит при осаде норвежского городка Фридрихсгалля, и смерть его уничтожила все, что с большим трудом устраивал Герц.

Престол Карла достался младшей сестре его Ульрике-Элеоноре, супруге принца гессенского, хотя племянник ее Фридерик, герцог голштинский, имел гораздо более

прав на это наследство. Петр знал молодого обиженного герцога и покровительствовал ему. Этого уже довольно было, чтобы встревожить новую королеву, которую и без того старались поссорить с русскими прежние союзники их — австрийцы, датчане, ганноверцы и даже англичане. Но что было с Ульрикой-Элеонорой, когда она услышала, что герцог голштинский предложил руку свою дочери Петра царевне Анне и Петр с удовольствием принял предложение! Страх, что царь захочет доставить будущему зятю своему принадлежащий ему по закону престол, заставил шведскую королеву как можно скорее соединиться с неприятелями России, и вот вместо ожидаемого мира к русским прилетела весть о новой войне, еще страшнее прежней, потому что союзниками шведов были уже теперь и англичане со своим сильным, всегда славившимся флотом.

Петр не только со своей обыкновенной твердостью услышал эту новость, но даже сказал следующие слова: «Я два раза предлагал мир брату моему Карлу: сперва по нужде, а потом из великодушия; теперь же исторгну его у шведов силою!» И это было исполнено: Петр в самом деле силой заставил упрямых шведов помириться, и вот каким образом. Имея в числе кораблей и судов своего флота очень много галер*, царь составил из них особый флот, отдельный от корабельного, и отправил его в Балтийское море с повелением опустошать берега Швеции огнем и оружием. Генералы князь Голицын и Ласи, бригадир Менгден, начальники разных отделений нового флота,

исполнили повеление государя — и запылавшие города и селения на берегах Швеции сильнее всяких слов доказали королеве необходимость мира с русскими. Она и супруг ее, уже объявленный королем Швеции, предложили наконец сами этот мир и прежде всего умоляли Петра об удалении страшных галер его от разоренных берегов Швеции. С искренней радостью царь исполнил их желание и тотчас же отправил барона Остермана, тайного советника, в финляндский городок Ништадт, избранный местом мирных переговоров. Но и тут шведы, надеясь на помощь англичан, приславших к ним более 28 кораблей, долго медлили и не соглашались на все условия, предложенные Петром. Тогда он, потеряв терпение, приказал галерному флоту снова выступить в поход. Шведские селения и леса по берегам Ботнического залива загорелись до городов Вазы и Умео. Вместе со страшным пожаром наконец потухла продолжительная ойна шведов с русскими: король и королева согласились на все предложения царя и знаменитый для России Ништадтский мир был заключен 30 августа 1721 года.

- *Галера — плоскодонное судно, которое по легкости своей может подходить очень близко к берегам.*
-

Выгоды этого мира были бесчисленны. Утвердив в вечном владении отечества нашего области Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию, Карелию

и часть Финляндии с городами Кексгольмом и Выборгом, они осуществили великий план Петра: соединили народ его с европейцами и тем в полной мере вознаградили все труды и опасности, каким подвергался царь в продолжение этой более чем двадцатилетней войны.

Зато как радовался он этому счастливому окончанию!

Как весело праздновал полученное известие о мире! С каким торжеством объявил о нем народу! Это важное объявление сделано было 4 сентября, в день получения известия. Двенадцать драгун и с ними два трубача, одетые в зеленые мундиры с белыми тафтяными перевязями через плечо и со знаменами, украшенными лаврами, ездили по городу и почти на каждой улице повторяли свою торжественную новость.

Но это было еще только объявление о мире, настоящее же торжество не могло быть отпраздновано так скоро: приготовления к нему заняли много времени. К тому же Россия готовилась праздновать не одно это торжество, но вместе с ним и другое, не менее важное.

Уже давно среди подданных Петра уменьшилось число недовольных им и новым порядком, вводимым им в образование; уже давно большая и лучшая часть из них поняла, что все перемены делаются для счастья их. Заключенный мир, так блистательно исполнивший намерения государя, придавал новую живость благодарным чувствам подданных его, тем более что незадолго перед тем Петр еще раз доказал свою отеческую заботу о счастье народа: для лучшего

производства дел он учредил вместо приказов, о которых, верно, помнят читатели мои, Государственные коллегии.

В прежних приказах решение зависело от воли одного судьи, а в коллегиях — от нескольких, и начальник каждой, называвшийся президентом или председателем, не мог ничего сделать без согласия других членов коллегии.

Учрежденных коллегий было девять. Коллегия иностранных дел заступила место Посольского приказа. Камер-коллегия занималась государственными доходами. Юстиц-коллегия наблюдала за судопроизводством. Вотчинная коллегия заменяла Поместный приказ. Государственные счета проверялись Ревизион-коллегией. Всеми делами, которые касались флота, управляла Адмиралтейств-коллегия; всеми военными делами — Военная коллегия; всеми торговыми, а также всеми каналами, дорогами и таможнями — Коммерц-коллегия. В ведении Берг- и Мануфактур-коллегии были все горные заводы, все фабрики и мануфактуры. Петр не забыл и того, что главное основание правосудия составляют законы, и потому для усовершенствования изданных прежними государями и для рассуждения о новых, сделавшихся необходимыми по новому образованию царства, он учредил из членов коллегий Комиссию составления нового уложения.

Занимаясь столь важными учреждениями, царь находил время думать о другом великом намерении.

Оно касалось духовенства нашего. Давно уже он находил излишней власть патриархов, почти равнявшуюся царской. Зная из истории несколько примеров тех беспорядков, какие могут произойти в таком случае, Петр решился уничтожить это важное достоинство и для того не назначил нового патриарха на место последнего, Адриана, умершего в 1700 году. Чтобы приучить подданных своих к этой новости, Петр объявил сначала, что, не имея времени по случаю войны со шведами заняться избранием нового патриарха, он откладывает это избрание и поручает управлять всеми духовными делами рязанскому митрополиту Стефану Яворскому. Во все время войны государь продолжал откладывать, и наконец в январе 1721 года, когда уже все привыкли к возможности жить без патриарха, объявил, что его более не будет в России и все духовные дела поручаются священному собору, названному святейшим правительствующим Синодом.

Образование этого верховного духовного судилища было такое же, как и Сената. Правила его и вообще все, что касалось жизни и состояния духовенства, сочинены были одним из знаменитейших ученых того времени, любимцем Петра — архиепископом псковским Феофаном Прокоповичем.

Народ, уже доверявший всему, что делал государь, без ропота принял новое учреждение и в скором времени почувствовал пользу его.

Все эти дела, которые Петр обдумывал и очень часто даже исполнял среди трудностей войны или жестоких

огорчений душевных, убедительно доказывали необыкновенное величие его. Глубоко чувствуя это, русские желали показать перед целым светом справедливую благодарность свою государю. С таким намерением все члены Синода и Сената собрались вместе за два дня до назначенного торжества мира и, определив назвать Петра *Императором*, *Отцом Отечества* и *Великим*, письменно просили его о принятии этих названий через князя Меншикова.

О, с каким нетерпением ожидали жители столицы этого радостного дня! Он был 22 октября 1721 года. С самого утра засуетился народ по улицам Петербурга, еще никогда не видавшего такого праздника. Все толпились около Троицкого собора. Туда ожидали к обедне государя со всем двором. Двадцать девять полков с пушками, трубами и литаврами уже стояли там в стройном порядке. Горделиво и весело посматривали вокруг храбрые воины, радостно и почтительно здоровались с ними толпы любопытных, со всех сторон окружавшие их. Раздался благовест к обедне. Все — и воины, и граждане — перекрестились и обратили взоры к той стороне, откуда должен был ехать царь. Вскоре увидели его вместе с царицей и всем семейством. Те же радостные приветствия встретили и проводили Петра до самого входа в церковь. Там после обедни прочитан был славный для русских трактат Ништадтского мира, и потом архиепископ Феофан Прокопович произнес речь, в которой, представив кратко все великие дела царя, назвал его достойным имени *Отца Отечества*, *Императора* и

Великого. Канцлер, граф Головкин, повторил от всех чинов государственных такое же приветствие и кончил восклицанием: «Виват! Виват! Виват, Петр Великий, Отец Отечества, Император Всероссийский!»

Три раза повторено было это восклицание всеми находившимися в церкви и всем народом и войском, окружавшими ее. В это же самое время раздались колокольный звон, звуки труб и литавр, пушечные и ружейные выстрелы. Так совершилось торжественное принятие Петром благодарных чувств народа его. Новый император, не менее благодарный своим товарищам по победам, в тот же день спешил наградить каждого по заслугам его. Князь Меншиков, Сивере и Гордон пожалованы были в вице-адмиралы, вице-адмирал Крюйс — в адмиралы, а граф Брюс и барон Остерман за искусство и успех, с которыми вели они переговоры в Ништадте, были награждены деревнями и деньгами.

Праздники продолжались три дня, и каждый вечер были иллюминированы корабли и дома петербургские, каждый вечер горел прекрасный фейерверк. Вы, верно, догадаетесь, милые дети, что не забыт был и простой народ, столь любимый Петром: для него были выставлены жареные быки и разного рода птица, а также хлебы, калачи и сайки, из двух фонтанов било красное и белое вино, не говоря уже о целых бочках меду и пива, которые веселые гости царя скоро опоражничивали за славный мир и счастье России.

Последние походы и дела

Петра I. 1722—1725 годы

Итак, на Балтийском море уже не раздавались более военные громы, и для торговли русских открылся свободный путь во все государства Европы. Но Петр, довольный великим делом своим, еще не считал его совсем оконченным. Не одно Балтийское море представляло торговые выгоды для подданных его: с другой стороны подле них было море Каспийское, а по берегам его—прекрасные страны Персии, за Персией же—Индия со всеми своими богатствами. Давно уже русские торговали с персиянами, и Петр всеми силами старался поддерживать эти дружеские сношения между обоими народами. Но с 1710 года дела в Персии пошли очень худо: государь ее шах Гуссейн был очень слаб, и, надеясь на эту слабость, многие из подданных его забыли свою покорность. Особенно один из них, Миравис, предводитель поколения афганцев, живших около гор Кавказских, дошел до такой дерзости, что объявил себя независимым и вместе со своими приверженцами и другими

мятежными ордами, подданными Персии, начал опустошать области, лежавшие около Кавказа, побил 300 русских, живших там по делам торговым, и нанес купечеству русскому до 4 миллионов убытку. Такое жестокое оскорбление заставило Петра вступить за своих подданных и требовать от шаха удовлетворения, но несчастный Гуссейн был в таком положении, что желал бы сам просить помощи у русского государя, чтобы управиться с бунтовщиками. Пока продолжалась Шведская война, Россия не могла оказать ему эту помощь, но после славного мира императору с его войском, так привыкшим к победам, уже можно было думать о наказании убийц и грабителей его подданных.

В июне 1722 года неутомимый государь был уже в Астрахани, а в июле отправился в поход со своей более чем 60-тысячной армией. Пехота плыла по Каспийскому морю на 274 судах, кавалерия шла сухим путем через степи. Над последней начальствовал генерал-майор Кропотов, над всем флотом — генерал-адмирал граф Апраксин.

Успех встретил императора на первых шагах этого похода: еще не доходя до персидских земель, он получил известие, что владетель Дагестанской области Абдул-Гирей добровольно покоряется его власти. Главный и важный город этой области был Тарки. Вы найдете его и теперь, милые читатели, в числе наших приморских каспийских городов под именем Тарху. Вскоре и начальник города Дербента

просил покровительства русских, которые, вступив на берег Азии, так удивляли ее необразованных жителей своим воинственным видом и страшным оружием, что Петру легко было бы распространить свои завоевания далеко по берегу Каспийского моря, если бы войско его с переменой холодного климата своего отечества на жаркий воздух стран кавказских не начало чувствовать болезней, которые с наступлением осени еще более усилились. Сам государь почувствовал себя нездоровым. Итак, поход был окончен, и в начале ноября Петр уже возвратился в Астрахань, оставив в завоеванных местах столько войска, сколько нужно было для удержания в покорности новых подданных.

Число этих подданных вскоре увеличилось: воины русские, оставшиеся на берегах Каспийского моря, завоевали еще один из городов, там лежащих, — Баку, а персидский шах, умоляя императора о помощи против непокорных подданных своих, уступал России, кроме завоеванных земель, еще три области — Гилян, Мазандеран и Астрабад. С этими предложениями и с просьбой о заключении мира приехал от негр посланник Измаил-Бек. Петр принял его с большой честью и приказал везти в Петербург водой в богатой яхте, украшенной со всеми прихотями азиатского вкуса. Измаил-Бек сел на нее у Невского монастыря. За ним в нескольких судах поехала свита его, впереди вся Нева покрыта была ботами, лодками и разного рода судами Невского флота*, на берегах раздавались пушечная пальба и барабанный бой.

-
- *Невским флотом назывались суда, принадлежавшие жителям столицы, которые все обязаны были на случай наводнения иметь лодки и уметь хорошо управлять ими. Для этого по приказанию императора они два раза в неделю выезжали на Неву и под начальством адмирала этого флота проводили разного рода учения. Петр, страстно любивший море и мореплавание, хотел передать эту любовь и своим подданным.*
-

На другой день этого торжественного въезда, 11 августа 1723 года, был у царя еще больший праздник.

За несколько недель перед тем он выводил для маневров в Балтийское море весь флот свой, состоявший уже тогда из 100 галер, 22 кораблей и 14 фрегатов. Маневры такой грозной силы испугали прибрежные государства, особенно давнишних неприятелей России — шведов, а Петру того и хотелось, потому что в это время были у него переговоры со шведами о справедливом требовании герцогом голштинским шведского престола. Любя этого принца — будущего зятя своего — как сына, император желал, чтобы шведы не забыли о правах его, и они, уважая посредничество Петра, исполнили все, чего желал он: дали 25 тысяч талеров в год на содержание герцога и, кроме того, обещали иметь его в виду при избрании наследника шведского престола.

Довольный своим успехом, Петр с восхищением смотрел на то, что доставило ему и этот успех, и уважение шведов, — на знаменитый и многочисленный флот свой. Любуясь грозными великанами, так гордо разъезжавшими под белыми парусами по волнам Балтийского моря и Финского залива, император вспомнил с живейшей благодарностью о маленьком ботике, который подал ему первую мысль об основании морских сил России, и, достойно величая его *дедушкой русского флота*, приказал привезти его из Москвы в Кронштадт. Желание государя было исполнено, и на 11 августа назначен праздник в честь знаменитого *дедушки*. И каким же был этот праздник! В своем роде он был так же необыкновенен, как все необыкновенные дела этого удивительного государя. Рано утром весь флот вышел в море под начальством трех адмиралов — графа Апраксина, Крюйса и Михайлова. Со всех судов палили из пушек и спускали флаги в честь маленького виновника праздника. Наконец, несколько главных морских генералов взошли на него. Сивере, Гордон, Синявин и Сандерс принялись исправлять должность гребцов, князь Меншиков — боцмана, а адмирал Михайлов стал на руль за квартирмейстера. Так величественно знаменитый ботик обошел кругом всего флота. Звуки труб и барабанов и громкое «ура» окружали его со всех сторон и проводили потом в самую гавань, куда поплыли за ним и все корабли и фрегаты. За пышным обедом, который давался в тот день в Кронштадте и на котором присутствовала вся

императорская фамилия, Петр пил за здоровье ботика, говоря: «Да здравствует маленький дед таких больших и славных внуков!»

Верно, и вам, друзья мои, хотелось бы видеть этого маленького *дедушку*? Желание ваше легко может быть исполнено: в Петропавловской крепости сохраняется этот драгоценный любимец незабвенного Петра нашего! Несколько лет тому назад он снова удостоен был такой же чести: царствующий государь наш сделал для нег точно такой же праздник в июне 1836 года.

Торжество в честь ботика в 1723 году примечательно еще потому, что оно было как будто заключением морских походов Петра: после маневров, сделанных в пользу голштинского герцога, император уже не был на Балтийском море. Здоровье его с каждым годом делалось слабее, и могло ли быть иначе? Беспрестанные труды его, и умственные и телесные, были так велики, что кажутся теперь почти невероятными для нас, а он считал их делом самым обыкновенным и, не заботясь о здоровье своем, всегда готов был жертвовать им для последнего из подданных. К тому же в сердце его не было счастья, которое бы вознаграждало за эти труды, не было утешения, которое бы успокаивало мысли его о будущей судьбе России: не было наследника, которому Великий мог бы передать великое творение свое! Это причиняло ему такую горечь, которая усиливала все болезненные припадки. Среди этих грустных размышлений взоры его всегда с утешением останавливались на кроткой и прекрасной

подруге его славной жизни, которая так верно делила с ним все труды и опасности. Полагая, что она все еще не довольно вознаграждена за благодеяние, сделанное ею для России, он желал окружить ее всем блеском царственной власти и торжественно короновать государыню, которая хотя давно объявлена была царицей, но не была венчана на царство.

Соображаясь с желанием императора, все приготовления скоро были окончены, и 7 мая 1724 года Екатерина коронована была в московском Успенском соборе со всеми торжественными обрядами, какие соблюдаются при короновании государей наших. В этот день Петр учредил в честь и особенное охранение императрицы роту кавалергардов, состоявшую из самых великорослых солдат, выбранных из всего русского войска. Одежда их была чрезвычайно богата: на плечах и груди сияли золотые императорские гербы, на шляпах развевались перья; даже лошади их и все оружие блестели золотом и серебром. Чины в этой необыкновенной роте были также необыкновенные: например, *капитаном* в ней был генерал-поручик Ягужинский, *поручиком* — генерал-майор Дмитриев-Мамонов, *подпоручиком* — бригадир Леонтьев, а *прапорщиком* — полковник князь Мещерский. Император уже чувствовал себя очень слабым во время коронации супруги своей, однако, несмотря на это, сам с великолепной церемонией ввел ее в церковь и потом на трон, сам возложил на нее корону и мантию, наконец сам подводил ее к алтарю для миропомазания и причащения Святых Тайн. Зато вскоре после

окончания обряда он сильнее почувствовал слабость свою и поспешил во дворец, прежде нежели возвратилась туда императрица. Торжественные обеды и праздники, продолжавшиеся потом целую неделю, не могли поправить здоровья государя, а еще более расстроили его, так что он должен был на некоторое время отложить важнейшие из занятий своих и лечиться минеральными водами. Он любил этот род лечения и несколько раз ездил для того к Олонецким минеральным водам, но они не могли истребить совершенно болезни его, потому что при малейшем облегчении он оставлял лечение и снова предавался трудам.

Так случилось и теперь: почувствовав себя несколько здоровее и веселее, неутомимый государь отправился в Петербург, а оттуда тотчас же в Петергоф — посмотреть, насколько ли продвинулись работы по сооружению фонтанов и бассейнов, потом в Кронштадт — взглянуть на свои корабли и фрегаты. Разъезды этим не кончились: возвратясь из Кронштадта, Петр поехал в Новую Ладугу, на берег реки Волхов. Там с 1719 года производились важные работы, но, чтобы понятно рассказать вам о них, друзья мои, надобно развернуть карту России.

Видите ли вы на ней, как Нева соединяет Финский залив с Ладожским озером, как потом это озеро соединяется рекою Волхов с озером Ильмень и как в это последнее озеро впадает река Мета? Стало быть, от самого начала Меты можно доехать водой

до Петербурга. Эта водная дорога важна не для путешественников, которые скорее могут приехать в Петербург сухим путем, а для тех больших судов и барок, которые привозят в северную столицу огромные запасы разных необходимых для жизни вещей. А надобно сказать правду, Петербург очень нуждается в них, будучи окружен землей вовсе неплодородной. Но попечительный основатель его видел, что и все места, лежащие по реке Мете, не отличаются богатством природы, зато это богатство начинается в нынешней Тверской губернии — родине Волги — и продолжается по всем странам, где течет эта величественная река, доходящая до самого Каспийского моря. Каким же образом соединить эти плодородные области с бесплодными местами, окружающими новую столицу? Разумеется, единственная возможность к тому — водное сообщение. Но река Мета, оканчиваясь около тех мест, где начинается Волга, не соединяется ни с нею, ни с небольшой рекой Тверцой, впадающей в Волгу. Итак, чтобы доехать водой от самой Астрахани до Петербурга, надобно соединить Тверцу и Мету — и Петр, заботящийся о выгодах народа своего, сделал это еще в первые годы существования Петербурга, а в 1719 году он принялся уже за другое дело в таком же роде.

Ладожское озеро, как величайшее из всех озер европейских, очень бурно и опасно для судов, плавающих по нему. Часто во время грозы люди и барки погибали в волнах его, и после таких несчастных случаев страшно было и другим пускаться по той же

дороге. Таким образом, Петербург мог часто терпеть недостаток в съестных припасах. Чтобы отвлечь это несчастье от любимого города своего, Петр придумал вот что: провести канал по берегу Ладожского озера от истока Невы до Волхова. Государь, бережливый до невероятности во всем, что касалось собственных его расходов, не пожалел чрезвычайных сумм, каких должно было стоить проведение этого канала, и с 1719 года 25 тысяч человек начали трудиться над ним. Сначала работы шли довольно медленно, но с 1723 года надзор за ними был поручен одному из любимцев императора — графу Миниху, который с таким успехом справлялся с порученным ему делом, что Петр, приехав в Новую Ладугу, мог уже плыть в лодке несколько верст по новому каналу. С восхищением он писал государыне: «Работа Минихова сделала меня здоровым. Я надеюсь со временем вместе с ним ехать водою из Петербурга и в Головином саду при реке Яузе, в Москве встать».

Но эта надежда не исполнилась, и удовольствие при виде успешных работ Миниха ненадолго подкрепило здоровье императора. Как будто предчувствуя приближавшуюся кончину, он спешил совершить великие намерения свои и в этом же 1724 году создал план основания в Петербурге Академии наук и приказал перенести мощи великого князя Александра Невского из Владимира на те места, где святой герой одержал победу, прославившую память его. Бог, всегда ниспосылавший успех намерениям Петра, ниспослал ему радость видеть исполнение этого желания: мощи Невского привезены были в новую

столицу 30 августа 1724 года, в то время когда государь еще был настолько здоров, что сам выехал навстречу на великолепной галере и участвовал в перенесении их на эту галеру, а потом в церковь Александро-Невского монастыря. Там они положены были им самим в богатую серебряную раку, и там до сих пор мы можем молиться гению-хранителю России и благоговейно вспоминать Великого государя—гения-просветителя ее.

Кончина Петра Великого.

1725 год

Святой князь, присутствие которого всегда было утешительно для русских в продолжение земной жизни его, казалось, и во гробе хотел утешить их: вскоре после перенесения мощей его Петр почувствовал такое облегчение в своей болезни, что с 13 сентября все уже имели самую основательную надежду на совершенное выздоровление Отца Отечества. Государю надобно было только некоторое время поберечь себя и не тотчас приниматься за обыкновенные занятия свои. Вместо

того Петр не только начал прогуливаться по Неве и с жаром принялся за дела государственные, но в начале октября, несмотря на все представления своего лейб-медика Блюментроста, отправился водой в Кронштадт, Шлиссельбург и на Олонецкие железные заводы, где собственными руками выковал тяжелую полосу железа, которая и теперь хранится в Кунсткамере.

Объездив все эти места, государь 27 октября возвратился в Петербург и, отдохнув один день, отправился опять водою в Систербек — местечко, лежащее в нескольких верстах отсюда. К вечеру того же дня довольно приятная осенняя погода сменилась сильной бурей, которая долго носила по волнам взморья императорскую яхту. Она уже приставала к берегу Лахты*, как вдруг все бывшие на нем примечают вдали какое-то судно, с которого раздаются жалобные крики о помощи. Этого уже было довольно, чтобы возбудить все живейшее участие, к какому было способно сострадательное сердце императора. Он забывает об опасности, которой сам за минуту до этого был подвержен, остается с несколькими из людей своих на яхте, а всех других отправляет на шлюпке на помощь к погибающим. Это были солдаты и матросы, ехавшие на большом боте из Кронштадта и занесенные бурей на мель. Усердно желали посланные исполнить волю государя, но все усилия их были напрасны: они не могли стащить бот с места. Увидев это, Петр забывает все, кроме святой обязанности человека помогать своему ближнему, забывает все различие, существующее между его жизнью и жизнью других

людей, забывает всю любовь к себе подданных, готовых с радостью умереть за него, всю неизмеримость потери, ожидавшей их со смертью его, и бросается с остальными матросами своей яхты спасать тонущих. Пример императора оживил новым мужеством сердца всех участников этого дела, и погибавшие были спасены, двадцать человек из них были обязаны этим спасением самому ему. Прекрасен был поступок Петра, но горестны, ужасны были последствия его! Пробыв более получаса в холодных волнах, он простудился, и эта простуда, соединясь с прежнею болезнью, прекратила дни императора в январе 1725 года. Напрасно старалась бы я представить вам, милые читатели мои, всю величину удара, поразившего Россию, и всю горечь, какую чувствовала она. Никакое перо, никакие выражения не могут дать об этом понятия! Ужасные слова: «Петр I скончался!», перелетая от одного человека к другому, казалось, лишали каждого возможности выразить общее страдание: все не говорили, но могли только неутешно плакать. Итак, предоставляя собственным сердцам вашим, друзья мои, пенять всю неизмеримость этой горести, я не буду говорить о ней, но расскажу вам печальные подробности его кончины. С начала января здоровье государя начало заметно разрушаться, однако 6-го числа, в праздник Крещения, он еще сам начальствовал войсками и после того несколько дней занимался, по обыкновению, делами. Наконец ужасные страдания остановили эту неутомимую деятельность, и с половины января император уже не мог вставать

с постели. Никакие советы врачей иностранных, с которыми переписывался Блюментрост, не помогали.

- *Селение, лежащее по дороге к Систербеку.*
-

Видя безнадежность своего положения, изображавшуюся на лицах всех окружавших его, чувствуя ее в нестерпимых мучениях, Петр имел еще мужество утешать нежную супругу, горесть которой доходила почти до отчаяния, имел еще мужество говорить ей и всем приближенным своим: «Из меня можете познать, какое слабое творение есть человек!»

Однако, несмотря на глубокую слабость, несмотря на то, что с 22 января духовник уже не отходил от постели государя, заметно было, что надежда еще не оставляла больного до самого 27-го числа, когда страдания и слабость его достигли высочайшей степени. В эти мучительные минуты, казалось, он почувствовал приближение смерти и спросил бумагу и перо, но умирающая рука уже отказывалась служить, и из всех слов, написанных государем, можно было разобрать только два: «Отдайте все...» Не имея возможности передать письменно последнюю волю свою, он, вероятно, желал сделать это словесно и для того послал за старшей дочерью своей Анной, но прежде нежели великая княжна успела подойти к постели умирающего, он уже не в состоянии был

говорить. Около пятнадцати часов потом еще жил Великий, но эту жизнь можно было назвать только признаками ее: иногда они приметны были в движениях руки, старавшейся сделать крестное знамение, иногда в том внимании, с которым слушал он читаемые духовником молитвы. Наконец утром 28 января, назначенным Богом быть последним земным утром Петра, благочестивый государь во второй раз причастился Святых Тайн и в первой четверти 6-го часа бессмертная душа его отлетела на небо принять награду за неисчислимое добро, сотворенное ею на земле.

В первые минуты казалось, что эта божественная душа унесла с собой твердость и силы русских. Начиная от императрицы и дочерей ее, вынесенных без чувств из комнат государя, до последнего человека, служившего во дворце, — все предавалось отчаянию, все громко рыдало. И эти рыдания раздались не в одном дворце, а в каждом доме Петербурга, в каждом городе, в каждом селении обширной России. Жители Петербурга были счастливее других тем, что могли, по крайней мере, более месяца видеть драгоценные останки обожаемого государя и не один раз проститься с ними: день погребения был 8 марта, а до тех пор всем позволено было приходить к телу, которое стояло все это время в зале дворцовой и потом со всем императорским великолепием перенесено было в Петропавловский собор.

Здесь перед самым погребением Россия сказала последнее прости своему великому благодетелю

в красноречивой речи архиепископа Феофана Прокоповича. Трогательные слова проповедника и слезы всех слушателей, сливаясь с громким плачем войска и народа, окружавших церковь, выразительно доказывали общую горесть. Она утихала несколько только тогда, когда супруга Петра являлась взорам огорченных и как утешительный ангел обещала осиротевшим подданным ту же любовь и те же попечения, какими исполнено было сердце навеки почившего отца их.

Таблица XLVI

Семейство императора Петра I

Супруги:

1. Евдокия Феодоровна Лопухина

От нее сын: Алексей, скончавшийся в 1718 году

2. Екатерина Алексеевна из рода Скавронских, наследовавшая престол

От нее дети:

1. Петр

2. Павел

3. Петр — скончавшиеся в детстве

4. Анна, была в супружестве за герцогом голштинским Фридериком

5. Елизавета, ставшая впоследствии императрицей всероссийской

Книга публиковалась частями в 1837—1840 гг. в СПб.

Оригинал

здесь:

http://dugward.ru/library/ishimova/ishimova_istoriya1.html

Об этом электронном издании

Эта книга из [Викитеки](#)^[1] — цифровой библиотеки, созданной добровольцами и включающей издания всех типов: прозы, стихов, журналов, писем...

Книги библиотеки доступны бесплатно. В библиотеку включаются издания, находящиеся в народном достоянии, а также опубликованные со свободной лицензией. Вы вправе использовать эту электронную книгу в любых целях (включая коммерческую) при условии соблюдения лицензии [CC BY-SA 3.0](#)^[2] или [GNU FDL](#)^[3] на ваш выбор.

Викитека приветствует новых участников. При создании этой книги мы могли сделать ошибки. Вы можете сообщить о них на [этой странице](#)^[4].

Следующие участники внесли вклад в редакцию этой книги:

-
1. [↑](http://wikisource.org) <http://wikisource.org>
 2. [↑](http://www.creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0) <http://www.creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0>
 3. [↑](http://www.gnu.org/copyleft/fdl.html) <http://www.gnu.org/copyleft/fdl.html>
 4. [↑](https://ru.wikisource.org/wiki/Викитека:Форум) <https://ru.wikisource.org/wiki/Викитека:Форум>